



НЕВА

1
2018

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Наталья МИХАЙЛОВА

Жжет. Стихи • 3

Лев НАУМОВ

Иллюзии. Телега. Ресторан. Рассказы • 7

Билан ДЗУГАЕВ

Фикция. Рассказ. На берегу. Повесть • 22

Иван КАТКОВ

Дачный сезон. Повесть • 42

Николай ВАСИЛЬЕВ

Стихи • 58

Владислав КОРНЕЙЧУК

Горькости детства. Поисковый запрос
«Жемчужина». Рассказы • 62

Павел КУРМИЛЕВ

Одна фантазия. Рассказ • 102

ПУБЛИЦИСТИКА

Олег ЕРМАКОВ

Берег мертвых — берег живых • 110

Александр РЫБИН

Ниневийские христиане • 121

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Дмитрий КАПУСТИН

Антон Чехов: первый выезд в Европу
(по свидетельствам собственным и друзей) • 158

Константин ФРУМКИН

Сюжет и фантазм: как был устроен
советский научно-фантастический рассказ • 168

12+

МОЛОДЫЕ. О МОЛОДЫХ

ВСЕЛЕННАЯ ДЕТСТВА

Вера ХАРЧЕНКО

Рассказы о словах, или...? • 178

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Искусство чтения. Олег Алифанов. Еще о загадках «Пиковой дамы». **Новое впечатление.** Наталья Усанова. Непарадные портреты. Мария Скрыгина. Метки поколения. **Рецензии. Лица и голоса глобального мира.** Вступительное слово Игоря Сухих. Анастасия Рудавина. У войны нет национальности. Анастасия Сопикова. Гордиевы узлы. Эмилия Васильева. «Голомяное пламя»: карельский уголок в русской литературе. Максим Вольхин. В диком краю Подлесья. Анастасия Перникова. К югу от мифа. Анна Лунина. «Распилыш» из Сибири, или История Жени Барковца. Анна Рязанова. Знаменосцы глобализации. **Книжный остров.** Публикация Елены Зиновьевой

• 187

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Палестинские обитатели и Россия.

Часть 3 • 231

Издание журнала осуществляется при финансовой поддержке Министерства культуры и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы» запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать на почтовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9).

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Компьютерный набор **Л. Жуковой**
Верстка **Д. Зенченко**

Наталья МИХАЙЛОВА

ЖЖЕТ

* * *

В этом городе слово «хлеб»
звучит иначе,
произносят иначе,
чем везде.

Как будто бы улицы раздвигаются,
как будто бы солнце себя стесняется,
и камни стыдятся,
что молчат.

Ленинград.

Я отрежу кусок.
До того как меня проняло,
я столько крошек смела со стола,
я столько оброненного не подняла.

Прости
за невежество мою горсть,

за плоть на моей кости
Спасибо.

* * *

В этом городе смерть
потеряла кольцо,
обручившись,

утонуло оно
в этом озере жизни,

Наталья Юрьевна Михайлова родилась в 1990 году в Ленинграде. Училась в Литературном институте им. Горького (2008–2010, 2013–2014). Публиковалась в газетах и журналах «Пять углов», «Миг-17», «Невское время», «Просцениум», «Нева», «Чиж и еж» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

но каких-то следов,
что здесь праздник ее намечался,
не стереть и правде...

О берег, о берег,
если ты уберег,
стыдно вообще умереть.

* * *

Этот город не мог умереть:
красивее нет,
иду через мост,
созерцаю.

Может быть, они это не видят,
потому то не вынесли бы
вспоминать —

тех, кто не дожил,
как они уходили...

А теперь вода
такая синяя,
как будто бы все забыто.

* * *

Ленинград, пожалуйста, ленинградь,
только называйся по-другому:
Это не сегодня — умирать.

Если ты представишься им «Питер»,
я не буду исправлять.

Этого не взять и не сломать:
с сором смешанное чувство дома,
если что — смогу ремни варить.

* * *

Они и тогда любили,
когда уже было нельзя,
когда уже был конец —
самое время.

Как мало я люблю!
Друг мой, как мало!
Как будто бы этот конец
еще в самом начале.

* * *

Она закрывала уши —
я помню только этот жест —
рассказывая про блокаду —
прабабушка —
изображая ужас,
который уже не пугал.

А на столе лежал
выписанный по пунктам
массаж от морщин,
ей было больше ста:
она научилась жить.

В ДЕРЕВНЕ

Спадали березы
ручьями на звезды:
около клуба
могилы солдат.

Едва замечая,
мы мимо ходили:
они победили.

И стоило бы
хотя бы вчитаться,
кто здесь лежит,

но сквозь крапиву
мне не пробраться —
жжет.

* * *

А может, в Ладогe вода
затем такая ледяная,
чтоб не забыли никогда,
как обещали,

ведь вокруг города теперь
кольцо братских могил,

и каждая семья имеет тень
того, кто не дожил.

* * *

Белые слоны в музее
блокадного Ленинграда,
такие же были дома:
стояли в ряд,

Только они пропали.
Когда-то разбился последний,
Мирная жизнь хитрее
и незаметнее бьет.

* * *

На витринах пули,
вынутые из ран:
как странно, мне казалось: война —
это неотъемлемо от прадеда и деда,

а ведь пули вынуты, и чужие они
им, как мне.

РАССКАЗЫ

ИЛЛЮЗИИ

Это было что-то невообразимое! Каждый вечер выступления иллюзионистов собирали тысячи людей! На рубеже веков искусство фокусников переживало свой расцвет, составляя весьма серьезную конкуренцию театральным драмам и даже комедиям.

Вопреки мнению скептиков, дело здесь вовсе не в стоимости билетов, поскольку представления факиров и магов порой посещала весьма зажиточная публика. Нет, конечно, такие люди не приходили на площадные выступления и в грязные шапито, но еще в середине XIX века благодаря шотландскому фокуснику Джону Генри Андерсону иллюзионисты стали завсегдатаями академических, драматических и оперных театров, которые прежде презрительно воротили от них нос, не восхищаясь ловкостью, не признавая мастерства, и именовали в лучшем случае уличными шарлатанами. Так было до тех пор, пока в 1832 году Андерсон впервые не вытащил кролика из шляпы. После этого его чаще называли «Великим каледонским магом» или «Великим волшебником Севера», чем Джоном Генри. Он стал не просто автором иллюзий, но создал ритуал фокусов как таковых, скрыв ловкость рук и техническую смекалку под грудой украшательства масштабного шоу с помощницами и другими неотъемлемыми нынче элементами антуража, а также с громкими рекламными кампаниями, отдельными для каждого слоя общества.

Пушистый зверек, вынимаемый из якобы пустого цилиндра, производил ошеломляющее впечатление на людей, которые уже не представляли свое бытие без многочисленных и щедрых плодов индустриализации. На фоне того, как улучшалась и ускорялась жизнь человека, как увеличивался багаж его знаний о мире и прирастали возможности, он все острее испытывал нехватку чудесного и необъяснимого. Или, по крайней мере, таинственного и неожиданного, ведь вряд ли фокус с кроликом уместно причислять к необъяснимому — секрет был ясен как божий день. Так или иначе, но складывалось ощущение, будто ближе к концу века люди до такой степени устали все разбирать рационально, что предпочитали по-детски радоваться, не задумываясь или закрывая глаза на очевидное.

Впрочем, сами чародеи, в свою очередь, постоянно совершенствовались и усложняли искусство иллюзий, придумывали новые, все более изощренные фокусы. Сле-

Лев Наумов родился в Ленинграде в 1982 году. Окончил физико-математический лицей № 239 и Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики по специальности «Прикладная математика». В 2007 году там же защитил кандидатскую диссертацию. В 2011 году получил ученую степень доктора философии в университете Амстердама (Нидерланды). Автор эссе, рассказов и пьес. Пьесы ставились в театрах России и за рубежом. Лауреат всероссийских и международных литературных премий. Публиковался в журналах «Волга XXI век», «Аврора», «Звезда». Автор книги «Шепот забытых букв». СПб.: Амфора, 2014. Лауреат Царскосельской премии (2014). Живет в Санкт-Петербурге.

дующую революцию сотворил Горейс Голдин — автор «бесконечного платка», простого трюка, который по праву стал одним из самых популярных в мире. Голдин даже запатентовал устройство «пустой» коробки для извлечения тряпиц. Однако «революционером» он стал не из-за нее. Куда важнее то, как он делал «распиливание женщины пополам». В отличие от платка, авторство этого фокуса не однозначно за ним, поскольку есть и иные претенденты, но именно Горейс превратил ставший классическим трюк в душеспитательное представление, где места сомнению отводилось куда меньше, а первобытному ужасу — гораздо больше. Он догадался, что нужно акцентировать внимание публики на том, как девушка в коробке шевелит ногами. Что стоит использовать большую и очень страшную пилу. Иллюзионист просил возле площадки ставить карету «скорой помощи», чтобы одним своим присутствием она напоминала зрителям о смерти. Так Голдин превращал зал оперного театра в средневековый храм, на витраже которого было начертано: «Memento mori»¹, — а сам чародей на сцене становился едва ли не проповедником церкви чудес.

Андерсон, Голдин и другие маги нового времени дарили людям давно позабытое волшебство и первобытное восхищение. Трагизм же их положения заключался в том, что они сами приговорили себя к жизни в уверенности, будто чудес не бывает. Удивлять иллюзионистов было некому.

Гарри Янсен по прозвищу Данте, показывающий не самые оригинальные фокусы, буквально завораживал свою аудиторию незатейливыми словами «сим-салабим», несущими аромат таинственных арабских ночей. Все в зале вдыхали флюиды царя Шахрияра, тогда как Янсен дышал болезненно обыкновенным воздухом, ведь знал наверняка — это всего лишь фраза из датской книги для детей, которая, разумеется, не была никому известна ни в Америке, ни в Швеции, ни в Великобритании, где он снискал славу.

Чин Лин Фу, начинавший каждое представление с эпатажного кровавого номера, знал, что всякий раз он «обезглавливает» одного и того же мальчика. А как иначе?! Лин Фу не мог себе позволить делиться секретом этого головокружительного фокуса с множеством детей. Этого-то одного ему пришлось выбирать очень долго. Он искал, с одной стороны, самого симпатичного, но в то же время безграмотного, безынициативного и бедного, которым можно было бы манипулировать и легко заставить молчать. В итоге мрачная тайна все-таки сыграла с Чином злую шутку: маг и не заметил, как оказался в руках мальчика.

Уильям Робинсон, более известный как «человек-загадка», знал, что все его ноу-хау носят сугубо технический характер, а легендарная «ловля пули», вопреки единодушным заголовкам газет, не чудо, а трюк, хоть и весьма сложный, а также рискованный. Когда Робинсон погиб при его исполнении, пресса трубила об этом как о национальной катастрофе. Впрочем, недолго. После трагических событий многие коллеги ломали головы и со временем сразу несколько иллюзионистов смогли повторить ловлю пули. Вот только она более не выглядела головокружительной магией. Газеты писали теперь о том, что покойный Робинсон знал и без них, а зрители предпочитали не замечать: раз секрет разгадан, значит, Уильям — не чародей... В том-то и состоит разница между фокусами и чудесами: у последних нет решений, нет ответов, поскольку волшебство — это вовсе не вопрос.

Шло время, и в репертуаре каждого иллюзиониста появлялось все больше и больше разнообразных номеров. Держать в памяти свои тайные чертежи и заветные схемы уже не мог почти никто, потому их приходилось доверять самому опасному хранителю — листу бумаги. Рецепты фокусов в одночасье превратились в предметы куп-

¹ «Помни о смерти» (лат.).

ли-продажи и воровства. Но мало кто из непрофессионалов понимал: возможность переложить свою ношу на бумагу стала огромным облегчением тяжелой участи мастеров иллюзий.

«Историк волшебства» — так однажды назвала меня ведущая какой-то нью-йоркской радиостанции. С тех пор это странное словосочетание преследует меня и даже пробралось на визитные карточки. «Фокус», «трюк», «иллюзия», «чудо», «магия», «волшебство» — такие разные понятия, которые в обывательском сознании сплавляются между собой, становясь практически синонимами. Несмотря на то, что я понимаю их отличия, ради своих читателей мне тоже приходится делать вид, будто все они суть — одно.

Я родился в Гамбурге, но еще младенцем родители перевезли меня в Америку, что впоследствии оказалось решающим для моей будущей профессии. Дело в том, что в XX веке количество фокусников и иллюзионистов в США было немыслимым! В действительности, настоящий «магический бум» переживало большинство развитых стран — в том числе и Великобритания, и Германия... Рабочие после смены на заводе спешили в уличные театры. Их начальники — магнаты, промышленники — в оперные, но и там и там выступали фокусники. Вскоре из-за войн в Европе большинство выдающихся мастеров иллюзий перебралось на североамериканский континент, и то, что в Старом Свете казалось «бумом», померкло перед ситуацией в Новом.

Мне как историку известны случаи, когда в небольших городках южных штатов приходилось по одному чародею на каждую сотню жителей! При этом ежевечерне давалось около пятидесяти представлений, и всякий раз залы были полны до отказа! Многие зрители, посмотрев выступление одного фокусника, сразу спешили к другому, будто силясь утолить внутреннюю жажду чуда. Безуспешно — это была прободная язва.

Как в любой другой сфере, ситуация экстремальной конкуренции оказалась чрезвычайно плодотворной и захватывающей. Все новые трюки появлялись в разных концах континента. Я изучал дневники и прочие записи их авторов и исполнителей, в результате чего оказался посвященным во множество чужих тайн, одна половина которых была связана с физикой, ловкостью и искусностью, а другая — с преступлениями. Огромное количество убийств было совершено для того, чтобы разгадать или же не дать разгадать секрет той или иной иллюзии. Воистину, история американских фокусников на поверку оказалась куда более остросюжетной, чем летописи бутлегеров и мафии, с которыми моим книгам впоследствии пришлось делить полки в магазинах.

Да, мне довелось написать с десятков книг, в их числе общая история площадных факиров и театральной магии, разоблачения нашумевших трюков, а также биографии отдельных иллюзионистов. Вероятнее всего, если Богу будет угодно, я успею подготовить еще несколько изданий. Это ремесло довольно хорошо кормит, а главное — до сих пор волнует меня. Вот только самую заветную книгу — труд всей жизни, который я вижу во снах, мне создать, наверное, не удастся.

Моя мечта — подробная биография фокусника Алана Джонсона, но ничего не выйдет, ведь я не совсем понимаю, что именно в ней писать. Все, что можно сказать об этом человеке, по большому счету уместится на одной-двух страницах. Этого хватит разве что для крупной статьи в энциклопедии, куда материал тоже не возьмут, поскольку его составят лишь мои домыслы, не подтвержденные серьезными документами.

Уже одно то, что Джонсон выступал под своими настоящими именем и фамилией, выделяет его на фоне многих других, неизменно добавлявших к записанному в паспорте эпитеты «загадочный», «таинственный» или, как минимум, «великолепный». Делали это в том числе и эмигранты, обладатели чарующих итальянских или пленительных греческих фамилий. Большинство фокусников отказывалось довольствоваться тем, что имело, или же старалось отделить сценическую жизнь от личной, тогда как Алан, чье родовое имя подходило скорее для шампуней и подписей под бухгалтерскими отчетами, чем для ярких афиш, ничего не менял.

Этим он и привлек мое внимание впервые. На фоне искрящегося многообразия фамилий и псевдонимов, оканчивающихся на «-ци», «-ди» или «-ини», «Джонсон» выглядел крайне необычно. Да и имя Алан казалось не безликим. Напротив, было ясно, что за ним стоит реальный, а вовсе не недосыгаемо «великолепный» человек.

В следующий раз обезоруживающая фамилия мне встретилась не скоро, но вспомнил я его сразу. По-моему, это было в воспоминаниях одного известного фокусника, который назвал Джонсона редким иллюзионистом XX века, не находившимся под тотальным влиянием Гарри Гудини, не старавшимся ему подражать, а также не повторявшим фокусы последнего.

Великому Гудини Алан, допустим, действительно не подражал, но здесь нужно отметить, что большинство его ранних трюков, видимо, не отличались оригинальностью. Вернее, тогда он вообще не исполнял ни одного номера, который до него не сделали бы другие. Потому пресса ничего и не писала о нем. Разве что одна массшасетская провинциальная газетка восторгалась его превращением камня в кролика или птицу, но они — дилетанты — попросту не знали этот древнейший трюк. Еще первый маг, Веба-Анер, снискал славу и любовь изумленной древнеегипетской публики, оживляя восковую фигуру крокодила. Просто во времена Джонсона мода на этот, казалось бы, «вечный» фокус прошла.

Один из первых оригинальных номеров появился в арсенале Алана примерно на двенадцатом году его карьеры и представлял собой следующее. Он складывал на сцене внушительную гору камней, после чего из нее начинала извергаться лава. Трюк выглядел довольно необычно, но к тому времени никто из журналистов уже от Джонсона ничего не ждал, потому газеты вновь сделали вид, будто его не было. Реакция оказалось поразительно вялой, несмотря на то, что этот фокус являлся тогда, без преувеличения, одним из самых зрелищных на американской сцене. Редкие обозреватели, обратившие на него внимание, сошлись во мнении, будто секрет лежит на поверхности — простая пиротехника: селитра, магний, марганец... Одна газета в Иллинойсе, впрочем, написала, что Алан открыл новый химический элемент, но это характеризовало скорее автора заметки, чем фокусника. Но главное, что номер по достоинству оценила публика — это куда важнее, — а также другие фокусники, из воспоминаний которых мне и удалось получить внятное описание.

Трюк поражал в первую очередь натурализмом. Многие утверждали, будто лава была самой настоящей. Якобы, из камней появлялся раскаленный расплав горных пород. В ходе первых исполнений она даже портила сцену, но потом на выступления Джонсона стали приглашать пожарные команды, которые всегда были рады таким вахтам и приезжали с охотой.

Надо полагать, именно после номера с извержением, дела Алана пошли в гору, хотя достоверных подтверждений этому все так же нет. Кстати, я обратил внимание, что Джонсон почему-то часто использовал именно камни для своей магии, выжимая из них воду, испаряя и заставляя биться, подобно сердцу.

Один из наиболее жестоких его трюков заключался в том, что фокусник разрезал артерию на шее козла, сцеживал кровь в сосуд, после чего превращал содержи-

мое в вино. Прекрасное, надо сказать, вино! Это можно утверждать с уверенностью, поскольку Алан всякий раз предлагал зрителям попробовать. Находились, впрочем, люди, которые выступали против такой жестокости на сцене академического театра, да еще в присутствии малолетней публики, но большинство все же было «за». Люди страстно хотели вновь и вновь видеть трюк с козлом, чтобы попытаться угадать, когда же чародей подменяет жидкость, вытекающую из животного. А главное, они желали еще разок отведать того вина, которое можно было, без преувеличений, назвать чудесным!

Кроме того, Джонсон исполнял на сцене давние заветные мечты алхимиков, превращая металлы в золото. Для этого он просил зрителей передать ему имевшиеся у них металлические вещицы, накрывал полученное тканью или клал в таинственный ящик, из которого предметы извлекались золотыми.

Это было уже серьезно! Во-первых, проверки ювелиров и химиков подтвердили: металл настоящий и чистый. Во-вторых, обновленная вещь имела в точности ту же форму, что и первоначальная. То есть вилка превращалась в такую же вилку, подстаканник — в подстаканник, а кочерга — в цельнозолотую кочергу! Разумеется, единственное объяснение скептиков состояло в том, что все «зрители», передававшие волшебнику предметы, были подсадными. По их мнению, все вещи готовились заранее. Но, в-третьих, похоже, что это все-таки было не так.

Многие из тех, кому посчастливилось стать свидетелями этого фокуса, рассказывали потом, что произошедшее — настоящее чудо. Особенно на этом настаивали те, кто передавал Алану что-то свое. Для отдельных людей представления чародея превратились едва ли не в особый магический бизнес. Они стали специально приходить к Джонсону, чтобы подзаработать, принося с собой, как минимум, утюги. Администратору приходилось останавливать иллюзиониста, чтобы тот не превращал в золото предметы всех желающих, а только первые два или три. Впрочем, этого было уже более чем достаточно, ведь стоимость необходимого для трюка драгоценного металла многократно превосходила гонорар артиста.

Нет, пожалуй, вовсе не камни стоит считать отличительной чертой магии Алана, а какую-то невиданную, запредельную, потустороннюю щедрость. Почти на каждом представлении он дарил своим зрителям что-то ценное, и, возможно, только поэтому мне есть сейчас что о нем рассказать.

Упомянутыми статьями в массачусетской и иллинойской газетах публикации про Джонсона практически исчерпываются. Хотя молчание прессы по поводу «золотого» фокуса можно объяснить каким-то тайным запретом властей, старавшихся не допустить лихорадочного ажиотажа, а также резкого массового обогащения. Вероятно, по тем же причинам иллюзиониста никогда не фотографировали и не снимали на киноплёнку. Подписи в журналах отелей и на чеках — это единственные документы, подтверждающие существование некоего человека по имени Алан Джонсон. Но чем он занимался? Каковы были его выступления? Об этом говорят разве что скупые и неоднозначные упоминания из уст коллег, на которые я уже ссылался, но главное — письма. Все зрительские мнения, упомянутые выше, почерпнуты из них. Множество посланий, в которых разные неизвестные люди рассказывают друг другу, как их благодетельствовал некий чародей на своем представлении. Не все даже называют его имя, но совершенно ясно, когда речь идет об Алане и его чудесах, оказавшихся спасительными для тех, кто терял надежду. Чьих-то родственников обращенные в золото оловянные ложки убергли от отчуждения собственности за долги, а то и от убийства кредиторами, кому-то позволили вылечить себя или родных, кому-то — накормить или дать образование детям. Только из писем благодарных лю-

дей я узнал, что Джонсон еще и ставил воду столбом в небольшом аквариуме, а также оживлял глиняные фигурки — то есть не превращал их в зверей и птиц, но заставлял ходить глину.

В то же время из тех же депеш становится ясно, что таких оригинальных номеров было у Джонсона немного. Даже на поздних этапах карьеры по преимуществу Алан исполнял хорошо известные трюки, авторами многих из которых считались его современники. Меня интересовал вопрос, был ли Джонсон вором или, скорее, прозорливым профессионалом, виртуозно разгадывающим чужие тайны? При этом во многих зрительских письмах отмечалось, что он владел своим искусством «виртуознее» и «правдоподобнее», чем коллеги-конкуренты. «Займствованные» номера получались у него достовернее и лучше, чем у авторов. Когда он распиливал женщину, та ужасно кричала, потом бледнела, разлетались брызги крови... Казалось, будто несчастная страдала по-настоящему, затем умирала, но чудесным образом оживала впоследствии. Когда он ловил зубами пулю, звук был такой, будто те крошились во рту... И все в таком духе.

Мне стало ясно, что Джонсон не только повторял, но и значительно усовершенствовал многие трюки. Именно потому его коллеги говорили о своем выдающемся современнике крайне скупно и редко — они его ненавидели, а может, даже боялись, ведь сами не могли добиться того же натурализма волшебства. Так я думал, пока не обследовал почти все существующие архивы, связанные с фокусами, но, перерыв десятки тысяч документов, я изменил свое мнение. Дело в том, что мне так и не попало ни единой бумаги, на которой бы рукой Джонсона было написано хоть одно слово. Только несколько автографов. Он не вел дневников, не оставлял записок помощникам, не писал писем, а главное — не считал нужным передоверить или законспектировать свои тайны. Невзирая на внешний плагиат, у него определенно имелись и собственные секреты исполнения, не говоря уж об авторских фокусах вроде превращения металлов в золото.

Нет, я не считаю, что каждый иллюзионист обязан делать такие записи, но мой богатый опыт подсказывает, что большинство все-таки доверяет технические тайны бумаге, поскольку ближе к концу жизни они начинают одних тяготить, а для других становятся единственной нажитой подлинной драгоценностью, которую следует передать ученикам или родственникам.

Можно, конечно, предположить, что бумаги Алана существовали, но были утрачены или уничтожены. Уж точно следует исключить гипотезу, будто кто-то их хранит и скрывает до сих пор, тем паче что выдающийся трюк с золотом так и не был повторен, но... Я все-таки глубоко убежден: Джонсон попросту не делал записей. На то, чтобы догадаться почему, мне потребовалось несколько лет. И секрет тут в том, что никаких секретов у него не было.

Алан оказался истинным волшебником среди иллюзионистов. Он творил настоящие чудеса, а не искусные фокусы. При этом его трагедия состояла в том, что фантазировать и придумывать номера самостоятельно он не мог. Вероятно, Джонсон вообще ни на что не был способен, кроме подлинной магии. Именно потому, недолго думая, он принялся повторять трюки своих коллег, но не средствами чуждых ему физики и ловкости, а с помощью настоящего волшебства. Когда подобный «плагиат» начал вызывать возмущение в цеху, то во избежание скандала он решил воспроизводить чудеса из книг, услышанных где-то историй и других внесценических источников. Это объясняло все!

Я думал о его судьбе, и меня пронимала благоговейная дрожь. Наконец «историк волшебства» столкнулся с настоящим безоговорочным чудом. Потому, смею пред-

положить, главное дело моей жизни — рассказать историю Алана Джонсона так, чтобы хоть кто-нибудь в нее поверил. Но пока я ума не приложу, как это сделать.

ТЕЛЕГА

Я остановил его как-то поздним вечером, когда, уставший, возвращался из соседней деревни. Впрочем, «соседство» это весьма спорно, ведь до дома оставалось десять верст с гаком. Спросил, не подвезет ли он меня. Возница — а как еще прикажете его называть? — мотнул головой. Этот странный жест я почему-то принял за согласие и, не мешкая, взгромоздился на телегу рядом с ним.

Ехали мы молча. Утомленному мне было не до болтовни, он же, как я потом узнал, никогда не слыл разговорчивым. Некоторые даже считали его немым.

Несмотря на то, что путь оказался довольно долгим и все время мы сидели рядом на облучке, я его даже не разглядел. Хотя можно ли было тогда предположить, чем обернется наша встреча? А в противном случае, с чего бы мне рассматривать какого-то возницу?!

Тем не менее мое внимание привлекли два обстоятельства. Во-первых, с телегой он управлялся довольно вяло и неловко. Похоже, дело было вовсе не в отсутствии навыка, а скорее в том, что мыслями держащий поводья витал где-то далеко и наша дорога его совсем не занимала.

Во-вторых, телега, судя по всему, была пустой. Нас залихватски подбрасывало на каждой кочке и колдобине, потому, невзирая на усталость, заснуть я даже не пытался. Кроме того, меня удивила конструкция повозки. Она представляла собой не открытый короб для размещения грузов, а закрытый, накрепко сколоченный ящик на колесах. Никакой крышки или дверцы в этом ящике не было. По крайней мере, я не смог разглядеть ее в потемках. Было совершенно неясно, как именно возница загружал поклажу.

Он провез меня мимо дома, на мгновение придержал лошадь, я спрыгнул, и телега незамедлительно двинулась дальше, потому мне не удалось предложить ему оплату или пригласить отужинать в благодарность. Честно говоря, тогда я обрадовался такому исходу из-за своей усталости, направился напрямиком в дом, разулся в сенях и сразу, даже не выпив чаю, лег спать.

Интересные вещи начали происходить уже на следующее утро. Прежде ко мне как к человеку пришлому относились в деревне с естественной провинциальной нейтральностью, почти не отличимой от враждебности. Мужики воротили нос, женщины, завидев меня, сразу опускали глаза и пугливо переходили на другую сторону дороги, дети за спиной дразнились и хохотали. Но в то утро я впервые почувствовал себя здесь «своим». Мужики приветственно кивали, женщины улыбались, не отводя взора, дети притихли. Впрочем, должен сказать, что моему сознанию не удалось тогда найти связь между изменением отношения ко мне и событиями прошлой ночи. Более того, я не придавал произошедшему особого значения, решив, что, быть может, по местным обычаям три недели — достаточный срок, чтобы признать гостя. Но когда соседский ребенок принес мне буханку свежеспеченного хлеба, крынку молока и миску ягод, стало ясно: что-то произошло. Приняв угощение с благодарностью, я поспешил по служебным делам на этот раз в другую, ничуть не более близкую «соседнюю» деревню.

Мне вновь пришлось возвращаться затемно, и тогда я впервые вспомнил о вознице. Правда, скорее не о том конкретном, а о любом. Спору нет, было бы крайне

уместно встретить сейчас человека с телегой, который бы согласился меня подвезти. Собственно, в большинстве случаев мне удавалось сразу или чуть позже поймать попутку, потому по прибытии в эти края я и отказался от мысли самому нанять лошадь — все-таки это большая морока. Однако в тот вечер мне не встретился вообще никто, а значит, пришлось идти до самого дома пешком.

Так случалось время от времени, и ночные променады иной раз приносили немало удовольствия. Вернувшись голодным, я был рад наткнуться на ожидавшееся угощение, которое немедленно употребил.

Утром отправился к соседям, чтобы еще раз выразить благодарность и вернуть тару. Хозяйка встретила меня с улыбкой, что не отменяло ее чрезвычайного смущения. Я поблагодарил и собрался было уходить, когда, внезапно, она спросила:

— Да как коков он?

Вопрос прозвучал резко и звонко. Казалось, будто женщина долго собиралась с силами, чтобы его задать. Природное стеснение сдерживало соседку, будило сомнения, но вот наконец любопытство с силой вырвалось на свободу, ведь еще мгновение, и я бы исчез в дверном проеме.

— Кто? — мне было неясно, о ком идет речь.

— Ну, ратай...² — сказала она, будто поясняя что-то само собой разумеющееся.

— Какой пахарь? — я все еще не понимал, но использовал более привычное для меня слово.

— Тот... Ночью подвозил дак...

Я пожал плечами и покачал головой. Она закрыла глаза и с широкой улыбкой утвердительно кивнула. На этот раз жест был предельно ясным, но ситуация выглядела странно: мое телодвижение выражало недоумение, тогда как ее — глубокое понимание и благодарность за... ответ. Но я же ничего не сказал... Мне пришлось тоже улыбнуться. Было неловко, я поспешил уйти.

Некоторое время воспоминания о встрече с соседкой не давали мне покоя. О каком пахаре шла речь? Да и прошлой ночью меня никто не подвозил... Но вскоре эти мысли отошли на второй план, уж слишком меня поразили последствия нашего разговора. Видимо, женщина принялась рассказывать всем о моем визите. По деревне поползли слухи, причем, и это удивительнее всего, слухи сугубо положительные и добрые. Отношение ко мне стало еще теплее.

Прошло две недели. За это время мне трижды пришлось возвращаться из соседних деревень затемно. В первый раз меня подвез молодой парень, его старая телега была оборудована для транспортировки мяса, потому всю дорогу нас сопровождали мухи, а также запахи гнили и запекшейся крови. Мой попутчик был средним сыном из троих. Он жаловался на младшего брата, который недавно убежал из дома. Много рассказывал об отце, заставлявшем их работать и днем и ночью. Из-за этого бедняге никак не удавалось завести свою собственную семью. Пренебрежительно он отзывался о невесте старшего брата, но здесь, пожалуй, говорила зависть или даже ревность. Рассказал парень и о проблемах с урожаем крыжовника, а также о том, где, когда и какая рыба пойдет на нерест. Отдельно юноша обратил мое внимание, на что следует ловить речного угря. Он не замолкал всю дорогу, потому я стал изрядно посвященным в подробности деревенской и его личной жизни. Признаться, по пути я добрым словом вспоминал того, прошлого возницу, который молчал.

Во второй раз меня подвозили мрачные косари, возвращавшиеся вчетвером, впопыхах, с какого-то темного дела. Оттого, наверное, разговорчивостью они не отличались. Я был очень доволен.

² «Пахарь», «землероб» (устар., нар.-поэт.).

А на третий раз произошел весьма неприятный случай. Я шел по дороге в надежде встретить кого-то с лошадьё, и внезапно на другом берегу небольшой реки мне померещился возница. Кажется, даже тот самый молчун. Я принялся было кричать ему, но то ли он не слышал, то ли делал вид, будто не замечает меня... Поняв, что если упущу его, то имею все шансы не попасть домой до рассвета, я побежал через мосток, который подо мной с треском рухнул. Закончиться история могла плачевно, но, долго пробултыхавшись в быстрой реке, мне все-таки удалось вылезти на берег. Тем не менее я мог серьезно заболеть, если бы мимо не проходил мужичок, живший неподалеку. Он любезно пригласил меня к себе домой. Его жена накормила нас ужином и постелила мне в сарае. Стирать одежду я ей не позволил, поскольку, по моим городским представлениям, это было бы уже сверх меры. К несчастью, местные люди имеют иные взгляды, и боюсь, что отказом отдать хозяйке брюки, а также прочие детали костюма, я обидел своих благодетелей.

Дабы не оконфузиться еще и воздержавшись от завтрака — я не мог есть так рано, как это принято в деревне, — на рассвете мне пришлось уйти, не прощаясь с хозяевами. К дому я подходил поздним днем. Местные уже заканчивали работать в поле, хотя улицы пока были безлюдны. Повстречался мне лишь один приветливый старик. Впрочем, за прошедшие дни я начал привыкать ко всеобщему радушию.

— Где ж ты, сынок, эдак угваздался? — спросил он, глядя на мои брюки и обувь. Тогда мне впервые пришло в голову, что, быть может, местные долго отказывались принять меня как раз из-за городского костюма, который я не догадался сменить на что-то простое.

Я начал было ему рассказывать о событиях прошлой ночи, но он меня сразу перебил:

— Добро, добро... Ты, говорят, севальщика видал? Сказал бы старику, что он, как да где?

— Какого сеятеля? У вас тут много таких, — я опять решил воспользоваться более привычным и современным лексиконом. Мне было трудно говорить с деревенскими, используя их особенные слова. Всякий раз, повторяя за ними, у меня возникало ощущение, будто я беру то, что мне не принадлежит.

— Да своих-то уж, помилуй бог, знаем. Нет. Говорят, подвозил он тебя тут как-то...

Не сразу, но довольно скоро я наконец догадался, что старик и соседка интересовались возницей со странной телегой. При этом долгое время мне не удавалось выяснить, почему для одной этот человек был пахарем, а для другого — сеятелем. Казалось бы, все эти сферы деятельности можно объединить понятием «крестьянин», но так его никто не называл. Вскоре о том ночном случае меня начали расспрашивать ежедневно, потому скажу наверняка, что никакие другие виды сельского труда ему тоже не приписывались. Только возница — на этом настаивал я — пахарь или сеятель.

Говорить о нем с деревенскими было почти невозможно. В большинстве случаев отвечать на мои вопросы они отказывались, хотя сами активно задавали свои. Казалось, что едва ли не каждый встречный был бы рад что-то о нем узнать, но никто не хотел рассказывать.

По крупницам, по мизерным каплям я все-таки собрал некоторые сведения о загадочном сеятеле-пахаре-вознице. Для этого пришлось предаваться с местными мужиками ночным возлияниям — водка развязывала им язык. Женщинам же я частенько предлагал свою помощь по хозяйству — когда руки заняты, они тоже меньше контролировали речь и могли взболтнуть то, что удержали бы в себе при иных обстоятельствах. Чем больше мне становилось известно об этом ночном страннике, тем сильнее он меня занимал.

Вскоре я наконец закончил свои служебные дела во всех окрестных деревнях, однако вместо того, чтобы уехать, отправил в город депешу о том, что «вынужден» задержаться. Слава богу, в силу моей должности никто не мог потребовать от меня объяснений о том, в чем, собственно, состоит эта нужда.

Еще несколько недель понадобилось мне, чтобы собрать наконец некую цельную историю этого человека. Впрочем, человек ли он, я уже не был уверен. Но как еще следует называть персонажа легенд, в существовании которого не принято сомневаться и которого можно случайно встретить, возвращаясь по ночному лесу?

Деревенские верят, будто по земле ездит множество подобных странников на телегах. Эта вера крепнет с годами, хотя живых свидетелей — тех, кто встречался с ними лично — я так и не нашел. Видевшие возниц-сеятелей-пахарей воочию были такими же героями преданий, как и сами странники.

Стало ясно, почему тот случай, когда я появился в деревне на его телеге, выходил из ряда вон и привлек такое внимание. Многие твердили, будто заметили нас тогда краем глаза. Пошла молва о том, что случилось чудо, а я — едва ли не избранный. Вероятнее всего, большинство, если не вообще все «свидетели», выдавало желаемое за действительное или просто привирали. Увидеть нас было невозможно — темно, хоть глаз выколи. С другой стороны, слухи же отчего-то поползли... До сих пор не возьму в толк, как это произошло.

Загадочные старики — а мой возница и правда, как я теперь припоминаю, был немолод — известны в первую очередь именно как сеятели. По легендам, они действительно иногда пахут землю, но уж это чистой воды поверье. За пахотой путников увидеть невозможно, это — таинство! Парадоксальность их образа состоит в том, что перед всеми, кому посчастливилось их встретить, они неизменно представляли в виде едущих порожняком возниц. В то же самое время основное занятие и главная цель странников состоят в посеве. Каждый из них живет для того, чтобы вложить в землю лишь одно зерно. Причем сделать это он должен в единственном, предназначенном только для его зерна месте. Такое ремесло. Именно для этого служит телега, конструкция которой показалась мне странной и нефункциональной.

Зерно лежит в том самом ящике, представляющем собой ее корпус. Как я уже сказал, по сути дела, она и есть ящик, ведь другого предназначения у повозки нет. В днище имеется маленькое отверстие, как раз под размер и форму зерна. Отверстие сделано таким образом, что семя провалится в него лишь в единственном редчайшем случае. В этом и состоит жизнь старика — он ездит по земле, по самым колдобинам и буеракам, трясет свою телегу почем зря, чтобы зерно каталось по дну и рано или поздно в результате совпадения множества случайностей выпало через назначенную только ему дыру в том самом предначертанном месте.

Иногда странники подбирают попутчиков. Им нетрудно оказать сию малую любовь. Кроме того, это ни на мгновение не отвлекает их от основного дела, в котором временные спутники не могут ни помочь, ни помешать.

Люди верят, будто старики возят свои телеги много лет, не зная, при них ли еще семя, или оно уже легло в почву, а может быть, даже успело дать робкий росток или крепкий стебель. Возницам, как и всем остальным, не суждено узнать, напрасна ли все еще их жизнь, или они уже давно выполнили свое предназначение. Странники обречены править телегу дальше, давая зерну больше шансов наполнить бытие сеятеля смыслом. Потому неугомонные возницы и ездят по земле до самого последнего вздоха.

Рассказы местных меня не устроили, уж слишком путанны и сбивчивы они были. Полной картины не складывалось. Откуда эти старики? Кто и когда вверяет им теле-

ги? Кто изготавливает ящики? Кто делает уникальное отверстие в днище? Кто чинит повозки? Как проходит детство, юность и зрелость будущих странников? Как обрывается их жизнь? Кто их хоронит и где? Что происходит с телегой после смерти возницы? Является ли наша встреча с одним из них знаком чего-то особенного?

Разумеется, я хотел получить ответы на эти и многие другие вопросы. Но у кого? Мне бы только еще разок встретить кого-то из этих странников! Да хоть того же самого!.. Впрочем, особое беспокойство мне доставляла вот еще какая мысль: почему люди решили, что меня подвозил именно один из этих загадочных сеятелей? Как они могут это утверждать, когда даже я сам не уверен?

Выход был только один — искать своего старика. Не имея более специальных вечерних дел, перетекающих в ночные прогулки, я стал будто бы призывать его, непрерывно блуждая по лесу днями и ночами напролет. Несколько раз он мерещился мне вдалеке, как тогда, на другом берегу реки. Всякий раз зрение обманывало, выдавая за него других возниц.

Чем больше я думал о нем, чем дольше искал, тем пуще волновали меня вопросы о его происхождении, но в то же время тем сильнее прорастала и крепла во мне неколебимая уверенность, что более нам не доведется встретиться никогда. Странно, но, невзирая на все это, я был готов отказаться от своих вопросов, дать обещание и рта не открыть при встрече, лишь бы проехаться с ним еще раз, пусть все так же молча. Лишь бы вновь увидеть ящик и найти в нем крохотную щель. Лишь бы заглянуть в нее или, прислушавшись, определить, на месте ли зерно. Больше всего я хотел узнать, как мое присутствие на телеге, которым по законам физики и вопреки поверьям непозволительно было пренебрегать, повлияло на то, где и когда оно ляжет в землю.

РЕСТОРАН

Подавляющее большинство тех, кто, узнав об этом заведении, страстно захотел его посетить, ждало разочарование. Слухи о ресторане распространялись довольно стремительно, но его известность достигла апогея, когда он был уже закрыт. Говорят, что до сих пор какие-то люди приезжают посмотреть, где он некогда располагался. Я, признаться, тоже страстно хочу там побывать, но никак не могу отыскать это место. Более того, сколько я ни пытался, мне не удалось найти никого, кто бы действительно туда приезжал после закрытия. Если вдуматься, то это загадочная история: сейчас уже ходят слухи о тех людях, которых молва о ресторане привела туда, где он якобы располагался...

Отдельный вопрос состоит в том, что движет такими «туристами», если, конечно, мы допускаем, что они существуют? Предположу, что эти люди хотят посмотреть вовсе не на останки заведения, не прикоснуться к стенам, ставшим свидетелями шумевших событий, но скорее взглянуть на окрестности, которые, в свою очередь, наблюдали посетители этого ресторана. Если говорить более высокопарно: по-моему, им интересно увидеть мир глазами бывших гостей.

Идея этого места — а согласитесь, за редким заведением общественного питания стоит какая-то идея более содержательная, чем желание владельцев обогатиться — была оригинальна и по-своему прекрасна. Мне особенно жаль, что до сих пор никто даже не попытался ее повторить. Хотя это нетрудно понять: рестораторы боятся. Причем боятся, по всей видимости, достаточно сильно, если это чувство заставляет их отказываться от уже известной, проверенной и доходной, хоть и несколько

хлопотной идеи. Ведь заведение приносило немалую прибыль, несмотря на весьма странное и даже, пожалуй, неудачное расположение.

С уверенностью можно сказать, что подходящим местом для такого ресторана был бы центр какой-нибудь европейской столицы: Лондона, Парижа, Берлина, Вены... Трудно себе представить, как видоизменилась бы вся эта история, если бы он там и располагался. От посетителей бы наверняка не было отбоя. Это точно! В результате сложилась бы совсем другая, вероятно, даже более драматичная ситуация. Но не будем гадать. В действительности заведение находилось где-то в ближайшем пригороде Рима, около двадцати километров от кольцевой, едва ли не на Фламиниевой дороге.

Подобное расположение кому-то тоже покажется довольно выигрышным, но это — глубокое заблуждение. Здесь ресторан не мог стать особенно популярным. Редкие путники, едущие в Вечный город, останавливались на обед или ужин, будучи на столь смехотворном расстоянии от пункта назначения. То же самое можно сказать и о тех, кто покидал Рим, — они только выехали. Надежда оставалась лишь на то, что когда по направлению к городу выстраиваются пробки длиной в несколько десятков километров — а это происходит почти каждый будний день, — кто-то из водителей проголодается или попросту не выдержит бессмысленного сжигания бензина. Тогда, быть может, он завернет в уютный внутренний дворик ресторана, но тут возникали другие проблемы. Во-первых, манящий уют дворика невозможно оценить с дороги. Но главное, если кто-то все-таки заходил внутрь, случайные посетители быстро покидали заведение из-за крайне высоких цен. Нет, только люди, приезжавшие сюда специально и знавшие, чего они хотят, могли оценить это место по достоинству. Уж слишком необычным оно было.

Головокружительный ресторан отличался уже тем, что в нем совсем не было меню. Пожилая религиозная чета владельцев решила положить это в качестве принципа — здесь могли исполнить любое кулинарное желание клиента. Согласитесь, теперь становится ясно, почему усталым людям, вырвавшимся из пробки, такое заведение было ни к чему: они желали конкретный и недорогой панини с супом «папа помodoro» или «карбонару». Зачем им переплачивать за дорогостоящий выбор из всех мыслимых яств подлунного мира? Они не хотели фантазировать, они были голодны.

Это принцип — «выполним любое кулинарное желание» — звучит достаточно монументально, хотя на поверку в нем нет чего-то запредельного, невыполнимого и даже особенного. В наш век холодильников и Интернета на деле это ненамного сложнее, чем на словах. Благодаря всемирной паутине рецепты каждого известного кулинарии блюда во всем их немыслимом многообразии доступны поварам, причем с вариациями. Остается лишь поддерживать постоянный запас разных, в том числе и редких продуктов, которые могут понадобиться. Если говорить, например, о мясе, то хозяевам требовалось хранить не только говядину, свинину и конину, но и, скажем, буйволятину, слонятину и даже тушки змей. Из птицы — не только курицу, но и голубей на тот случай, если заказчик пожелает фрикасе из последних, а также овсянок, соловьиные язычки и многое другое. Аналогично с рыбой, сырами, овощами, фруктами и всем остальным.

Уровень развития холодильной техники, а также множество камер с разной температурой позволяли сохранять все продукты довольно долго. Да многие вещи приходилось подвергать повторной разморозке. Мясо здесь не готовили «еще теплым» — такими обещаниями привлекали клиентов в других дорогих ресторанах. В этом же заведении основным свойством была вовсе не свежесть ингредиентов.

Чем-то приходилось жертвовать во имя абсолютной кулинарной универсальности. Однако не беспокойтесь: разумеется, как только продукты начинали портиться, их мгновенно выбрасывали и заменяли новыми.

Трудно было хранить только отдельные ингредиенты — скажем, двадцать четыре вида молока. Правда, как раз они по большей части все-таки расходовались, а не шли в помойку. На худой конец в томатный суп-пюре наливали не коровье, а верблюжье или даже молоко антилопы-канны. Блюдо от этого только выигрывало в смысле жирности и насыщенности вкуса, а продукт удавалось использовать.

Иными словами, идея такого фантастического ресторана оказывалась не то что реализуемой, но, пожалуй, даже довольно незатейливой. Конечно, все равно приходилось выкидывать три четверти ингредиентов, но цены-то были завышены вдесятеро, чтобы это скомпенсировать. Так что убыточным заведение не было. Пусть зал и не ломился, но штучные клиенты сюда приезжали постоянно. Напротив, когда клиенты занимали, например, только три стола из двадцати четырех, не считая веранды и внутреннего дворика, это придавало дополнительный шарм. Гости получали возможность насладиться плодами своей фантазии и труда поваров в атмосфере сладостного, нетомительного одиночества. Принимая во внимание качество интерьера и обслуживания, посетители почти физически ощущали нарочитую элитарность заведения, а также необыкновенность своей трапезы.

Впрочем, число клиентов прирастало. По неведомым причинам через неделю после открытия необычное заведение попало в великое множество туристических путеводителей, несколько светских журналов и парочку профессиональных изданий кулинарного и ресторанного сообществ. Хозяева ломали голову, как такое могло произойти, тем более что количество статей о них превосходило число клиентов, которых они успели на тот момент обслужить. Более того, никто из посетителей никогда не сообщал им, что он, дескать, ресторанный критик, потому его необходимо накормить бесплатно и как можно лучше... Еще одна загадочная история.

Проблемными для поваров становились разве что те блюда, приготовление которых включало фазу квашения, вяления, настаивания, маринования, засолки и тем самым, согласно рецепту, требовало много времени, вплоть до нескольких месяцев или даже лет. Поначалу хозяева решили, что им все-таки необходимо иметь в наличии хамон, хакарл, мохаму, пршут, копальхен и домашнюю бастурму, но потом стало ясно, что даже в числе гурманов — а именно это, очевидно, основная клиентура — почти никто не знал некоторых из этих слов. Те же, кому они все были известны, приходили сюда отнюдь не за «мясной тарелкой». Так что такие продукты могли понадобиться разве что в качестве ингредиентов, но и суп «сальморехо» или испанский гороховый суп с хамоном никто так ни разу и не заказал.

Желания людей оказались шокирующе банальными и однотипными. Казалось, любители вкусно поесть получали прямой доступ непосредственно к собственной фантазии, но сколь же ограниченным оказался круг вожаемых блюд... Большинство гостей были европейцами, потому они преимущественно интересовались кушаньями из азиатской, реже — восточноевропейской кухни. С одной стороны, пределом изысканности оказывались малайские супы или мясо, приготовленное по вьетнамским и камбоджийским рецептам. В то же время на вкус большинство «гурманов» даже не чувствовало их отличий от лаосских и филиппинских вариантов тех же блюд, тогда как на поверку нюансы были выражены довольно четко — специализировавшийся на них повар придавал этому особенное значение.

С другой стороны, «противоположным» пределом воображения стали шокирующие блюда, которые люди хотели отведать не ради вкуса, а чтобы испытать себя. Но

и тут фантазия не уходила дальше жареных тестикул и разных глазных яблок. Ничего интересного для повара в этом не было — приготовить их значительно проще, чем, скажем, лаксу.

Заезжие азиаты вообще рассматривали принцип ресторана в ключе местного кулинарного колорита и считали, что здесь можно попробовать в лучшем случае любое итальянское блюдо, а в худшем — любую пиццу. Ходят слухи, будто первый повар заведения спился из-за разочарования в людях: работая в таком ресторане, ему приходилось слишком часто варить пасту. Впрочем, это тоже скорее легенда, нежели быль.

Принцип заведения оставался неизменным — клиент мог отведать все что угодно, стоило только заказать и оплатить. Были, конечно, и те, кто приходил поиздеваться. Они требовали несуществующие блюда, давая им вымышленные названия. Но кулинария — это сфера порядка и вкуса, в том числе и в художественном смысле. Потому как только официант слышал о ястве из акулы с мошонкой павиана, шафраном и медом, насмешники немедленно изгонялись навсегда. Как выясняется, быть может, именно это спасало им жизнь.

Ресторан просуществовал недолго, примерно полгода, и за это время погибло около тысячи человек. Закономерность заметили далеко не сразу, да и можно ли было ее углядеть — больше трети клиентов, отужинав, продолжали свое путешествие. Их тела обнаруживали впоследствии в самых разных уголках Италии, а то и мира. Если бы оставшаяся часть не возвращалась в Вечный город, создавая тем самым некую статистическую пучность, заведение, возможно, работало бы до сих пор.

Так или иначе, но следственным органам Рима удалось установить, что каждый человек, совершивший здесь именно вечернюю трапезу, на следующее утро уже не просыпался. Разумеется, во всем сразу обвинили хозяев. Ресторан представлял собой типичное итальянское семейное дело, в которое было вовлечено множество родственников. Владельцами, как я уже говорил, выступали пожилые люди — отец и мать семейства.

Когда обвинение было предъявлено, хозяин не мог поверить в происходящее с ними, равно как и в то, что, по утверждению прокурора, уже произошло, причем именно по его вине. Перед стариком рыдали какие-то женщины: сестры, жены и матери тех, кого он якобы убил. Братья, мужья и отцы грозили ему и его домочадцам расправой. Разумеется, он все отрицал, поскольку и правда не был виноват ни в чем, кроме того, что решил открыть собственный ресторан. Случившееся он постоянно называл совпадением, однако в таком случае это, вне всяких сомнений, было самое феноменальное стечение обстоятельств во Вселенной, принимая во внимание его вероятность, а также тот факт, что не было ни одного исключения — ужин не пережил никто! Единственное совпадение можно счесть еще более головокружительным и редким — это то, которое привело к возникновению мироздания как такового. Искренняя растерянность старика всерьез смущала судью и присяжных.

А как плакала хозяйка, когда уводили ее детей и внуков!.. Разумеется, в тот момент она сразу взяла все на себя, хотя тогда уже никто не верил в виновность стариков и их родственников. Сколько ни обыскивали помещения ресторана, сколько ни расспрашивали всех членов семьи, их поставщиков и прочих свидетелей, ничто не указывало на причастность владельцев и сотрудников. Равно как ничто не навело на мысли о каких-то других подозреваемых. И тогда я понял: единственное, что можно здесь доказать, — это то, ради обоснования чего тщетно клали свои жизни еще средневековые богословы, а также более поздние деятели теологии и религиозной философии. Мне представляется, что трагедии, берущие свое начало в пред-

местях Рима, убеждают нас не в чем ином, как в существовании Бога. Вдобавок после всей этой истории можно наконец с уверенностью говорить о том, что он равнодушен к людям и даже внимательно за нами наблюдает. Время пришло! Споры о том, существует ли Всевышний, закончены! Из предмета веры этот факт превратился в неоспоримую истину. А ведь даже те, кто и прежде не сомневался, вряд ли могли допустить, что Бог, например, читает наши книги, что он обращает внимание на людские поверья и предрассудки, что он тоже впитывает культуру человечества...

Я не возьмусь судить, как именно семья владельцев печально известного заведения попала в поле его зрения. Быть может, это связано с религиозностью этих людей. И вот Бог увидел, что они открыли свой ресторан. Для меня совершенно очевидно, что откуда-то ему был известен наш ритуал, связанный с последним ужином приговоренного. Почему-то он воспринял его как руководство к действию. Подыграл человечеству, приняв культурные условности!

Кстати, мне тут подумалось... Быть может, люди, которые сейчас приезжают на место, где располагалось заведение, осознанно или подспудно движимы желанием оказаться именно там, куда наверняка был направлен взгляд Всевышнего. Наверняка те же причины толкают на поиски и меня. Впрочем, вопрос о том, тот ли это самый Бог-творец, что создал нас, остается открытым.

ФИКЦИЯ

Рассказ

Во сне меня с друзьями арестовали. Я хорохорился, делал вид, что ни капли не обеспокоен. «Нас могут держать только сорок восемь часов, — говорил я друзьям, — потом или арестуют, или отпустят».

Проснувшись, я понял, что вчера лег, не раздевшись. Стресс, что ли, на меня так действует? С трудом поднялся, стараясь не смотреть в настенное зеркало. Морда у меня с утра еще та. После некоторых процедур, поплелся на кухню и подогрел чай.

Вот не знаю я, как относиться к снам. С одной стороны, есть доля врожденного скептицизма, с другой — люди получше меня воспринимали сны всерьез. Жаль, что искусство их толкования практически утеряно. И речь не о всяких там экстра-сенсах-шарлатанах, а о людях совсем другого качества. Такие раньше были, при дедах.

Услышал шаги жены.

— Чего так рано встал?

Я промолчал. Покачав головой, она спросила:

— Опять?

— Угу.

— Который уже раз?

Я опять промолчал. А что тут объяснять? Моя профессия — фикция. Вчера моего подзащитного посадили на очень большой срок. И дело не в том, что за четыре месяца, которые прошли с того дня, как я стал адвокатом, ни одного человека из тех, что я защищал, не оправдали (никто и не ожидал от нашей системы таких достижений), а в том, что все принципиально глухи к моим доводам. Как будто я пустое место. Я прихожу. Я говорю. Они кивают, они выносят свое никак не соотносящееся с моими доводами решение. Трехглавое чудовище: судья-прокурор-следак. Машина по вынесению обвинительных вердиктов. Вы можете быть семи пядей во лбу, говорить умные вещи, но что делать, если судья заранее уже подготовил решение? — привычный монолог в голове. Кажется, мне нужно искать другую работу.

— Не переживай ты так, — утешает жена, помешивая ложкой какао, — хотя я говорила тебе, что не стоит этим заниматься. Ты ж меня не слушаешь никогда.

Впрочем, произносит она все это без особых эмоций, как старое заклинание.

— Детей надо сегодня в садик?

— Конечно, — отвечает она.

Пока она собирает девочек, я смотрю сообщения на телефоне. «Досхийев. 12-00. Арест. Судья: Маматиев». После садика, значит, сразу в суд. Успеваю вроде бы ознакомиться с материалом. Хотя какой в этом смысл, не знаю. Все равно этого Досхийева закроют.

Билан Бисланович Дзугаев родился в 1987 году в городе Таганроге. Школьные годы провел в Ингушетии. Окончил Государственный университет управления в Москве по специальности «Юриспруденция». В 2013 году вернулся в Ингушетию. Участник Форумов молодых писателей (2014, 2015). Публиковался в сборнике «Новые писатели-2015». Повесть «Стон земли» издана в Ингушетии в 2017 году отдельной книгой. Живет в городе Сунжа.

Наконец супруга вывела детей. Садик у нас недалеко. Немного проехать по улице, мимо сожженного дома (в народе поговаривают — это джинны), за угол. Так это выглядит в теории. На практике все немного сложнее. Девочки обязательно не могут поделить куклу. Младшая выливает сок на сиденье. Старшая ревет, что младшая ее дернула за волосы. Обычное дело.

Поцеловав девочек и препоручив их заботам воспитателей, я отправился на работу.

— Привет, — помощник судьи поднимает голову, — привет, Ахмет.

— Я сегодня у Досхиева. Дашь материал глянуть.

— Он у судьи. Сейчас принесу.

Помощник судьи — девушка лет двадцати пяти. То есть на пять лет меня моложе. И раз в двадцать симпатичней. Врать не буду, помощники и секретари — ребята неплохие. Все они тут люди неплохие. По отдельности.

Наконец материал у меня. Листаю. Ничего особенного. Кража. Арестован по деянию первой. Следак вышел с арестом. Все как обычно... оппа, а это что?

«Странно, — подумал я, — перелистывая материал. Может, так и надо? Или хотя бы можно? И ведь не помню сейчас, а спрашивать кодекс у судебных неудобно. Где бы подсмотреть... Обычно заключенного долго доставляют из СИЗО, так что времени на подготовку должно хватить. Сбегаю в офис и почитаю нужные статьи».

Телефон зазвонил. Смотрю на экран: двоюродный брат.

— Эй, я слышал, твоему клиенту вчера пятнадцать лет дали? — задает Мансур риторический, в общем-то, вопрос.

— Правильно слышал.

— Не переживай. Это не твоя вина. Мы всех закрываем.

— Всех, кто не платит, ты хотел сказать.

— Такое разве по телефону обсуждают? — он смеется.

— Может, возьмете меня к себе? Кажется, я занимаюсь не своим делом.

— Если бы я не знал тебя, Ахмет, решил бы, что ты всерьез. Таких, как ты, на пушечный выстрел к прокуратуре подпускать нельзя.

Теперь смеюсь я. Невесело.

— В общем, ты, это... Не расстраивайся. Будь, как остальные. Тебе ж толком даже не платят.

— Хорошо, брат, — я положил трубку.

На самом деле я не шутил, мне нужно найти другую работу. Может, пойти куда-нибудь каменщиком? В студенческие годы я подрабатывал на стройках. Там хоть какую-то пользу приносишь. Да и сезон сейчас.

Из кабинета судьи выбежала секретарь.

— Ахмет, твоего привезли.

— Уже? Что так быстро-то?

— Все, все. Заходи в зал.

И это при том, что я не верю в закон подлости. Чуть задержавшись в тщетной надежде увидеть брошенный кем-нибудь УПК, я прошел в зал судебных заседаний. За левым столом уже успели разместиться два молодых парня: следователь и помощник прокурора. Ну конечно, этим и положено парой ходить. Двое из ларца. Караящие близнецы. Кастор и Полидевк, думал я, бросив вслух лишь: «Приветствую». Бравые работники кивнули в ответ и отвернулись.

За решетками справа сидел мой подопечный. «Какое неуважение — закрывать человека в клетку, как животное какое-нибудь». Досхиев оказался сорокалетним подтянутым мужиком в спортивном костюме, с загорелым лицом и черными с проседью короткими волосами.

Подойдя к нему, я поздоровался.

— Я Ахмет Цараев, твой адвокат.

— Государственный, что ли? — угрюмо спрашивает Досхиев.

— Нет, папин и мамин. Государственных не бывает. Меня суд пригласил.

Досхиев смотрит с недоверием.

— Я тебя не звал, — говорит он.

— Но и не отказывался, — отвечаю я с раздражением и возвращаюсь на свое место. Этому я тоже не нужен.

Мы с Мансуром учились в одном классе. Потом юридический. Оба мечтали попасть в следствие и посадить преступников. Только у Мансура нашлись деньги купить себе должность, а у меня — нет. Проваландавшись в разных юрфирмах, я пошел в адвокатуру. В день экзаменов мы с братом поспорили.

— И что, ты будешь местных урок, педофилов и наркоманов защищать?

— Не их, а — закон. Чтоб если уж наказывают, то по закону.

— А ты знаешь, — втирал он мне, — что по шариату, если ты впрягаешься за неправую сторону, ты сам как бы становишься таким же.

— А ты знаешь, — отвечал я, — что однажды халиф Умар шел по улицам Медины и услышал громкие голоса из двора одного горожанина. Ворота были закрыты, поэтому Умар взобрался на ограду и увидел мужчину и женщину, которые пили вино.

— И что? Высекли их?

— В том-то и дело, что нет. Умар стал бранить мужчину, а тот ответил: «Да, я совершил грех. Но пока я совершал один грех — ты совершил три. Ты выискивал ошибки, хотя Коран это запретил. Ты взобрался на чужую ограду, и это запрещено. Ты вступил на чужую землю, и это тоже запрещено». Умар согласился с женщиной и покинул двор.

— К чему ты это рассказываешь?

— К тому, что если ты хочешь кого-то призвать к ответу, делай это правильно.

Тот спор я выиграл. Толку-то? Дела я проигрываю с невероятным успехом.

— Встать, суд идет.

Судья в мантии быстро прошагал к месту.

— Рассматривается ходатайство следователя Итиева об аресте гражданина Досхиева, обвиняемого... — забубнил судья бесцветным голосом.

Пока судья бормочет под нос, я напряженно думаю. Прокатит или нет? А вдруг все правильно, а я выставлю себя дураком? Да и если неправильно, разве судья слушает меня? Опыт подсказывает, что — нет.

Кастор встает с места, поправляя дорогие часы, и зачитывает свое ходатайство. Просит суд арестовать подозреваемого на два месяца.

— Прокурор, вы что скажете? — кивает судья Полидевку.

— Мы согласны... — отвечает тот с готовностью.

Ну, еще бы. Сказал бы что-нибудь язвительное, но я сдерживаюсь.

— Адвокат?

Была не была.

— Ваша честь, прошу обратить внимание, что моего подзащитного не допросили.

— Говорите громче, адвокат. И четче.

— Я хотел сказать... — говорю я и чувствую, что краснею, — моего подзащитного не допросили.

— В каком смысле? — хмурится судья.

— Насколько я знаю, — нет-нет, нельзя так неуверенно, — закон гласит, что задержанного нужно допросить в течение двадцати четырех часов. А в деле протокола допроса нет.

— Вы что, забыли приложить протокол? — поворачивается судья к следователю.

— Я... я... не забыл. Мы просто не успели допросить. Сроки поджимали.
— Как это не успели? А вы что, прокуратура, не видели, что допроса нет?
— Ваша честь, — неуверенно отвечает второй, застегивая зачем-то пуговицы модного пиджака, — мы считаем, что это не является нарушением...

Тут до меня доходит, что никто толком не смотрел материал. Ни судья, ни прокурор. Человека хотят запереть в бетонной комнатке на два месяца, а может, и на больший срок, и никто не удосужился даже спросить, что он думает об обвинении.

— Итак, мы выслушали доводы сторон. Суд удаляется в совещательную комнату.

Судья встает и выходит из зала. Мы все встаем. У меня ощущение, что я смог их зацепить. Не сомневаюсь, что судья закроет глаза на промах, и все же что-то у них пошло не так. Смотрю на противоположный стол с усмешкой. Не ожидал, что их неуверенные движения и ответы доставят мне такое удовольствие.

Прошло пять минут, потом десять. Следователь и помощник прокурора о чем-то оживленно перешептывались и с беспокойством поглядывали на дверь. Прошло двадцать минут. Это долго. Обычно судья думает минуты три. Точнее, делает вид, что думает. Решение-то готово заранее. Дверь в зал открывается, входит помощник: «Следователь, прокурор, — к судье». Ого, а вот это уже серьезное нарушение. Или про тайну совещательной комнаты тут никто не слышал?

Минут через пятнадцать карающая троица возвращается. Следователь бледен. Прокурор как-то криво усмехается. У судьи лицо невозмутимое, но щеки багровые.

— Выслушав доводы сторон, а также с учетом... постановил: в удовлетворении ходатайства следователя отказать...

Честно говоря, в первые секунды мне показалось, что я ослышался. Как только судья объявил конец заседания, следователь, ни на кого не глядя, выскочил за дверь. Прокурор встал и тоже быстро проследовал к выходу. У двери он повернулся в мою сторону: «Неплохо». Я кивнул.

Потом секретарь рассказала мне, что все двадцать минут в совещательной комнате судья на них кричал, что они не оставляют ему выбора, и что, как бы он ни хотел, не может арестовать человека без допроса, а они, прислав ему такой материал, чуть не подставили его, и что их уделал (да, да, Ахмет, он так и сказал) вчерашний студент.

Конвой открыл клетку и тоже покинул зал заседания. И вот мы с Досхиевым смотрим друг на друга.

— Не понял, — говорит он, — че это было?

— Тебя не арестовывают, — отвечаю, стараясь не показать, что ошеломлен не меньше его.

— Да ладно, братан. Seriously? В самом деле?

Серьезней некуда! Deus ex machina подавился! Но ничего такого я не произношу вслух. Мы вместе идем по темным коридорам к выходу. Солнечный свет бьет в лицо Досхиева, и он закрывает глаза тыльной стороной ладони. Снаружи ждет толпа родственников Досхиева. Братья, тети, дяди, сыновья, племянники. Они тут же окружают нас. Все бросаются обнимать Досхиева, кто-то плачет.

И тут, схватив меня за руки, он восклицает:

— Это он! Он меня вытащил! Вот этот парень!

Теперь они обнимают меня. «Спасибо, спасибо тебе», — слышно со всех сторон. Меня хлопают по спине, пожимают руку.

— Да не за что, это моя работа, — отвечаю я. И улыбаюсь.

НА БЕРЕГУ

Повесть

1

«Везан Даьл — Боже, — думал Адам, — какие люди у нас бескультурные».

Столь прозаичная мысль посетила его при виде берега Ассы в Гажар-Юрте. То тут, то там на покатых склонах, проглядывающих из-за деревьев, мелькали среди клочков жесткой травы пустые пластиковые бутылки, пакеты, проплешины от костров и прочие отметины основательного времяпрепровождения.

Адам ехал медленно, надеясь заметить ребят, собирающих мусор.

Жара стояла нестерпимая. Пыль от колес серо-желтой змеей стелилась следом. Болью в голове отзывался каждый опробованный машиной ухаб. Утром он забыл выпить таблетки. Простуда, навеванная кабинетным кондиционером, за последнюю неделю чуть его не доконала. А может, это и не простуда вовсе. Адам по настоянию жены решил лечиться.

— Вы, мужчины, такие глупые, — говорила она, расчесывая гребнем свои густые волосы, — стоит вам слегка приболеть, чуть ли не завещание пишете, но от таблеток до конца отказываетесь, боитесь.

Он тогда промолчал. А что отвечать на правду?

Остановив машину в пыльной тени растущего у дороги дерева, Адам долго думал, не в силах определиться: ехать ли дальше или прямо здесь идти к берегу. Просидев так не менее двадцати минут, он, преодолев сомнения, принял решение. При этом его не покидало тягостное чувство человека, совершающего что-то нехорошее, грозящее смутными последствиями. Адам вышел из машины и зашагал к берегу.

Он почти сразу пожалел о своем решении: ноги не слушались, его пошатывало.

От бурлящего потока его отделила широкая полоса травы, выжженной августовским солнцем. Невысокие кусты дикой алычи, слегка припорошенные дорожной пылью, встретили его, как одинокие привратники. Подойдя ближе к тенистой узкой лесополосе, Адам увидел, что к воде здесь спуститься не сможет: берег оказался крутым и обрывистым. Надо подниматься выше — против течения, но в раскаленное чрево машины возвращаться тоже не было сил.

Адам из-под козырька руки, состроив гримасу, бросил взгляд на небо, где оплывшее летнее солнце изливало без устали вниз потоки жара. Небо было таким же: нечетким, линиялым, ускользящим от взгляда. Невесомые скопления то грязновато-серых, то палевых облаков разорванными тонкими кусками плыли неизвестно куда, оставляя за собой неясные полосы.

Утомленно переведя взгляд, он потянулся к ветви со сливами янтарного цвета. Потерев одну о рукав, надкусил и поморщился: все равно кислые. Адам обернулся к дрожащему миражу дороги, еще сомневаясь, затем потянулся к воротнику рубашки и расстегнул его. Ненавистный галстук остался в машине. Пожал плечами и отправился в путь.

2

Они ему даже не позвонили. Давно перестали звонить. Поняли, что Адаму не до них, тем более он всегда находил, что сказать: работа, семья. Отговорок были тыся-

чи. И все уважительные. В этот раз он просто увидел объявление в Интернете: «Собираемся на уборку берегов Ассы!» И телефон. Телефон приятеля студенческих лет.

После переезда в Ингушетию Адам обрубил эти нити, нашел новую работу, женился. Родился ребенок, и жизнь окончательно свернула на другую дорогу. Проторенную.

На самом деле Казбек был больше чем приятелем, он был другом. Лучшим другом. Единственным человеком, которого Адам всегда встречал с радостью в любое время суток. Чем Казбек, по обыкновению, пользовался. Он появлялся на пороге общежития далеко за полночь, тащил Адама в неизвестные дали Москвы, в глубокие ее недра, и так до утра, пока они не оказывались где-нибудь в Выхино или, того лучше, в отделении полиции, где сотрудники с красными от недосыпа и алкоголя глазами грозили им всевозможными карами, размахивая то отнятой битой, то просто кулаками. Впрочем, им везло, за серьезные проделки их ни разу не ловили.

С тех пор прошло всего-то пять лет, срок небольшой, но достаточный. Теперь Адам в костюме, на хорошей работе, водит ребенка в детский сад, старается не нарушать правила дорожного движения, в общем, превратился в нормального члена общества.

Казбек тоже вернулся домой. Только он выбрал себе занятие, хоть и достойное в каком-то смысле, но заставившее многих от него отвернуться. В том числе и Адама, что не мешало ему отслеживать дела друга, читая о них в сети или слушая, что о нем говорят люди (говорили в основном плохое). Так что акция по сбору мусора была самой безобидной проделкой его товарища за последнюю пару лет.

«Благо, — думал Адам, ударив носком мокалина очередную бутылку, — здесь в этом нуждаются».

Он увидел объявление об акции в Интернете вчера ночью, когда было совсем худо, и решил ехать.

Адам не стал звонить координатору, не хотелось напоминать о себе. Он просто «случайно» найдет их тут, где-то на берегу, и присоединится, чтобы помочь.

Адам столкнулся с двумя мужчинами, идущими от берега. Оба плотного телосложения, бородатые, в традиционных одеяниях мюридов: длинные льняные рубахи на пуговичках; на голове тубетейки (атласно-синяя и бордовая) с кисточками, обозначающие принадлежность к определенному братству. Почему-то Адаму бросилось в глаза потное пятно на груди того, что повыше ростом.

«Как странно, — тут же понеслась его мысль в этом направлении, в то время как сам он механически здоровался с ними, — у людей изменилось отношение к такой, казалось бы, простой вещи, как пот. В самом деле, если раньше пот был чуть ли не священен, ассоциируясь с трудом или святым радением, если раньше он был знаком физической или духовной работы, то теперь пот утратил этот смысл в сознании людей. Раньше ингуш строил, пас овец, разводил скот, ездил на лошадях и не был чужд природным запахам». Адам представлял, как такой ингуш, возвращаясь в родовое жилище, нес с собой смесь животного духа и травяных ароматов; и жена с детьми не воспринимали это как ужасный проступок. Люди были в родстве с землей, с природой.

А в горах ты не просто близок к земле, ты ощущаешь ее корни. Адам впервые прочувствовал это, когда с коллегами в прошлом году, впервые в жизни, взобрался на *Маьт-Лоам*. Не пройдя и нескольких сот метров вверх, он с непривычки страшно утомился. Чем выше, тем чаще останавливался. Затем, порядком отстав от группы, прилег на траву, глубоко вдыхая грудью благоухание горных цветов, с благодарностью прижимаясь щекой к громаде горы. Его не беспокоило, как он выглядит со стороны.

Адам покачал тяжелой головой: снова будто куда-то провалился. О чем он думал? О чем-то важном? О... поте? Неудивительно, его тут достаточно, Адам отер мокрый лоб.

Да, ингуш пас овец, но однажды вернулся домой, и жена (с которой они давно покинули башни: спустились на равнину) вдруг сморщила носик.

— Фи, — сказала она, — от тебя несет.

Если бы она сказала так лет сто назад, он лишь посмеялся бы над глупой женщиной, но теперь что-то изменилось, и он смутился. И пошел мыться.

С животными ингуш тоже почти перестал возиться, теперь в кабинете обитает, бумаги перекладывает, ну или на посту стоит где-нибудь, бряцая казенным автоматом.

Изменился ингуш. Ему, вслед за женой, пот стал неприятен. Пот больше не признак работы, усердия, нет, он — только выделение организма и ничем не лучше других выделений, а значит, переходит в категорию постыдного. Того, что вызывает отвращение.

Солнце приблизилось к горизонту, заалев на сереющем небосводе. Сколько времени он тут бродит? Адам снял костюм и повесил на ближайший сук. От реки ощущаю потянуло прохладой.

Наверняка ребята были тут с утра, очевидно, он опоздал.

3

Утро воскресенья. Вчерашнего воскресенья. Несмотря на открытое окно, духота уже овладела комнатой, тяжелым покрывалом обнимая тело.

— Адам, — окликнула супруга, войдя в спальню, — вставай, пора на рынок.

— Какой еще рынок? — раздраженно ответил он. — Выходной, дай поспать!

Адам проснулся давно, но ему всю ночь снова снился тот человек, так что о здоровом сне речи не было.

— Отлично! — вскинулась молодая женщина. — Пешком пойду.

И пойдет же.

— А что тебе там нужно? — сделал он шаг к примирению, не поднимая головы с подушки.

— Мне — ничего. А вот в дом нужно купить продукты и еще...

— Ладно, понял, поедем. Только быстро: туда и обратно!

Однако стоило ему подняться с кровати, как его тут же повело. Затылок налился чугуном, как будто к нему прицепили гирию.

— Что с тобой? — нахмурилась жена, подойдя ближе.

— Ничего, простыл, кажется.

— Может, тогда дома останешься? — она провела рукой по его лбу. — Вроде не горячий.

— Заложило все, — прижал он руки к ушам, — не останусь. Поехали, надо так надо.

Адам размышлял, умываясь. Странно, что жена вообще заметила, что он заболел. Бывало, что и не замечала, занятая уборкой или еще чем-то. Но разве она виновата: они живут в большом доме, с родителями, его братьями и сестрами, то есть обычной ингушской семьей. В такой семье хозяйство лежит на невестках. Поэтому сложно от них требовать, чтобы они уделяли особое внимание мужьям. Тут вариантов только два: либо она будет хорошей хозяйкой для общего дома, либо — хорошей женой для него одного. Не зря отец часто шутит, говоря матери: «Ты такая замечательная родственница, еще бы женой такой же была». Адам в детстве не понимал, как это так, а теперь понял.

Они выехали через час. Адам открыл все окна в машине.

— Что ты делаешь? — возмутилась Арифа. — И так простывший.

До рынка было недалеко, по нагретым улицам Слепцовска они доехали, как всегда, быстро. Арифа вышла за продуктами, а он должен был загнать машину на платную стоянку. Остановившись у шлагбаума, он подождал, пока из будки, привычно протягивая руку за платой, выйдет парнишка в помятой чоповской форме. Охранник поморщился, увидев удостоверение Адама. Но парень оказался упрямый, прихватив документ сильными мозолистыми пальцами, он стал читать и лишь потом, мгновение посомневавшись, махнул невидимому напарнику рукой: открывай.

«Все-таки в Москве не так было, — промелькнула тень досады, — там бы сразу пропустили».

На рынке торговали в основном приезжие из других республик, к которым ингуши относились доброжелательно. Это в столице с чужаками худой мир, а тут старое доброе соседство.

Прошло около часа, прежде чем Арифа вернулась с сумками. Все это время Адам сидел, уставившись в лобовое стекло, и шепотом считал: «Триста шестьдесят пять, умноженное на четыре, это тысяча четыреста шестьдесят. Тысяча четыреста шестьдесят, умноженное на двадцать четыре, это тридцать пять тысяч сорок. Тридцать. Пять. Тысяч», — медленно повторил он.

— Адам, Адам, — вырвала его из вычислений жена, — опять ты завис, хоть бы помог, руки отваливаются.

— Прости, — ответил он, осмысляя полученное число, — прости, пожалуйста.

Они поехали домой, но рядом с магазином для детей Адам остановился.

— Что там? — забеспокоилась жена. — Опять хочешь купить эту машинку? Ты же знаешь, у нас нет лишних денег.

— Лишних денег, — передразнил он ее, — никогда нет. — Отстегнув ремень безопасности, который он, вопреки тяге местных к бунтарству, всегда пристегивал, Адам выбрался из машины.

— Мама подумает, что мы транжирим деньги! — крикнула она ему вслед, только Адам уже не слышал. Он топтался у входа в магазин, на фасаде которого размещались детские велосипеды, pedalные машинки и другие игрушки. Адам давно присматривался к одной. И вот сейчас, расплатившись с продавщицей, он закинул красную машину в багажник, предвкушая, как обрадуется дочь.

— Ну вот, — услышал он голос жены с заднего сиденья, — всегда все делаешь по-своему. Девочке купил машинку, — впрочем, через минуту упреки прекратились.

За пять лет, что они в браке, Адам узнал Арифу хорошо. Она, несмотря на показное возмущение, радовалась подарку для ребенка.

Чуть погода Адам почувял, что настроение жены снова переменилось.

— Замечательно, что ты захотел сделать приятное девочке, но зачем покупать такую дорогую игрушку? — вернулась она к болезненной теме. — Мы начали строить дом, нам надо отделяться от родителей, ты зарабатываешь не так много, мы не можем позволять себе подобные траты.

Адам, сжав зубы, нажал на педаль газа. Автомобиль рванулся. Арифа что-то еще говорила в его застывший затылок, но быстро поняла, что слова не достигают цели.

Он почувствовал ее ладонь на своей руке:

— Только не злись... Я знаю, ты стараешься. Просто будь ответственной. Ну, пожалуйста.

Адам был ответственным. Он отлично знал, как много нужно денег для того, чтобы просто залить фундамент для дома. А где взять? Скоро должен родиться их

сын, рядом сидит беременная Арифа, с которой он старался не ругаться; все они ждут от него действий, надеются на него.

Самоназвание «Ғалғай» многие переводят как «строители башен». Поэтому когда отец или мать говорят в очередной раз про кого-нибудь: «А вон Ахмед — молодец, дом построил, сам! Без помощи родителей», — это, конечно, для него. Только вот у Адама не было нужной суммы, чтобы начать строительство, поэтому любые разговоры на эту тему его угнетали.

Через пять минут они подъехали к дому. Загнав машину на столь полюбившуюся ингушам тротуарную плитку, под сень раскидистого орехового дерева, растущего у края забора, Адам заглушил двигатель. Не успели они покинуть салон автомобиля, как из калитки вылетела маленькая девочка и с криками «Мама, папа, папочка!» обхватила Адама за ноги. Он быстро огляделся: нет ли посторонних (ведь на людях ласкать ребенка не принято), после чего потрепал девочку по волосам.

Голенькая загорелая фигурка в белых трусиках тут же метнулась к маме.

— Как дела, Паська? — спросил он, когда ребенок отлип от юбки матери.

— Нальмальна, — ответила малышка, широко улыбаясь, — нальмальна, папочка.

Арифа нагнулась и поцеловала дочку:

— А папа тебе что-то купил.

Через пять минут Паська, как заправский пилот гоночного болида, носилась по всему двору: «Смали, папа, смали, я катаюсь!» Она привыкла к таким игрушкам.

Светлые ее волосы развевались на слабеньком ветру, измазанное чем-то личико сияло. Она то жмурила глаза, то широко распахивала их в озорном выражении.

Несмотря на дурное самочувствие, на сердце у Адама потеплело. Много можно отдать за то, чтобы кто-то так радостно встречал тебя. И только потому, что это — ты. Душа ликует, когда знает, что ее любят.

Дочурка счастливо щебетала, переполняемая восторгом, не в силах оторваться от новой игрушки.

Жизнерадостность была из нее ключом. Как маленькая юла, она носилась по дому с утра до вечера. Адам символически сплюнул от сглаза и произнес короткую молитву. Паська приветливо встречала гостей, не плакала в чужих руках, не боялась незнакомцев. «Без комплексов», — как сказала одна глупая родственница.

Говорят, что здоровый характер ребенка, его внутренняя сила зависят от чувств, царящих в семье.

До женитьбы Адам думал, что необязательно, чтобы муж с женой любили друг друга, как в индийском кино. Главное, чтобы уважали, были друзьями. Это не его мысль. Так бабушка часто поучала приходящих невесток и уходящих дочерей. Впрочем, и те и другие искренне верили, что уж у них-то будет, как в сказке. Бабушки давно нет, но правдивость ее слов подтверждалась для младших поколений с каждым прожитым годом. Мудрость как произведение искусства: время ей только на пользу.

Адам взглянул на супругу, она возилась у плиты под навесом. Несмотря ни на что, несмотря на разногласия, что часто возникали между ними (он еще не простил ей недавний разговор), Адам очень уважал жену. «Если бы она родилась мужчиной, это был бы достойный мужчина», — как-то решил он насчет нее.

Это был тот тип ингушской девушки, который всегда ценился в народе за мужество, трудолюбие, способность вырастить хороших сыновей. Однако таким девушкам часто не хватало женственности, но ингуши не считают это недостатком. «А стоило бы считать».

В детстве Адам слышал немало рассказов от бабушки о ее знакомых или родственниках, которых в Казахстане за кражу зерна или неосторожное слово, оброненное

в неподходящем месте, сажали в тюрьму на долгие сроки. И многие из них не просто выжили в лагерях, но и умудрились там заправлять.

«Если я умру, она справится одна», — размышлял Адам, любуясь профилем супруги. Арифа готовила. Черная прядь выбилась у нее из-под сиреневого платка, губы беззвучно шевелились, вторя кулинарным заклинаниям внутреннего голоса.

Калитка отворилась, и во двор вошел Элберд — его двоюродный брат. Он поздоровался с Арифой, после чего они с Адамом обнялись.

Двери их дома всегда открыты, но Элберд для Адама был самым желанным гостем: нечасто среди родни встречаются поэты. Адаму всегда было интересно с ним, хотя он понимал, что Элберд, то ли из-за нехватки опыта, то ли по другим причинам, не всегда продумывает то, что пишет и говорит. Например, неделю назад ночью они сидели, рассуждая о Властелине колец, о Юнгере и других материях, и тут Элб говорит: «Язык — дом бытия».

— Что это значит?

— Если честно, не знаю, — неожиданно признался он, — но меня почему-то не отпускает эта фраза.

— А по-моему, ерунда какая-то, — нахмурился Адам.

Паська прибежала со стаканом воды, которую Адам с удовольствием выпил. Элберд поцеловал ее в щеку.

— Исе хочешь, папочка? А ты хочешь, Уберт?

— Нет, Паська, спасибо тебе.

— Не за что, — деловито ответил ребенок, выбегая на солнце.

— Адам, идите обедать, — зовет Арифа.

Элберд выходит из-под навеса и подхватывает хохочущую Паську. Солнечные лучи, проскальзывая между темно-зеленых листьев ореха, выхватывают ее головку в косичках, наливая золотом ореол парящих в воздухе пылинок.

Адам счастливо улыбается, но в душе привычно шевелится маленькая змея: что за ребенок вырастет у родителей, совершающих нечто запретное.

«Что именно?» — беспомощно спросил кто-то в голове.

«Зарабатывают нечестным путем», — мысленно произнес он, и что-то холодное скользнуло по сердцу.

Адам в бытность студентом никогда не думал, что попадет на государственную службу. Но, как принято говорить, так получилось. Точнее, так получалось, и получается вновь и вновь.

После работы в следствии он зарекся возвращаться на госслужбу, но в Ингушетии выбор невелик, и если у тебя появилась возможность попасть на работу в одну из вышестоящих контор республики, и не за деньги, а потому, что тебя заметили, то отказаться тяжело. И он не стал.

Со временем Адам нашел доводы в пользу своего положения. «Легко критиковать, — говорил он себе, — а ты сам возмись за дело и покажи людям, как надо». Адам верил, что это возможно.

4

Освежающий шум, с которым речной поток проносится по своему руслу, стал громче. Мягкая прохлада приободрила Адама. Как хорошо, вздохнул он с облегчением, что есть такая штука — тень. Иногда нужно благодарить и за малое. Где же ребята? Он прошел уже километра два вдоль берега. Увидел много отдыхающих, но ни одного человека, убирающего мусор. Они точно ушли.

Адам сжал ладонями виски, слабость в ногах усилилась. Он присел у дерева, надеясь, что приступ слабости пройдет. Зачем он отправился сюда, не созвонившись ни с кем. Как глупо. Как глупо все, что он делает.

Год работы на новом месте, после переезда из Москвы, в коллективе госслужащих, привыкших интриговать (иначе женщины скучали на работе), доносить друг на друга руководству, был совсем нелегким. И вот в этом коллективе он, молодой специалист, завоевал доверие коллег. Как он ликовал про себя, когда осознал это. Все-таки он боялся, что не сможет сработаться с земляками так, как ему удавалось с москвичами.

Только вот недолгой была радость. Вскоре обнаружили и неприглядные стороны. Недавно старший коллега вызвал его и сообщил о финансовой схеме, посредством которой намеревался обогатиться. Так и сказал: финансовая схема, посредством которой я намереваюсь обогатиться. По-другому они в кабинетах разучились говорить.

Где-то вдалеке счастливо повизгивала плескающаяся в воде детвора. Адам швырнул подобранный камешек в сторону реки. Какое-то время бездумно выводил прутиком на земле число тридцать пять.

«Как это странно, — подумал он чуть погодя, упершись затылком в кору дерева, — почему люди так любят менять названия? Как будто слова влияют на реальность, и поэтому алкоголик не называет свою болезнь алкоголизмом, нет, он „лечится“; вор „берет свое“, а Горлум, в любимой книжке Элберда, получил кольцо „в подарочек“. Взятчик не берет взятку, он „принимает благодарность“, он не просит взятку, он лишь хочет, „чтобы его труд оценили по достоинству“».

Почему человеку так важны имена? Ведь все равно объективно кража — это кража, как ее ни назови. «Да, но та реальность, что в умах, — сказал себе Адам, повторяя за кем-то, возможно за Элбердом, — строится из слов. И меняя слова, мы перекраиваем реальность. И не только в своей голове, а во множестве голов. И вот уже некий человек, не ничтожный ворюга, а удачливый делец, уважаемый бизнесмен, сильная личность. А другой — не лжец, а пиар-менеджер, маркетолог».

Значит, то, что ему предлагают, — это, прямо говоря, взяточничество. Адам всю неделю убеждал себя, что он никого не обкрадывает, просто фирма, на которую переведут деньги, будет принадлежать ему. Почему бы и нет? А за это он отдаст часть полученного коллеге, который к тому же прикроет его.

— Смотри, как много тупиц, взятых по связям. Сидят здесь годами, получают зарплату. Не понимают толком своих обязанностей. А ты — башковитый. Ты понимаешь. Нам такие нужны. Мы не просто так тут, мы пойдем наверх, — увещевал его коллега, — наберем команду и поплывем.

— Да и что такого в том, чтобы подзаработать, никто тебя не поймает... — понял по-своему его колебания собеседник, — Я знаю, ты честный парень, но мы ничего плохого не делаем, просто по-другому никак нельзя. Само государство нас принуждает, иначе в чем смысл устанавливать госслужащим такие убогие зарплаты?

В словах коллеги было разумное зерно. Им всем платили копейки, и это когда у правоохранителей в той же Ингушетии зарплаты в пять раз выше: вот уж видно, кто здесь хозяин.

Поэтому он не смог сразу сказать «нет», лишь попросил отсрочку. Разговор состоялся пару недель назад, и с тех пор Адам все время вспоминал о нем. Много раз он пытался избежать чего-то подобного, и вот теперь снова. И хуже всего то, что он почти согласился. Да и сколько можно терпеть такое положение? Ему нужно содержать семью, строить дом. Нужно как-то существовать, пока другие воруют, живут в роскоши.

Было еще кое-что. Работа не радовала его, как не радовала сотни и тысячи таких, как он. Можно трудиться за гроши, если речь идет о любимом деле, но если ты ви-

дишь, что твое дело не приносит никому пользы, это подтачивает душевные силы. Может быть, многие меньше брали бы, если бы их просто благодарили за труды. Когда гробишь месяцы психической энергии на проект, нужный кому-то наверху для галочки, а после удачного завершения плоды твоего труда исчезают в недрах забитых макулатурой архивов, и так — многократно, это медленно лишает человека воли.

Недавно он заключил очень выгодный для государства контракт, но результат его усилий исчез, как камень, брошенный в пропасть глубокой ночью: без шума, без всплеска. Вот, наверное, удивились чиновники в семнадцатом году, когда камни полетели из темноты обратно. В них.

Многими овладевает апатия. Адам немало видел таких: средних специалистов, отлично знающих свое дело, но утративших понимание, зачем они работают. Их выдавали затравленный взгляд (появляющийся в минуты, когда им казалось, что никто их не видит) и мастерское умение сачковать. Они довольно жестко обращались со всяким приходящим просителем, впрочем не перегибая палку, и почти никогда не продвигались по служебной лестнице.

Он как-то поделился этими мыслями с Элбердом, который тут же своей поэтической интуицией проник в суть вопроса: «Ты делаешь, делаешь, делаешь, а левиафан жрет, жрет и жрет, запихивает в свое бездонное нутро. Он переваривает твою силу, твои мысли, тебя самого — для цели, тебе неведомой. Что за голова у левиафана? Плотно прижатая к тулову головка с глазками-бусинками и длинными усам-антеннами. Даже не головка, а шишечка в твердом хитиновом панцире, венчающая непомерное тело. Кажется нелепым, что этот нарост руководит столь огромным существом, но со временем, изучив его получше, ты ясно видишь, что движет чудищем не голова, а что-то таящееся в глубине его чрева».

«Как опасна эта маленькая голова. Стоит какой-нибудь дурной бактерии завестись в ее крошечных мозгах, и вот уже весь монстр безумствует, губя тех, кого он должен беречь. А они, не подозревая о его сумасшествии, в отчаянных попытках постичь, что все-таки происходит, встают пред лицом его, заглядывают ему в глаза, ищут там осмысленное выражение, но исчезают бесследно в бешеной пасти, разорванные, истертые в невидимые клочья. Если чудовище безумно, не ищи объяснения его действиям. Беги». А ведь они еще смеют называть тебя дурачком неприканным, — сжал Адам зубы, — хотя никто. Ничего. Не смыслит.

А ведь приход сюда грозит ему не просто лишением карьеры. Он может обратить на себя внимание, привлечь рыскающий взор окаянной твари. Ему ли не знать, он сам был ее зрачком. Адам еще на днях почти убедил себя принять предложение и стал почти счастлив, сбросив с себя тяжкий груз тоскливых мыслей. Можно быть почти счастливым, главное — уметь забывать. Не думать. Не думать. Не думать. Не думать об этом. Почти счастлив, почти забыв, как пять лет назад после университета вышел на работу в следственный отдел. Ему туда не сильно хотелось, но это было престижно. А потом Адаму пришлось посадить...

Адам потерял виски, запульсировавшие с утроенной силой. Он не хотел вспоминать, но память — злая штука. «Следователь — лицо процессуально независимое», — говорит кодекс. «Потому что от него ничего не зависит», — добавляют сами следователи. «Но от меня зависело, — в тысячный раз подумал Адам за эти годы. — Я мог уволиться. Уйти».

Фемида дала крен на правый бок, десница с мечом оказалась тяжелей весов, и Адам ничего не сделал, чтобы исправить эту кривизну. Четыре года — разве долгий срок? «Я мог оформить его на восемь, а сделал по нижней планке, бесплатно».

После того случая Адам недолго там продержался. Уволился, не объясняя причин, хотя подозревал, что товарищи-следователи, привычные к алкогольной анестезии совести, в объяснениях не нуждались.

С тех пор он старательно избегал всего, что связано с уголовной темой. А когда Элберд дал ему почитать «Архипелаг ГУЛАГ», он отбросил книгу на первой же странице, как будто она жгла ему руки.

Тогда он разбудил в душе змей, и теперь они без усталости жалили его во сне и наяву. Только в последний год он смог уверить себя, что парня все равно посадили бы, и может быть, даже еще на больший срок, и не он вынес приговор, а суд. Это было верно, но почему-то все доводы разума бессильны против змеи, что свивается внутри тошнотворным клубком.

Потом он работал в разных компаниях, но отовсюду уходил, пока вообще не уехал из Москвы, чтобы найти тихое местечко, где не надо делать выбор. Он даже подумывал после переезда заняться каким-нибудь бизнесом, но прошло полгода, а у него, как у человека, приученного государством к беспомощности, ничего не выходило. Деньги, привезенные из Москвы, заканчивались, глаза жены становились все печальней, и поэтому он стал искать работу. И нашел. Но не где-нибудь, а в Главном Аппарате.

5

Работа. В Ингушетии ты просто обязан работать. Каждый встречный, каждый родственник, приятель, сосед обязательно спросит тебя:

— Ты работаешь?

Каждый считает своим долгом узнать, где ты сейчас трудишься. Работе придаётся особое значение, как будто, работая, ты вдруг обретаешь некую ценность. В Ингушетии большое количество безработных, это официальная статистика. На самом деле многие промышляют, чем могут. Но «работой» в том торжественном и сакральном смысле, который придает этому слову ингушский обыватель, такую халтуру называть нельзя. «Ты работаешь?» — «Да так, занимаюсь разными делами», — отвечают такие ребята.

Когда Адама спрашивали то же самое, он скромно отвечал:

— Да, приходится.

— А где? — обычно не отставали от него.

— В Главном Аппарате.

После чего шел значительный кивок, и собеседник говорил что-то вроде: «Ого, молодец», или «Да? И как ты смог туда попасть?», или «Я всегда знал, что ты будешь министром каким-нибудь», а один знакомый отца даже сказал: «Ну ты урвал!»

Несмотря на молодость Адама, статус его тут же повышался, взрослые (он все не мог привыкнуть, что он тоже в принципе взрослый) начинали серьезно расспрашивать о грядущих политических изменениях, визнавали у него: когда сменится очередной глава республики, не будет ли войны с кем-нибудь, повысят ли зарплаты...

Родители гордились его положением. Если у них интересовались, чем занимаются их дети, они с достоинством рассказывали, где работает старший сын, заставляя Адама краснеть, если он оказывался поблизости. Многие тут же начинали выяснять, сколько это стоило отцу и какие связи он подключил. Поверить, что Адам сам устроился на такую должность, они не могли, лишь хитро улыбались, понимающе шурясь: «Нас-то не проведешь».

Если раньше Адам звонил в местную администрацию по какому-нибудь вопросу, привычно ожидая грубоватого и короткого взаимодействия, то сейчас стоило ему упомянуть, откуда звонок, как невидимые шестеренки вдруг переставали издавать ржавый скрип, ускорялись и государственный орган на том конце провода, к всеобщему изумлению, приходил в рабочее состояние. В безнадежно скучном голосе служащих вдруг появлялись вежливые интонации и даже веселые нотки, означающие, что ему хотят помочь, как родному сыну. Потому что он из той же касты, только этажом выше.

Адам попал в большую лигу, и мысли о потере этого места были мучительны. А ведь большинство даже не понимают его забот. Как-то сразу после назначения ему встретился на улице одноклассник Гамид. После традиционных приветствий и расспросов Гамид, хлопая Адама по плечу, ехидно улыбаясь, сказал:

— Слышал, ты теперь в Главном Аппарате! Ну, красава! Я знал, что ты далеко пойдешь.

— А, да ладно уж, баркал, Дал раъз хийл¹, — махнул рукой Адам.

— Причем в такой отдел, — продолжал с энтузиазмом Гамид, — чую, скоро ты со своей развалюхи, ты уж прости, на законную тачку пересядешь.

— М... — промычал Адам, выискивая что-то на своем рукаве.

— Да ладно, не отрицай, все мы такие, так и надо! Давай-давай двигайся, мути. И главное, не забывай про друзей. Мы с тобой давно не виделись, но знай, подпишусь под любой липой: однодневку левую быстро сляпать, нужные документы нарисовать, обращайся!

— Я не уверен... — в самом деле неуверенно начал Адам, — что у меня тут получится что-то такое делать.

— Да ладно тебе!

— Ну... да, — пожал Адам плечами.

— Узнаю старину Адама. Нет, ты прикидываешься...

Обычно Адам никогда не вступал в подобные полемики, но наглая ухмылочка, знакомая ему еще со школы, да насмешливый взгляд одноклассника вывели его из себя.

— Послушай, — сказал он, — мы с тобой не такие уж и друзья. Ты вечно доставал меня в школе, только те времена прошли. Так что не говори мне, как поступать!

Впрочем, нет, Адам так не сказал, но подумал. А ответил он следующее:

— Гамид, как только мне понадобится помощь, я с тобой свяжусь, спасибо, что предложил. Мне нужно идти. Еще увидимся, — закончил он, надеясь на обратное.

— Конечно! Я на связи. Звони!

Со временем Адам осознал, что с людьми нужно общаться на их же языке. Как объяснить человеку, что внутри тебя змеи? Что не хочешь брать грех на душу? Скажи безумцу правду, и он швырнет в тебя ботинок, ответь ему ахинеей, и будешь заключен в объятия, и неизвестно, что лучше.

— Ну что, ты будешь выбивать себе эти субсидии, — спрашивает родственник, бывший работник органов.

— Не знаю, дядя, вряд ли, — качает головой Адам в притворном сожалении, — не хочу с экономической полицией связываться. Они факты выдачи этих средств внимательно отслеживают, — добавляет он казенным языком, понятным старому служаке.

— А, ну разумно, — рассудительно соглашается родственник.

— Получается у тебя шабашка? — спрашивает знакомый предприниматель.

¹ Спасибо, благодарю.

— Ты знаешь, я посчитал, что это не сильно выгодно, навар слабый, выхлопа нет. Нерентабельный проект, в общем.

— Ну, если так, — потирая бугристый лоб, задумывается бизнесмен.

Иногда Адам спрашивал себя (иногда, не без тайного самодовольства): может, с ним что-то не так? Ведь норма — это состояние большинства. Всю прошлую неделю Адам думал, что согласится. Уже размышлял, как безопасно провести необходимые операции. Только ему плохо спалось ночами, снился старый кабинет, сейф, горы шитых томов уголовных дел, сигаретный дым. Он часто просыпался, пугая жену.

Они сидели с Элбердом за чашкой чая, брат, пользуясь обычной молчаливостью Адама, рассуждал:

— Ты знаешь, я что подумал: на днях мы резали барана для жертвоприношения, и вот в чем фишка-то: две части из трех нужно отдать беднякам, но мы не знали, где их найти. Понимаешь, что это значит? Не могли найти бедняков, — с нажимом произнес он. — Мы стали богаче. Все мы.

— Бедные люди всегда есть, — резонно возразил Адам.

— Это понятно, но еще лет десять-пятнадцать назад с этим не было сложностей, а сейчас я долго решал, как распределить мясо. И в итоге я не уверен, что те, кому я отдал его, были такими уж мискинами². А мой отец говорит, что тот, кто не ест кишки и голову барана, тот за бедного не считается.

— Возможно.

— Возможно? Точно! — махнул Элберд выдернутой из чая ложкой. — Подумай об этом.

— Угу, — кивнул Адам, — я хотел посоветоваться с тобой. Мне на работе предлагают кое-что, немного незаконное. Но можно хорошо заработать, хотя, честно говоря, не хочется влезать. Но я не знаю, как отказаться. Сомневаюсь даже, брат, что нужно отказываться, потому что...

— Да ну... тоже мне беда, — перебил его Элберд, — взвесь все и решай сам. Хотя меня настораживает фраза «немного незаконный», это как слегка беременная, что ли? И вообще, разве это сложно? Вот знаешь, что совсем никуда не годится? Я написал два сборника стихов, оба на русском языке. И неплохих стихов, заметь! А теперь понял, что я — не ингушский поэт.

Адама покорило то, как его срезали, но он, сдержавшись, спокойно спросил:

— Почему это?

— Потому что я пишу на русском!

— Тогда и Идрис Базоркин не ингушский писатель, — возразил Адам.

— Верно. И никогда им не был, — стукнул ложкой по столу Элберд.

— Если я — ингушский поэт, — по обыкновению, вернулся к своей персоне Элберд, — то тогда Гоголь и Булгаков — украинские писатели!

Адам как раз приложился к блюдцу с чаем, но рассмеялся, не выдержав серьезного тона друга. Смешной была не сама фраза Элберда, а круг проблем, который его волновал. И все равно где-то в груди ослаб злой нажим.

Стемнело. Элберд ушел. На кухне ужинали дядя с отцом. Прислуживала им Арифа. Адам собирался уйти в свою комнату, поиграть немного с Паськой, как услышал из окна, что отец зовет его.

² Бедняками.

Когда он вошел, мужчины прекратили разговаривать. Адаму тут же стало не по себе. Никогда не знаешь, чего ожидать от старших.

— Адам, — сказал отец, — Аслан хочет кое-что узнать.

— Да?

— Вопрос есть, — начал тот, — я слышал, что государство финансирует народный промысел. Говорят, есть программа, утвержденная по этой линии.

— И? — Адам уже знал, куда клонит дядя.

— Какие там документы нужно подать? Да... прямо скажу. Есть там возможность нам эти деньги пробить? Я сделаю бумаги, что у меня промысел, а ты можешь там подсобить? Заработанное поделим пополам.

— Конечно, сможет, — заявил отец, — если это вообще в его силах. Ты столько помогал нам, Аслан, ты старший, если не тебе, то кому?

— Мало ли, вдруг нет такой возможности, — из вежливости отвечал дядя.

— Да зачем нужны родственники, если они не опора друг другу! — продолжил отец, который и сам немало помогал братьям, близкой и далекой родне.

Адам молчал. Да и что тут скажешь? Выбора у него, видимо, не было. Тем более он на самом деле мог решить этот вопрос.

— Послушай, — строго посмотрел отец, — сделай все, что нужно. Не подведи. Ясно тебе?

— Да, — сказал Адам и удалился.

«Что же делать?» — размышлял он, бездумно уставившись в ноутбук. Рядом на ковре играл ребенок, но Адам его не замечал.

Вошла Арифа. Увидев лицо мужа, она обеспокоенно спросила:

— Что с тобой, Адам?

— Да так, ничего...

— Точно? Тебя огорчает просьба папы? Это сложно сделать?

— Да дело не в сложности, Арифа.

— А в чем?

Адам промолчал.

Подойдя к нему поближе, она сказала:

— Прости меня за то, что я днем говорила. Мы не голодаем, у нас все есть, больше нам ничего не нужно.

Адам поднял голову и внимательно посмотрел на жену.

— Построим мы этот дом потихоньку, ничего страшного. Не делай на работе ничего такого, что ты не хочешь делать.

— Ты правда так думаешь?

— Конечно!

Только что Адаму казалось, что все хуже некуда, как его спасли. В самом деле, за каждой тяжестью приходит облегчение.

— Спасибо, Арифа, пусть Бог будет тобой доволен.

— Ты больше не злишься на меня?

— А с чего ты взяла, что я злился?

— Ага, ну как же, у тебя на лице все написано бывает. Весь день ходил, дулся.

Всякая обида на жену исчезла, если и была. Он еще не придумал, как вывернется с дядей, может быть, он уступит, главное — его поддерживают, в него верят.

Завибрировал мобильник. Это было сообщение от коллеги. «Ну что, ты определился уже? Время идет, скоро будет поздно. Нужна твоя помощь!»

Адам с проклятием бросил трубку на пол. Арифа, которая стояла рядом, потянулась было к нему, но Адам быстро отвернулся, сделав вид, что не заметил.

Около полуночи он увидел объявление в Интернете.

— Я пойду туда.

— Нет, Адам, не надо, — уговаривала его Арифа, — не хватало нам, чтобы тебя уволили.

— Да ничего мне не будет! Я просто хочу поговорить с другом. Мне давно надо было с ним встретиться, извиниться, что пропал.

— Но зачем тебе это?

— Я просто поговорю с ним.

— Пожалуйста, Адам, если кто-то сообщит твоему начальству, с кем ты общаешься, у тебя будут неприятности! Ты останешься без работы! Без всякой работы, слухи быстро распространяются, все знают, кто устроил погромы тех магазинов в прошлом году. Странно, что он до сих пор на свободе.

— Он смелый, Арифа. Он всегда говорит, что думает.

Но не всегда думает, что говорит. А уж творит порой вообще странное, добавил про себя Адам. В самом деле, начиналось все довольно невинно. Разоблачительные статьи о местных коррупционерах. Потом митинги. Затем перепалка с ОМОНОм, драка, пятнадцать суток. И вот уже в прошлом году Казбек с толпой ребят разгромил несколько магазинов в центре города, где скрыто продавали, как говорят, спайс и другие наркотики. Один из продавцов, защищая товар, был жестоко избит.

И все равно он до сих пор был жив и на свободе! А ведь эти магазины кто-то крышевал. В том, что Казбек уже под колпаком, Адам не сомневался. Это не Москва, где можно затеряться. Тут все на виду. Точнее, под прицелом.

— Адам, если тебя уволят, ты всех нас подведешь, подумай, тебе не нужен этот Казбек, не общайся с ним. Я знаю, ты его очень уважаешь, это твой друг, но с ним опасно!

Адам больше не хотел говорить с женой. Уйдя в другую комнату, в ту, где гостит брат, когда приезжает с учебы, он просто лег на диван, чувствуя, как недомогание усиливается. Завтра у него будет болеть голова, а ведь почти пошел на поправку. «Это все нервы», — подумал он, закрывая глаза.

6

И вот, чувствуя себя отвратительно, он сидел на берегу реки, почти в отчаянии от того, что не нашел Казбека. «Все тщетно, — пришла мысль, — а чего я ожидал?» Совета? Советов ему дают больше, чем можно унести. Нет, просто надоело бояться. Надоело жить в клетке собственного удобства. Нужно сделать что-то, что нарушит привычный круг. И что это, если не встреча с другом, которого избегал много лет, потому что его имя в списках неблагонадежных?

Вот почему он здесь.

Боже, как болит голова. Он зажмурился, потом разлепил веки, чтобы увидеть размазанные силуэты деревьев, качающиеся в тумане. Надо умыться. Он потянулся к воде, как вдруг его окликнули. Адам повернулся, пытаясь понять, кто зовет. Зрение у него было не ахти. Из-за деревьев появилась приземистая фигура, в которой Адам тут же узнал Казбека. Адам с силой провел ладонями по лицу, словно пытаясь стереть с него напряжение, пытаясь видеть яснее. Казбек твердо шагал к нему,

и неожиданно тяжесть в голове отступила, и Адама наполнила привычная радость, которую он испытывал еще в студенческие годы, оказавшись в компании друзей. Адам улыбнулся. Чем ближе подходил друг, тем большее облегчение охватывало Адама. Они обнялись.

— Что ты здесь делаешь?

— Да так, прогуливаюсь, — пожал плечами Адам, — красивые места.

— Были бы еще красивей, если бы люди не бросали тут всякий хлам.

— Это верно.

Они помолчали.

— Ты искал меня, — Казбек не спрашивал.

— Да не то чтобы...

— Искал. Я думал, что ты после того, как стал большим человеком, забыл о друзьях.

— Я не забывал, брат, просто много работы было, — неумело оправдывался Адам.

— Ладно уж. Как домашние? Дочка растет?

Они, как и положено вайнахам, поговорили о здоровье родителей, семье, общих делах.

— А ты изменился, — заметил друг.

— На себя-то посмотри, — Казбек в самом деле поплотнел, не то что в студенческие годы, когда одежда висела на нем как на вешалке.

— Женился я, — довольно проговорил друг, похлопывая себя по животу, — ну в общем, говори, как ты?

Адам ответил не сразу. Стоит ли перекладывать на Казбека свои трудности? Впрочем, кто, если не друг?

— Знаешь, все как-то не очень. Работа эта. Мероприятия, субсидии, деньги. Предлагают тут разное...

— Конечно, предложат, — засмеялся Казбек, — а ты что хотел. Ничего, держись. Не сдавайся.

— Я стараюсь, Казбек, но почему-то становится с каждым днем все сложнее. Может, мне просто уйти? С голоду не умру. Бог прокормит.

— Подожди, не торопись. Уйти ты всегда успеешь, — почесал щетину друг, — ты лучше пользу принеси народу, родственникам, друзьям. Не ты, так другой там будет сидеть, в сто раз хуже тебя.

— Я понимаю... — со смутным беспокойством проговорил Адам, пытаясь поймать воспоминание о чем-то подобном. Ему это уже говорили.

— Послушай, Адам, еще пару лет назад я бы тебе сказал: беги оттуда! Но сейчас я понимаю, это не выход. И с каких пор ты убегаешь от чего-то? Помнишь, как я не мог выйти из подъезда на Серпушке?

— Ага, те ребята только и ждали, что ты объявишься.

— Они бы из меня сделали грушу, но я позвонил тебе, и вы со Славой прибежали и разогнали их как цуциков.

— Слава вообще отмороженный был. А я тогда руку об чей-то затылок сломал. Хорошее было время, — приятно, что друг не забыл.

Детские крики давно смолкли. Асса и так холодная, а после захода солнца вообще ледяная. Про Ассу всякое говорят. Говорят, что раз в году она издает страшный свист и требует себе жертв. И каждый год в ее обманчиво мелких водах находят утопленников. «Язычество все это», — подумал Адам.

— Так что соберись, дружище, и, главное, смотри на все это проще, — вырвал его голос друга из тумана.

— В смысле?

— Воспользуйся моментом. Я уже сказал: помогай тем, кто тебя окружает. Ты сейчас как раз можешь помочь мне. Раз уж мы встретились, наверное, мне стоит попросить.

— Конечно! — неестественно загорелся Адам. — Говори, решим!

— Ну, в общем... — Казбек посмотрел по сторонам. — Твоя контора заведует в том числе и торгами по республике?

— Так.

— У моего двоюродного брата маленький бизнес. Он не может пробиться на местный рынок, — Казбек замялся, — помоги ему получить контракт. А он выполнит всю работу по дешевке. Ну и сами уже договоритесь между собой, по справедливости.

— А как же... — обомлел Адам, — в прошлом году ты написал статью, где ругал чиновников за махинации с торгами...

— Читал, значит? Смотри, — заторопился Казбек, — ты совершишь благое деяние, — перешел он на религиозную речь, — поможешь человеку, который из-за всяких налогов и препон, что власти устраивают, не может нормально работать. И заметь, я не для себя прошу! Ты меня знаешь, мне это не нужно!

Потом уже Адам доказывал себе, что ничего страшного он тогда не услышал. Все равно обычно на торгах выигрывает «правильная» фирма, просто в этот раз победителем будет родственник Казбека. Да и не для себя же друг просил.

— Ингуши с каждым годом, становясь богаче, делают еще хуже. Мало и мало вам всего, — невесело проговорил Адам, — я не про тебя, Казбек, я — в общем...

— Скажи еще, богатство испортило ингушей, нужно вернуться во времена, когда мы были бедней, — я все это знаю, это мои слова.

— Вот именно что твои!

Кажется, Казбек говорил что-то еще. Только Адам его не слышал. Боль в голове не хотела униматься. В груди что-то обвалилось.

— Что с тобой? Тебе плохо?

— Нет, нет, все нормально, — скривил губы в улыбке Адам.

— Ты какой-то бледный. Заболел? — Казбек обеспокоенно схватил его за плечо.

— Да, немного... Мне нужно ехать.

— Ну, так что, получится у тебя? Или ты мне откажешь? Я пойму, если...

— Ты не против, я посижу тут один? — перебил он старого друга, — что-то правда нездоровится.

— Да, конечно, конечно, — засуетился Казбек, — ладно, я пойду тоже. У тебя же есть мой телефон? Позвони мне, как надумаешь. Мегадий? Давай t!аккx! Салам моршал д!але³.

Казбек сгинул где-то среди деревьев. Адам прислонился лбом к теплой коре дерева, его корни торчали из земли, повиснув без опоры. «Я как это дерево», — подумал он. Казалось, еще немного — и оно свалится в реку.

Перед глазами клубилась серая муть. Адам казался себе полым сосудом, как будто из него выкачали воздух, лишь при резких движениях что-то муторное поднималось из живота. Он не чувствовал земли под ногами, иногда ему казалось, что он падает или уже лежит, но мгновение спустя он обнаруживал, что все еще стоит, подерживаемый деревом.

Почему так получалось, что все, кого он любит или любил, толкают его в пропасть? Родители хотели, чтобы он работал в прокуратуре. Хотели для него лучшего. Разве они предполагали, что из-за них у него в груди навсегда поселится клубок змей? Все равно они не виноваты. И он не виноват, он хотел спасти того парня. Ему могли дать восемь, но дали четыре. В два раза меньше.

³ Хорошо? Давай тогда. Всем привет.

Казбек не просил ничего преступного, не просил же? Тогда почему так плохо? Жажда денег коснулась всех, как болезнь, как эпидемия. Нет ни закона, ни адата. Ничего — там, где есть жажда наживы.

Вдруг Адам почувствовал, как что-то внутри сдвигается. Как будто ослабевшая душа его настолько сжалась в одну точку, становясь все тверже и тверже, что дальше некуда. Адам заскрипел зубами, переживая краткую вспышку.

Затем дурная взвесь в его сознании стала оседать, оставляя после себя багровые контуры гнева. Адам выпрямился во весь рост. Сердце сильно колотилось, воздух прерывисто входил в легкие. Ему захотелось кого-нибудь ударить, хоть самого себя.

Адам, шатаясь, направился вниз, к берегу, к свету мерцающего неба, к темному водяному потоку. Ниже и ниже, но его болезненному сознанию казалось, что он поднимается. Огляделся: никого нет. Все ушли. Он один на этом берегу. Скинув обувь и подвернув джинсы, он сделал первый шаг. Померещилось, что вода зашипела, соприкоснувшись с его кожей. Жар в груди сразу поутих, сердце сначала застыло железным комком, а потом забило гулко. Он не виноват, что тот парень повесился.

Воды Ассы неглубокие. Утонуть сложно. Но сила потока утащит мало-мальски слабого. Адам, чтобы удержаться, ступней нащупал склизкий булыжник. Обретя равновесие, замер, а потом пошел, медленно поднимая отяжелевшие ноги.

Иван КАТКОВ

ДАЧНЫЙ СЕЗОН

Повесть

На улице шумели дети. Крикливые старушки, развесив ковры на турниках, отчаянно колотили выбивалками. Небольшой уютный дворик трусливо вздрагивал от разнокалиберных выстрелов старушечьего батальона.

Илья Кузьмин поправил лямку рюкзака и вытянул из кармана мобильный. До электрички оставалось полчаса.

Коротко звякнул колокольчик, Илья вошел в мини-маркет.

— «Балтику», тройку, будьте любезны.

Молоденькая продавщица в несвежем фартуке взяла деньги и выставила на прилавок пиво.

— Из холодильника можно? — спросил Илья, интимно коснувшись бутылки.

— Они там еще теплее, — пролаяла девица, — у нас холодильники сломанные! Умные все, я валяюсь...

Первый день отпуска. На две недели можно забыть о книжном магазине, которому Илья отдал пять лет жизни. Послать к чертям менеджера с его фетишем нюхать пахнущие типографской краской страницы, а заодно и близорукого напарника, всеерьез планирующего ограбление инкассатора. Выбраться из трясины городского безумия и отправиться на дачу.

В полупустом вагоне Илья занял место у окна и раскрыл недочитанный «Почтамт» Буковски. Справа ехали студенты. Они гулко переговаривались, заглядывая друг другу в конспекты.

Юноша с матерчатой сумкой-портупеей усердно кромсал огрызок стекла, презентуя пассажирам «стеклорез нового поколения».

— Это революционно новая модель, — успел трижды повторить он.

Лысоватый мужчина, подперев мясистый подбородок ладонью, самозабвенно слушал и часто кивал. В следующее мгновение он уже прятал «революционную модель» в карман, а довольный продавец спешно скрылся в другом вагоне.

Безжизненный голос объявил станцию. Вошли две пожилые дачницы. Уселись рядом с выходом. Задвинули в угол мотыги и грабли. Картонные коробки с драгоценной рассадой бережно усадили на колени.

Электричка набирала скорость. Быстрые лучи солнца загуляли по окнам.

Здоровенный парень, двигаясь по узкому проходу, остановился около Кузьмина.

Иван Олегович Катков родился в 1986 году в Казахстане. Учился в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского на филологическом факультете. Публиковался в журналах «Нева» (Санкт-Петербург), «Слово/Word» (Нью-Йорк), «Вокзал» (Санкт-Петербург), «Урал» (Екатеринбург), «Белый ворон» (Екатеринбург), «Гостинья» (Филадельфия, США), «Идель» (Казань), «Наше поколение» (Кишинев), «Петровский мост» (Липецк), «День литературы» (Москва), «Нижний Новгород», «Земляки» (Нижний Новгород) и др. Автор книги рассказов «Еще один день» (2017). Живет в городе Дзержинске Нижегородской области.

— Извиняюсь, — пробасил детина.

Задев колено Ильи, толстяк рухнул напротив. Отчаянно пахнуло костром и застарелым потом.

Машинально отряхнув штанину, Илья вновь уткнулся в книгу.

— Ну привет, Кузь, — неожиданно буркнул попутчик, — сигаретами не богат?

Илья поднял глаза. Длинные сальные волосы лежали на плечах потертой джинсовой куртки. Майка «Гражданская оборона» с оттянутой горловиной. Во всклокоченной рыжей бородке путались хлебные крошки. Серое от грязи лицо было усеяно мелкими царапинами.

— Не узнаешь? — негромко спросил он, подавшись вперед, словно секретный агент, встретивший своего связного.

— Шуня? — нахмурил брови Илья. — Ты?

— Ага, собственной персоной. Ну так как насчет сигарет?

С Шуней они познакомились на «ассамблее», в народе — «аська». Площадка с фонтаном у кинотеатра «Юпитер», одна из достопримечательностей Нижнего Новгорода. Место тусовки неформалов. В то время Илья учился в пединституте и, прогуливая пары, часто наведывался к фонтану. Пил пиво и болтал с соратниками по рок-движу.

Шуня запомнился добрым малым, рубахой-парнем, но абсолютно без башки. Настоящий панк. Быстрее всех напивался, чаще других его принимали менты. С лицами он общался фамильярно: «Витек, Димон, народ отдыхает, кончай бузить! Кончай бузить, оборотни в погонах!» Его грузили в «бобик» и за наглость колотили дубинками. До отдела толстяка не довозили, выбрасывали в одном из дворов.

Однажды, раздевшись догола, Шуня взобрался на фонарный столб. Обвив его ногами и двигая розовым, точно у молодого пороса, задом, он имитировал половой акт.

Несколько раз герой «ассамблеи» лежал в «дурке». Сначала косил от армии, потом его лечили от белой горячки (вообразив себя Тарзаном, на бельевой веревке пытался преодолеть расстояние до соседнего балкона), а после закрыли на три месяца за попытку суицида. По пьяни он исполосовал себе руки украденным из строймаркета полотном от ножовки.

Шуню Кузьмин не видел больше трех лет, с тех пор как окончил институт. Одни говорили, что он женился на медсестре психдиспансера, другие — постригся в монахи. И в то и в другое верилось слабо.

Илья выудил из рюкзака пачку сигарет. Шуня уже поджидал его в пропахшем женой резиной тамбуре, придерживая дверь ботинком.

— Куда едешь-то? — жадно затянувшись, на выдохе спросил он.

— В отпуск, на фазенду к себе, — отозвался Кузьмин. — А ты?

— Куда глаза глядят. Только бы подальше.

Вагон трянуло. Балансируя, словно калифорнийский серфер, Шуня едва удержался на ногах.

— Слушай, старый, — немного помолчав, сказал он, — может, накатим за встречу? Расскажешь что да как. Две тыщи лет же не виделись...

Это совсем не входило в планы Ильи, но он согласился. В который раз Кузьмин обругал свою проклятую интеллигентскую уступчивость. Илья отвел глаза к надписи на мутном стекле: «Не прислоняться!». Мечты о спокойном отдыхе исчезали, как заброшенные, одинокие станции за окном.

— Тебе где выходить? — Шуня вдавил окурочек в красную мишень на коробочке стоп-крана.

— В Чулкове, — ответил Кузьмин.

- Тогда пузырек возьмем — и в лес, партизанить? — предложил попутчик.
- Ты лучше расскажи, как живешь, партизан.
- Да по-всякому живу, — отмахнулся Шуня.

Вернулись на свои места. Кузьмин открыл пиво, приложился к горлышку и передал другу. Вмиг разделившись с бутылкой, Шуня убрал тару под скамью.

Бабули-дачницы синхронно покачали головами и брезгливо отвернулись.

Дверь с шумом откатилась. По салону промаршировали двое парней в синей униформе. Шуня резко опустил голову на колени и притворился спящим. Его волосы свесились почти до пола.

- Ушли? — через минуту спросил он, не меняя положения.
- Да ушли, ушли, вставай уже, — усмехнулся Кузьмин.
- Уф, — поднялся Шуня, выплюнув прядь волос.
- Ты чего перестремал, а? Не контроль же, а поездная бригада...
- Я думал, мусора.
- И с каких это пор ты от них гасишься?
- Береженого Бог бережет, — сказал Шуня, осторожно поглядывая вслед ушедшим железнодорожникам.

Ребята шагнули из электрички. Было солнечно, но прохладно. Колючие ветви деревьев цеплялись за высокое ограждение платформы. От свежего, загородного воздуха кружилась голова.

На прощание фыркнув, электропоезд тронулся.

- Ну что, есть тут лабаз где-нибудь поблизости? — осматриваясь, спросил Шуня.
- Ну а как же, в центре, — Илья повесил на плечо рюкзак, — в десяти минутах отсюда.

— Там вообще как? Тихо?

Кузьмин с удивлением посмотрел на приятеля, но промолчал.

Вышли со станции и двинулись по запыленному проселку в сторону деревни.

Аборигены настороженно осматривали приезжих, побросав свои садово-огородные дела. Кузьмин успевал здороваться с каждым из местных жителей. Кое-кто кивал в ответ.

Около магазина с бледной, едва различимой вывеской «Сельмаг» был оставлен мотоцикл с коляской. Вокруг него кружилась чумазая ребятня. «Дети республики ШКИД», — пошутил Илья.

— Какой динозавр, — сказал Шуня, кивнув на объект любопытства мелюзги, — «Ижак пятый». У моего бати такой же был. Когда-то.

Зайти в сельмаг Шуня наотрез отказался. Когда Илья закупал все необходимое, приятель отсиживался на бетонном приступке у служебного входа. Рядом ворковали голуби. От скуки Шуня метал в них камешки, целясь в подрагивающие, сутливые головы.

Сели на поляне в лесу. По крохотному, заросшему осокой и камышом озерцу скользили флегматичные утки.

Кузьмин достал из пакета водку, закуску, упаковку пластиковой посуды. Все это разложил на расстеленной на траве ветровке. Словно киношный отец Федор из «Двенадцати стульев», Шуня вцепился зубами в рожок краковской колбасы.

- Второй день толком ничего не жрал, — зачавкал толстяк, сидя на корточках.
- Бомжевал, что ли? — Илья налил по вступительной и сорвал фольгу с плавленого сырка.
- Че сразу «бомжевал-то»? — обиделся Шуня.
- Да видок у тебя своеобразный. Тут два варианта: либо ты с «Нашествия», а до него еще больше месяца, либо ты бомж.

- Ты, слышь!
- Ладно, держи стакан. Без обид.

Кузьмин проснулся. Из кухни доносился запах дыма. Затопив печь, бабушка Ильи возилась с закоптившимися чугунами. Зевая, Кузьмин потянулся в кровати. С похмелья шумело в голове и страшно пересохло во рту, но подниматься с нагретой перины совсем не хотелось.

В по-деревенски тщательно прибранной комнате было светло и уютно. На открытом окне шевелились занавески в цветочек. Почтенного возраста телевизор на комодке был покрыт кружевной вязаной салфеткой. Со стен смотрели пожелтевшие фотографии военных лет в строгих, пролаченных рамках. Ниже располагалось детское фото Ильи. В оранжевой бейсболке набок, он жмурится от солнца, оседлав новенькую, еще в заводской пленке «Каму». Складной велосипед с ручным тормозом (на зависть местным пацанам) ему только что подарили на день рождения.

Нетвердым шагом Илья добрался до кухни. Зачерпнув ковшом из алюминиевого бачка, он вволю напился холодной воды.

— Что, пить хочца после алкоголя-то? — съязвила бабушка, подцепив ухватом чугунок из печи.

Старушка была маленького роста. Отнюдь не исполину Илье она едва ли дотягивала до плеча. Строгий взгляд, не менее строгий нрав. Всегда ухоженная и опрятная. Пепельно-седые волосы старательно забраны в пучок, карамельного цвета бусы... На фоне односельчанок в застиранных сарафанах, галошах на босу ногу и бесформенных мужских пиджаках Кузьмина выглядела аристократкой.

— Да, баб Люд, что-то перебрали мы вчера, — выдохнув, утер губы внук, — ты уж нас извини.

— Извини, — передразнила Людмила Сергеевна, — пойди к столу, завтракай там. И черта своего грязного буди, я ему в чулане постелила.

Бабушка сняла с полки крынку молока и разлила по бокалам. В печи потрескивали березовые поленья.

— Чьих он хоть будет-то?

— Да знакомый, ба. Учились вместе, — соврал Илья.

— Учились они. Вино лопать вы учились...

Поплескав на лицо из умывальника, Кузьмин вытерся свежим полотенцем.

За столом Шуня чувствовал себя неудобно. Не отличавшаяся тактичностью Людмила Сергеевна сидела напротив гостя и внимательно его изучала.

— Как зовут? — требовательно спросила она.

Шуня покраснел и едва не подавился гренкой.

— Саша, — еще больше заливаясь краской, ответил толстяк, — Александр.

— И надолго вы к нам, Александр? — с издевкой поинтересовалась бабушка.

Шуня что-то промямлил и беспомощно глянул на Илью.

— Ба, ну че ты к человеку пристала? — заступился Кузьмин. — Дай поесть спокойно.

— Да ешьте, что я вам, — поднялась Людмила Сергеевна, — только учтите, шамберничать я вам не дам, на огороде вон полно работы.

— Ну это само собой, бабуль. Мы только на реку сгоняем, а после обеда поможем. Да, Санек? — Кузьмин хлопнул его по плечу.

Позавтракав, друзья направились к сараю за рыболовными снастями. И пока Илья занимался с удочкой, равнодушный к рыбалке Шуня отыскал в куче хлама потрепанную книгу. Сдув с нее пыль, он присел на верстак. Книга оказалась сборником албанской прозы.

— Кичо Блюши «Зонтик», Зийя Челя «Башмаки мертвеца», Бетим Мучо «Дом у моря», — посмеивался он, перелистывая серые, волнистые от сырости страницы.

— Ну все, готово, — сообщил Илья.

Выходя из сарая, толстяк звонко ударился головой о ржавую корабельную рынду, висевшую на крюке сверху. В сердцах матюгнувшись, он почесал репу.

— Е..., чего только у вас здесь нет.

Накопав в огороде червей, они зашагали узкой, крутой тропинкой к Ярилиной горе. Шуня ныл, как дитя, обжигая крапивой руки.

— Зря воды не взяли, — тяжело дышал он, — сушит — край.

— Спустимся, там родник будет, — успокоил Кузьмин.

С высоты горы, нареченной славянским богом солнца и весны, открывался живописный вид на реку Оку. Илья провел в этих местах все свое детство. Он помнил ветхий, облупившейся краской дебаркадер, бородатого начальника пристани, похожего на пирата из романа Стивенсона. Мчащиеся под сотню километров «ракеты» и «метеоры». Здорово было понырять с берега в пенистые волны, вздымаемые едва ли не со дна мощными двигателями. Детскому восторгу не было предела, когда они с ребятами издали замечали этих речных хищников. Тут же вскакивали с горячего песка и устремлялись в воду — дожидаться бушующих, накатывающих друг на дружку волн.

Илья чутко следил за поплавком, свободной рукой отгоняя назойливую мошкарку. Закатав штаны, Шуня пробовал еще не успевшую прогреться воду.

— А, хрен с ним! — махнул рукой он, сбросил с себя одежду и, разбежавшись, плюхнулся в воду. Раздался хлесткий шлепок. Шуня упал «на плаху».

— Урррод, — вскричал Кузьмин, — всю рыбу распугаешь, тюлень!

Хрюкая, Шуня выбежал из реки. Похлопал по отвисшему брюху и натянул майку.

— Окунись, Кузь, похмелье как рукой снимет.

— Отвали, — огрызнулся Илья, проверил на крючке червя и забросил вновь.

Поодаль, у рыбацких домиков, с шоколадным загаром мужик спускал на воду лодку.

Поскрипывая веслами, он проплыл мимо ребят. Надменно глянув на них, рыбак взял курс на подпуска с пенопластовыми буями, которые маячили вдалеке. На борту лодки, заметил Шуня, белой краской было выведено: «Титаник».

— Видал мужичка? — спросил Кузьмин, со свистом размахнувшись удилищем.

— Ну.

— Бароном кличут. С нами по соседству живет. Поехавший дядька, напрочь. Прикинь, считает, что все люди — клоны. Что правительство в семьдесят втором году, в год его рождения, заменило всех людей на клонов. А его, видите ли, не поменяли. Чуть ли не каждый день он строчит в администрацию заявления с требованием признать его человеком Настоящим и, до кучи, монархом всея Руси.

— Нормально, че, — усмехнулся Шуня, — я, когда в Ляхово лежал, и не таких видел. Кстати, а разгуливает он почему? Клиника же...

— Забыл, в какой стране ты живешь? Да у нас половину депутатов можно по желтым домам расселить или по тюрьмам, а они тем не менее все «разгуливают»... Всем на все плевать, Сань. Не замочил пока никого — и то хорошо. Хотя он вроде безобидный.

— Ну а «Барон»-то почему?

— Да черт его знает, вроде как из цыган, говорят.

«Титаник» покачивался на волнах. Мелодично напевая, будущий монарх проверял подпуска.

Утопая по щиколотки в песке, к берегу спускались две фигуры. Худой, длинный, как рельс, Суслик и Диман Жирков, или попросту Жирик, плотный, круглолицый, сплошь усеянный веснушками. На обоих были закатанные до колен спортивные, связанные шнурками кроссовки болтались на шеях.

Местные гопники. В свободное от пьянок время промышляли сдачей цветного металла и другой не вполне законной халтурой. Шуня напрягся. Принялся судорожно искать штаны, представляя, как нелепо будет смотреться в растянутых семейниках со Спанч Бобом, случись драка.

— Кузьма, — весело крикнул Жирик, — ё-мое, ты, шо ль?! Когда приехал-то?

Предвкушая скорую выпивку, Шуня потер ладони.

Встретиться договорились вечером.

Жирик спер у отчима литр самогонки, Суслик насшибал в огороде незрелых яблок на закуску.

Выпивали по традиции на Ярилиной горе.

— А ты че, типа рокер, да? — поплеывал семечной шелухой Жирков. — Не, ты ниче не подумай там, я без наездов. Так, интересуюсь.

— Не, я типа дзен-буддист, — ответил Шуня, — слыхал о таких?

— Да че-то слышал, — пробурчал Жирик, шумно сморкнувшись в сторону. — Все равно, замороченные вы все какие-то...

— Ну а вы не замороченные.

— Неа, у нас просто все.

— Ну да. Украл, выпил — в тюрьму.

— Да че уж так-то? — шмыгнул носом гопник. — Просто не беспределить, пацанов не ссучивать, крысой не быть, мать уважать. Короче, все по совести, быть правильным пацаном.

— Усек, Шунь? — вмешался Кузьмин, до хруста разминая яблоко в кулаке, — кодекс чулковских самураев.

Тронув Кузю за рукав, Суслик отвел его в сторону. Воровато оглянувшись, он совершил странный футбольный выпад, так, что правая голень оказалась на уровне его лица. И быстро вытащил небольшой перочинный ножик, спрятанный в дырявом носке.

— Во, видал?! — азартно выкрикнул он, топчась на месте, точно приспичило по малой нужде.

— Это все? — спросил Илья.

— Оп! Оп! Оп! — подскакивая, фехтовал Суслик. — Круто? Нравится?

— Да угомонись ты уже. Д'Артаньян недоделанный, — рассмеялся Кузьмин.

— Зря щемись, — помрачнел Суслик, — дело серьезное. За себя и за братву постоять надо уметь. Понял?

Он опустился на колено и спрятал нож в кожаный чехольчик на щиколотке.

— Между прочим, сам сделал, — похвастался он, поправляя носок.

— Пойдем лучше, выпьем, — улыбнулся Кузьмин, — а то там наши дзен-буддисты уже совсем заскучали.

Стал накрапывать дождик. Жирков предложил пойти в центр и продолжить банкет под навесом автобусной остановки. Шуня запротестовал. Недолго посоветовавшись, решили отправиться в баню к Кузьмину.

— А что, — сказал Жирик, — у нас Залипуга, помнишь, Кузь, такого? С майских в бане живет, и ничего. Его маманька выгнала. Он как набухается — она его в баню. А то жаловалась: он бухой по ночам дома музыку врубал и на двор ходил, отрабатывать удары на свиньях. Говорил, у них, мол, кожа толстая, им все равно, хоть кувалдой долби. А визг пороссячий на весь поселок стоял.

— О, господи, — вздохнул Кузьмин.

По дороге взяли еще два флакона мутного пойла.

Заметив из окна компанию, Монарх вышел на крыльцо. Облокотившись на перила, он стал снимать их на телефон. При этом что-то бормоча и хитро посмеиваясь.

— Здорова, Барон, — крикнул Жирик, — есть че пожрать?

Монарх воинственно поднял кулак над головой. На запястье звякнули массивные командирские часы.

— Парни, давайте потише, — волновался Илья, — как бы бабушка не запалила. Вон у нее еще свет в окнах.

К бане пробрались бесшумно, как диверсанты. Электричество подведено не было, поэтому пришлось повозиться с керосиновой лампой. Немного покоптив, она наконец разгорелась, освещая приземистую баньку тусклым светом.

Шуня устроился на верхней скамье. Выпивая стопку, он моментально занюхивал чуть подсохшим березовым веником. При этом неизменно повторяя: «Каааайф».

Курили прямо в парной, не выходя в предбанник. По бугристым деревянным половицам катались яблоки.

— Пацаны, а может, в клуб? — предложил Жирков, стряхивая пепел в эмалированный тазик. — А то сидим тут как лохи какие-то. Даже стремно.

— Да не, — поморщился Суслик.

— Да пойдем сходим, — согласился Илья, — хоть кости поразомнем.

— Нет, мужики, я пас, — сказал Шуня.

— Че так? — спросил Жирик, прищурившись.

— Мне рожу свою светить ни к чему.

— Ой, да ладно! Че, в розыске, что ли? У нас здесь ментов нет. Участковый один, да и тот синяк, появляется раз в год, дай бог.

— Идем, — все же поддался на провокации Шуня.

Допивая на ходу остатки «самопляса», медленным шагом, робким зигзагом прибыли к чулковскому клубу.

— Вэлкам ту зе найт клаб «Чулкаго-сити», — издевался Кузьмин.

Дверь в клуб была распахнута настежь. «Ну, где же ручки?! Ну, где же ваши ручки?!» — нещадно дребезжали колонки, исторгая хит незабвенных «нулевых». В унисон раздавались девичье блеянье и гадкий мужской хохот. Шайка местных угрюмо восседала на корточках у входа. Пластиковые бутылки с разведенным спиртом и ядовито-розовым лимонадом «Барбарис» ходили по кругу.

Неподалеку, ревя моторами, крутили «финты» двое мотоциклистов. На асфальте оставались черные круги от стертых покрышек.

— Чудное место, — сказал Шуня, косясь на гопоту, — ностальгическое.

— Раньше здесь бабули лбами об пол стучали, — сказал Жирик, — а теперь вот — культурное место.

— В смысле? — не понял Шуня.

— Да церковь это была до революции, — подсказал Кузьмин, прикурив сигарету. — Тут даже легенда своя есть. Когда большевики церковь громили, они иконы прямо на улицу выбрасывали. И на этих иконах станцевала местная комсомолка. Поранила ногу о раму и вскоре отшумела от заражения крови. Вроде как провидение Господне. Не знаю, слухи ли...

— Нельзя, — вдруг побледнел Шуня, — нельзя туда. Грех!

— Так это ж когда было-то, — сказал Суслик.

— Неважно. Все равно — грех, — у толстяка задрожали губы.

— Да-а-а, — осклабился Жирков, — все понятно с тобой.

— Да пошел ты!

Входя в клуб, Шуня трижды перекрестился. Гопники у входа заржали.

Жирик подбежал к ним и угодливо пожал руку каждому.

— Это «черемухинские», — вернувшись, объяснил Жирик, — лучше подальше от них держись. Целее будешь. Был бы без нас — уже бы ушатали. Они чужаков не любят. Тем более таких, как ты, — волосатых.

Внутри было душно. Длинные скамьи вытянулись вдоль стен, милицейская мигалка заменяла светомузыку, из публики — десятка два плохо одетого молодняка. Кто-то понуро сидел на скамейках, а кто-то дергался под музыку на проваливающихся деревянных половицах. Диджей за ободранной школьной партой в углу паялился в старенький мерцающий монитор.

Ближе к полуночи народу прибавилось. В клуб ввалилась громкая пьяная компания. Парень в военной форме с аксельбантом и заломленной на затылок фуражке вышел в центр и выставил два полных, плещущихся через край ведра. В одном оказался самогон, в другом вода. Крашенная блондинка в джинсовой юбке достала из целофанового мешка банный ковшник. Диджей убавил музыку и торжественно объявил:

— Поздравляем с прибытием из армейки нашего друга Леву Харитонов! Левыч, эта песня для тебя!

— Спасибо, брата-а-ан! — заорал Харитонов и потряс над головой сцепленными в замок руками. Потом грубо схватил блондинку ниже поясицы. Девушка театрально вскрикнула, он поцеловал ее взасос.

Заиграла «Демобилизация» «Сектора Газа». Танцующая молодежь стянулась в круг. По одному подходили к ведрам и выпивали из ковша за здоровье Левыча.

Пока друзья тусовались, Шуня устроился на скамье, свесив голову вниз. Его могучие плечи дергались, он рыдал.

— Перебрал мальца паренек, — сказал Жирков, останавливая Кузю, — с кем не бывает. Не трогай его.

В два часа ночи клуб закрылся. Пьяный шалман вывалился на улицу. Кого-то стошнило на угол здания. Две малолетние валькирии, не поделив парня, матерясь, вцепились друг дружке в волосы. Подруги валькирий, ярко покрашенные, выглядящие старше своего возраста, прокуренными голосами вопили:

— Клюева, вломи ты этой шлюхе, она на Борьку сама залезла. Все видали!

Кузьмин и сотоварищи нетвердо шли по центральной улице в сторону дома. На остановке были слышны голоса.

— Эй, пацаны, тормозните, — донеслось из темноты.

— Шаминь, — в ужасе произнес Суслик и рванул чьим-то огородом, лихо перемахнув через высокую изгородь. Звякая цепью, на него залаял сторожевой пес.

— Д'Артаньян, куда же ты? — прокричал вслед Кузя.

— Ну все, встряли, — обреченно вздохнул Жирик, — черемухинцы.

Одинокий уличный фонарь осветил их атамана. Он был сухопарый, высокий, с хищным скуластым лицом азиатского завоевателя.

— Курить есть че? — с акцентом спросил Шаминь.

Из-за его спины выплыло еще человек пять.

— Какие-то проблемы, ребята? — Кузьмин угостил его синим «Бондом».

— У нас нет. А у вас? — Атаман усмехнулся, достал свою пачку и втиснул в нее прожаренную сигарету.

— Стреляешь зачем? — с вызовом спросил Кузя. — У самого вон полпачки.
— Че-е-е? — сплюнул Шаминь.
— Пацаны, пацаны, — заскулил Жирик, — разойдемся с миром. Мы своей дорогой, вы — своей.

Самый мелкий из черемухинцев ударил Кузьмина снизу, апперкотом в челюсть. Голова Ильи запрокинулась, он прикусил язык, отшатнулся, едва устояв на ногах. На Шуню набросились сразу трое. Двоих он стряхнул с себя, как шенят, а третий повис у него на шее. Толстяк крутанулся волчком, гопник повалился на асфальт и зарорал благим матом. Шаминь, не вынимая сигареты изо рта, отвесил Жирику несколько горячих пощечин. Тот стерпел унижительные побои молча.

— Эй, стоп! — вдруг крикнул кто-то.

Мелькнул белый аксельбант.

— Шама, осади, — слегка покачиваясь, проговорил дембель, — харэ шакалить.

— В чужой базар не лезь, — прошипел Шаминь.

— А то че? — дембель широко расставил ноги и скрестил руки на груди.

У него тоже была своя бригада. Крепкие парни в спортивных костюмах.

Шаминь выстрелил окурком в сторону и, уходя, процедил:

— Еще ответишь. Пошли, пацаны.

Остальные уныло побрели за своим атаманом. Отступали они в свой район — Черемушки.

— Чурка, — злобно цыкнул дембель. — Пойдемте, парни, бухнем, — развернувшись, обратился он к ребятам.

— Нет, спасибо, — шепелявя, сплюнул кровью Илья, — как-нибудь в другой раз.

— Ты че, — толкнул его в бок краснощекий Жирик, — так нельзя, не по-пацански.

— Пойдемте, не ломайтесь, — со смехом сказал один из бригады, — там по полведра еще осталось.

Расселись на остановке. Ковшик бережно передавали по кругу, как священный Грааль.

— Вы пацаны нормальные, — отхлебнув, сказал дембель, — а чурок этих не стреймайтесь, они ничего вам не сделают, это черти. Я отвечаю.

Потом Шуне всучили гитару и сказали:

— Играй!

Брякая по струнам, он коряво исполнил хоровую «Все идет по плану». Дембель до боли сжал ему руку и похлопал по плечу, словно они были закадычными корешами.

Едва волоча ноги, Шуня и Кузьмин возвращались домой. Только-только показался оранжевый восход. Где-то вдали гудел поезд. Соседские петухи начинали вялую перекличку. Под горой на заливных лугах щелкал кнутом и посвистывал пастух.

— На крыльце разуемя, чтоб не шуметь, — осторожничал Илья, стаскивая мокрые от утренней росы кеды.

В коридоре Шуня наткнулся на мешок с комбикормом. Толстяка мотнуло в сторону, он угодил пяткой в кошачью миску и, вышибая плечом хлипкую фанерную дверцу, провалился в чулан.

Из комнаты выбежала заспанная Людмила Сергеевна. На ней была сорочка до пят, в руке она сжимала увесистую чугунную сковороду.

— Что тут творится?! — вскричала бабушка.

— Извините... пожалуйста, — хватаясь за дверной косяк, поднимался Шуня.

— Вон, алкашня! Пошел вон! Илья, марш спать, а ты — на первую же электричку! Сейчас же!

Шуня стоял, разинув рот и хлопая глазами.

— Иди в сарай, — шепнул Кузьмин, — днем все решим.

Шуня неуклюже, точно медведь-шатун, пошел по коридору.

В обед, заглянув в сарай, Илья обнаружил Шуню спящим на верстаке.

Он похрапывал на расстеленной фуфайке, по-детски заложив руки под голову.

Кузьмин позвонил в рынду. Шуня вскочил и замахал руками.

— Дурак, что ли, совсем! — толстяк потер глаза и закашлялся. — До инфаркта так доведешь! — Он присел на верстак. — Ё-мое, башка трещит — не могу. Слушай, — немножко помолчав, продолжил он, — бабушка твоя сильно расстроилась из-за вчерашнего?

— Ну а ты как думаешь, — сказал Илья, — прошли бы тихо, ничего бы не было. Кажется, она настроена решительно. Я так и не смог ее уломать насчет тебя.

— Чувак, мне сейчас в город никак нельзя, понимаешь? Выручай, а?

— О'кей, но при одном условии.

— Ну? — поднял глаза Шуня.

— Сейчас ты мне все рассказываешь, а уж потом будем думать, как поступить.

— Ладно. Только прошу — водички.

С Людой Шуня встречался еще со школы. Они учились в параллельных классах. Рассудительная, спокойная, она была полной его противоположностью. После школы поступила в Сельхозакадемию на ветеринара и работала волонтером в питомнике. Шуню за прогулы выгнали со второго курса. Целыми днями он околачивался на «ассамблее» и с гитарой попрошайничал в переходах. Когда их отношения оказывались на грани разрыва, Шуня завязывал пить, шастать на «аську» и устраивался на работу. Люда скрепя сердце прощала его. Спустя время он опять срывался. А она снова прощала. Любила.

Прошло время, они поженились. Сняли «однушку» в приличном районе, недалеко от центра. Люда работала в ветлечебнице, Шуня — помощником токаря на заводе «Гидромаш». Все было хорошо, пока Шуня не провалился в очередной запой. Две недели он пьянствовал у друзей в соседнем Дзержинске, а когда вернулся домой, жену не застал. Она переехала к родителям. Как ни пытался Шуня вымолить прощение, все было тщетно. Отчаявшись, он уехал во Владимир и стал послушником при монастыре. Трудился на кухне и прибирал трапезную.

Понемногу Шуня втянулся в монастырский быт, забывая о мирской жизни. Отрастил волосы и отпустил жидкую бородку, как у дьячка. Подолгу общался с монахами, пробовал читать Священное Писание. Слушал проповеди настоятеля монастыря игумена Илариона. Игумен был статный, строгий. Прихожане и служители храма относились к нему с почтением и трепетом. Бывший военный, политрук. Поговаривали даже, что он прошел Афган. Меж тем по-житейски мудрый и глубоко эрудированный. Для послушника Шунешова было неожиданностью, когда в разговоре Иларион процитировал строчки из Егора Летова.

«Это мой наставник, мой духовный учитель», — понял тогда Шуня.

Ходил за ним буквально по пятам. Сам завязывал разговор и слушал, слушал, слушал... Жадно, самозабвенно. Настоятелю храма Шуня был тоже симпатичен. Честный, вздорный и, как ребенок, наивный. Возможно, Иларион видел в нем прежнего себя. Молодого, бескомпромиссного бунтаря, воспринимающего в штыки все и вся.

Шунина книжная полка в келье обновилась сочинениями Николая Бердяева и Льва Шестова — Иларион посоветовал. Шуня пытался прочесть, правда, не осилил. Труды философов оказались для него неподъемными.

— Я даже не думал, что бывают такие священники, — однажды признался Шуня.

— Какие «такие»? — улыбаясь, погладил пышную, с легкой проседью, бороду Иларион.

— Ну, интересные, что ли. Я думал, что вы ограничены, дальше церкви своей и не видите ничего... извините.

Игумен еле сдержался, чтобы не потрепать его по волосам, точно бестолкового юнца.

— В каждом человеке, сын мой, есть целый мир. Более того, в каждом из нас есть то, что останавливает этот мир, — был ответ.

— Ну хорошо, — не унимался послушник, — а как же быть с ворами, убийцами, насильниками? В них тоже «целый мир»? Или что, ждать, когда их Бог накажет и они в ад попадут?

— Господь не наказывает, Господь милует. Люди сами себя наказывают. А те, о ком ты говоришь, не попадут ни в рай, ни в ад. Ад в них самих. Это уже не люди, это пустые оболочки. Мертвецы...

Единственной связью с внешним миром для Шуни был его сотовый телефон. Перед тем как отправиться во Владимир, он сменил сим-карту. На всякий случай оставил номер родителям, хотя был уверен, что они ни за что не позвонят. Так достал своих маму и папу непутевый отпрыск. Затем настроил послание жене.

«Любимая, я уехал переосмыслить свою жизнь. Надеюсь, что когда-нибудь ты меня простишь. С любовью, Саша».

Ниже он записал свой номер телефона. Письмо запечатал в конверт и бросил в почтовый ящик ее родителей.

И вот после четырех месяцев молчания сотовый зазвонил. Поколебавшись, Шуня с опаской взял трубку. Это была Люда. Она требовала развода.

В тот же вечер послушник сбежал из монастыря. Без труда разыскал местных неформалов. Те выслушали его историю и налили водки. Выпив залпом стакан, Шуня попросил еще. Потом он затянулся спайсом и потерялся. Пришла идея непременно вернуться в монастырь, забрать свои вещи и ехать к жене в Нижний Новгород.

— Куда ты в таком состоянии? — пытался вразумить Иларион. — Подожди до утра, и на свежую голову решишь, что тебе делать.

— Пропусти, сволочь, — кричал Шуня, — я все равно ее придушу! Эта тварь предала меня! Предала!

...Шуня прервал свой рассказ и расплакался. Кузьмин сел рядом на верстак и обнял его за плечо:

— Держись, братан. Возьми себя в руки.

— Потом мы с ним подрались, с игуменом, — утирая слезы, продолжил Шуня, — вернее, как подрались, я его бил. Он в ответ даже ни разу не ударил меня. Я ничего тогда не соображал, голову затуманило. Я сбежал, ночь потусил у нефров, а наутро один мне сказал, что меня менты разыскивают. Илариона мертвым нашли. Двенадцать ножевых. По местному каналу рожу мою показали.

— Ну и дела, — качнул головой Илья, выбил из пачки сигарету, закурил. — Это ты его?

— Да нет же! — Шуня резко встал, заходил по сараю взад-вперед. — Я просто ударил его, и все! Меня кто-то подставил.

— Кто? Кому это надо? Сам же говорил — в голове помутнело.

— Не убивал я! Не убивал! — снова разревелся Шуня, сползая на корточки.

— Да что ты ноешь-то?! — не выдержал Кузьмин. — Проблему надо как-то решать, а не слезы лить. У самого-то есть какие мысли?

— В бега, — отдышавшись, ответил Шуня, — другого выхода нет. На ноже отпечатки мои. Конечно, я ведь им на кухне работал. Опять же, драка была, после — мой побег. Короче, все против меня. Я ничего не докажу. Впаяют по полной...

Шуня закурил.

— Я из Владимира на попутках добирался, с дальнбойщиками в основном, до куда подбросят. Ночевал в лесу. Потом надоело прятаться, думаю — будь что будет, поймают так поймают. Тебя вот встретил.

— В голове не укладывается, — сказал Кузя, — ты в розыске, фейс твой по ящику засвечен, а ты преспокойно на электричке доехал, а потом еще и на дискотеку поперся.

— Не знаю, — пожал плечами Шуня, — может, они фотку со скана паспорта взяли. А там я худой еще и лысый...

— Ну ты понимаешь, что рано или поздно тебя поймают. Сколько ты еще так пробегаешь?

— Да все понимаю, но что мне остается.

— Тссс, тихо ты, — Кузьмин поднял вверх указательный палец, прислушался.

Снаружи были слышны сдавленные голоса.

— Сиди тут, я пойду, гляну, кто там.

Кузьмин вышел из сарая, плотно закрыв дверь. Но через минуту вернулся:

— Все нормально, это дурачки наши, выползай.

Жмурясь от солнца, Шуня выбрался на улицу.

— Ну как вы? — протянул руку Жирик.

— Нормально, — сказал Шуня, — дай-ка закурить.

Суслик молчал в сторонке, уткнувшись в телефон.

— А ты че там приуныл? — обратился Кузьмин к Д'Артаньяну, — вчера вечером ты порезвей был.

— Я за подмогой бегал, — ответил Суслик, не отвлекаясь от телефона, — много их слишком было.

— Парни, тут такое дело, — серьезным тоном сказал Жирик, — сегодня вечером у Левы-дембеля с Шамином стрела насчет вас. Вам бы поприсутствовать.

— Ага, этого еще не хватало, — буркнул Кузьмин.

— Левыч за вас впрягся.

— Ладно, пацаны, гуляйте. Нам сейчас не до этого.

— Ну как знаете.

Жирков ушел. Суслик постоял еще минуты две, водя пальцем по экрану телефона, и отправился вслед за ним.

Кузьмин забежал в дом и быстро прошмыгнул на кухню. Бабушка мыла полы в коридоре.

— Илья, — крикнула она, звеня ведром, — иди траву скоси за баней, а то все бурьяном поросло.

— Хорошо, ба, — ответил внук, наспех сооружая бутерброды.

В зале работал телевизор. Выходя из кухни, Кузя поймал взглядом до боли знакомую картинку, остановился.

«Всем, кому что-либо известно о нахождении Шунешова Александра Андреевича, просьба сообщить по указанным ниже телефонам» — вещало «Рен ТВ».

Кузьмин выключил телевизор и направился к выходу. Но его остановила бабушка.

— Дружку, что ли, своему понес? — кивнула она на бутерброды. — Ладно, зови его в дом, что он там у тебя в сарае, как скотина, сидит.

— Он уехал, бабуль. Еще утром. Тебе показалось, наверное.

— Ну конечно, уехал он. За дуру меня держишь?

— Ну че, поздравляю, — сказал Кузьмин, зайдя в сарай, — ты теперь звезда экрана. Только что репортаж в твою честь видел, — Илья протянул пакет с бутербродами.

— Как стемнеет, — сказал Шуня, шелестя целлофаном, — на трассу и на попутках куда подальше. Только мне деньги будут нужны. Поможешь, а? Мне больше не на кого надеяться, кроме тебя.

— Ладно, придумаем что-нибудь. А пока из сарая — ни шагу. Понял?

Шуня закивал.

В огороде, свесившись через ограду, Кузьмина подманил рукой Барон. На нем были панамы и круглые солнечные очки, как у Базилио.

— Я узнал твоего друга, — чуть слышно произнес он, — но я его не выдам. Потому что всех попов под суд. И легавых тоже под суд. Но моя якобы мать, Короткова Нина Семеновна, — клон. Она, если увидит, сразу наступит легавым — клонам. Осторожней!

— Спасибо, Барон. Родина тебя не забудет.

Монарх козырнул и зашагал по заросшему травой саду, высоко поднимая колени.

К вечеру нужно было собираться.

Кузьмин отдал другу остатки своих отпускных. Вышло около четырех тысяч рублей. Опустошив бабушкин холодильник, набил рюкзак продуктами.

— Спасибо, дружище, век не забуду, — расчувствовавшись, полез обниматься Шуня.

Кузя шагнул из сарая, но тут же ввалился обратно, осторожно прикрывая дверь.

— Там на крыльце какие-то типы. С бабушкой разговаривают.

Шуню мелко затрясло.

Кузьмин приложился к дверной щели.

— Нет у нас никого! Никого у нас нет! — кричала Людмила Сергеевна. Делала она это для того, чтобы услышали ее внук и Шуня. — Не верите? Проходите и ищите, сколько вам влезет!

Четверо мужчин зашли в дом. Трое были в гражданке, а один в полицейской форме.

— Шуня, менты! Сейчас вали огородом, потом «задами» до «ждэшки», перебежишь ее и будешь у трассы. Ну, ни пуха!

— К черту! — друзья хлопнули по рукам, и Шуня, схватив рюкзак, выскочил из сарая.

Беглец пробирался через огород гуськом. На любой посторонний шум он припадал к земле и замирал, как перепуганный домашний кот.

Наконец он добрался до металлической изгороди. Оглянувшись по сторонам, перелез. Понял, что от волнения оставил рюкзак на той стороне. Обругав себя, стал карабкаться обратно.

С рюкзаком за спиной Шуня передвигался короткими перебежками. Слева располагались дома, справа — редкий березовый перелесок, в центре — заброшенная дорога с глубокими рвами. Беглец старался держаться ближе к лесу, но и не упустить из виду проселочную дорогу, чтобы не сбиться с курса.

До железнодорожных путей оставалось всего ничего. У Шуня бешено колотилось сердце, мокрая от пота майка липла к телу. Толстяк тяжело дышал и старался сдерживать некстати накотивший кашель.

Совсем рядом затарахтел мотоцикл. Свет от фары выхватил рахитичные стволы молодого березняка. Шуня упал в траву. Ему хотелось провалиться глубоко в недра земли, чтобы все это поскорей закончилось. Виляя по неровной, ухабистой доро-

ге, мотоцикл медленно проехал мимо. Еще некоторое время Шуня лежал, не поднимая головы. Когда звук мотора стих, он поднялся и осторожно двинулся дальше.

Вскоре он увидел хорошо освещенную платформу с красной кирпичной будкой. «Еще немного, поднажми», — подбадривал он себя. До железнодорожного переезда со сломанным шлагбаумом было метров двести.

— Опаньки! На ловца и зверь бежит!

Шуня с ужасом обернулся. Это были Шаминь, Лева-дембель и целая толпа разношерстного деревенского люда. Шуня рванул с места, на ходу сбрасывая рюкзак.

— Убийца! Убийца! Лови убийцу! — вопили тетки.

Шуню сбили с ног. Но него посыпался град ударов. Кто-то в резиновых сапогах нарочито метил в голову. Полная женщина схватила его за волосы и рванула на себя. Шуня взвыл от боли. Подросток лет четырнадцати пинал его по ребрам носками тяжелых ботинок. В разъяренной толпе Шуня успел заметить Суслика и Жиркова. Они тоже отчаянно дубасили его ногами.

Как только Шунешов стал терять сознание, раздалось два хлопка. Едко запахло порохом, в небо взвилось облачко дыма

— Отставить самосуд! — выкрикнул мужчина в сером пиджаке и спрятал «макарова» в кобуру.

Деревенские жители неохотно расступались.

— Расстрелять гада! Без суда и следствия! — грозил кулаком, блажил нетрезвый мужик в тельняшке.

— Угомонись, сейчас не тридцать седьмой, — кричали ему из толпы.

— Как таких только земля носит, — кудахтала кривоногая тетка рядом.

— Да сатанист, сатанист это проклятый, — вторила ей сухонькая старушка, жамкая беззубой челюстью.

Избитый, валялся посреди дороги. Рваная одежда свисала клочьями. На оголенных местах кровоточили раны. Смешанная с кровью пыль налипла на лицо, шею и руки. Полицейским с трудом удалось поднять его с земли. Когда его перехватили под мышки, Шуня страшно завыл. У него оказались сломаны ребра. Бабушки охнули и перекрестились.

Его осторожно усадили на заднее сиденье серого «хендая» и увезли. Брошенный в пыли рюкзак прихватил с собой один из местных.

Два месяца Шуня провел в больнице. Его пристегивали наручниками к металлическому поручню кровати и посменно охраняли двое полицейских.

— Видали, личная охрана как у Киркорова, — шутил в палате Шунешов.

— Что натворил-то хоть, парень? — спрашивал заросший щетиной мужик, лежащий на вытяжке с загипсованной ногой.

— Да в том-то и дело, что ничего. Просто государство наше чересчур дорожит мной. Охраняет и оберегает.

В СИЗО Шуне было уже не до смеха. В переполненной камере с матерыми уголовниками он дожидался суда. Было неизвестно, сколько он там просидит. Спал Шуня под шконкой. В первый же день с него сняли кроссовки, дав взамен растоптанные башмаки, которые к тому же оказались на два размера меньше. Ему пришлось смять задники и ходить в них как в шлепках, с голыми пятками.

Прозвали его Хряком. Он убирал парашу и мыл в хате полы. Если кого-то мучила бессонница, Шуню будили и заставляли рассказывать фильмы или читать стихи. Когда он, полусонный, начинал декламировать вяло и без выражения, его лупцевали ладонями по щекам, пока из глаз не брызгали слезы. Но жестоко его изби-

вал только один сокамерник. Самый религиозный. Гена Метис. Обвиняли его по сто шестьдесят первой статье — грабеж. Бывший боксер, он умело наносил удары только по тем местам, где не оставалось синяков. Бил по печени и почкам. Через несколько дней Шуня стал мочиться кровью. Его радовало только одно — у Метиса вот-вот должен был состояться суд. А после суда его отправят по этапу на зону, и Шуня больше никогда его не увидит.

Когда Шунешов получил от родителей единственную передачку, ее разделили между собой подследственные. Шуне перепало лишь несколько сигарет. Жена к нему не пришла ни разу.

От сырости в камере у него страшно зудела кожа. Лицо покрылось незаживающими язвами и прыщами. Он похудел и осунулся.

Сходить на допрос к следователю для Шуни было счастьем. За это время ему хоть немного удавалось отдохнуть от бесконечных унижений и побоев. У следака Шуня шел в «несознанку». Конфликт был, драка была, но не убивал.

Потом в камере завелась «наседка». Парень лет двадцати пяти. Подозрительно приветливый и непомерно болтливый. Он угощал Шуню сигаретами, чаем, печеньем. Действовал хитро. Сначала подробно рассказал о себе. О том, как они с подельником, вооружившись травматическими пистолетами, грабили пункты «быстрозаймов». А потом, будто невзначай, спрашивал Шуню о его деле. Мол, я с тобой откровенен, расскажи и ты. Шунешов твердил все то же, что и следователю. Через три дня «наседку» перевели в другую камеру.

Кузьмин все никак не решался сходить на «свиданку» к Шуне. Само здание следственного изолятора наводило на него оторопь. Несколько раз он приближался к высокому бетонному забору с кольцами колючей проволоки, смотрел на темные окна за решетками и возвращался домой.

Однажды раздался звонок на мобильный. Девушка представилась репортером газеты МК «Нижний Новгород». Спросила, давно ли они знакомы с Шунешовым, и предложила встретиться. Кузя отказался.

На следующий день, собрав другу передачку, он стоял у КПП изолятора. «Свиданку» не разрешили.

- Только близким родственникам, — отрезал усатый сержант.
- Возьмите передачку хоть, — попросил Илья.
- Не положено, — усач захлопнул забрало двери.

Шуня вышел из СИЗО спустя полгода. На суде его оправдали за недостатком улик.

Однажды осенью Кузьмин встретил его на Московском вокзале. В компании с бомжом Шуня сидел в переходе и запивал флакон «Трояра» водой из грязной пластиковой бутылки. Стоял убийственный запах нечистот. Прохожие прятали носы под шарфами или воротниками курток. На Шуне были драный пуховик и замызганные спортивные штаны с темными разводами в промежности. Отекшее, одутловатое лицо с пожелтевшим синяком на скуле повернулось в сторону Ильи. Мутные, воспаленные глаза не выражали ничего. Шуня был настолько пьян, что, кажется, не узнавал Кузьмина. Проходя мимо, Илья ускорил шаг.

Спустя время он снова повстречал Шуню. На этот раз он был одет приличней, но выглядел сильно исхудавшим, высохшим едва ли не до костей. Он не мог устоять на месте. Дергался, словно его било разрядом тока, притопывал, приплясывал, ниж-

няя челюсть дрожала, скрипели зубы. Было ясно, что он сидел на «солях» или других психостимуляторах.

— Сотыгой не выручишь? — облизнув пересохшие губы, причмокнул он. — Вот так вот надо, — Шуня провел по горлу тыльной стороной ладони. — Я тебе денег должен, но отдам, не парься.

— Пойдем, в кафеху, что ли, зайдем, расскажешь, как ты, — вздохнув, предложил Кузьмин.

— Ну ладно, — махнул рукой он, — пойдем.

Свернули с Покровской, прошли дворами и оказались у «Наливай-ки».

Там в лучших традициях советских забегаловок практиковались только стоячие места с высокими, по грудь, столами. Собирались здесь в основном пролетарии и местные «кузьмичи». Идти с Шуней в более цивилизованное место было бы моветоном.

От выпивки и закуски Шуня отказался, а попросил купить ему полтора литра минералки. Когда Илья принес воду, Шуня отвернул крышку и с жадностью прилип к горлышку. Напившись, он по-собачьи облизнулся и забил под столом чечетку.

Разговор не клеился. Глотая минералку, Шуня не мог внятно произнести и предложения. Сопровождался этот сумбур бесконечными усмешками и кривляньями. Кузьмин молчал. Наливал, выпивал и молчал. Общаться с ним было бесполезно. Кузьмин уже стал поглядывать в сторону выхода. А Шуня все продолжал свои шизо-наркотические откровения.

Вдруг он замолчал. На изуродованном гримасами лице мелькнуло какое-то подобие задумчивости.

— Знаешь, а ведь это я тогда его, — промямлил он, — а меня вот отпустили... Иларион дело тогда говорил. Люди себя сами наказывают. Я не живу, я труп.

Не дав Кузьмину опомниться, он схватил со стола бутылку минеральной и вышел из кафе.

Невысокий мужичок за соседним столиком подмигнул Илье и дружелюбно приподнял четверть «Путинки» над головой:

— Ну что, братюнь, как оно?

— Как? Да лучше всех.

И махнул стаканом в ответ.

Николай ВАСИЛЬЕВ

* * *

стержневая сбывается боль, сказка дивная точно,
этот голос отплытия, голос отчаянья мой —
и циничное время приходит на нежную почву,
попирая ее и опоры не зная другой

снег лежит, как попало в меня,
не поправишь зеленкой устои —
но за ворот пальто, в засердечную шаткую тьму:
как бы я ни кровил тут, а сердце не столько стоит,
чтоб его никому не отдать,
не отдать самому

а душа — это я, произволу дыханья подсуден,
ветер носит посев и поет, как матрос, на дворе —
то ли будет еще, страх и трепет, а то ли не будет,
на подставе монетка стоит, на изъятом ребре

холод гнется к весне, и вопрос призывает к ответу —
пред предметом молитвы, который так незамолим,
жизнь — пустая стена меж окон, жесткость вешнего света,
и карниз для цветов, и посуда для дальней земли

* * *

о том, как любит нас Господь, воззвание
подсмертной лодки с жуткой глубины,
где мир — давно, всегда пора признанья
свободы непроглядной и вины

и между жутью собственной и сутью,
как между тридцать первым и вторым,
захлестнуты поднявшимся распутием,
мы в детский день и тоном, и горим

навстречу вместо цели и причины
с распахнутыми сладостней, чем мирт,
идет единокровная вершина,
и оползень в сандалиях гремит

Николай Васильев родился в 1987 году в городе Череповце. Участник Форума молодых писателей в Липках 2014 года. Автор книги стихов «Выматывание бессмертной души» (Стеклограф, 2017). Живет в Москве.

об это все, чего навек нас хватит,
пружинит сердце эпицентр свой
на середине жилы, на канате,
черно-зеленой ночью на Тверской

* * *

ни Летова, ни СПб, ни Лену
давно не стоит, не за что, ты что,
как безработную исписанную стену
и с воротом отпоротым пальто

не брат я мне, а кто я мне, Бог знает,
куда сбываться детству моему,
но в памяти по ящику зияет
скрип колеса, откуда, почему

да это всем послышался, хоть тресни,
сберегшего безумья Мандельштам —
и скрипка рыжая бежит, схватив, из песни
по верной встречи брошенным местам,

где облака волнуют кровь и щемит
тупой, как ветер, но еще смычок
беззвучную натянутую шею
в запекшейся политике дорог

* * *

живой я там не нужен никому
живой я там пройдет и не заметит,
где полицейский углядел жену
мою, искавший понятых на свете

фальшивая пята, свет ночной,
соседи у нее полубандиты
сады-колодцы семени Сенной
по циркулю рассеяны, разбиты

дерьма и сказки помесь по ножу,
едина дрожь луны и Грибанала
мне не было с тобою хорошо,
а что осталось, то и оставалось:

реальности сомнительный залог,
не жить — не быть ее крутых намерений —
тоска, неисцелимая, как зло,
покуда в горизонте не уверена

* * *

за стеклом у столицы кружится контуженный снег
о любви и воде раскрывается рот темноты
и «сейчас», будто рана со швом, совпадает с «навек» —
или череп с лицом, или вечное счастье с простым

или вечное горе с фантомным, обратно даря
отсеченное третье крыло — я ведь чую, что не
человек, если где-то не плачет в подушку петля
пилотажа лица, над бездонной землей, обо мне

но контуженный держится снег, без гвоздя и крыла,
на гудящем весу криулями, винтами ведом —
что-то помнит пилот и кружит над землей, как земля
без посадки и дна —
над своей несмиримой звездой

* * *

петлей подбородок ее и глаза ее — кверху
и воспаляют веревку ладони ее
противно и сладко, как тащит горчичную веру
на свет через все сокровенное это гнилье

из неба прорезанный крест распахнувшейся чайки,
на чистом глазу до ума доведенный зрачок —
так рыба и птица встрепещут в его чрезвычайке,
как будто и впрямь существуют уже и еще

так улица лепит дома, и дома за домами,
пробраться к проспекту Победы, и сим победим —
трава под грохочущей нефтью, стихи под стихами,
а девочка мутит водичку под сердцем сухим

тому, что ты любишь, нет плоти, любви этой кроме —
греть голод, безумное «есть», беспросветное «быть»
и пот, словно брызги от шторма, горит на Хароне:
предсмертному хочется женщины, Господа, пить

* * *

я знаю, все сожги, оставь тоску одну лишь
несбыточный позор с лопаты, без следа
в дымящуюся топь, где поздно мы проснулись,
но лучше, докажизнь теперь, чем никогда

но что-то говорит отдельному кому-то
(угрюм-бодряк с реки, и небо по нутру
скрежещет в дальний путь) — ты знаешь ли, Иуда,
кто ты такой, пожар смолящий на ветру?

тебе с гремучих крыш Фавора ли, Синяя —
всего лишь дикий свет на рану, синий йод
по фильтру ад и рай, когда твоя вина я
и на твоих губах — дыхание мое

* * *

люди спят в нерабочем приделе, безуютный весьма приют,
и кого-то на самом деле голоса говорят, поют
(он чужими скажет губами, на предельный поправ вокзал:
помоги мне, Господня мама — видишь, подвиг меня объял)

где-то между молчаньем и криком, на окраине центра речь
незнакомое солнце в зените, ровно между «сберечь» и «сжечь»
на качелях кружит девчонка — что случилось, ногами ввысь —
это где он, окликнувший сердце — не поймешь, но остановись

на разлуку души и тела — «как же я без тебя теперь»
глина в горле, вода в стакане превращается в водку, пей
и ладонь накрывает крышей, как фундамент открытый, рот
и по улице губ сомкнутых допотопный трамвай ползет

содрогнувшийся жгучий воздух над свечой, как простор, нагой
из разлуки души и тела, яко ветер или огонь,
вырывается твердь на карте, в изначальном ее углу,
где снимают Адам и Ева этот ржавый пожар вокруг

Владислав КОРНЕЙЧУК

РАССКАЗЫ

ГОРЬКОСТИ ДЕТСТВА

Какой-то голос мне скомандовал тогда:

— Арль!

И вроде как этим все было сказано: что Арль, почему Арль...

Я прожил в нем несколько месяцев. Из моего окна были видны крыши старинных домов и даже краешек древнего римского амфитеатра. Осенью 1888 года Гоген — известный эпизод — два месяца жил в «желтом доме», в «мастерской юга» Ван Гога. Оба художника намеренно выбирали одни и те же сюжеты: проверяли таким образом разные теории.

Это можно увидеть на полотнах Гогена и Ван Гога, запечатлевших виноградник, ночное кафе, один из самых красивых и старых христианских некрополей.

Кажется, я хорошо представлял себе, какими глазами смотрели обыватели провансальского захолустья на художников вроде Винсента Ван Гога и Поля Гогена, — плохо одетые и скверно питающиеся бродяги, живущие неустроенной бессемейной жизнью, — я и сам примерил эту шкуру. На живописцев часто смотрят с недоверием и легким презрением. Взрослые мужики, занимающиеся чем-то несерьезным.

Немало я прошел километров по окрестностям Арля. Несколько раз в жарком полуденном зное, идя по полю, встречал испуганного чем-то Ван Гога. Как-то обогнал бредущую по пыльной обочине массивную фигуру Гогена.

С Ивом Рэнглером я познакомился в Арле, охотясь за пейзажами с этюдником наперевес.

Вдохновленный его оценкой моих работ, после нескольких трудовых месяцев в Провансе перебрался в Париж, где вместе с мольбертом и ноутбуком законсервировался в квартирке эмигрантского Сен-Дени.

Под окнами — восточный базар. Но я, как правило, редко из дома выходил. За хлебом, молоком, сигаретами в супермаркет метнулся — и все.

Ко мне в Сен-Дени, кроме Рэнглера, никто никогда не приезжал. Да и мне было неловко в неряшливую и неудобную квартиру приглашать знакомых девиц. Хотя их у меня тогда и не было. К тому же я был влюблен в начинающую актрису Летицию.

Ив Рэнглер (ему хорошо за сорок) — из тех, о ком говорят: метр с кепкой. Настоящая фамилия Мартен. Неряшливым размашистым почерком живописец на каждой своей картине оставляет фирменный росчерк: Yves Wrangler.

Когда-то, из-за того, что он постоянно спорил, отчаянные бойцы-фанаты — hools футбольного клуба «Манчестер юнайтед» — прозвали художника Рэнглером.

Владислав Николаевич Корнейчук родился в 1970 году в Липецкой области. Окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. С 1993 года работает в СМИ. Круг интересов и сфера деятельности - культура, путешествия, общество. Живет в Москве.

Вчера мы сидели в студии Ива на площади Альма за двенадцатилетним односолодовым виски. Бледно-голубой фон огромного окна, возле которого мы устроились, рассекала светло-коричневая Эйфелева башня. Художник, уловив неподдельное внимание, неспешный интерес, которых так мало осталось в мегаполисах, рассказывал о своей жизни.

Детство выросшего по другую сторону Ла-Манша француза прошло в семидесятые годы в Манчестере. Отчим-англичанин — человек недалекий и грубый, когда, по его мнению, пасынок был виноват, награждал того тумачами. По словам моего старшего друга, за свой крайне низкий рост спасибо он может сказать именно отчиму. Впрочем, и матери — тоже.

Натянув заляпанный масляными красками берет с пятиконечной пентаграммой, делавший Рэнглера похожим на известного латиноамериканского камрада, художник курил бесконечную трубку. Когда табак в ней гас, Ив щелкал специальной зажигалкой, затягивался и на время про трубку забывал.

От матери, по словам Рэнглера, он тоже получил немало оплеух.

— Они с отчимом словно соревновались, — откровенничал художник. — Не знаю, хотела ли она намеренно подавить мое «я». «Шелковый у меня будешь!» — слышал от нее регулярно. Не раз, не два в кабинетах манчестерских педиатров матери обо мне говорили: «Он у вас вялый». А мать, кажется, недоумевала: с чего бы это? Как будто могло быть иначе!

Слушая Рэнглера, вспоминаю, как моя мать о шалопае Юлеке из моего класса говорила:

— Ужас, Яцек, за ним родители совсем не смотрят!

Я же, глядя на самодовольного, словно звезда Голливуда, Юлека, не мог не прийти к кощунственному выводу. Да, его мать и отец занимают куда более скромное положение на социальной лестнице, чем мои, да, у меня намного лучше с успеваемостью, — но все это не мешает Юлеку стабильно демонстрировать веселую рожу...

За окном стемнело. Надо было возвращаться к себе, на улицу Шато д`О, где я с недавних пор жил.

— Да побудь еще, Жак! — обращаясь ко мне, Ив использовал французский эквивалент моего имени. — Хочешь кофе? У меня еще круассаны остались.

Покидать уютное ателье Рэнглера, выходить на шумные парижские улицы, брести до станции метро — не очень-то и хотелось...

— Отчим, — рассказывал Ив, ставя передо мной двойной эспрессо, — замахиваясь и видя, что я сжался и дрожу, всегда обязательно жестко, резюмировал: «У-у, трус!» Удара могло и не последовать. Я был как дрессированная собачка. Получив ранее бесчисленное количество затрещин и пинков, теперь пугливо реагировал уже на один только замах. А отчим непременно констатировал: «Трус». Я привык к мысли о своей ущербности, та вросла в меня своими корнями. Если бы не мой сосед, мой друг, с которым я стал ходить на футбольные матчи «Юнайтед», драться с фанатами других команд, — Ив неосознанно провел указательным пальцем по длинному, берущему начало на подбородке шраму, — так, скорее всего, с этим ощущением и жил бы. Я раздавил этот страх окончательно в той драке, когда толпа «синих» нас четверых волтузила по тротуарной плитке недалеко от их поганого «Стэмфорд Бридж». Достаточно сказать, Жак, что из нашей четверки тогда живым остался только я. Это была скорее случайность. Очнулся в больнице только на четвертый день. И один час всего был в сознании. Потом еще дня два без сознания...

— А что твой отец?

— Он — француз. Живет в Лондоне. Я бывал у него дома, когда он уже бросил мать. Жил у папаши несколько раз неделю-другую... Когда сбегал из Манчестера от

отчима с матерью. Когда на матч с «Вест хэм» приезжал... От моей матери он периодически получал подзатыльники — буквально, Жак! — и бросил ее, что вполне объяснимо. Однажды, еще в девяностых, отец, имевший тогда маленькое агентство недвижимости, приезжал в Париж, чтобы убедить меня расстаться с «богемной жизнью». Предлагал работу в своем лондонском офисе. Помню, шли с ним по Елисейским полям. Разговаривали, молчали. Я пил на ходу из банки пиво, курил сигарету — и услышал от него что-то на тему здорового образа жизни... Меня прорвало. Про его подкаблучничество, про его бегство, про то, что обязательно стану, вопреки всем его сомнениям, большим художником, — все разом на него вывалил. Прохожие — мы, кажется, подходили к Триумфальной арке — смотрели на нас как на психов. На площади Этуаль он сел в такси и укатил.

Я заглянул в опустевшую кофейную чашку.

— Ив, я поеду.

— Ты же теперь на бульваре Мажента живешь? Недалеко от Северного вокзала?

— Ближе к площади Республики. Уже в любом случае очень поздно. — Направляюсь к двери.

— Жак! Забыл сказать... По-моему, ты зря бросил живопись. У тебя в последнее время стало получаться что-то свое...

Меня довольно долго доставал Юлек, предлагал подраться и выяснить, кто сильнее. Я не мог отказаться от этой дуэли. Мой классный рейтинг и так в ту пору сильно упал. Юлек не был сильнее меня. Задиристее, но не сильнее.

Я принял вызов. Дрались после уроков без секундантов недалеко от школы, в переулке. Состоялся обмен синяками. Юлек получил не меньше моего и задирать меня в будущем явно расхотел. На следующий день ему предстояло выдержать вал на смех в связи с «фонарем», который я поставил. Мой находившийся на катастрофических уровнях рейтинг, похоже, существенно погрелся.

В глубине души надеялся: мать не станет ругать за то, что я защищал свою честь. Дома, однако, ждало разочарование. Увидев на моем лице синяк, пропуская мимо ушей мои разъяснения, родительница наподдала еще. Пришедший с работы отец разбираться, почему я дрался, что произошло, не стал. Может быть, это была очень тонкая внутрисемейная дипломатия. Возможно, отец подумал: «Получил от матери по шее? Значит, было за что».

Однажды мы с моей подругой — француженкой Симоной — и матерью гуляли по Иерусалимской улице, говорили о разном.

— Они с Малгожатой, — сказала мать, обращаясь к Симоне и имея в виду меня и мою сестру, — думают, что, если бы я их мягче воспитывала, они б в жизни лучше устроились.

Потом уже тише и вроде бы невпопад добавила:

— Да я и не наказывала почти. Не помню...

К тому времени я уже давно понимал, что мама очень хотела мне добра, вероятно много делала для своих детей, ей часто было действительно трудно, при этом она не всегда понимала, что перегибает со строгостью. С одной стороны, просто не знала о том, что перед ней чувствительные, ранимые ребятки. С другой — мама выросла в такой среде, в которой тычки и ругань в отношении детей какой-то особенной грубостью и не считались. Отец же, наоборот, был слишком мягким человеком.

Однажды — мне семь, Малгожате одиннадцать — мать как-то наказала сестру. Маленькая блондинка рыдала. Мне было ее очень жаль. У меня у самого полились

слезы. Я по-детски неловко обнял Малгожату. Гладил по голове, по блестящим на солнце волосам сказочной принцессы, утешал:

— Когда вырасту, я на тебе женюсь.

Рыдая, Малгожата дала взвешенный комментарий:

— Братья и сестры не женятся.

...Возвращаюсь из Бове, был у сестры. В гостях подкрепился журеком, голубцами и порцией фирменного скепсиса Малгожаты.

Через два дня экзамен, а я беспечно езжу по гостям. Вчера у Ива за разговорами день прошел. Вернувшись из его студии, засел за учебники на всю ночь. Утром поехал в Бове. Сейчас 14:25, хочется спать... Скоро будет Северный вокзал, минут через десять, не больше, выходить, а я проваливаюсь в сон...

Звонит мобильник. Решаю ответить, не выходя в тамбур: пассажиры с соседних мест уже туда ушли — мы подъезжаем к Северному вокзалу.

— Привет! — Это Поль, знакомый марксист-троцкист-антиглобалист, в следующем году он заканчивает исторический. — Звоню, чтобы предупредить: мы вернулись. Пробудем дня три и снова уедем. Как твои дела?

— Прекрасно! Я подъезжаю к Северному вокзалу, скоро буду.

Квартиру на улице Шато д`О, где я сейчас живу, Поль предоставил мне в безвозмездное пользование на все лето. Он на пять лет меня старше (мне — двадцать три), мы неплохо ладим.

Поль участвовал в военных спецоперациях в Афганистане. Говорит, убедившись в том, что французская армия редко действует в интересах своей страны, военную карьеру оставил.

Я люблю с ним поболтать, хоть Поль и посмеивается над моим акцентом. Франция — страна иммигрантов, здесь чисто говорит теперь не так уж много народу...

Полгода назад в Марселе — на платформе Витроль — какой-то грозного вида мужик упрекнул меня в отсутствии... вежливости! Слово *politesse* он произнес даже дважды. Рэнглер, с которым мы возвращались после трехдневного пребывания в Арле (я поехал с Ивом на этюды), в самолете посмеивался:

— Он тебе хотел помочь вытащить из вагона рюкзак и этюдник, а ты на него, как на гангстера, уставился, ха-ха...

А все — почему? Да я просто не понял его идеального французского, когда он ко мне обратился!

— Давайте подкрепимся чем-нибудь! — Милана, подруга Поля, открывает холодильник, на одной из боковых стенок которого прикреплен большой постер субкоманданте Маркоса.

Символ антиглобализма внимательно смотрит на нас в прорезь своей *pasamontapas*, из его трубки вьется дымок...

Сербка извлекает паштет, масло, сыр, бутылку белого вина...

— Прекрасно. — Поль, кажется, удивлен моей запасливостью. — Мне багет с сыром. А ветчина есть?

— В магазине.

— Перекусим и сходим...

— Выпьем за наш приезд!

Сноровистая Милана уже наполнила винные бокалы. Делаем по глотку.

Смотрю на парочку и думаю: какие все-таки счастливые люди!

— Мы на недельку в Нови-Сад, а потом... — Поль посмотрел на Милану. — Куда мы собирались, не помнишь?

— Не-а! Я выпила — и плохо соображаю.

— Это так по-славянски — выпить и не помнить сказанное час назад!

— И ты, — в ответ ласково пожурела Поля Милана, — не помнишь.

— М-да... Это как-то не по-французски.

Всех развеселил оборот «как-то не по-французски».

Мы выпиваем еще по бокалу вина. Веселье с элементами славянской бесшабашности подступает неумолимо.

— Поль, тебя родители били? — спрашиваю.

Студент Сорбонны явно не ожидал такого вопроса, но отвечает:

— Яцек, бойся Бога! Когда я родился, средневековые нравы уже успели изрядно смягчиться.

— Поль, зови меня Жаком. А то Яцек — как-то комично звучит в твоих устах. И ты, Милана, зови меня Жаком. Кстати, тебе доставалось от родителей?

— Ну... иногда как-то наказывали, но бить не били. — Сербка, выросшая в Нови-Саде, наморщила лоб: как будто пытается что-то вспомнить. — Почему спрашиваешь?

— Одного знакомого художника били мать, отчим... Стало интересно, у кого как с этим. Может, диссертацию напишу.

— Как интересно!

— Ну да, «Подавление личности в семье и в обществе».

— Ха-ха-ха...

Хрустальный смех молодой женщины разливается по квартире, преодолев гостиную, гаснет в прихожей, у входной двери.

— Жак, ты читал «Детство» Горького? — У Поля какая-то идея.

— Только «Фому Гордеева».

— В «Детстве» есть очень точно на эту тему. Сейчас, Жак, я найду...

Поль запрыгивает на письменный стол — так он достает до самой верхней полки стеллажа — и извлекает потрепанную книгу, на обложке которой крупно набрано: «Maxime Gorki. Enfance».

— Открыв один из его рассказов, сейчас не помню какой, — сообщает нам Поль, — прочитал потом Горького все, что нашел на французском.

— Что ни книга, то призыв к революции! — замечает Милана, оторвавшись от приготовления сэндвичей.

Участник афганских спецопераций листает книгу Горького. Находит нужную страницу. Смотрит на меня.

— Нашел. Слушай. Дед после того, как он маленького Алешу сильно выпорол, приходит к тому и говорит: «Ты знай: когда свой, родной бьет, — это не обида, а наука! Чужому не давайся, а свой ничего! Ты думаешь, меня не били? Меня, Олеша, так били, что ты этого и в страшном сне не увидишь. Меня так обижали, что, по-ди-ка, сам Господь Бог глядел — плакал! А что вышло? Сирота, нищей матери сын, я вот дошел до своего места, — старшиной цеховым сделан, начальник людям».

— Границ четких нет, измерителя — вроде градусника — нет. — Меня уже несет. Мало спал, выпил... Я не замолкаю. — Сколько чего — неизвестно. Пропорции — какие? Если б хоть примерно представлять. Все перемешано. И сентиментальность, и агрессия, и душевная щедрость, и мягкость, и твердость — такой коктейль, что о-го-го! Были с матерью у окулиста. Перед тем, как мне в школу идти. Там таблица эта. Знаешь. Врачиха тычет указкой в рисунок — я называю, что там. Про некоторые изображения я просто не знал, что это такое: какой-то придурок нарисовал для этой таблицы нечто ни на что не похожее. В результате мне был поставлен диагноз «близорукость». Прописали очки и заставили носить, что для нормального зрения, конечно, вредно.

— Жак, а почему ты не сказал, что не понимаешь, что там изображено?

— Потому, Милана, что я стеснялся врачихи, как и всех людей вообще! Потому что боялся матери. Лишний раз лучше помалкивать, так мне внушили. Но я ж тебе и говорю сейчас. Почему к человеку надо относиться так, будто он все должен знать, уметь, только потому, что этот человек — мать, отец, старшая сестра?

— Твой отец, как я понимаю, тоже далек от идеала! — Подруга Поля считает своих родителей идеальными только потому, что никогда серьезно не задумывалась над тем, какие они на самом деле. Многие знания — многие печали.

— Милана, мы все далеки от идеала. И, само собой, наши отцы — тоже. Папаша моего одноклассника Юлека грабил ночные поезда, в основном идущие по ветке Москва—Варшава. Ночью с напарником врывается, по наводке проводника, в купе и тряс богатых туристов и мелких торгашей. Даже акселерата Юлека с собой брал. Тому пятнадцать было, когда ветеран, Герой Советского Союза, продырявил грабителей из их же «беретты».

— Жак, ты боевик пересказываешь?

— Это жизнь, Милана! О жизни в Польше тебе рассказываю. Абсолютно седой, весь в пигментных пятнах, застиранной майке и заштопанных тренировочных штанах, дед этот приподнялся с нижней полки и — хоп! — папа Юлека обезоружен, а пистолет смотрит в его сторону. Сам Юлек за отцом стоял и из оружия имел кулаки, баллончик с каким-то газом и наглуую рожу. В общем, одной пулей едва проснувшийся Герой Советского Союза их прошел. Не думаю, Милана, что Юлеку с отцом повезло больше, чем мне.

— Ты просто недостаточно романтик! — Милана, похоже, считает, что я эту историю придумал.

А я только чуть-чуть присочинил, не все детали помню, восемь лет прошло. Эту историю в лицее целый месяц обсуждали. Случай, произошедший вблизи польско-белорусской границы, превратился в миф с множеством версий. По одной — Юлека застрелил отец, поскольку одна из двух кобыл, на которых они прискакали грабить поезд, вышла из строя: Боливар не выдержит двоих...

На меня белое вино действует веселяще, а сербке почему-то хочется драматизировать.

— Жак, какой смысл в этом вот так грубо, топорно копать? Иди к психоаналитику!

— Если б, Милана, я лично не знал психоаналитика, еженедельно снимающего до состояния синих соплей стресс в соседнем баре, если б сеансы этих «кудесников» не были б так дороги, пошел бы сегодня же! Впрочем, я ж был как-то у психоаналитика. Он меня что-то спросил, черкнул в блокноте своем пару слов. Я, как полагается, лежал на кушетке. У него в кабинете над столом висел старина Фрейд. На подоконнике... м-м-м... такая подставка под курительные трубки, помню, стояла. И самих трубок там было штук семь. Он смолил, думаю, как ненормальный, этими трубками...

— А что он сказал?

— Я не помню. Он говорил, имея в виду, что я буду к нему постоянно ходить на эти сеансы, а потом просто посоветовал принимать снотворное, явно — очень токсичное. Откровенное шарлатанство! С меня отравленного автомобильными выхлопами парижского воздуха достаточно! На следующий день я этого мужика на площади Пигаль видел входящим в порнокинотеатр. Да, смешно, но это — факт. Милана, ну, бывает такое. Случай. Совпадение. Иду по Пигаль. Там вход такой... с плотной портьерой. Слышны звуки, точнее — стоны. Возле дыры — здоровенный чернокожий привратник, улыбается: милости просим, все будет ОК... Да, я понимаю, что вы и сами там мимо проходили! Ну вот... Он то ли рекламки-программки, то

ли флайеры раздает. Передо мной шел мужик, обычный какой-то, я не разглядывал, остановился выяснять у громилы, что там интересненького. Я как раз мимо них проходил. Оказалось — это тот самый психоаналитик! Оглядываюсь, а он внутрь пошел. Наверняка подверг во время киносеанса кого-то психоанализу.

Поль все это время продолжает читать книгу Горького.

— Ты-то сам там, на Пигаль, что делал? — Милане почти смешно. У сербки быстро меняется настроение.

— Да известно что, посещал проститутку. В психотерапевтических целях.

— Серьезно? Жак...

— Шучу. Я их боюсь на самом деле.

Пора вырывать Поля из цепких лап Горького. Он все это время, словно прилежный ученик, читает «Детство»!

— Дружище, — обращаюсь к французу, — а можешь вслух?

Поль отрывает взгляд от книги. Смотрит на нас с Миланой так, словно видит впервые.

— Ладно. Слушайте, — смиренно соглашается Поль.

— Рассказывал он вплоть до вечера, и, когда ушел, ласково простясь со мной, — читает нам Поль «Детство» Горького, — я знал, что дедушка не злой и не страшен. Мне до слез трудно было вспоминать, что это он так жестоко избил меня, но и забыть об этом я не мог...

— Кстати, если бы не этот жестокий дед, стал бы Алеша Пешков — Максимом Горьким? Сто процентов — нет. Поль, я хотел тебя, почти дипломированного историка, спросить. В государствах, где у власти находился не крупный капитал, а трудящиеся, подавления личности не было?

— Если коротко, то было.

— Вот! И ты говоришь, что есть смысл в какой-то там борьбе?

Поль, увидев на лице Миланы недоумение, говорит:

— Жак, поговорим потом на эти темы, а? Честно говоря, сейчас хочется просто посидеть дома, попить вина, поболтать о чем-то более веселом.

— Вот-вот, Жак, — соглашается его подруга, — перестань мрачно смотреть на мир.

Мы еще долго, до глубокой ночи, несем околесицу. Выпиваем все запасы вина. Постоянно, почти отчаянно, но весело, иногда перебивая друг друга, о чем-то говорим. Идем в супермаркет за ветчиной, сырами, прихватываем там еще недорогого хорошего белого и красного вина, минералки. Поль, Милана, я — мы всю дорогу не умолкаем. Выпиваем по дороге домой в соседнем баре по чашке кофе.

Поль, оказывается, снова курит. На улице закуривает. Мне не хочется. Но я тоже вытягиваю из пачки с цыганкой сигарету. Поль утверждает, что их теперь во Франции не производят.

— Серьезно? Я и не знал, тогда давай и по второй покурим.

— Давай с твоей личной жизнью уже решать.

— М-м-м...

— У тебя вообще были девушки?

— Само собой, Поль! Но это все было там, в Варшаве. И одна из них вообще была проституткой.

— Ого...

— Да я не знал об этом! Она это скрывала. Делала вид, что приличная. А сама имела такой грандиозный опыт... В общем, что говорить...

— А в Париже?

— М-м-м...

— Ты у нас монах Тук какой-то.

— Летиция не в счет... В Париже была, Польша, одна. Симона. Я с ней даже в Варшаву как-то летал. И сейчас — есть. Не Симона, другая.

— Ах ты прохвост!

— Ее зовут Надежда. И она, к слову, русская. Не совсем русская. Фамилия — украинская. Весенчук, что ли... Или Песенчук. Ну, как-то так. Оканчивается на «чук». Это означает, что она может быть украинкой. Хотя и русской с такой фамилией тоже может оказаться вполне.

— Получается, нашел себе украинку? Ну, молодец!

— Ха-ха-ха...

— Она из Вологды.

— Наверное... это где-то на Волге...

В какой-то момент становится не по себе: наступит время сна, и я останусь наедине со своими мыслями.

Когда в третьем часу ночи укладываемся, так и происходит. Из-за двери спальни ничего не слышно, во всей квартире тишина. Я постелил себе в гостиной на диване. В окно сквозь гардину светит уличный фонарь. С дивана, из того положения, в котором я лежу, хорошо виден через кухонный дверной проем бок холодильника. С него на меня смотрит через прорезь своей *pasamontanas* мексиканский борец за справедливость. «Интересно, дети в Чьяпасе совсем не плачут от того, что их несправедливо наказали? Там теперь такого не бывает? Может, субкоманданте в отдельно взятом штате построил общество, в котором нет горькостей детства? Ох, сомневаюсь...» — вертятся последние, уже сонные, мысли. Сейчас мне кажется, что и он — этот повстанец — всего лишь унылая деталь нашего циничного и прагматичного мира, состоящего из рекламы, пиара, маркетинга, манипуляций человеческим сознанием. Даже из Че Гевары сделали модный принт! Я не верю в улучшение человеческой жизни на планете Земля с помощью каких-то там преобразований, борьбы, революций. Общий объем зла и всякой нечисти в век, когда люди бесконечно ведут по мобильникам бессмысленные беседы, скорее всего, остается примерно таким же, как и тысячу лет тому назад, когда они почти столько же времени уделяли чтению Священного Писания и молитве... Веки все-таки тяжелеют. Моя фабрика грез обволакивает сознание... Перед тем как окончательно провалиться в нее, соглашаюсь с самим собой: «Хорошо, что не отдал кому-то, не выбросил этюдник и краски...»

ПОИСКОВЫЙ ЗАПРОС «ЖЕМЧУЖИНА»

Портвейн — крепленое вино, изготавливаемое из растущего в долине реки Дору винограда.

Название получил в соответствии с городом, через порт которого этот вид разбавленного этанола традиционно экспортируют.

Просыпаясь в своем отеле, я слышу надоевший мне за двенадцать дней крик чаек и почему-то вспоминаю о сидящей на рецепции мрачно-величественной, словно исполнительница «фаду», даме.

Выглянув на балкон, обнаруживаю на пляжной пустыне Матозиньюша серферов. Облаченные в гидрокостюмы, они пытаются скользить по едва заметной волне.

До самолета — четыре часа.

Рюкзак упакован еще до эпохального разговора с Петровичем. Давно я столько часов кряду, сколько вчера с Бурунзиным, не беседовал. Осталось принять душ и не забыть в номере походные вьетнамки.

Утвердившись под прохладным водопадом в установленной, возможно, еще при жизни Фернана Магеллана душевой кабине, вспоминаю вчерашний день.

Мы пообедали с Петровичем недалеко от башни Клеригуш. Бурунзин утверждал, что это единственное место в центре Порту, где можно брать дораду, и свою порцию съел с большим энтузиазмом. Потом, идя по набережной Дору до района Фош-ду-Дору, иногда подзаряжались кофеином и десертами.

Познакомились мы накануне. Купив где-то в центре сувенирную кружку, тарелку из тех, что вешают на стену, примерно в восемь вечера я, после кратковременного обморока на втором этаже пятисотого автобуса, вышел на остановке в Фош-ду-Дору. Хотел сфотографировать закат на Атлантическом океане.

Отрезок пляжа — справа и слева выступы скал — был пуст. Кроме меня, единственным обитателем здесь в этот час оказался мужчина лет шестидесяти пяти. Он сидел, откинувшись на каменную кладку, смотрел куда-то за горизонт.

Сделав несколько кадров, посмотрел в сторону, как мне тогда казалось, португальца. Тот, заметив мое любопытство, кажется, высокомерно сощурился.

Однажды, идя с пробежки по променаду в отель, я уже видел его. Этот человек стоял на обочине, указывая жестами, что там, где он стоит, — свободное парковочное место. Сидя за рулем, проскочить такое редкое явление легко, а назад не сдашь. Благодарные автомобилисты давали «подвижнику» кто один евро, кто два.

Присев на песок, я ждал. Мне хотелось сделать снимки, на которых солнечный диск касается горизонта, наполовину скрылся, едва виден из-за него...

— Из Москвы? Из Питера?

Я вздрогнул.

«Португалец» стоял рядом, продолжая всматриваться в горизонт. В глаза бросились островки щетины, украсившие труднодоступные неровности. На загорелой шее, в обрамлении выреза красной майки, висел нательный крестик.

Солнце тем временем коснулось горизонта...

— Из Большой деревни, — ответил я незнакомцу, поскольку с семнадцати лет жил именно в Нерезиновске.

— Я из Ленинграда. Архип Петрович, — говоривший протянул грязноватую ладонь. У него было очень сильное рукопожатие.

— Я вас видел, вы постоянно парковочные места впариваете.

Вместо ответа на мой каламбур новый знакомый дрыгнул ногой, стряхивая налипший на вьетнамку песок, и закурил вынутую из мягкой пачки сигарету без фильтра.

До того как покинуть родные берега, Бурунзин был одним из лучших литературных переводчиков с испанского и португальского в Ленинграде. Начало девяностых, в стране развал, пустые магазинные полки, общество на грани гражданской войны... Бурунзин же был из немцев. И смог это подтвердить. Долгие годы избегал советский переводчик ассоциироваться с чем-то немецким, а тут время пришло, когда это оказалось более чем кстати. Германия великодушно приняла его в свои объятия. О родных, о семье мой собеседник ничего не рассказывал.

— Такое ощущение, когда уезжал, было... Эйфория! Вторая молодость наступила!

Произнося эти слова, Бурунзин картинно напряг оба бицепса и исторг из чрева очередную струю табачного дыма.

Сначала Архип Петрович жил в Баварии, потом на Тенерифе. Работал на строительстве то ли виллы, то ли целого дворца какого-то богача. Несколько лет как осел в Порту...

Вчера, дойдя до океана и района Фош-ду-Дору, взгромоздились с Петровичем на парапет.

За маяком Фелгейраш, слева от нас, смешивались с Северной Атлантикой приносимые из каких-то медвежьих углов Пиренейского полуострова воды реки Дору. Позади нас, сразу за набережной, принимала солнечно-воздушные ванны каменная «форталеза» XVI века.

Сильная низкая волна, завершаясь обильными брызгами, иногда захлестывала подножие башни маяка, стоявшего в конце длинного мола, билась о берег. Между нами и ней на крупном пляжном песке валялось несколько равнодушных тел. Дул влажный и прохладный, несмотря на жаркое солнце, ветер...

До моего отеля было уже рукой подать. Говорили о литературе, о жизни...

— Понимаете, Архип Петрович, это было... Лучше, чем Керуак, не скажешь. Я даже наизусть помню кусок из «Дороги»: «I was a young writer...».

— Красивый фрагмент, — согласился Бурунзин. — «Я был молодым писателем... хотел отправиться в путь... я знал... где-то я завладею жемчужиной...» Каждый, в общем-то, хочет только одного — получить Жемчужину...

Бурунзин закурил очередную сигарету — океанский ветер метнул мне в лицо табачный дым.

— Постоянно тогда носился с этой книгой, всем о ней восторженно рассказывал, давал читать, — вспоминал я журфак МГУ.

Дым летел в мою сторону. Я уже давно сам не курил. Запах жженого табака был неприятен...

Мимо проехал двухэтажный автобус пятисотого маршрута, в котором накануне вечером со мной приключился обморок.

Торчать на пляже надоело. Петрович предложил пойти в нашу сторону. Жил он, по его словам, поблизости.

Когда проходили очередной украшенный «азулежу» фасад, Петрович сказал:

— Здесь я живу. Может, по рюмочке портвейна?

В квартире Бурунзина слегка пахло сыростью. Это напомнило мне запахи отсыревшей штукатурки, подгнившей древесины, плесени, которые всегда сопровождают храмы в Браге, Авейру, Порту, Лиссабоне.

Мы сели возле журнального столика — в метре от выходящего на набережную распахнутого окна. Между нами воцарилась уже откупоренная бутылка рубинового портвейна, в которой плескалось больше половины. Петрович извлек из какого-то скрипучего шкафчика две вместительные стопки, что-то вроде уменьшенных бокалов для виски...

— Специальных емкостей для портвейна у меня нет.

Я вспомнил, как мы пили в поезде Москва—Ленинград, когда ехали на фестиваль Ленрок-клуба, портвейн из пластмассовой канистры. Ребята постарше из нашей миитовской общаги купили где-то разливного портвейна. И мы пили его, наливая в один-единственный пластмассовый складной стаканчик. Я играл на гитаре «Бодхисатву» Майка, а трое парней мне подпевали: «Вперед, вперед, Бодхисатва, вперед!» Какой там двухсотдвадцатимиллилитровый «ридель», заполняемый на треть!

— Это может помешать оценить букет! — не удержался и съехидничал я.

— Хм. — Петрович шелкнул зажигалкой у себя перед носом.

Я поудобнее — уже прилично к тому моменту находился — устроился в кресле.

— Скво поехала в Авейру, можно курить! — мой собеседник с довольным видом выпустил струю табачного дыма.

Жил Петрович с женщиной родом откуда-то из Центральной Африки. На стене висела ее фотография — за стеклом, в простой деревянной рамке.

— Она у тебя молодая. Лет двадцать семь?

— Скажешь тоже! Сорок семь почти. Сохранилась хорошо. А потом, это ж фотка...

Приземистая бутылка, сыр, сигареты в мятой пачке... Джентльменский набор, достойный полуночной детской песочницы в недрах Медведкова.

Бурунзин рассказывал о жизни в бывшей глобальной империи, имевшей когда-то богатейшие колонии в Южной Америке, в африканских и азиатских регионах.

— Федор, здесь скромные университетские преподаватели — представь, что у этих людей в головах, — нанимают горничных! — возмущался Петрович, раздражаясь кашлем курильщика. — Тебя — кхе-кхе-кхе! — просто не поймут, если ты с таким социальным статусом сам прибираешься дома. В свою очередь горничная-португалка тоже нанимает на один раз в неделю горничную. Чтобы... испытать гордость за то, что у нее дома за нее делают грязную работу другие.

Я вспомнил кварталы Рибейры и Мирагаи с парусами сохнувшего на фасадах беля. И по всему Порту — целые улицы обветшавших, выставленных на продажу, а по сути, кажется, брошенных домов...

Беседа наша благодаря рубиновому портвейну стала походить на разговор старых приятелей. Стали тыкать.

— Петрович, я очень хотел писать... не так, конечно, как Керуак, но талантливо, страстно... У меня не было стимуляторов, которыми пользовался Джек, даже ни одной записи Чарли Bird Паркера, чтоб хоть как-то сымитировать атмосферу, в которой писалась «спонтанная проза», но я портил бумагу, испещрял записями экран триста восемьдесят шестого компьютера. Под виниловые пластинки «Роллинг стоунз» или «Калинова моста». Под крепкий чай. Под растворимый кофе. У родителей в Драценах. В комнате общежития на «Студенческой», сданной мне на несколько месяцев аспиранткой из Коломны...

Я вспомнил, как в нише той каморки без санузла — за занавеской на одной из полок — обнаружил бутылку водки, а в шкафу — еще пахнувший молодой женщиной бежевый кружевной бюстгальтер. Выпить не с кем. И женщины к лифчику не прилагается...

Обрился наголо. Рванул в Питер. Там холодина. С Балтики сильный влажный ветер, а я в одной джинсовой рубашке. Хорошо, свежая лысина прикрыта модной бейсболкой. Знакомый сводил в местное отделение Армии спасения, чтобы я утепился. Сфотографировался с петербургскими приятелями на фоне Казанского собора и на крыше на углу Невского и Владимирского проспектов.

В день отъезда в Москву пригласил петербургскую красавицу баскетболистку Наташу в кино.

Встретившись на станции метро, предложил идти в загс. У Наташи отвалился каблук, и я нес ее километр на руках до будки сапожника рядом с кинотеатром «Родина». Потом стена кирпичная, часы вокзальные, платочки белые, платочки белые... Наташа помахала отходящему поезду косыночкой, стоя на перроне Московского вокзала... Вот такая жемчужина.

— Федь, ты про Сноудена слышал? — спросил Бурунзин, подливая.

Чокнулись.

— Федь, с точки зрения человека верующего, все знает Бог. Как минимум.

Петрович, прикурив потухшую сигарету, глубоко затянулся.

— А Сноуден тут при чем?

— Он, Федя, поведал миру о слежке АНБ за всеми поголовно. Вот ты ввел, например, в строке поиска запрос «Pearl». Потому что ты, как Керуак, предположим, ищешь Жемчужину. Этот твой запрос, и миллионы других, может, еще более дурацких, хранятся на громадных серверах Агентства национальной безопасности. Плюс еще

куча информации о тебе: твои переписки в чатах, твои письма, твои транзакции, твои поездки и перелеты... И существуют программы для обработки таких данных. Вводится информация по любому человеку, а на выходе результат: «Федя годится на роль камикадзе». Или: «Петрович пригоден только для уборки пляжей Порту».

— И?

— Даже если Бога нет, все знает АНБ, старик! Но даже если и оно что-то упустило, все равно вся информация: о событиях, поступках, словах, мыслях, чувствах — где-то в этом мире хранится, кому-то известна. Ведь даже если человек смог организовать сбор информации, то природа наверняка имеет такой сервер, который в нее встроена изначально.

— Петрович, а ты запрашивал Жемчужину? Не в Интернете, обращаясь к Вселенной.

— Хм...

— Петрович, чтобы получить Жемчужину, нужно ее заказать. Если Вселенная не знает, что ты хочешь нечто, она тебе это и не даст. Скорее всего...

Судя по выражению лица Петровича, он никогда ничего об этом железном принципе не слышал. В советское время такие теории государством замалчивались. А уехал он почти сразу после развала СССР.

Бурунзин зачем-то водрузил себе на нос мои солнцезащитные очки, которые я, сняв, положил на журнальный столик.

— Федь, помнишь «Айвенго» Вальтера Скотта? — Петрович следил за моей реакцией через затемненные стекла. Я заметил свое отражение в собственных осевших на носу Бурунзина очках. — Там у того парня на щите был изображен вырванный с корнем молодой дуб, а девиз рыцарский гласил: «Desdichado»...

Мне показалось, что Петровича переклинило.

— Перевод в книге такой: «Desdichado — лишенный наследства». Вообще же с испанского слово переводится так: несчастный. Это про меня, Федя!!

— Петрович, ты допускаешь грубейшую ошибку! Не надо себя программировать негативно. Попробуй говорить: «Я очень счастливый!»

— Да нет, Федор, я там, в Ленинграде, чувствовал себя несчастным, а здесь, в Порту, в Евросоюзе этом, я именно что лишенный наследства!

Кажется, Бурунзин даже всхлипнул.

Истерики, подумалось, еще не хватало.

Никакой истерики не последовало. Петрович смотрел спокойно, с достоинством. Более того, по его мнению, надо было идти за добавкой.

Как известно, два русских интеллектуала всегда точно знают, когда пора.

— Думаю, лучше «тони» взять, «руби» как-то уже не хочется, — со знанием дела изрек Бурунзин.

— М-м-м...

— Ну не винтажный же брат! — Петрович смотрел на меня, словно я возражал.

— Это что за хрень?

— Скажи еще, тебе все равно — что винтажный портвейн 1963 года, что крепленая краснодарская дрянь... — Бурунзин сказал это с пафосом, приосанившись и надувшись, словно подкачали автомобильным насосом.

— В Риме, — рассказывал Петрович, когда мы шли по улице, — где у меня один родственник живет... Гостил я как-то у него, летал дискаунтером за десять евро в одну сторону. Возле Пантеона солдафон-итальянец заметил, что я фотографирую «мыльницей» его напарника... А они оба были в таких смешных шляпках с пером...

Бурунзин почесал желтым от табака пальцем нос, втянул им, словно собака, воздух. Принюхался, поморщился, вспоминая подробности, продолжил:

— Проверил солдафон мои документы. И фамилия ему моя русская явно не понравилась. Понял по его реакции и вопросам.

— Петрович, у тебя же паспорт гражданина Германии! Или ты еще...

— Да самый настоящий Reiserpass уже почти пятнадцать лет у меня! — Бурунзин от возбуждения взмахнул обеими руками так, словно он плывет баттерфляем. — Но я ж не немец — ни по роже, ни по фамилии, ни по поведению! Слушай дальше. Заставив удалить изображения человека с какой-то заурядной автоматической винтовкой, солдафон этот довольно долго нудел: снимать «милитари» — ни-ни!

— Странно как-то.

— Ага. И я в шоке был. Какие секреты, Федя? Если б не их шляпы с пером, я б на парочку итальянских пижонов в камуфляже внимания б не обратил! В Европе они, ты ж сам знаешь, на каждом шагу нынче.

В Ницце мне местный житель жаловался: патрулируют на главных улицах днем, а после восьми вечера, когда «молодые люди» буйствуют, их нет.

Петрович щелчком метко пульнул окурочек в маленькую лужицу и продолжил:

— Что там за военная тайна? Секретный, от D&G, камуфляж? У шляпы с пером двойное дно?

Бурунзина явно сильно задело недоверие, проявленное по отношению к нему — мирному фотографу-любителю — гражданину Германии и всего Евросоюза.

— Вот и верь, Петрович, после этого, — пошутил я, — в западное «открытое общество»!

Бурунзин мрачно затих и не отзывался на мои провокации.

— Петрович, печально, что тебе запретили фотографировать в общественных местах красивые шляпы, но допускаю, этим военным дали такую инструкцию, чтоб они на посту не спали и тренировали бдительность.

Бурунзин в ответ только фыркнул. Мне захотелось сменить тему.

— Петрович, на меня в Риме огромное впечатление произвела Сикстинская капелла. Помнишь алтарную стену?

Я сообщил Петровичу, что изображение на потолке Сикстинской капеллы отбрасывающего свет от тьмы Создателя перекликается с не одинаковой судьбой праведников и грешников — помнишь гигантскую фреску над алтарем? — после земной жизни. Свет и тьма, и это следует не только из Ветхого Завета, существуют. Потому, получается, заключал я, все-таки действительно предстоит людям разделение на два противоположных потока.

Закат заслонили тучи. Холодный, несмотря на середину лета, вечерний ветер северной части португальского побережья бодрил окунувшиеся в этаноловую нирвану тела и души. Выходя из супермаркета-чистилища с двумя бутылками «тони», мы походили на зыбкое отражение чаек в грязной воде грузового порта — за пляжем Матозиньюша — и претендовали на место в раю...

— Архип Петрович, ты какие книги переводил? Камознса небось?

— Я только прозу. Сервантеса. Плутовской роман. Сказки... Преподавал в ЛГУ.

— Только с испанского и португальского переводил?

— В основном. С французского одну очень хорошую книжку перевел. «Обещание на рассвете» Ромена Гари.

— Так ты полиглот?

— А то! Я еще и немецким с английским очень прилично владею.

— Погоди, а о чем в той книге?

— Ну... там мать постоянно накачивает своего сына: ты станешь французским посланником, большим писателем, тебя будут любить самые красивые женщины!

И этот парнишка расстается с девственностью в тринадцать лет, становится послем Франции и — действительно! — писателем с мировой известностью. У тебя случайно не такая мать?

Толик Хачатуров — рок-звезда, герой одного моего интервью, детство провел в старом, «без удобств», доме в центре Москвы. По этой причине он, считая, что вырос в гетто, вздохнув, констатировал:

— Мне, при таком старте, пробиться на сцену было куда тяжелее, чем...

Он назвал несколько фамилий. Среди перечисленных попадались даже родственники первых лиц государства.

Я, появившись на свет на промышленной окраине городка Драчены, долгое время считал чем-то вроде гетто Булыжный овраг, через который лежал кратчайший пеший путь от моего дома в «город». Спускаться и карабкаться здесь приходилось по крутой тропинке, петляющей вдоль заборов, куч мусора и гниющих отходов. Впрочем, не буду даже пытаться сравнивать Булыжный с «фавелами» криминального Рио. Дома здесь стояли капитальные, рассчитанные на зиму, имелись приусадебные участки, а нападали в основном не на кого угодно с «пушками», а с кулаками на сверстников.

Нашу Дельту, как и Драчены в целом, я, разумеется, относил к вполне уважаемым местам проживания.

Почему район, состоящий в основном из серокирпичных пятиэтажек, носил гордое греческое имя? Так кто-то окрестил завод, вокруг которого жилые кварталы постепенно и появились. На «Дельте» собирали лучшие в Восточной Европе трактора. На главной проходной, на гигантской доске почета висел большой фотопортрет моего отца.

Пейзажи малой родины — не урбанистические даже, скорее — сельско-индустриальные. Обильная пыль, в сырую погоду — жирная грязь, безликие заводские корпуса, гаражи из ржавого железа, разбитый асфальт, мусор, лужи, разломанные автобусные остановки, загаженные лестничные клетки, разбитые двери подъездов... словно строили светлое будущее, строили — и вдруг налетел ураган, разломал двери подъездов, согнул металлические конструкции автобусных остановок, зажег почтовые ящики, а разбитый асфальт залил грязью и засыпал мусором. В то же время изображения пролетария, всем своим видом говорящего: буржуям — конец, а также лики «святых»: Ленина, Маркса, Энгельса, на всех «рекламных» поверхностях нашего городка от года к году, кажется, становились только наряднее.

Нас окружала эстетика соцреализма: красные гвоздики на клумбах, красные флаги над входом в каждый пахнущий мочой подъезд с раздолбанной дверью, белобуквенные лозунги на кумаче: «Слава КПСС!», «Мир, труд, май»... А ребята, начиная с самого сопливого возраста, во дворе разговаривали на далеком от коммунистической терминологии сленге. Если, писая в кустах или за гаражами, мальчишка случайно ронял несколько капель мочи на брюки, с большой вероятностью кто-нибудь гундосил:

— Фу! Обтрухался...

Пионервожатая одного из лучших санаторно-оздоровительных детских лагерей Советского Союза, находившегося в соседнем сосновом бору, запросто могла назвать юного пионера «чушком». Просто потому, например, что тот невнимательно слушал ее спич о «борьбе за дело Ленина и коммунистической партии».

Двинуть пару раз кулаком в челюсть или разок — с носка под жопу. Что может быть лучше в плане проявления дружеской заботы? Таким образом, как известно, детско-подростковый социум нащупывает естественную (неестественную?) иерархию.

— Ты че? — На шею пацана от предельной громкости проступали внутренние коммуникации. — Блатной? Да?!

— Да! — орал на него такой же мальчишка, давал оппоненту затрещину, а сам отскакивал.

Противник в прыжке успевал почти одновременно пнуть и слышал от уже покидающего место сражения спарринг-партнера:

— Чушок!

— Менжовка! — отвечал ему «каратист».

Неподалеку от Дельты находился квартал общежитий, заселенных мрачными мужиками, отбывающими наказание на «химии».

Поскольку «на районе» была еще и секция самбо, словесная, предшествующая драке или легкой стычке перепалка могла начаться так:

— Ты че, самбист?!

Дальше, впрочем, разговор мог происходить все равно в рамках «блатного дискурса».

Значительная часть подрастающего мужского населения на Дельте (что уж про Булыжный овраг говорить?) вписывалась в социальную категорию, про которую в Ленинграде или Воронеже тогда говорили: «Гопники». На драченских индустриальных просторах слова такого не знали, использовались следующие эквиваленты: пацан, качок, шкаф... Классический случай: папа — сильно пьющий разнорабочий или выпивающий «по праздникам» токарь, а сын — пацан, качок или даже шкаф. «Шкаф такой!» — произносилось с восхищением.

В этой изысканной атмосфере мне необходимо было приносить из школы одни пятерки. Взять курс на «отлично» я вынужден был еще года за два до первого класса, когда мои верящие в силу образования родители принялись со стахановским энтузиазмом готовить меня к школьным триумфам.

Однажды я, это было еще в начальной, разрыдался прямо в рекреации. Чтобы никто не заметил — уткнувшись в окно.

Две девочки постарше обратили внимание:

— Что случилось? Как тебе помочь?

Из-за рыданий я не мог сказать ни слова. В руках у меня была тетрадь. Девчонки поняли: расстроено из-за плохой отметки. Когда они заглянули в мою тетрадку, опешили: за контрольную работу я, оказывается, получил пять с минусом! Эти девочки наверняка приносили домой не только четверки, но и тройки. И, скорее всего, их не ругали, не наказывали. Может быть, им в таких случаях даже сочувствовали:

— Не расстраивайся, Олюшка, за следующий диктант непременно четверку получишь! — говорила, возможно, бабушка, подкладывая варенье...

Выразившие мне сочувствие школьницы-подружки, конечно, и представить не могли ужас стоящего перед ними ученика второго класса.

Для полноты картины замечу, что в это самое время, на той же перемене, Фуфелкин и Попляков, скорее всего, отыскивали в туалете свои бычки и, не испытывая никаких нервных потрясений ни по поводу двоек за ту же самую контрольную, ни по поводу курения, затягивались вонючей «Примой» и весело о чем-то болтали.

Стоит ли сомневаться в том, что мальчик, получавший пятерки, носивший очки, в панамке выходявший из дома летом, в застегнутом пальто — зимой, балансировал на краю пропасти?

Твердого троечника и очкарика Вальку Кактусова, прочитавшего в библиотеках Драчен всю научную фантастику, но повисающего на перекладине, как мешок с говном (так изысканно выразилась физкультурница), считали опасным психом. Над ним сильно не издевались только потому, что Кактусов был крупным и болтли-

вым. Валька вяло реагировал на пинки исподтишка, зато за словом в карман не лез и мог сильно заехать обидчику своим, размером с хороший чемодан, кейсом.

Отличники-маргиналы и представители промежуточных форм жизни — хорошисты и твердые троечники — более или менее сознательно стремились мимикрировать.

Помню, кажется, это был школьный пионерский лагерь, девочка с закрывающим почти весь затылок большим бантом сказала мне про неказистого толстого мальчишку:

— Бей его! За него все равно никто не заступится.

Сын главного инженера и главы гороно, конечно, не хотел драться, нападать. Что-то похожее на чувство справедливости шевельнулось в нем. Как же так? Надо пристыдить эту негодную девчонку! Надо защитить мальчишку.

Сволочь Лошадников сделал все наоборот. Ударил его, подражая драченскому хулиганью, от которого ему самому доставалось.

Мать, когда я однажды, лет в тридцать, рассказал о процветавшей в нашей школьной среде жестокости, удивилась:

— А что ж ты тогда молчал?! Почему не рассказывал?

Почему? Мама строго-настрого запретила драться! «Пинаться» же с Рюрей, Фуфой, Ватрухой все равно приходилось. Это было неизбежно.

— Петрович, моя матушка руководила драченским гороно. Сейчас — на пенсии.

— Руководила? Строгая женщина?

— Она часто была на нервах. Дома, помню, мы только и слышали про какие-то школьные проверки, педсоветы, звонки из облоно!

— Повезло тебе...

Да, повезло. Или не повезло. Какая разница? В детство же не вернешься, не переиграешь же все по-новому.

Почему-то вспомнилось, как родители на кухне нашей хрущевки долго толковали на тему, какой сорт помидоров следует в этом сезоне культивировать на шести сотках, которые главный инженер «Дельты» застолбил ржавыми трубами. Вдруг телефонный звонок. Ситуация в корне меняется. За рассадой мать отправляется самостоятельно (Федя поможет донести до «дачи»). Отец едет в Нестеровку. Знакомый рыбак из Булыжного оврага шестнадцать кило «настегал».

Мы жили в первом подъезде на втором этаже серокирпичного дома. Всего их у нашего «билдинга» было пять. Соседи по площадке — одноклассник Сашка Подвозов со старшей сестрой и родителями (оба — с «Дельты»). Мы с ним как-то на лестнице из брызгалок «обстреливали» друг друга. Досталось и почтовым ящикам. Потом соседка с четвертого этажа на нас орала: «Я письмо не смогла прочитать!!»

Это было в тот же день, когда Стасик — из параллельного класса — из своего двадцать четвертого дома забрел во двор нашего, десятого, с наполненным водой кондомом. Увидев врага, я, недолго думая, сделал выпад «шпагой» (тонкая рейка с эфесом из алюминиевой проволоки) — хлоп! — на асфальте появилось пятно, физиономию Стасика исказил когнитивный диссонанс. Произошло это в тот момент, когда Мишка из третьего подъезда рассказывал, как подсматривал за меняющей лифчик сестрой:

— Такие сиськи!

Как-то мой взгляд уперся в вырез халата склонившейся надо мной медсестры. Не так уж много в ту пору поразило меня в окружающем мире, как это откровение. Впрочем, я был способен не только удивляться, но и удивлять. Поставив пластинку с «Бременскими музыкантами» на то место, сразу за которым звучит взрыв, отклю-

чал клавишей проигрывателя сеть и ждал, когда кто-то появится на лестнице. Заслышав шаги врубал «взрыв» (громкость стояла на максимуме). Приятно было наблюдать в глазок, как какой-нибудь сосед останавливается возле нашей двери и слушает: что это было?! В оптике дверного глазка комично-шпионское выражение лица неестественно вытягивалось. От этого становилось еще смешнее.

Своеобразным противовесом причудливому синтезу «КПСС + дворовая реальность» для меня стали идеальные герои — великие путешественники. Прежде всего — Фернан Магеллан и Христофор Колумб, о которых я с восторгом прочитал. Робинзон Крузо, Джим Хокинс, капитан Блад и персонажи десятка прочитанных мной романов Жюль Верна стояли в том же ряду.

Начиная лет с шести-семи, я часто сопровождал отца в его рыболовных вояжах и прогулках по городу. Если мы пешком пересекали весь город, стартовав с нашей промышленной окраины, то, пройдя исторический центр и мост через реку, через час-другой оказывались на другой окраине. Там, помимо построенного при царе-батюшке железнодорожного вокзала, было одно очень интересное место — магазин «Турист». Там я мог подержать в руках настоящее японское кимоно. Стоило оно двадцать пять рублей, и думать было смешно о том, что отец купит такую дорогую вещь. Хотя посещать секцию дзюдо, где бесплатно выдавались поношенные кимоно, мне родители не разрешили. Боялись, стану хулиганом. Однако что такое контркультура, к которой я столько лет тяготел, как не культурное хулиганство?

В «Туристе» мы с отцом рассматривали мотоциклы, мопеды, мотороллеры, велосипеды, удочки, гантели, дождевики, рюкзаки, палатки, снасти, шахматы, шашки, домино... Время от времени что-то из этого покупалось.

Когда я достиг подросткового возраста и увлекся поп-музыкой, мы с отцом обязательно заглядывали в «Культтовары». В этом магазинчике можно было выудить грампластинку с записями «Землян» или сборник западной эстрадной музыки, где даже один хит «АВВА» имелся.

Если с дисками совсем уж было плохо, покупали бобину с пленкой для нашей старенькой магнитолы, на которую я переписывал взятые у Игорька Кубикова из второго подъезда кассеты с «Динамиком» и Высоцким, а также какие-то лицензионные пластинки фирмы «Мелодия».

Сходив в «Турист», приятно мечталось на тему, как далеко и надолго можно поехать с продающимся там автоприцепом.

Устав от долгой прогулки, мы пускали корни в креслах лучшего кинотеатра нашего городка.

Посмотрев «Зорро» с Аленом Делоном, мы потом шли в приподнятом настроении, вспоминая цирковые трюки легендарного фехтовальщика. Вокруг была драченская слякоть и виды в поздней осени утонувшего посреди Среднерусской возвышенности невзрачного городка. Ничего напоминающего яркую природу Латинской Америки. Я же улавливал в стоящих вдоль главного заводского корпуса елях черты тропического леса, в проезжающих машинах — отдаленное сходство с повозками, влекомыми лошадьми, и даже в хлюпающем под ногами жирном черноземе обнаруживал пылящий под шпорами суглинок.

После одного из таких кинопоходов (присутствовали оба родителя) я, воображая себя корсаром, участвующим в абордажной атаке, побежал, споткнулся, упал и поранился так, что взрослым киноманам пришлось срочно наведаться в травматологию.

Когда работал продавцом на вещевом рынке в Лужниках, возвращаясь на метро, я довольно часто думал о родителях. О том, что они беспокоятся. О том, что

я не зря болтаюсь по съёмным углам в этом огромном и безразличном городе. О том, что они смогут мной гордиться. И эти мысли, чувства, которые они вызывали, — все это помогало мне выживать.

Я чувствовал какую-то связь с ними, с домом. Эта наша энергетическая пуповина была моим сильнейшим оберегом, не давала погибнуть в каких-то рискованных ситуациях. Например, когда я, выпендриваясь перед девушкой, ходил на уровне восьмого этажа по выступу стены.

В то же время, находясь дома, я и в возрасте за двадцать ощущал то родительское давление, которое сопровождало меня все мое детство. Скажем, курить — мне внушали — очень плохо: просто потому, что невероятно вредно. Но ради какой высокой цели весь этот ЗОЖ? Ответа на данный вопрос я не улавливал.

Бурунзин все то время, пока я был погружен в свою рефлексию, продолжал рассказывать о том, как он когда-то в Ленинграде кучеряво жил.

— Знаешь, где у меня была квартира?!

Мое сознание возобновило фиксацию смыслов, звучащих в густом табачном дыму.

— Где?

— На Московском проспекте. В пяти комнатах!

— Ого!

— Да, милый. И в начале восьмидесятых я себе иномарку купил. «Ауди», между прочим... А в молодости, в начале семидесятых! Помню посиделки на ступенях Инженерного замка. Как ни придешь, там Мишка Науменко, Борька Гребенщиков. Они моложе были, я их и не воспринимал тогда серьезно. Да и кто их знал тогда! Это потом уж они стали знаменитостями...

Зоя Германовна, преподававшая нам русский и литературу, красившаяся и пудрившаяся, как цирковой клоун, перед Пасхой грозила:

— Я живу напротив. С моего балкона отлично видно, кто в собор входит...

Историчка Леопольда Викторовна регулярно сообщала, что коммунизм непременно будет построен, причем довольно скоро. Сохраняла оптимизм даже в 1988 году, когда ЦК КПСС на это уже не надеялся. Редко вытиравший сопли Ватрушкин, когда на арену выходила облаченная в хемингуэевский свитер Леопольда Викторовна, расплывался в сопливой улыбке: это был единственный урок, на котором ему не было скучно. Древняя Греция, средневековье, Великая Отечественная...

Серые (в целом) будни советской десятилетки немного скрашивала надевавшая интересные блузки и юбки, недавно окончившая местный пединститут учительница. Нина Всеволодовна вела в нашей школе ботанику, зоологию, биологию, анатомию и прочее природоведение.

Рюря и Ватруха, когда она проходила между рядами, изучали конструкцию застёжки не самого примитивного лифчика.

Фуфа, заглянувший как-то учительнице под юбку, утверждал: у зооботанички чулки пристегнуты к поясу.

— Может, это трусы такие? — сомневался Ватрушкин.

В школе знания не только в рамках школьной программы получают. Однажды Пентагон стянул у своего отца пачку черно-белых порнографических фотокарточек. Одна из срамных картинок несколько уроков провисела под стеклом рядом с кабинетом директора — какой-то весельчак впихнул поверх школьной стенгазеты.

Классе в седьмом все начали «ходить» и «дружить». В восьмом кто-то уже и родил даже. У Оксанки Крупской был покровитель (на два класса старше). По крайней ме-

ре, та называла его своим заступником. За барышень в нашей школе почему-то всегда кто-то «заступался».

Ее подруга Ленка, не имея такой «крыши» или, наоборот, имея таковую, попала в какую-то нехорошую историю. Вид у нее был отчего-то виноватый, а у Фуфелкина — ехидный, когда он ей на что-то намекал.

— За меня заступятся, — не слишком уверенно, но и не без гордости говорила Юлька Жетонова.

— Пыль, грязь, ни одного театра, краеведческий музей, несколько библиотек, в которых половина фонда — работы Ленина, Маркса, Энгельса, а также подшивки газеты «Правда». Однажды, уже и перестройка прошла, кажется, я в центральной библиотеке Драчен спросил (без особой надежды) что-нибудь... Маркса. Библиотекарьша кивнула в сторону стеллажей, стоящих на самом почетном месте, и гордо сообщила: «Все есть», — живописал я Петровичу «ужасы нашего городка».

— Там стояло полное собрание сочинений Маркса... — догадался Бурунзин.

В восьмом каждый решал: переходить в девятый и после окончания десятилетки поступать в вуз или, оставив школу, продолжать обучение в профессионально-техническом училище или техникуме. Я, Сидоров, Кактусов, другие переходящие в девятый класс планировали получать высшее образование.

Наши гопнички, включая гоп-барышень, весь восьмой класс, начав уже в седьмом, мечтали о том, как они заживут «нормальной взрослой» жизнью. В ПТУ можно почти не учиться — диплом все равно получишь, можно курить, пить алкоголь, вступать в половые связи. ПТУ — не школа, в которой остаются учиться рахитичные ботаны.

Мы тогда, кажется, догадывались, что олицетворяем разные системы ценностей, а в отдельных случаях так и вообще — знание реальной жизни и бегство от нее. Вот взять меня. Начиная с раннего детства и в течение всего школьного периода отец во время наших с ним длительных путешествий подробно пересказывал «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Мертвые души», «Тараса Бульбу», про разведчика Кузнецова, о «союзе рыжих», о разных прочих приключениях Шерлока Холмса... С удовольствием объяснял, если мне было что-то в этих произведениях непонятно. Фамилия Коробочка? Могла ли быть у настоящей княжны такая? Что хотел сказать Гоголь? Почему Уотсон, а не Ватсон? Вообще о великом множестве исторических событий, о том, какая рыба обитает в окрестных прудах и речках, на что и когда клюет, о выходе первого человека — советского гражданина Леонова — в открытый космос, о жизни Бальзака, Фадеева и Льва Толстого, о судьбе Робертино Лорети, о том, как устроен трактор, танк, транзисторный радиоприемник, самолет, я услышал впервые от него. Но внушительный, для того возраста объем информации, в основном неведомый Ватрухе (его отец проводил досуг исключительно в компании себе подобных, сдобривая беседу недорогим спиртным; да и вообще Ватруха был предоставлен сам себе), обладал, как минимум — для меня, непреходящей ценностью, но не отменял ряда необходимых в обычной жизни установок, полученных одноклассником в редкие периоды трезвости его папаши. В отличие от меня Ватруха с раннего детства был посвящен в брутальный мачизм.

Рюря класса с седьмого открыто курил, таскал с собой «мафон», редко стригся. Торчащие из-за ушей сальные локоны придавали Ленке отдаленное сходство с мушкетером короля. Круглого отличника Лешку Сидорова Рюрькин приветствовал перед уроками часто так:

— Ну что, Сидор, опять все уроки выучил?

Лицо Рюри парадоксальным образом фиксировало при этом противоположный смысл: «Что ж ты, тупица такая, снова уроки не выучил!»

Выученные на пять баллов домашние задания классный художник искренне считал моветоном.

— Да не, — бессовестно врал Лешка, — я вчера до двенадцати телек смотрел.

Рюря разглядывал «наглого» Сидора, сам вид которого говорил: полное собрание сочинений Джека Лондона прочитал, теперь за «Дым» Тургенева принялся. Ленчик знал: Лешка отвратительно лжет — в отличие от него, гонявшего до полуночи мяч на футбольном поле за домом, учил классный ботан, учил, сволочь, уроки!

Жизнь шла своим чередом: Сидоров получал пятерку, имитатор модных логотипов — пару. Лешка шел на золотую, она была нужна, чтобы сдавать на вступительных в престижнейший Московский физико-технический институт один первый экзамен.

Я, скорее всего, никогда бы не узнал, что Сидоров занимается сразу на двух заочных подготовительных курсах, если б не Кактусов, поведавший однажды, что готовится так в областной Политех.

— Подумаешь! Я уже второй год задания по почте из Физтеха и Бауманки получаю, — «спалился» Лешка.

Много лет спустя, учась в МВА, Сидоров на вопрос, легко ли грызть гранит науки на английском, отвечал:

— Почти ни на одной лекции не был!

Давно уже не нужно было мимикрировать, стараясь казаться хуже, чем есть, но привычка осталась.

Никогда Рюря не упрекал за выученные уроки бугая Аркашу. Тот их редко учил. К оценкам Аркаша относился философски, но стремился к мировой гармонии. Для этого ему своими пальцами-сардельками с грязной каймой надо было ломать все подвернувшееся под руку: чужие линейки, ручки, карандаши, школьную мебель. Он порой разламывал на мелкие части даже собственные ручки и карандаши.

Во мне говорит какая-то старая обида. Аркаша наверняка когда-то, сто лет назад, запустил моим учебником в мощную спину Крупской, и мне потом пришлось порванную книгу склеивать. В моем распоряжении были моря, океаны, дальние страны, экзотические острова, открытые мне Дефо, Стивенсоном, Ж. Верном... У Аркаши внутренний полет зависел от внешнего вандализма. Он жил в реальности.

Как-то в отношении Аркаши, пытающегося сокрушить дверь гардероба — грохот разносился по всему первому этажу, — я позволил себе резкую оценку:

— Ну ты и дурак!

Оказавшийся неподалеку Рюря возмутился:

— А ты сам-то умный, что ли?

А как же, я наивно считал себя умным. Оказавшись за дверью квартиры, в своем воображении я продолжал путешествие на одном из пяти кораблей командора Магеллана.

Даже «шизгару» какую-нибудь в Драценах знали мало и понимали плохо. Народ предпочитал «блатняк» и разную примитивную попсу. Дельтовский спекулянт-меломан мог записать за деньги «Венеру» ВИА «Шокирующий синий», но о содержании песни даже он, мотающийся раз в месяц в Москву продвинутый фарцовщик, не имел и отдаленного представления. Смешно сказать, молодые парни на «Дельте», которым в самую пору, казалось бы, балдеть от «Металлики» и «Гражданской обороны», «тащились» от Журавлевой и Добрынина!

В то же время американские джинсы, японская магнитола, «гамка», колбаса прочно засели в сознании почти всякого «строителя коммунизма», в том числе провинциального. Да, ассортимент продуктов и промтоваров — от сарделек до кроссовок — снабжение! — в Драценах внушал пессимизм (прекрасные колбасные изделия производились на местном мясокомбинате, но покупать их ездили в Москву). Но народ, так или иначе, умудрялся приобщиться к «благам цивилизации». Зайдя однажды к Игорьку Кубикову, обнаружил у того дома кучу настоящей японской жвачки. Какой-то родственник из загранплавания привез. Наш учитель музыки съездил в ГДР, после этого года два в режиме нон-стоп жевал резинку. Ну, джинсы, само собой. Однажды встретил его с дочкой — оба в джинсах, оба жуют... Люди стремились к прекрасному...

Одним из талантов Ленки Рюрькина было умение рисовать логотипы популярных брендов. Запечатлеть такую красоту он мог на последней странице тетради, на портфеле, на парте, на руке, на стене... Когда советское телевидение в очередной раз демонстрировало популярный шпионский сериал «Семнадцать мгновений весны», часть одноклассников стала изображать фашистов. Несколько советских школьников хотели быть похожими на носивших красивую черную форму офицеров-нацистов. Рюря «напечатал» шариковой ручкой «аусвайсы» пропахшему табачным дымом Фуфелкину (Попляков сказал, что он «за наших»); постоянно покрытому испариной — косая сажень в плечах — Аркаше; ставшему, кажется, иногда высмаркиваться Ватрушкину. Конечно, старательно нарисовал и собственный «аусвайс», представляя себя чуть ли не главным эсэсовцем... На переменах пацаны по-нацистски приветствовали друг друга. Они были в восторге от дизайна формы. Это была «красота», которой им, да и их родителям, так не хватало в окружающей жизни, в советском ширпотребе. Смыслы, несмотря на усиленную пропаганду советских ценностей по телевизору, на улице, в школе, Рюрю и Ватруху трогали мало. «Промывка мозгов» граждан СССР давно уже происходила вхолостую. Уроки исторички с элементами патриотического воспитания, а еще больше — рассказы военрука, ветерана Великой Отечественной войны, о его участии в Сталинградской битве пользовались популярностью, однако были каплей в океане консюмеризма, затопившего мозг советского обывателя.

— У нас, помню, на первом курсе все на повышенную стипендию экзамены сдавали, а на втором — сессию не завалил, и ладно. В третьем и четвертом семестрах столько вина было выпито! — вспоминал отец Сидорова свое лихое студенчество.

Я находился с визитом у Лешки в общежитии. Мой бывший одноклассник поступил не в МФТИ, а на экономфак МГУ, который больше отвечал потребностям накрывающего страну дикого капитализма. К нему, находясь в Москве в командировке, заглянул отец.

— Поехали в ресторан, — приглашает папа сына.

Идем на трамвайную остановку. Мне в митовскую общагу — до метро — по пути.

— В районе Павелецкого вокзала есть что-нибудь? — Сидорову-старшему через четыре часа надо на поезд. — Поедим нормально. Может, по рюмке... В поезде услышал анекдот...

Мой отец анекдотов «про Хулио» не рассказывал, выпить по рюмке, будучи убежденным трезвенником, не предлагал. Мама, провожая на построенном при царе-батюшке вокзале, внушала:

— Будь хорошим человеком! Учись на пятерки! Ни с кем не ссорься!

А я не понимал, как это «быть хорошим человеком». Что для этого, кроме отличных отметок, надо? Не ссориться ни с кем? А если в моей комнате некоторые пе-

репутавшие день с ночью студенты свет до четырех утра не гасят, а на занятия надо вставать в 7:30?

Помню, — я только что стал иногородним студентом, — сидим с отцом в вестибюле станции метро «Парк культуры».

Мимо нашей лавки проносится состав. Гул огромной массы и грохот колес улетают в тоннель.

— Спрашивай, что непонятно, — говорит и даже немного требует отец.

Он в Москве проездом, всего несколько часов. Они с матерью очень волнуются, как я и что — в общежитии, в институте.

А в моей студенческой жизни много нового. И что-то в этой реальности грубее, что-то интереснее.

Кровать — неудобная железная сетка.

Комната — проходной двор.

Даже среди первокурсников хватает тех, кто значительно старше, после армии.

Если к часу ночи все успокоились, это для меня большое везение (не понимаю, как кто-то умудряется выспаться за три-четыре часа, укладываясь уже под утро). Не позже 9:50 надо быть в институте. Лабораторные же по химии вообще в восемь начинаются, потому я три из них проспал. Если с параллельной группой не сделаю, к сессии не допустят.

Нормально поесть получается далеко не каждый день. Часто весь мой рацион — это черный хлеб, чай, яблоко. Иногда белый хлеб с молоком из пакета. Изредка, в виде исключения, хожу с кем-нибудь в пельменную, но вообще там недешево.

В этот свой приезд отец сводил меня в пирожковую на Кузнецком. Там сейчас модные дорогие забегаловки. А тогда — два вида пожаренных на масле пирожков и кофе с молоком в граненом стакане. Столы высокие, за каждым плечом к плечу стоит несколько человек. Туалета нет, вместо салфеток резаная бумага... Дома, конечно, сытнее и комфортнее.

Но Москва — огромный мир, интересный сам по себе. А в конце восьмидесятых в столице больше, чем где-либо в Советском Союзе, ощущается оживление политической жизни. Даже самые заикленные «на колбасе» обыватели нет-нет да и сорвутся:

— Культ личности!

— Годы застоя!

— Перманентная революция!

«Перемен! Мы ждем перемен!» — вторят им сотни тысяч магнитофонов.

После семнадцати лет жизни в Драценах я впервые имею возможность не отчитываться перед родителями, что я и как.

Взял, например, и поехал с кем-нибудь на Арбат, где уличные музыканты. Или на Пушкинскую, где власть до сорванных связей попрекают спецпайками.

Или — почему бы и нет? — отправился с кем-нибудь из однокурсников в кино: на экранах столицы «Маленькая Вера»!

Нередко я беру с кем-нибудь недорогие билеты в Ленком или Художественный.

Один из вариантов досуга: захватив гитару, пойти к кубинцу на четвертый этаж, есть вероятность, что симпатичная кубинка заглянет «на огонек».

Обитатели общаги не только учатся. Они выпивают, на свиданки ходят. Часто и далеко идти не надо. Половина обитателей шестнадцатизэтажной общаги — молодые женщины.

— Спрашивай, что непонятно...

Я ни о чем не спрашиваю. Поставлена слишком абстрактная задача. Мне в мои семнадцать лет почти все непонятно, я даже не знаю, за что зацепиться. Есть какие-то моменты, о которых я бы спросил, но...

— Спрашивай, что непонятно...

В классе восьмом мы с родителями смотрели в кинотеатре чехословацкую, в общем-то — абсолютно невинную, комедию «Конец агента». Тем не менее когда на экране «суперагент» стал расстегивать на очаровательной блондинке бюстгальтер, мне кажется, нам всем стало неловко.

— Спрашивай...

Молчу. А что сказать-то?

Подходит следующий метрпоезд...

Если я признаюсь, что лабораторки по химии пропустил, отец не скажет:

— Я на втором курсе три раза сопромат сдавал.

Знаю, что у бати выражение лица станет еще более тревожным; он тут же примется внушать:

— Обязательно, сегодня же, как придешь, первым делом прочитай по этим темам учебник, а завтра выясни, когда можно сделать с другой группой. Не откладывай. Понял?

И взгляд в глаза.

— Понял?!

Ну как тут скажешь: «Не понял»?

— Понял.

Я понимаю, что надо сдать лабораторки, потому что иначе — невыход на сессию. А ее несдача, весьма возможно, означает пополнение рядов Советской армии.

Мне неприятно, что мы чего-то боимся. А еще я понимаю: одних зачетов и «отлично», чтобы все было действительно отлично, явно недостаточно.

Подходит следующий метрпоезд. Постояв, улетает в тоннель.

Мы довольно долго сидим на «Парке культуры».

Память моя вынимает из своего архива, по какому-то неведомому мне принципу систематизированного, эпизод. Я, семилетний, сидя на детском сиденье на раме папиного велосипеда, под защитой его сильной спины, плеч, рук, мчу под горку, вцепившись ручонками в самодельные «грипсы» — намотанную в двух местах на руль «Десны» изоляционную ленту. Мы едем на рыбалку. До речки уже недалеко. Дорога под горку, раннее — нет еще и пяти — утро, из машин — редкие поливающие водой улицы автоцистерны — и мы несемся с огромной, на какую только способен съезжающий с крутой горы велосипед, скоростью.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать: до пубертатного периода отец — мой абсолютный кумир.

В Московский институт инженеров транспорта определили меня родители, считая, что я буду придерживаться стиля «учиться, учиться, учиться», выведшего в люди не одного только Максима Горького.

Как они решились отправить домашнего мальчика Федю в столицу?

Думаю, мама уповала на то, что ее главное наставление «Ни в коем случае никуда не лезь!» живет во мне на уровне всех существующих в человеческом организме рефлексов и является своеобразным залогом будущего успеха.

И не то чтобы я куда-то особенно лез. Мне просто очень нравился рок-н-ролл. Я восхищался профессиональными музыкантами, журналистами, телеведущими, звукорежиссерами, звукооператорами и даже рабочими сцены, потому что они работали в Рок-н-ролле! Эти люди занимались Искусством!

В первые месяцы в Москве (мне едва исполнилось восемнадцать) я приобрел в арбатском зоомагазине хомяка, не желая себе признаться в том, что подражаю Робертовичу.

У длинноволосого студента из Питера, которого все звали, делая ударение, как кому нравится, жила белая лабораторная крыса — Хомичус.

«Классный чувак» появился в нашей общаге для «вписки на найт» вместе с животным в декабре того года, когда я поступил в МИИТ. Голову странника венчала жокейская шапочка. В Драценах юноша в таком головном уборе быстро получил бы по ушам.

Вместе с Робертовичем и его крысой приехала двенадцатиструнная акустическая гитара в черном матерчатом чехле. Ручной багаж романтика состоял из армейского вещмешка. Робертович держал в нем пропахший вагонными рундуками скарб: корм для Хомичуса, несколько книг, комплект струн.

Робертович был облачен в соответствующий образу советского рокера растянутый «бабушкин» свитер и самопальные брюки-клеш.

Ночевать ему пришлось в спортзале, где поздно вечером он дал незапланированный концерт.

За окнами — густой декабрьский снегопад. Публика — на матах. Всего нас человек восемь-девять. Разливаем в стаканы туркменское вино, купленное у приторговывающего спиртным кубинца с четвертого этажа.

Кто-то обсуждает житейские проблемы:

— «Останкинская» — по два девяноста. Но лучше «Студенческую» за два двадцать...

— Робертович, спой что-нибудь обидное, — просит студент-казах, похоже курнувший чего-то казахского.

«Классный чувак» быстро, с достоинством, подтягивает струны слегка расстроенного инструмента (ночь гитара провела в поезде Таллин—Москва).

Кто-то бубнит:

— В «Свет» почаще заглядывай. Там кипятильники и утюги выбрасывают. Купил, полякам скинул...

Робертович ударяет по струнам и поет:

В подобную ночь мое любимое слово «налей»...

У него здорово получается копировать БГ.

И «Зоопарк»:

Я был невинен, как младенец, скромн, как монах,
Пока в ту ночь...

В этом месте Робертович особенно живо трясет немытым «хайром».

...я не увидел
Страх-трах-трах в твоих глазах!!

В голых стенах спортзала двенадцатиструнная гитара дает эффект стадионного рок-концерта.

Робертович, довольный своим успехом, продолжает исполнять хиты ленинградского рока с еще большим накалом.

Теперь из-за эха до нас долетают только обрывки рок-н-рольных куплетов:

...клубами плавал никотин
И к концу подходил...

Я смотрю на поцарапанную деку ленинградской двенадцатиструнки и слушаю, впитываю образы изломанной и почему-то невероятно привлекательной жизни:

Я видел чудеса обеих столиц:
Святых без рук и женщин без лиц.

Я хочу прожить ближайшие годы так, чтобы потом можно было с полным правом говорить: «Видел чудеса обеих столиц».

От выпитого туркменского вина и скуренной самокрутки Робертович вдруг побелел лицом.

Как-то странно на всех посмотрев и добежав до туалета, «классный чувак» стал мучительно изрыгать съеденные на ужин сосиски. Согнувшись пополам и держась за живот обеими руками, дотащился до мата и упал на выданное ему благодарной аудиторией казенное одеяло.

Через час-полтора многим уже надо было отправляться в институт на первую пару.

«Как бы хорошо, — думал я тогда, — жить так, как Робертович. Переезжать из города в город с одной гитарой, останавливаться у знакомых, зависать в сквотах, что-то сочинять, петь, музицировать, выпивать с интересными личностями».

Перекаати-поле, который в каком-нибудь средненьком голливудском кино выглядит, может быть, и симпатично (там научились красиво изображать бредущего по обочине бродягу), был долгое время, смешно сказать, неким привлекательным для меня образом. А для провинциала в Москве подобные «идеалы» — непозволительная роскошь. С такими установками в чужом большом городе можно и не жить. Прошел не один год, прежде чем я выбросил розовые очки. Я даже помню, где это произошло. На площади перед входом в станцию метро «Баррикадная».

Поступивший после школы в Волгоградский техникум мясной и молочной промышленности Макс Жетонов, брат Юльки Жетоновой, вернувшись в Драчены (тут у него были связи на мясокомбинате), рассказывал:

— Это там — большой город! молодость! — было важно, на какой ты машине, а здесь мне уже все равно, какие «колеса».

Макс жил какое-то время в Волгограде, по его словам, там у него была «крутая тачка».

На драченский мясокомбинат он теперь ездил на старом белом «мерсе», осторожно ныряющем, словно корабль в сильный шторм, в асфальтовые пробоины драченских улиц.

Как-то я поехал с Жетоновым на его машине.

Вытягивая из барабана ремень, услышал:

— Не позорь машину.

Нам предстоял выезд на скоростную магистраль, но, к стыду своему, я почему-то не стал пристегиваться.

Что остановило разменявшего четвертый десяток мужчину? Я же всегда пристегиваюсь! Думаю, остановил дремавший драченский рефлекс — нельзя показать свою «слабость». Это когда, если посмотреть с другой стороны, «сила» выражается в мелкой анархии — нарушениях ПДД и тому подобных проявлениях «крутого» стиля.

Одного местного качка дальняя родственница, жившая в Германии, звала бодигардом в стрип-клуб, где она ежевечерне выходила к шести. Европа, красивая жизнь, зарплата в евро... Драченский атлет совсем недавно отметил свою тридцатую весну. Он еще мог запрыгнуть в последний вагон и начать новую жизнь на «цивилизо-

ванном Западе». Парень отслужил в десантных войсках, окончил областной Политех, но подумал-подумал и предпочел продолжить жарить в придорожном кафе шашлыки: работы по специальности в Драценах не было, а искать ее еще где-то он не хотел. Синица (шашлыки) в руках и все такое... «Реальные пацаны» часто не очень амбициозны и не хотят, даже на время, расставаться с комфортом, к которому они с детства прикипели: регулярное питание, сон, привычное окружение.

Недоедать, не иметь четких перспектив, жить «на птичьих правах», не знать, где будешь ночевать следующую ночь, перехватывать рубль-другой до гонорара, надеяться только на будущий успех — все это, возможно, не так «круто», как ехать по шоссе непристегнутым.

Иной раз, закулив сигарету, я шел по кольцу бесконечных Садовых, обдумывая, куда и когда лучше позвонить: «вписка на найт» — это тоже искусство. У таксофона останавливался. Бывало, приходилось осуществлять телефонное соединение хитрым ударом, а потом проникать на станцию метро, зайдя через выход или придержав створку турникета.

Мама в письме даже как-то написала, что, по ее мнению, такой бродяжнический *modus vivendi* не вызывает у окружающих большого уважения. Мать беспокоилась о судьбе сына, это более чем нормально.

Да, думал я, у ровесников и вообще большинства обывателей все солидно: тарелка супа всегда перед носом. Но сомнения терзали. Морально такие вещи могут быть тяжелы не меньше, чем физически. Иногда я заставлял себя вспомнить о том, что я особенный, что у меня если и не дар, то способности значительно выше среднего уровня. Человеку необходимо верить хотя бы и во что-то несуществующее.

Когда-то весь мир помещался в весьма ограниченном пространстве не просто Драчен — родительской квартиры в хрущевской пятиэтажке и сквера под окнами.

А потом я оказался в якобы взрослой жизни в Москве...

Совсем недавно вроде бы, едучи по скверу на своем трехколесном велике, обнаружил трояк.

— Ма-а, я три рубля нашел!! — кричал я тогда.

Форточка на кухне всегда была открыта, мать наблюдала за гуляющим в сквере сыном.

Трояк оказался настоящим, как и жизнь.

Хотя сначала та показалась мне чем-то вроде фильма про войну — цветного и широкоформатного в большом зале недавно построенного ДК, видного из окна спальни.

Еще из нашей «амбразуры» неплохо просматривалась автобусная остановка. Оживленная, поскольку конечная.

Под квартирой — на первом этаже — стоматология. Выходившие из ее дверей пациенты нет-нет да и оставляли под кустами сквера кровавые плевки и алые тампоны.

Недалеко от того места, где был найден трояк, я нашел железный уголок, который отец приварил к гаражной двери — ручка!

В том самом сквере я в первой четверти первого класса впервые затынул табачным дымом.

Небо моментально приблизилось.

И тягучая тошнота...

В моем сознании на долгие годы зафиксировалось ощущение 1988 года: школа закончилась — впереди целая жизнь. Проходившие один-два года я не считал поводом думать: мой старт позади. Родители меня настроили так: «Не торопись! Какие твои годы!» Возможно, они тогда просто пошутили.

Так — школа закончилась, впереди целая жизнь — продолжалось довольно долго. И в 1989 году, и в 1990-м, когда декан «Мостов и тоннелей» отправил меня на повтор, я думал: «Еще успею! Какие мои годы».

Так же полагал я и в августе 91-го, когда целый день, а был это третий день путча, ехал в общем вагоне, слушая по радио новости и волнуясь по поводу будущего разговора в деканате.

И осенью 93-го мне так казалось, когда я на синем «запоре», груженном потрепанными коробками с итальянскими сапогами, объезжал пробку, создавшуюся из-за пикетов, выставленных вокруг взбунтовавшегося против Ельцина парламента.

В те годы (о, мое чудовищное самомнение!) раза два посещала меня мысль о том, что будущие поколения жить будут в новой России благодаря генерации-70 своим протестом, панкком, твистом и свистом, приближавшей... в общем, что-то приближавшей.

Бурунзин выпивал чаще всего свою порцию в два приема. Я растягивал. Иногда мы чокались.

Я наконец распробовал сыр. Вкусный, но... я совершенно не знаю, что это за сорт. Во Франции такой дилетантизм, пожалуй, могут счесть формой слабоумия.

— В России сегодня, Петрович, уровень жизни вполне португальский...

Бурунзин, стоя у распахнутого окна, уставившись — кажется — на два бесшумно скользящих по горизонту огромных океанских лайнера, делился со мной своими неоригинальными наблюдениями:

— Федя, я лет на двадцать, а то и на все четверть века тебя старше. Что жизнь везде одинакова, когда приехал, почти сразу понял. Больше двадцати лет наблюдаю, как люди страдают оттого, что не родились с золотой ложкой во рту, от несправедливости, от собственной глупости, от элементарного невезения. Даже на Тенерифе, где круглый год лето, масса несчастных людей! Да что далеко ходить! Я там пережил весьма непростые времена. Хотя, казалось бы, жуй кокосы, ешь бананы! Ты, Федя, бывал на Тенерифе?

— Да.

— Жил, скорее всего, в отеле с видом на океан, с утра ходил на пляж купаться, потом в Парк Лоро дрессированных китов с дельфинами смотреть...

— Точно. У меня там был на удивление малобюджетный и большой номер с видом на океан. А в чудесном Лоро-парке я по журналистской ксиве бесплатно побывал. Экономия больше тридцати евро.

Петрович вернулся в свое кресло и теперь вещал уже с него:

— Вот видишь, Федя, как хорошо. А я в этом самом Пуэрто-де-ла-Круз жил в каморке без воды и санузла. Строил хоромы какому-то прохиндею. За два года на пляже раз пять всего побывал. Мороженого я на Тенерифе за все то время съел... Знаешь сколько?

— Нисколько.

— Одно, Федя. Одно мороженое за два года. Невозможно ошибиться в подсчете, ведь это же был настоящий праздник! Я его купил — и съел, одно, целиком и сразу.

— А портвейн, Петрович, сколько раз ты за два года пил, неужели всего один раз?

— Портвейн, Федя, здесь принято пить изредка и по чуть-чуть. Так, как с тобой сегодня, редко удается выпить. А тогда на стройку нам, рабочим, привозили какую-то еду — и по бутылке дешевого, хорошо — холодного, пива.

Бурунзин собрал на лбу складки... С набережной, с океана фоном к нам залетали обычные для такого места звуки: шум, создаваемый волнами у берега, крики по-хичкоковски прожорливых чаек, голоса отдыхающих, хлопающие двери автомобилей...

Пройти внутрь «фака» мог любой. Старое, напротив Кремля, здание МГУ с широкой парадной лестницей было, по сути, проходным двором и напоминало вокзал. До позднего вечера в «зале ожидания» — на вместительной площадке за входными дверями, на лестнице, возле колонн — толпились «пассажиры». Составлялись и разрушались компании, формировались и распадались парочки. Кто-то читал учебник. Кто-то — Кастанеду. Кто-то скучал. Кто-то записывал что-то в тетрадь. Кто-то курил. Кто-то пил пиво.

Мы с приятелями посмотрели недавно вышедший фильм Стоуна «Дорз». Уже был мертв Моррисон, но еще был жив Кобейн. Сбившись в кучу в большом и не очень уютном здании XVIII века, там, где во времена Ивана Грозного находился Опричный двор, мы пребывали, если говорить о настроении, скорее в тональности ми-минор, чем ре-мажор. Прimitивную версию песни «Riders on the Storm» можно было сыграть на «удобных» аккордах Em, Am, D, C. Иногда неспешное и состоящее из нечетких, как бы плывущих звуков соло хита — на фоне шума дождя — причудливым образом влетало в реальность. Мы двигались куда-то под этот завораживающий гитарный рифф.

В восьмидесятые годы в Советском Союзе на гитарах пытались играть многие подростки, юноши. Почти каждый «гитарист» хотел стать rock star.

Мне, четырнадцатилетнему, в июле 1985 года, после смены в пионерлагере, бабушка подарила четвертной. На гитару. Ничего в них я тогда не понимал, играть не умел совершенно. На драченской автостанции был магазин, где я заприметил произведенный в Пензе инструмент. Акустическая гитара стоила как раз двадцать пять рублей. Помню, в магазине мужик лет тридцати в пиджаке из кожзаменителя предложил (из любви к искусству?) настроить инструмент.

Я проигнорировал инициативу Кожзама. Услышал брошенное им своему спутнику высокомерное:

— Боится...

Точно. Кожзам возьмет гитару в руки — и все, скажет, моя. Так хулиганье наше дворовое и поступало, как правило, с тем, что понравится.

Драченские рефлексy просты: из дому не выносить, вынес — прятать.

И неважно, что в тот момент я гитару еще не купил: за нее продавец отвечал. У страха глаза велики. А к тому же Кожзам совсем не был похож на гитариста, скорее уж на тракториста. Такой — ни музыкального слуха, ни малейшего намека на вокальные данные — бряцает аккордами любимой им «Поспели вишни в саду у дяди Вани», не сомневаясь: осчастливил всех окружающих!

Редкая советская гитара такого класса не нуждалась хотя бы в легкой доработке напильником. На моем инструменте ровнять пришлось все девятнадцать ладов. Корпус гитары едва резонировал. Но она настраивалась. Повезло. Запросто могла бы и не строить.

С той пензенской гитарой я потом в течение нескольких лет почти не расставался. Бренчать на своей акустике за несколько месяцев я научился вполне прилично.

Сыграв «Трамвай „Желание“» или «Кошку на раскаленной крыше», лицедеи (студенты разных московских вузов) обязательно накрывали прямо на сцене стол. Располагавшееся в живописной арбатской мансарде и бывшее в полном распоряжении студийцев помещение располагало к творчеству, богемному поведению, влюбленностям и прочему романтизму.

Сидящий в самом начале вечеринки во главе накрытого стола профессиональный режиссер-пенсионер, он же худрук, произносил тост «За искусство!». Выпив

свои две-три рюмки, корифей отправлялся спать, а артисты и их друзья, знакомые, родственники продолжали свои посиделки. Исполнитель «русского рока» (я знал «от и до» около полусотни песен) был в такой компании кстати.

Однажды, отмечая Пасху в театре-студии, наша компания решила съездить на праздничную службу в церковь. Все были немного навеселе. Никто, в том числе и находившиеся среди нас крещенные по православному обряду, не имел тогда по большому счету понятия о том, как себя надо в храме вести. Все просто там стояли, молчали. Те, кто умел креститься, крестились. Купившие свечи поставили их перед образами, к которым смогли протиснуться. Вроде как приобщились к святому празднику.

В храме кто-то из самодеятельных артистов узнал парня лет двадцати в длинном черном пальто и пригласил его продолжить с нами нашу студийную вечеринку. Года три назад Эдик Арбузо занимался в арбатской театральной студии, играл спускающегося в ад Орфея в спектакле по пьесе Теннесси Уильямса.

— Журфак, третий курс, — рассказывал о себе мой новый знакомый, опрокидывая внутрь наполненную до краев стопку анисовой водки. Он снял свое длинное черное пальто и сидел за столом в клубном, явно с чужого плеча, пиджаке (взял на время из отцовского гардероба).

Говорил Арбузо, демонстрируя прекрасную дикцию. На его фоне студийные артисты с их позволяющей «жить» на сцене психикой выглядели уже не такими раскованными.

Я поинтересовался, насколько сложно поступить на журфак МГУ (давно хотел уйти из МИИТа в гуманитарный вуз; одним из рассматриваемых мной тогда вариантов был истфак МГУ).

— Наоборот, очень легко, — опроверг мои ожидания третьекурсник Московского университета. — На журфак поступить — элементарно, это ж не физфак!

Такие утверждения рвали шаблон. Мне в это трудно было поверить. Хотя вообще в ту пору я был очень легковерен.

— Я вот на истфак подумываю...

— Хм... Поступай к нам! В приемную комиссию нужно предоставить журналистские работы, заверенные редакцией...

Арбузо, хоть и жевал выловленную чайной ложкой из консервной банки сельдь, артикулировал предельно внятно:

— Я тебе их сделаю.

Впрочем, к моменту поступления на факультет журналистики МГУ в моем активе уже были записи радиопрограммы. Эдик еще до того, как я летом поступил на журфак, привел меня в радиодом на Пятницкой. И там мне почти сразу позволили делать авторскую музыкальную программу.

Однажды Эдик представил меня в телецентре «Останкино» похожей на Энди Уорхола редакторше. Та поручила сделать телесюжет на тему «Куда вы вложили свой ваучер?». 1993 год, приватизация... Я тогда подумал: скорее всего, эту самодеятельность забракуют. Но — чудо — сюжет в эфир вышел. С этого, по сути, и началась моя работа на телевидении.

Самого Арбузо карьера на ТВ не интересовала. Он что-то иногда в «Стакане» делал, но ему все очень быстро наскучивало. К сожалению, Эдик не ограничивался разными вариациями на тему разбавленного этанола. Его весьма интересовали trips — виртуальные «путешествия» при помощи психически активных веществ. Арбузо не просто слушал «Дорз» и читал Кастанеду, он живо интересовался потусторонними мирами, мистикой — и регулярно, под действием каких-то спецсредств, «летал» в своей выдавшей виды «косухе».

Кажется, Эдик стремился соответствовать психоделической романтике. Ящерицы и огромные кактусы мексиканской пустыни, медитации под звездным небом вкупе с неадекватным поведением, от которого в ужасе — сначала родители, а потом — уже и все остальные... Постепенно Эдик стал принимать, похоже, уже все, что придется, исключительно ради самого употребления.

Арбузо мистифицировал, иногда, возможно, ощущал себя тайным посланником внеземной цивилизации. И он, кажется, сильно страдал от паранойи.

— Во мне оказалось слишком много театра! — откровенничал игравший когда-то спускающегося в ад Орфея декадент, появившись после долгого отсутствия на журфаке.

Получив диплом, Арбузо устроился сторожем в театральное училище. Это было уже в тот период, когда Эдик в расположенном на спине операторского жилета «резервуаре» носил детского резинового осьминога. Застежку заело, и карман всегда был распахнут.

На вопрос, зачем ему игрушка на спине, отвечал:

— Кто-нибудь руку туда сунет, а там — бу-га-га!!

Арбузо выхватывал из-за спины осьминога и тряс резиновыми сиренево-белыми щупальцами перед носом любопытного.

Ольга Томская училась в находившемся по соседству с журфаком на Моховой улице Институте стран Азии и Африки — в одной группе с Полиной Новгородцевой, к которой мы с Эдиком заехали, в общем-то, случайно: тупо хотели есть.

Я тогда переезжал с Шаболовки в Люберцы. Арбузо помогал перевозить вещи, а вообще тусовался со мной в тот момент, потому что мы, по сути — два панка, попутно пили пиво и несли веселую и в чем-то даже не лишнюю смысла чушь. Несмотря на мои заботы, прекрасно проводили время.

В какой-то момент — наступило утро — осталось отвезти в Люберцы две последние сумки, в одной из которых в основном находились продукты. Эдика, когда мы шли к метро, «накрыло»: поскольку мы являемся обладателями кулька свежих сосисок, можно заскочить к «Полинчику» — живет в двух шагах. Приготовим обед, душевно посидим. Арбузо позвонил Новгородцевой из автомата. После беседы, во время которой Эдик почему-то постоянно гоготал, сообщил: женщина его мечты ждет нас! В свои девятнадцать Полина жила в собственной однокомнатной квартире.

Эдик девице нравился, но, несмотря на мощные предпочтения, узнав о нашей идее, та не смогла скрыть сильного разочарования. Уж не знаю, что Арбузо напел по телефону.

Новгородцева напоминала механическую куклу из романа-сказки «Три толстяка». Я брезгую, говорили ее ресницы, брови, губы, прикасаться к сырым продуктам!!

Совладав с собой, Полина водрузила на плиту немецкую кастрюлю с водой и даже стала кончиками пальцев с отвращением снимать с сосиски, словно та была червивой, прозрачный «гидрокостюм».

Смотреть на это было невыносимо. Мы с Арбузо предложили красавице, учитывая ее титанические усилия, взять тайм-аут.

Когда мы с Эдиком ели, Новгородцева снизошла, задав мне несколько вопросов. Ответ про журфак сохранил увязавшемуся за Арбузо мужлану маленький шанс выглядеть не слишком убого, но затем утонченная натура Полины столкнулась с грубым реализмом.

Услышав, что я достиг двадцатипятилетнего возраста, она ужаснулась:

— Та-а-ак много!

То, что Эдику лет ненамного меньше, Полину почему-то не угнетало.

Шокирующий эффект произвела на августейшую особу информация о том, что я только что переехал в Люберцы. Полина заверещала:

— По мне, так и Шаболовка на краю света!

Переезжая на новую квартиру, старался оптимизировать багаж, что-то приходилось выбрасывать. В частности, метнул в почти пустой мусорный бак сумку, из тех, что носят через плечо. Это была абсолютно целая и даже вполне модная сумка. Просто надоела. И просто я избавлялся от мало-мальски лишних вещей. Проследив взглядом траекторию улетевшей на грязное дно сумки, Эдик с криком, что ему не с чем ходить на занятия, прыгнул в мусорный бак.

Спустя несколько месяцев, в начале ноября, я встретил Полину Новгородцеву собственной персоной на Тверском бульваре именно с этой сумкой. Задранный нос принцессы цирка блестел в лучах осеннего солнца, а Х-образные, облаченные в черные чулки ноги приковывали взгляды мужчин. Физиологическая особенность резко контрастировала со стоявшей рядом стройной девушкой. Это была приятно истомившая меня потом Ольга Томская.

Четко сложился и навсегда остался в моей памяти полный гармонии и тепла кадр. Мы с Томской — замершие в сладостном поцелуе, освещенные витриной ГУМа, засыпанные крупным ноябрьским снегом. И кто-то включает для этой мизансцены «November gain», казавшуюся мне тогда пределом музыкального совершенства.

Будучи корреспондентом спортивной телепрограммы, в кадре я не появлялся. Времена, когда хотелось, чтобы узнавали на улице, прошли. К тому же работа в кадре мешает... плохо выглядеть. Это не так уж удобно.

Наша программка выходила несколько раз в неделю. В кадре за всех нас, явно получая от этого удовольствие, отдувалась Лера Балконская, дочь известного кинорежиссера. Из-за того, что Балконша в годы своей бурной юности постоянно зависала то на Бали, то на Лазурке, в Институте кинематографии, куда она поступила еще в конце восьмидесятых, у нее было сдано лишь полторы сессии. Однако выглядела и текст произносила — а что еще надо? — наша теледива прекрасно. Иногда Лера — настоящий ангел, — расстроившись, могла умять десяток профитролей.

С ней в нашей останкинской редакции в какой-то период контрастировала брутальная стажерка. Одевавшаяся в черное Регина зачем-то жирно дорисовывала черным же брови, разговаривала матом и предпочитала, чтобы ее называли Риджина.

Многие могли слышать ее философскую сентенцию:

— Есть мужик — трахаю, нет — нет.

Как заправский психоаналитик, стажерка считала нужным заметить по поводу оговорившейся во время записи программы Балконши или дыхнувшего перегаром монтажера:

— Во всем виноват недотрах.

Нередко, затянувшись сигаретой и посмотрев в свой вырез, где без дела болтались две дыни-колхозницы четвертого размера, Риджина жестко констатировала:

— Бездуховность затрахала!

Реальность в ту пору — что-то вроде картин импрессионистов, размыта: не очень четкая, колеблется в нагретом воздухе или тумане... У многих моих коллег и просто приятелей того — последние вздохи девяностых — периода прослеживались черты маргинальных элементов.

Санек, живший на Патриках. Будучи уже хорошо за двадцать, каждый год собирался поступать в Институт кинематографии, полдня лежал в горячей ванне с книж-

кой, ожидая, когда кто-нибудь из приятелей заедет (с бутылкой, сигаретами, едой). Все знали: бездельничать с Саньком — одно удовольствие: чаек, коньячок, сигаретка, беседа о том и о сем — все как-то так по-домашнему. Редкий человек в Москве никуда не спешит, разговаривает не прерываясь, не перебивая.

Однажды страдающий от одиночества Санек позвонил нашей стажерке.

— Приезжай, — выдохнула Риджина в трубку табачный дым.

Нервы Санька, огромным усилием воли заставившего себя вылезти из своей норы на Патриках и доехать до Сокольников, натянулись дребезжащими о лады струнами.

Заглядывая в декольте халата Риджины (та предусмотрительно приняла душ), Санек — от приподнятого настроения, вызванного парой пива, мало что осталось — терпеливо ждал.

Стажерка знакомила слушателя с нюансами своего бытия. Гвоздем программы стала история, как она пыталась отдаться патрону на столе, а тот — мудака! — стал сопротивляться. Санек не удивился: из-за жизненного кредо Риджины он и приехал.

Перед тем как кончить (откровенничал потом абориген Патриарших прудов), он сжал груди четвертого размера и проревел, как белены объевшийся Джим Моррисон:

My wild love went ridin` !!

Смысл этой строчки из песни «Дорз» можно перевести так: «Моя дикая возлюбленная уехала кататься». Риджина где-то в пути...

Однажды папа Эдика Арбузо, заместитель министра, присоединившись на кухне к трапезе сына и его приятелей перед походом на техно-пати, дал собственную оценку всему нашему поколению. Солидно макнув пельмень в майонез, Тимофей Тимофеевич посмотрел на нас, словно только увидел, и с ноткой трагизма изрек:

— Стыд у вашего поколения, даже элементарный, отсутствует.

Кажется, это было уже после Томской.

Сколько прошло — месяц, годы?

Я поселился тогда в однокомнатной — стиль «бабушкин ремонт» — квартирке неподалеку от телецентра «Останкино». Жилье это было неудобное во многом, но на работу я мог оттуда дойти пешком минут за двадцать.

Посреди моей восьмиметровой гостиной-спальни-столовой на полу лежал матрас, застеленный несвежей, как правило, простыней.

«У нас был только ржавый кран с холодной водой», — вспоминал Хэтфилд из «Металлики» про место их обитания в Нью-Йорке на заре туманной юности.

Душ, туалет и кухню проектировщик втиснуть в эту квартирку как-то умудрился.

Одно время нередко по утрам ко мне, сбрасывая на ходу лодочки, врывалась техническая Дарья, редактор информационной программы.

Появлялась в съемных чертогах (время разное) запыхавшаяся после езды в «синем троллейбусе» рубенсовских форм Юля, администратор ток-шоу.

Пробовал с барышнями на кресле. Использовали буфет. Всякое бывало. Однажды, желая разнообразить сексуальную жизнь, слились с Дашкой в экстазе, словно два зверя, в парковой сирени.

Как-то, проездом с юга домой в Питер, заглянула Наташа, баскетболистка.

— У меня пересадка на другой поезд. Целых семь часов на вокзале не хотелось торчать.

Она мило улыбалась. Ее рыжие волосы явно истосковались по шампуню.

— Замечательно, — говорю. — Можешь ванной воспользоваться.

Это была редкая молодая, если говорить о подругах, женщина. Обычно они оказывались хотя бы немного ниже. Когда Наташа оперлась локтями о стиральную машину, ее рыжий лобок очутился прямо напротив моего шатена. На поезд она опоздала.

На следующее утро поехал с Наташей на Ленинградский вокзал. Нес по перрону ее огромный рюкзак, а какой-то вредный внутренний голос укорял: «Это — не любовь».

В какой-то момент и с Дашкой, и с Юлькой расстался. Отказ от встреч с нелюбимыми, заполнявшими пустоту женщинами вначале принес облегчение, надежду на настоящие отношения. Думал, надо всего лишь оставить моих формальных подруг, и Настоящая Любовь придет: она где-то рядом.

Мне очень хотелось почувствовать, что же это такое. Казалось, что невозможно без нее, что нужно хоть раз в жизни по-настоящему...

— Каждый отец должен своему сыну внушить: ты — победитель, — пьяный Петрович чеканил каждое слово, возвышаясь на созданной его воображением трибуне.

Мы все еще пили портвейн в прокуренной гостиной на берегу Атлантического океана.

В португальском жилище деклассированного русского «невозвращенца» слова «о победителе» прозвучали торжественно.

Я не стал уточнять, насколько сумел папа Петр вживить в организм сына — Петровича — такую важную штуку, как «я — победитель!». Бурунзин, впрочем, и без всяких просьб принялся рассказывать, как стал настоящим мужиком.

Речь его снова превратилась в ненавязчивый фон моих мыслей.

На первый план выплыла странная, но одновременно и очень знакомая фраза:

— Пробуй, Лонг!

Это сказал кто-то из парней, столпившихся в предбаннике Дворца культуры Московского электролампового завода (ДК МЭЛЗ). Высокий малый в драповом пальто и черном котелке стоял, втиснув плечо между теткой-билетершей и косяком. Ни у кого не было денег на билет. По крайней мере, таких. А были б двадцать пять рублей, да куда ж такие цены?!

В руках у Лонга пустой футляр от скрипки. Специально из дому прихватил. Дескать, музыкант группы «Аквариум».

— Пробуй, Лонг!

Лонг говорит-говорит, а сам, пока билетерша отвлекается на тех, кто с билетами и контрамарками, потихоньку протискивается... Второй билетер, крупный дядька, выталкивает «скрипача» к КПП.

После неудавшейся попытки Лонг грозитя всем выкинуть пустой футляр, но просто подключается к дискуссии о том, насколько Гребень по-дурацки теперь, после пребывания на Западе, выглядит. Мы его минут сорок назад видели: даже кивнул нам, вылезая из машины, блондинистой челкой.

1991 год, февраль. Жизнь потихоньку набирает скорость. И еще может двинуться не туда, куда уже движется; много счастливее, удачливее может, по идее, все складываться... Хотя грех жаловаться.

Боб, вернувшийся из заморского вояжа (целый альбом на Западе записал; сто девяносто восьмое место в хит-параде «Billboard»), устраивает серию коммерческих концертов. СССР довольно ощутимо поворачивается к так называемому рынку. Цены на продукты еще не отпустили. Потому стипендии и присылаемых родителями небольших сумм хватает. Живу в общежитии. На занятия — через улицу перейти только и надо — пешком. И на рок-концерты, где за вход нужно отдать рубль, максимум три, хватает.

Все, кто с билетами, уже в зале. Мы еще топчемся минут пять и всей толпой покидаем дэкашный предбанник.

Солнечный морозный день. «Аквариум» по два концерта в день дает.

У нас что-то вроде клуба по интересам.

Стоим перед ДК, сигаретки курим, не разъезжаемся, как будто нам кто-то сейчас контрамарки принесет.

Когда уже никто ни на что не надеется, из ДК выбегает лысый дядька в костюме, командует:

— Ребят, давайте на балкон.

Оказалось, примерно две трети зала пустые. На огромном балконе — человек пять. При пустом зале играть — моветон.

Врываемся на балкон, а концерт еще и не начался. Все ждут появления БГ. Выходит. Пергидрольный пробор, белоснежная рубашка под жилеткой. Клонированный русифицированный Боуи.

Пенсионеры в трамваях говорят о персидской войне...

Все в этом месте, довольные, аплодируют. Гребень актуализировал «Пока не начался джаз». Вместо «звездной» — «персидской». Публика как будто рада тому, что США напали на Ирак.

Советский человек в феврале 1991 года, молодой и не очень, — это, как правило, тот, кто очень нежно относится к США.

Публика в том ДК тогда — идеальный пример сборища непуганых идиотов. И я в той толпе — один из них. Мной еще не сделана череда ошибок. Я еще не испытал серьезных разочарований...

Один житель Нью-Йорка мне сказал:

— У нас всегда присутствовали излишества, соблазны. Родившись, мы получаем прививку.

Постсоветский человек тогда еще только учился воспринимать заморские фальшивые бриллианты адекватно.

Мой отец иногда жарил картофель, нарезая из крупных клубней похожие на оладьи дольки — плоские и круглые. С солью, на масле. Получалось вкусно. Шутя, папа называл это свое блюдо «Как в лучших ресторанах Лондона и Парижа».

Нам, советским людям за «железным занавесом», Европа тогда представлялась... Что Берлин, что Мадрид — все на краю света. Это был другой и как бы реально не существующий мир. Во времена СССР он был доступен советским небожителям: дипломатам, редким деятелям культуры. Почти все в стране знали о чем-то за пределами СССР по одобренным цензурой книгам, фильмам и телепрограммам «Международная панорама» и «Клуб путешественников».

После третьего визита в Париж я удивлялся, как можно было раньше не замечать, что вход-дырка на станцию метро рядом с собором Парижской Богоматери — один в один — спуск в подвал нашей хрущобы в Драценах. Хорошо, в подземке французской столицы не надо шарить в темноте руками в поисках свисающей лампы, докручивая которую освещаешь лестницу!

Несколько лет я был фанатом Италии. Объехал страну вдоль и поперек. И однажды осознал: неаполитанский портгье, по сути, мало отличается от торговца на любом нашем рынке. Довелось мне пройтись по хипповской Кристиании с ее пребывающими в состоянии жесткого бодуна плешиво-волосатыми обитателями, по панковскому когда-то Санкт-Паули, граничащему с секс-индустриальным Репербаном, по панковской же Пикадилли, по одурманенным Красным фонарям Амстердама...

Об этих «экзотических» местах я еще в перестройку узнал из каких-то прогрессивных телепрограмм и журнальчиков и, конечно, мечтал там побывать, ведь они олицетворяли свободу, равенство, братство и, разумеется, красивую жизнь!

У нас до сих пор полно тех, кто думает, что город на берегах Амстела, к примеру, — место, где сюсюкают с каждым убогим. Наши люди, как правило, что-то слышали про общий западноевропейский гуманизм, что-то — про голландские социальные службы, а потому до сих пор, поскольку сами чаще всего толком нигде не были (автобусная экскурсия — галопом по Европам — не считается), склонны считать: Нидерланды — рай. В реальности — на той же Дамрак — через каждые два-три метра попадаются не слишком опрятные то ли художники, то ли рок-музыканты, то ли дизайнеры с диджеями. Бывшие креативные личности проверяют урны, вопросительно смотрят, стоя у входа в бигмачную. Рядом с ними редко кто-то задерживается.

Конечно, есть в Амстердаме и палуба под навесом, служащая верандой жилой барже. И там в шезлонге в компании щенка спаниеля, поджав ноги, нежится с журналом бледная дамочка. И рядом с ней на столике — пустая рюмочка и недоеденный кусочек селедки. И вся эта идиллия — сплошной вызывающий зевоту аутизм.

Петрович что-то говорил... Главное в его рассказах я, кажется, сумел выделить: доволен всем или хотя бы хочу сам в свое «довольство» верить.

Как это часто бывает с пожилыми людьми, прошлое им было разложено, рассортировано, а главное — отредактировано в соответствии с устраивающей его общей концепцией собственной жизни.

Беседа скатывалась во все больший сумбур. Все-таки мы с Бурунзиным выпили уже далеко не «по рюмочке», как он предлагал, когда мы подошли к двери его дома, а гораздо больше.

— Ну, — просто сказал Петрович и выпил половину стопки.

В этот раз я опрокинул свою целиком. По всему телу пробежала приятная дрожь (от первой, второй и даже третьей порций алкоголя такого эффекта не бывает), теплая и тревожная.

— Возвращайся, Петрович, вот и вся Жемчужина...

Отправляясь в Москву учиться, мы с Лешкой Сидоровым планировали и там постоянно общаться.

Идя с дискотеки, где мы в сваренных в хлорке спецовках (выдали для уроков труда) отплясывали под «Буги-вуги каждый день», Лешка сокрушался:

— Надоело мне здесь!

Насколько вульгарно и глупо выглядели мы с Сидоровым в нашем шутовском тряпье, я осознал недавно. Разглядывая «луки» в соцсетях.

В августе 1993-го я обнаружил себя среди зачисленных на первый курс факультета журналистики МГУ. Нужны были деньги. Прежде всего на съемную квартиру.

В Москве мы виделись с Сидоровым редко. И в самом начале. Потом отличник-медалист подружился в своей общаге с предприимчивыми студиязусами, и я стал ему неинтересен. Да, в конце концов, ему было некогда. Его жизнь была в тот период куда насыщенней моей.

Самым верным способом состояться этим осевшим на экономфаке МГУ провинциалам казался путь максимально быстрого обогащения. Отчаянные юные экономисты торговали водкой возле гостиниц, продавали иностранцам советскую военную форму, противогазы, бинокли, часы, знамена... Уже на втором курсе Сидоров с его

приятелями оформили загранпаспорта и визы. Словно прожженные советские снабженцы, вручали они торты теткам в ОВИРе. Ездили закупаться в разные страны, попутно продавая, где был спрос, советскую символику.

Тогда, на заре нового русского дикого капитализма, я и пошел в Лешкину обувную коммерческую «структуру» продавцом. Пока не начал получать за свои ТВ-сюжеты деньги, стоял на вещевом рынке в Лужниках. Со мной рядом подрабатывали студенты из самых разных московских вузов. Среди продавцов в Луже можно было найти врачей, инженеров, офицеров, артистов...

Этот вид деятельности не вызывал у меня восторга. Но в то же время иногда брало любопытство: каким образом Сидоров «поднялся»? (Главный «секрет производства» состоял в том, чтобы купить на оптовой базе несколько десятков пар обуви как можно дешевле.)

Лешка, услышав вопрос, менял тему:

— Давай-ка я «Нирвану» поставлю, — говорил Сидоров и тянулся к кассетнику.

И дальше беседа шла уже о рок-музыке, об иммиграции в США.

Однажды — стояли очень сильные морозы — мы с кем-то из соседей-продавцов, желая согреться, выпили водки «Smirnoff» из пластиковых стаканчиков.

В ту пору по ТВ постоянно крутили рекламный ролик, мотивом перекликавшийся с «Noochie Coochie Man». Хорошо поставленный сиплый мужской голос вещал:

— Водка «Smirnoff». Самая чистая водка в мире!

Капитализм привнес в жизнь вчерашнего советского человека названия латиницей, яркие упаковки, «легенды» товаров — вечно что-то из ковбойской жизни и связанное с покорением Дикого Запада.

Я достал зажигалку «Zippo», вытащил из твердой красно-синей пачки сигарету «State Line». Закурил и фирменным сиплым голосом из телевизионной рекламы произнес:

— Водка «Smirnoff». Самая чистая водка в мире!

Торгашеская общественность одобрительно гыгыкнула.

Выпили еще.

Кажется, я даже верил тогда, что продаваемое в Москве пойло — та самая, чистая водка «Smirnoff». Сидя на коробе, набитом двадцатью парами ботинок, чувствовал себя покорителем Дикого Запада. Или, может быть, старателем с Клондайка. Зима ж стояла. Был на ногах с шести утра, мороз крепчал, а я ничего не ел...

В таком состоянии в двадцать два года довольно легко возникают в сознании представления о блестящем будущем.

Выбираясь с нагруженной обувью двухколесной тележкой из станции «Аэропорт» (здесь нужно было сдать остатки товара), я застрял в дверях. Из истрепавшихся картонных коробов посыпались дорогие импортные ботинки.

А тут народ, как назло, повалил, поезд подошел. Стал судорожно собирать просыпавшееся добро: отвечаю за товар!

Ухоженные домохозяйки аккуратно обходили образовавшуюся кучу. Спекулянт, наверно, думали.

Пересекая площадь с памятником Эрнсту Тельману, почти столкнулся сначала с самим Тыковым, а потом с Лионским. В близлежащих домах с давних пор живет масса кинематографистов, сочинителей, артистов.

Толкая по кварталу небожителей скрипучую тележку, ощутив тоску и одновременно — свое превосходство, я, как мог громко, истошно закричал на ярко освещенные окна, за которыми притаились успешные представители еще той, советской, богемы:

— Водка «Smirnoff». Самая чистая водка в мире!!!

Мы с Петровичем пьяны — *in vino veritas!* — и кажется, все можно понять, все решить в таком состоянии. Лет двадцать назад, только познакомившись с эффектом «алкогольное опьянение», я принимал такое вот приподнятое настроение за чистую монету.

Вино крепленое, а значит, «гениальные» мысли — удвоенный бред. Что касается Петровича, то он уже давно вышел из режима диалога. Говорил, говорил... Иногда даже сам себя о чем-то спрашивал. Сам же мог себе и ответить. А я в течение последнего часа его и не слушал почти. Портвейн дал моим мыслям право течь, как им самим хочется: «Мягкая еврозима, пляжи, фрукты, портвейн. Филонин продал дачу под Самарой — купил квартиру в Порту, теперь у него дача на Атлантическом океане. В ней и жить постоянно можно. И вид на жительство не так уж трудно, говорят, получить. Но Филонин только наездами бывает. В том-то и фокус, что хорошо в таких местах иногда, а не всегда... В России человек вдруг решит: у нас ужасно, в какой-нибудь Испании — прекрасно! И давай туда переселяться... Тех же европейцев взять. Есть возможность — путешествуют. Но живут дома. И нередко даже там, где и родились. Почему? В том числе и потому, что вокруг то, что ты знаешь с самого детства. Вокруг *свое*, родное, даже более свое, в известном смысле, чем собственность. Потому что это *свое* корнями уходит в твою личность, в твою память, делает тебя — тобой. Я до сих пор помню обстановку в нашей квартире на Дельте. Мне было уже около тридцати, когда я, оказавшись рядом с тем домом, зашел в подъезд. Я словно открыл навечно сохраненный файл. Тот самый запах сырости, бетона, штукатурки, краски. Уникальное сочетание. Вдохнул — и вот я уже через две ступеньки несусь с Подвозовым (нам лет по десять) по лестничной клетке вниз, потому что позвонил в квартиру учившегося тогда уже, кажется, в шестом Кобылина, нагло отобравшего у нас мяч во время решающего матча с восемнадцатым домом. Сашка, пока я держал кнопку, втиснул под резиновый уплотнитель „черную метку“ — картонку размером с игральную карту, на которую мы нанесли сажей круглое пятно. Кобыла шустро, несмотря на позднюю осень, выскакивает в трениках и майке, пытается нас догнать и уже возле соседнего, второго, подъезда на бегу дотягивается до Сашки. Подвозов, потеряв равновесие, в своем светлом клетчатом пальто, словно пытающийся взять неберущийся мяч вратарь, летит в грязь... Потом мы часа два стоим во втором подъезде. Хорошая половина Сашкиного пальто — засыхающая корка грязи. Подвозов боится идти домой: попадет! Я ему сочувствую, но как помочь? Я даже за щеткой не могу домой сходить, сразу „загонят“. Если скажу, зачем та, мои соседям Подвозовым тут же и сообщат, что их сын мерзнет на улице в мокром пальто! Надеюсь, что грязь быстро высохнет. Сашка, стоя у мощной батареи, сковыривает затвердевающий слой драченской грязи... А сколько еще этих файлов! И у каждого из нас обязательно есть такая вот своя „золотая коллекция“. И такой калейдоскоп воспоминаний — даже если многие воспоминания не сразу и вспоминаются, — красиво это выглядело тогда или нет, красивым представляется сегодня или нет — собственно, мы и есть. Докопаться до этих файлов, возможно, куда важнее, чем провести максимальное количество времени на пляже с фруктами и портвейном. Зачем лишать себя шансов последовать туда, куда отправляются на алтарной стене Сикстинской капеллы праведники? Проводимые человеком изыскания земной коры с точки зрения „где лучше“ — это часто поиски среди ярких продуктовых упаковок, внутри которых почти ничего, за исключением дешевого пальмового масла, нет...»

Неожиданно бухтевший что-то Бурунзин замолчал. Он уже не сидел, скорее — полулежал в кресле. Развалился, уткнув подбородок в грудь. Вид у него был какой-то одинокий, покинутый.

«Возможно, у него в Питере еще остались родственники, друзья, — тут же, конечно, подумалось. — Какой-нибудь брат-старичок доживает в той самой пятикомнатной на Московском проспекте и будет только рад, если Петрович объявится: „Брат, я вернулся!“ А потом, может быть, есть у него дети, живущие в Питере. Здесь-то, в Порту, у него, похоже, вообще никакой родни нет. А там, глядишь, помогут Петровичу. Здесь по строительной части что-то ему подкидывают иногда, а сейчас местная парковка — и вообще его единственный заработок. А ведь он уже старый. При этом — классный переводчик. Да он в Питере даже и в своем возрасте найдет достойный приработок к пенсии. Его еще на телевидение звать будут в интеллектуальные ток-шоу, посвященные Сервантесу и плутовскому роману. Ему б, конечно, побриться...»

Мой внутренний прожекторский полет прервал голос «классного переводчика»:

— Федь... Нет, ты меня, конечно, извини...

Как ни странно, взгляд у Бурунзина был трезвый.

Я разлил портвейн по стопкам. Оставалось еще на один раз.

Сигареты свои Бурунзин теперь курил, кажется, одну за другой.

— Вот ты говоришь, делай заказ Вселенной, Жемчужина, там, и прочее... — Петрович, выпустив дым, выпил стопку. — Федя, ты, я чувствую, заказал себе Жемчужину. И это, знаешь, по-моему, очень смешно. Ведь ты же всегда жил вполсилы. Кстати, почему ты не женат?

— Не твое дело.

Бурунзин, пока мы говорили, несколько раз надевал и снимал мои солнцезащитные очки. Я уже нервничал, глядя на эти манипуляции...

— Согласен, не мое это дело. Прости! — Петрович посмотрел на меня поверх очков. Взгляд собеседника выражал безразличие и одновременно радостное возбуждение. Как это может сочетаться? По идее, никак. Но сочетается, если человек выпил.

— Петрович, я живу с подругой, мы просто еще не оформили наши отношения.

— Тебе сейчас сколько лет?

Конечно, я бы тоже мог задать Бурунзину каверзные вопросы личного характера. Я посмотрел на чернокожую красотку в рамке: врет этот Петрович, наверно, про то, что это его подруга, уехавшая в Авейру...

— Пятый десяток разменял.

— Ого! А детей когда ты заводит собираешься?

Под открытым окном, рядом с которым мы сидели, ездили автобусы, автомобили, крутили педали велосипедисты, ходили люди. Но ничего этого, даже Атлантического океана, начинавшегося за променадом и пляжем, не было. Был ужасный Бурунзин...

Спрашивать: «А твои дети, Петрович, где?» — не хотелось совершенно. Откинувшись на спинку кресла, выпил свою стопку.

— Федя! — Бурунзин стал говорить гораздо громче; по пьяни, похоже, перестал себя частично контролировать. — Если б ты не хотел Драченам своим что-то доказать, сроду б на телевидение не пошел!

Нужно очутиться на самом краю Европы, на берегу Атлантического океана, чтобы такое услышать.

— Всю Европу ты зачем изъездил? — Петрович, похоже, читал мои мысли.

Разливая остатки портвейна по стопкам, сам же и ответил на свой вопрос:

— Ты, Федор, сам того не понимая, своими метаниями по европейским странам хотел компенсировать упущенное. Так некоторые, пока здоровье позволяет, за бабами бегают. Им кажется, они себе бессмертие зарабатывают. Твой случай более

сложный. На Канарах-Балеарах побывал, несколько раз посетил Париж. Есть теперь иллюзия, что жизнь прожита не зря!

— Петрович, коллекционировать мне довелось не только страны и города.

— Федя...

Петрович сильно икнул, закатив при этом глаза.

— В целом... э-э...

Его, кажется, мутило.

Я встряхнулся. Надо было возвращаться в реальность. Пора было брать заключительный аккорд.

— Петрович, каждый раз, когда я в течение предшествующих одиннадцати дней в Порту обращал свой взор на серф-спот в Матозиньюше, который с балкона отеля виден, то серфинга-то я там и не обнаруживал. Точнее — волн там нормальных нет, есть серферы. Я всякий раз удивлялся: зачем людям подобный «серфинг»? На Гавайях десятиметровые волны. Вот это я понимаю — серфинг! А тут... Вместо того чтобы уехать на нормальный серф-спот, люди занимаются имитацией. Боятся большой волны? Лениятся до нее добраться? Неизвестно, что хуже.

С истлевшей больше чем наполовину и забытой в пепельнице сигареты упал большой кусок пепла. Не обращая внимания на «королевский бычок», безродный космополит гнул свою линию:

— Федя, смешулькин ты мой! Я в Порту живу, на серферов внимания не обращаю. На величину волн — тем более. В океане сам очень редко купаюсь. Как почти все местные. И я всегда реально смотрел на жизнь. Никогда не пытался поймать журавля. Скромнее надо быть, Феденька...

— Петрович, ты другой, спору нет. Ты попытки осуществить свой личный прорыв так и не предпринял...

— А то, что я в возрасте за сорок все с нуля начал в другой стране, не прорыв?! — Бурунзин еще не понимал, что я не намерен щадить его самолюбие.

— Я про то, Петрович, что ты родился в ленинградской академической среде, в ней и собирался оставаться в качестве среднего такого «академиста». Ты из тех, кто считает, что синица в руке лучше. И ты так рассуждал не потому, что тебе приходилось быть осторожным, пробиваясь самому в жизни. Ты просто пользовался всем готовеньким. Если б не перестройка, жил бы ты в Ленинграде в своих, доставшихся от папы — великого академика там какого-то — хоромах, переводил бы без спешки испанского автора, преподавал бы в университете... Твои предки наверняка что-то открыли, изобрели, воевали, рисковали, выживали в блокаду, делали карьеру... Ты же журавля поймать и не пытался. В начале нашего разговора сегодня, еще на набережной, ты проговорился: у каждого цель — получить Жемчужину. А что же ты ничего для этого не сделал? Да хоть бы у Вселенной попросил! Учитывая хороший старт, наследственность, ты мог бы стать... ну, не знаю... большим ученым или писателем! А ты стал обычным обывателем, который делает вид, что хорошо живет. Ха! Устроился в «цивилизованной» Евро...

Бах!!

Бурунзин с размаху швырнул мои «стеклышки», попал — случайно? — в фото-портрет своей скво. Он давно снял их с собственной глубокомысленной, хоть и совсем уже пьяной физиономии и вертел в руках. Я давно хотел забрать свои солнцезащитные очки. Не успел.

Кажется, Бурунзин уже слабо соображал. Пора, подумал я, пора...

— Петрович, друг мой, ты ж задыхаешься в этой атмосфере! — В тот момент мне казалось, что я лучше старика Бурунзина, хотя бы потому, что трезвее.

— Ты ж ни разу не португалец! Ты — русский, Петрович!! У тебя имя такое, что тебе смешно быть португальцем, по-моему. Это все равно что Депардьё, живущий в Саранске! Даже в Драценах тебе будет лучше.

— Иди ты со своими Драценами! — огрызнулся Бурунзин.

Нахмурившись и шаря рукой под журнальным столиком в поисках сигаретной пачки, Петрович изрек:

— Широты души, любви в тебе, в высоком смысле слова, нет.

Была в этих словах чугунная правда.

— Пусть так, — согласился я, дотягиваясь до сигарет и передавая их Бурунзину. — Но я тебе все-таки скажу вот что. Возвращайся, Петрович! Возможно, ты прав: не стоит просить или требовать чего-то у Вселенной. Жемчужину и вообще, допускаю, искать не стоит. Но мне кажется, я прав, говоря: тебе надо вернуться в Россию. Ты же русский, православный, даже если и не очень верующий. Здесь ты зачакнешь окончательно! Тебе тут просто даже поговорить не с кем...

Забылось, что ответил Петрович про отсутствие у него в Порту постоянных собеседников. И я до сих пор не знаю, воспользовался ли он моим советом.

Павел КУРМИЛЕВ

ОДНА ФАНТАЗИЯ

Рассказ

И все это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, все это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия... помяните мое слово, сами увидите!

Ф. М. Достоевский. Идиот

— Ты никогда не задумывался о том, почему окраины всех городов так похожи? Почему у городов различаются лишь центры, да и то не всегда?

Вопрос застал меня врасплох — я действительно думал о чем-то подобном, и не раз, так что очень странно было слышать собственные мысли из уст другого человека. И возражать я начал исключительно из нелюбви к чересчур категоричным формулировкам.

— Все-таки есть исключения. В Эстонии у дорог стоят остовы каменных мельниц. В Польше при въезде в любой город увидишь кресты с лентами, расходящимися от верхушки к низу, так что получается что-то вроде майского древа. Кстати, о Польше: очень хорошо помню, как мы въезжали в ночной Гданьск. Там на окраине была не то станция, не то завод, напоминало это декорации из научной фантастики: множество разнокалиберных вышек, переплетение огромных труб, и все это буквально испещрено белыми огнями подсветок. Зрелище футуристическое. Но в целом... да, согласен. Похожи.

Мы сидели в салоне самолета, ожидая все откладывающегося вылета. Джая, красивая, насколько вообще может быть красивой женщина с обритой головой, откинулась на спинку кресла, и я почти любовался ее идеальным профилем, но именно почти, потому что странный разговор, который мы с перерывами вели все сегодняшнее утро, мучил меня и не давал мне покоя.

— Почему окраины похожи? — спросил я наконец, видя, что Джая ушла в свои мысли и не стремится продолжать беседу.

— Наш настоятель утверждает, что такого рода повторяемость — верный признак иллюзии. Иллюзии бывают и уникальными, единичными, ни на что не похожими. Но когда что-то воспроизводится с навязчивым постоянством, это, так сказать, иллюзия в квадрате, потому что объектом ума становится уже не сам предмет, а представление о нем или, еще точнее, слепая вера в него.

Павел Валерьевич Курмилев — прозаик, фотограф, кандидат культурологии, автор статей по истории искусств. Родился в 1981 году в Ленинграде. Победитель литературных конкурсов «Трансильвания» (2012, первое место в номинации «Малая проза») и «Маньяк-фест» (2015, третье место в номинации «Малая проза»). В 2011 году основал (совместно с Игорем Сорокиным) творческое сообщество «Dark Romantic Club», выступающее за возрождение романтизма в искусстве.

— Но в чем разница? — спросил я нетерпеливо — этот поворот разговора казался мне слишком пространным.

— В классическом буддизме все соблазны чувственного мира воплощены в образе демона-искусителя Мары. Когда ты видишь что-то новое, рассматриваешь это, изучаешь, находишь все больше уникальных нюансов — это демон Мара опутывает твои глаза еще одной иллюзией. Но когда ты сталкиваешься с чем-то знакомым или чем-то, что кажется тебе таковым, и образ в твоей голове выстроен не восприятием, а памятью, происходит нечто много худшее. Ты сам становишься собственным демоном Марой, сам опутываешь себя иллюзией, причем иллюзией, так сказать, второй свежести. Мара хотя бы работает добротнo. Любую данность нашего непосредственного восприятия можно измерить, задокументировать, описать с точки зрения науки. Но те фантомы, которые порождает мы сами, как правило, лишь очень грубые слепки с объектов и явлений первого, так сказать, порядка. Выходя на лестничную клетку, сталкиваясь там с неприятным соседом, сухо произносятся: «Добрый день!» — и мучительно долго орудуя ключами лишь затем, чтобы не спускаться по лестнице бок о бок, ты даже не можешь описать, как этот сосед выглядит, но чувствуешь самое непосредственное раздражение от того, что он вечно выходит из квартиры одновременно с тобой. Причем это может быть совершенно другой человек, просто похожий на тот смутный фантом, что хранится в твоей памяти. Может быть, вчера у него было целых три глаза. Может быть, сегодня у него вообще нет глаз.

Я даже вздрогнул, настолько живо представил эту сцену.

— Пригороды везде похожи, — заключила вдруг Джая, — потому, что на самом деле мы никуда не летим. Просто исторический центр почти везде прорисован добротнo, а периферия... да кто вообще рассматривает пригороды?

Она так легко и беззаботно произнесла страшную, в общем-то, вещь, которую до этого я лишь пару раз читал на закрытых интернет-форумах.

— Ты считаешь, — пробормотал я, — что путешествия нам... внушаются?

— Не ты ли, — Джая глянула на меня чуть даже насмешливо, — говорил, что уже через пару дней после возвращения даже продолжительная поездка кажется тебе сном и игрой воображения? Сколько бы сувениров и фотографий ты ни привез?

— В сувенирах и фотографиях как раз и заключается проблема. Фотографии из отпусков у всех одинаковые — одни и те же достопримечательности, снятые с одних и тех же точек, меняются только лица, украшающие — ну, как украшающие... — этот фон. Сувениры одно время казались мне достаточным аргументом в пользу реальности путешествий, но затем на глаза мне стало попадаться все больше абсолютно одинаковых вещиц — чашки, магниты, открывашки для пива, сувенирное оружие и так далее, — продающихся в самых разных странах и отличающихся только надписями, самое большее — рисунками. По сути, можно купить такую чашку здесь, отнести в мастерскую, где наносят на фарфор любые изображения или надписи, заменить надпись на «Париж» или «Будапешт» — и вот ты словно бы побывал в Париже или Будапеште.

Мне казалось, что я говорю со спокойной иронией, но Джая покосилась на меня и сказала:

— Ты принимаешь это слишком близко к сердцу. Поддельные путешествия ничем не хуже, чем иные виды обмана и самообмана. Расслабься и получай удовольствие. В конце концов, ты летишь в свою любимую Прагу. В который раз, кстати?

— В седьмой, — пробормотал я.

Я пытался вспомнить ту поездку, в которой заподозрил обман, но не мог. Во время последнего визита в Прагу я был уже практически уверен в том, что все, происходящее между авиаперелетами, а возможно, и сами они — лишь искусная подделка,

имитация, потрясающе детализированное внушение. Впрочем, уверенность эта скорее предваряла поездку и следовала за нею; непосредственно же там, в городе из моих снов и грез, все во мне отчаянно и больно протестовало против самой мысли о нереальности происходящего. Нереальными, напротив, казались будни: безликий город с многоэтажными серыми окраинами и безликим желто-белым классицизмом в «историческом» центре; безликие дни как ворох карт рубашками вверх, и не ворох даже, а просто плотно спрессованная колода; безликие маршруты, найденные до полной утраты чувства движения, — много раз я ловил себя на том, что окружающие улицы и дома вызывают во мне настолько интенсивную, настолько мучительную тоску и скуку, что мне хочется лечь и заснуть прямо посреди улицы, под ногами потока прохожих — лишь бы перестать видеть эту улицу и этот поток прямо сейчас. Реальностью же были древние камни, и горбатые мостовые, и черепичные крыши, и черно-зеленые шпили, и водопады плюща, и веселые, шумные, приветливые люди, и острый месяц над светящимися в ночной вышине башнями Града. В тот приезд меня особенно остро злили бесконечные потоки туристов, следующие по одним и тем же маршрутам, делающие одни и те же снимки с одних и тех же ракурсов, покупающие одни и те же сувениры; я шарахался от них, как от зачумленных; мне казалось, что бесконечная повторяемость их действий убивает мой город мечты, превращает его в бездушную машину, механизм, мертвый конвейер. В тот приезд я избегал, как мог, туристических троп и видов; в каждом знакомом здании и памятнике стремился различить что-то новое, деталь, которой не видел прежде, — чтобы почувствовать свое отличие от толпы, непричастность к конвейеру. Не мог и не хотел избавиться от иррационального чувства, что туристический поток своими одинаковыми действиями стирает черты моего города, превращает его в тот самый условный, безликий, упрощенный фантом, о котором сегодня говорила Джая, зато я, находя новое, отыскивая не виденные прежде переулочки в исхоженных, казалось, районах, фотографируя не шаблонные виды, а трещины на статуях, и пятна мха на барельефах, и паутинки на фонарях, этим самым творю город, создаю мою Прагу, формирую те самые детали и штрихи, без которых нет подлинной, настоящей реальности. Не раз и не два я ощущал противодействие — нет, не самого города, а чего-то внешнего ему — и при этом действующего через него. Выражалось оно в основном в исчезновении интересовавших меня архитектурных деталей, реже — целых домов или улочек. Само собой, никакой внешней мистики я не наблюдал, все оставалось на своем месте, просто улицы оказывались перекопаны, лавочки закрыты, костелы заперты без указания причин, а отдельные фрагменты строений скрыты строительными лесами либо, наоборот, свежоокрашены и тем самым полностью лишены очарования старины.

Чувство, что кому-то незримо всерьез досаждают мой роман с этим городом, отдавало паранойей. Стоило мне прекратить поиск уникального и примерить маску праздности, как чувство внешнего сопротивления исчезало, но вместе с этим Прага упрощалась до картинки из буклета, а это было кошунством, которое я не мог долго выносить.

— Я не могу просто расслабиться, — сказал я наконец, — для меня это... как если бы верующему сказали, что его Бог — подделка и технологически совершенное внушение, сделанное группой бездушных специалистов, чтобы заработать денег.

— Ну, в теократических антиутопиях вроде той, в которой живем мы, все примерно так и есть, — лениво заметила Джая.

Самолет уже разогнался.

— Как ты думаешь, в какой момент полета заканчивается реальность и наступает иллюзия?

— Я читала в Интернете, что в те секунды, когда при взлете начинает закладывать уши. Была еще версия, что психотропный препарат дают с едой и напитками...

— Но ведь еще недавно можно было путешествовать даже на собственном автотранспорте.

— Можно было. Пока это не запретили.

— Но почему, — спросил я, — больше нет настоящих путешествий?

— Тут есть минимум две версии: грустная и очень грустная. С которой начать?

— Давай с очень.

— Согласно ей, лететь уже попросту некуда. За пределами нашей страны остались лишь выжженные войной земли, а сокрытие этого факта нужно, в общем, затем же, зачем в мифологии нужен рай. Не ты один живешь только и исключительно ради дней, проведенных там.

— Чудовищно, — проговорил я, — а просто грустная?..

— А тут причины сугубо экономические. С развитием технологий индуцировать искусственную реальность стало неизмеримо дешевле, нежели как-то преобразовывать физическую.

— И в этом втором случае мир за пределами страны все же существует?

— Как вариант. Но неизвестно, таков ли он, каким мы его видим, выйдя из самолета.

Двигатели взревели с пугающей силой, самолет резко пошел вверх, и у меня заложило уши.

* * *

Осень в Праге была печальной и теплой, почти без дождей, которых я не любил и, принимая решение лететь в конце сентября, несколько опасался.

Днями я гулял по старинным улочкам и начинающим желтеть паркам, всегда стараясь выбирать новые маршруты; иногда взор мой прикипал к какому-нибудь пейзажу или отдельному зданию, и тогда я надолго замирал и стоял неподвижно, разглядывая и впитывая, иногда на пустынной набережной или улице, иногда прямо посреди толпы; всякий раз, находя нечто уникальное, что-то, чего я не ожидал увидеть, то, без чего общая картина вполне могла бы обойтись, я едва мог сдерживать слезы радости, умиления и надежды. Не может быть, беззвучно говорил я тогда покосившемуся дому, задрапированному в плащ из дикого винограда, или растрескавшейся статуе, замершей в настенной нише на глухой, казалось бы, улочке, не может быть, что и тебя придумали, просто взяли и нарисовали бездушные мошенники, зарабатывающие на желании людей посмотреть другие страны. Ты не можешь быть подделкой, шептал я, глядя ладонями чуть теплую, крошащуюся от прикосновений штукатурку стен, глядя снизу вверх в темные лица статуй, здесь ведь нет никого, улица пуста, туристы не приходят сюда никогда, даже местных жителей здесь не видно — при условии, что они вообще существуют, эти местные жители, а не являются лишь частью симуляции; никто не стал бы моделировать целую улицу для одного меня — ведь куда проще смоделировать на ее месте забор, что, собственно и происходит периодически, когда я лезу туда, куда не надо. Что если... при следующей мысли я буквально задохнулся от мучительной радости, что если многообразие мира здесь объясняется тем, что все это существовало некогда в реальности, было оцифровано — и лишь потом стало недоступно физически? То есть где-то неизмеримо далеко действительно стоит этот покосившийся

дом в темно-рыжей черепичной шапочке, похожий на галантного старичка, присевшего в забавно-старомодном поклоне? То есть где-то действительно смотрит в пустоту улицы эта обрамленная розовым шиповником статуя? Они действительно есть, просто до них никак не дойти, не доехать ни за какие деньги, ведь для частных путешествий границы закрыты, а самолеты и прочее — лишь имитация? Что если... и от следующей мысли мне становилось невообразимо, непередаваемо дурно — что если эта оцифровка, эта симуляция — все, что осталось от мира, где есть горбатые мостовые, и статуи в нишах, и присевшие в поклоне дома? Что если правы интернет-кликуши, и нет больше никакой заграницы, нет никаких старинных городов, а есть выжженная войной пустыня?

С Джаей мы почти не возвращались более к этой теме да и вообще пересекались довольно мало; регулярно виделись лишь в отеле за завтраком, после которого расходились каждый в свою сторону.

Вечер накануне отъезда оказался в этот раз особенно мучительным. Впрочем, расставание каждый раз давалось мне тяжелее, чем в прошлый. Даже исхоженные и хорошо знакомые улицы являли все новые архитектурные красоты, словно приберегали до поры часть своих башенок, гербов и статуй, а тут решили, что пора. Все встречные женщины казались красавицами, а все мужчины, даже подвыпившие и громкие, — добрыми приятелями, и, что самое странное, шум толпы вокруг меня словно затихал, не исчезал совсем, но становился как-то мягче, глуше, словно люди понимали — я завтра уезжаю — и старались быть деликатнее. Восприятие достигло такой интенсивности и остроты, что все, что я видел и ощущал — ярко подсвеченные башни в синем облачном небе, запахи: кофе, жареного мяса, сладкой выпечки с корицей, вкус абсента, который я пил, не пьянея, холод ветра с Влтавы — все это причиняло почти физическую боль. Выйдя на набережную, я поднял глаза на сияющий высоко в небе Град и прошептал ему, зная, что он услышит: я вернусь, я буду возвращаться снова и снова, пока это будет в моих силах. Я говорил нечто подобное каждый раз, с первого последнего вечера здесь, и с тех пор этих последних вечеров прошло еще пять, и каждый раз, простившись, я возвращался, сломленный, в отель, и наутро были хлопоты и дорога в аэропорт, самолет резко шел вверх, у меня закладывало уши — и дома ждало царство беспросветной обыденности.

И в этот раз красота ночных Градчан была настолько мучительна, что я едва не повернул обратно к отелю, но, посмотрев на часы, понял, что еще довольно рано, и я успею напоследок повидать Золотую улочку. В свое время я собирал материалы о ней и изучил ее историю достаточно подробно, но так и не нашел ответа на наиболее интересовавший меня вопрос: откуда пошло представление о ней как о границе между видимым и невидимым мирами? Придумал Густав Майринк Дом у последнего фонаря или же использовал уже существующую, пусть и малоизвестную легенду? Ответа не было; возможно, я плохо искал. Так или иначе, но почти в каждый приезд я поднимался поздним вечером в пустынные Градчаны и шел на Золотую улочку в смутной и странной надежде обнаружить там что-то, чего не было прежде и не будет впредь, что-то, что изменит весь мой мир. Не находил ничего, кроме вереницы разноцветных, кукольно-маленьких домиков, дремлющих в рыжем свете фонарей, и уходил с робким предчувствием, что уж следующий-то визит сюда наверняка окажется для меня судьбоносным, просто надо угадать что-то важное, войти в Градчаны с правильной ноги, сделать по лестнице определенное количество шагов, не больше и не меньше, соблюсти еще какое-то бессмысленное условие, и тогда ворота откроются!.. — и так повторялось из года в год.

В этот раз отчаяние мое было особенно острым — я прислушался к себе, пытаюсь понять, не было ли это предчувствием того, что я не увижу Прагу более, и понял, что —

нет, весь ужас состоит в обратном, в том, что я буду приезжать сюда год за годом, пока не состарюсь до полной невозможности заработать на поездку денег. В этом тоже была странная обреченность. Эта перспектива наводила на мысль о том, что на самом деле ничего в жизни изменить нельзя.

Золотая улочка оказалась закрыта: вход в нее перегораживала черная витая решетка.

Первую минуту я стоял перед решеткой бессмысленно, пораженный подлостью такого поворота. Но затем во мне взяла верх та пристальная вьедливость, которая регулярно побуждала меня полностью погрузиться в созерцание, без движения замерев посреди слепой катящейся толпы. Я принялся отмечать деталь за деталью, а в какой-то момент понял даже, что бормочу описания себе под нос, словно наговаривая их на несуществующий диктофон:

— ...решетка совсем новая, окрашена в черный цвет, в орнаменте преобладают спирали и растительные мотивы, в высоту ненамного больше моего роста, и чисто технически ее несложно было перелезть в боковой части, где она ниже всего... от самой Улочки видно два дома, один фонарь, одна обычная дверь, одна совсем низенькая, два совсем маленьких окна, под самыми крышами, и два обычных... хотя нет, три, от третьего видна лишь узкая полоска, да и то если прижаться щекой к стене переулка...

— Привет! — раздался позади меня голос Джаи. — Я знала, где тебя найду. Где еще, как не здесь. Что ты там слушаешь?

— Подожди-подожди, — проговорил я, — не сбивай меня, я почти нашел...

— Что нашел?

— Ошибку. Невозможно сконструировать такое и в чем ни разу не ошибиться, понимаешь?

— Нет!

— Тогда пойдем.

Джая пожалла плечами, и мы зашагали прочь от решетки и светящегося за ней фрагмента Золотой улочки. В конце переулка я остановился, перетащил ремень сумки через голову и отдал сумку Джае. Джая с молчаливым удивлением смотрела, как я поворачиваясь к воротам и, не сходя с места, толкаю их обеими руками, точнее, делаю движение, словно толкаю — через все то расстояние, что нас разделяло. От усилия заныли плечи и шея, а затем мышцы живота. В какой-то миг мне показалось, что черные силуэты створок слегка шелохнулись, но, скорее всего, то был обман зрения, вызванный сбежавшей со лба в глаз капелькой пота. Наконец я опустил руки.

— Все? — спросила Джая с истинно буддийским спокойствием.

— Нет, — ответил я и бросился к воротам, примериваясь плечом в створку чуть выше замка. Удар оказался совсем не таким жестким, как я ожидал — ворота, амортизовав, уже почти отбросили меня назад, и лишь затем механизм замка сломался с резким, похожим на негромкий выстрел металлическим щелчком, и я вбежал на Золотую улочку. Но Улочка не было. В нескольких шагах от меня заканчивалась реальность и начиналась чернота, и фонарь, который я видел из переулка, был не просто последним — он был единственным.

Я успел услышать, как удивленно охнула подошедшая Джая, увидев, видимо, то же, что видел я, а затем раздался звук, похожий более всего на невыносимо резкий, парализующий свист. От него тело мгновенно обмякло, и я скорчился, зажимая руками уши; и одновременно все, что я мог видеть — брусчатка и фрагменты двух домов, выхваченные из неестественно черного мрака единственным фонарем, — растаяло, и без какого-либо перехода сквозь прежнюю картину проступила новая: суетя-

щиеся люди в форме стюардесс и стюардов. На меня не обращали внимания; кажется, они поспешно давали какие-то препараты пассажирам, вводили внутривенно или я уж не знаю как — мое тело застыло в абсолютной неподвижности, и я не мог даже скосить глаза. Впрочем, один человек в моем поле зрения все-таки был, и он смотрел прямо на меня. С заурядным усталым лицом, бородатый, в форме стюарда.

— Ну зачем, — спросил он утомленно, — зачем было все ломать? У нас же образовался с тобой настоящий симбиоз — ты дорабатывал город, а мы... Только посмотри вокруг — сколько народу проснулось! Знаешь, сколько стоит качественно заменить память одному человеку?

Я по-прежнему не мог даже изменить направление взгляда, но с удивлением осознал, что способен едва слышно говорить.

— Я, — прошептал я, — дорабатывал город?

— Разумеется. Не думаешь же ты, что это мы просчитывали каждую трещину и каждый лист живой изгороди — все то, на что вообще никто из вашего брата туриста не смотрит. Ты делал за нас нашу работу, за что мы были очень тебе благодарны. Но сегодня...

— Зачем, — прошептал я, — зачем весь этот обман?

— А что не обман? И где не обман? В Интернете? В телевизоре? В кинотеатрах? Обман — сущность сферы услуг и индустрии развлечений.

— Почему не летать по-настоящему?

— По-настоящему тебя хрен куда пустят. Не лично тебя, разумеется, а любого из нас. Политика. Наконец-то у нас хоть в чем-то полное согласие с окружающим миром: здесь нас не хотят отпускать, а там — не хотят принимать. В принципе, давно ведутся дебаты о том, чтобы рассекретить этот аспект, но встает вопрос о том, как это скажется на общественной морали.

— Я не понимаю...

— Сейчас, если ты, там, отравился или прыгнул с башни, то ты сломал ноги, как минимум, все как в жизни. Но если станет известно, что отравление тебе устроили и ноги на самом деле сломали наши гастроэнтерологи и хирурги, нужно или отдавать под суд нас, или превращать путешествие в аттракцион абсолютной безнаказанности.

— Что теперь?

— Им, — бородатый мотнул головой куда-то себе за спину, подразумевая, видимо, всех остальных пассажиров, — промуют мозги. Но тебе... — он мрачно и многозначительно показал шприц.

— Что?

— Тебе промывать мозги бесполезно. Нет, препараты-то работают на тебя, как и на всех, и мы можем заменить память об одной поездке, но ты ведь захочешь отправиться туда снова, а еще одного такого вмешательства программа не переживет.

Без всякого предупреждения он вонзил иглу мне в руку. Боль оказалась тупой и слабой, но быстро начала расти и увеличиваться, словно бы распирая предплечье изнутри.

— Пусть тебе послужит утешением то, — бородатый посмотрел на меня почти с симпатией, — что ты действительно много сделал для города, который так любил. И умираешь ради того, чтобы он и дальше мог радовать людей. Я и сам вот полечу на Рождество...

Я засмеялся — тихо, слабо и хрипло. Боль терзала мою руку и подбиралась уже к груди.

— Хрена с два я тебя туда пушу.

* * *

Я стоял посреди Староместской площади. Светило нежаркое осеннее солнце. Вокруг теснились люди: фотографировали, фотографировались, спешили за поднятыми зонтиками экскурсоводов, пили глинтвейн и пиво, ели витые булочки с корицей и нанизанные на палочки на манер шашлыка картофельные чипсы. Пахло жареным мясом и специями. Солнце позолотило черно-серые башни Тынского храма, а окруженная зубчатым ореолом фигурка Девы Марии на вершине костела сияла так ярко, словно сама была маленьким солнцем. Зазвенел, знаменуя начало нового часа, колокольчик в руке скелета на Орлое, и в ответ ему приветственно зашумела, закричала, даже зааплодировала толпа.

Я стоял там бесконечно долго — впервые не потому, что изучал и рассматривал что-то, а потому лишь, что мне наконец-то незачем было спешить.

* * *

Днем я рисую на Карловом мосту портреты туристов, а в туристическое межсезонье подрабатываю официантом. Вечерами, вооружившись зонтиком и фонарем, вожу пешие экскурсии по мистическим местам и рассказываю легенды о пражских привидениях. Я не стал богом сотворенного мной мира. Я не умею летать по воздуху, создавать из воздуха деньги или превращать воду в сливовицу. Мои физические возможности ограничены теми воспоминаниями, которые я сохранил о своей прежней жизни. Но я перестал стариться и уставать — возможно, первое напрямую связано со вторым — и иногда не сплю по несколько суток просто потому, что мне жалко тратить на это время. Если вы когда-нибудь будете в Праге — в моей Праге! — мы встретимся непременно, даже если вы не попадете на мою экскурсию или не войдете, отряхивая зонтик, осенним вечером в мое кафе. Потому что черно-зеленые шпили, и рыжее море черепичных крыш, и солнечный свет на ажурной позолоте Орлоя, и холодный ветер над Влтавой — это тоже я. Главное, держите глаза открытыми.

Олег ЕРМАКОВ

БЕРЕГ МЕРТВЫХ — БЕРЕГ ЖИВЫХ¹

В Смоленске, как в далекой стране Кемет, сиречь Египет, есть своя Долина мертвых, это — правый берег Днепра вниз по течению от города. Правда, в египетской Долине гробницы все сановников да царей, почему и называют ее еще Долиной царей, а на правом берегу Днепра находили свой причал воины, хотя и многие — офицерского звания и несколько генералов, но много и обычных людей. Необычно было то, что смерть их долго оставалась тайной.

Начинается этот берег мертвых на городской окраине и тянется примерно на десять километров на запад параллельно Витебскому шоссе. Места эти занимают два леса — Красный Бор и Катинский. Песок и сосны, невысокие холмы, Днепр и чистые озера придают местности своеобразие. Сюда издавна тянулись горожане подышать сосновым воздухом, отдохнуть, позагорать и выкупаться. Здесь возводились дома отдыха и пионерские лагеря. В детстве и автору этих строк довелось проводить там в пионерском лагере по летнему месяцу, рвать на озере белые кувшинки и оставлять букет на тумбочке спящей девчонки, лазить в «бункер Гитлера», а потом сочинять страшные истории на ночь об этом и слушать чужие рассказы... Детство на берегу мертвых оставило яркие впечатления. И довольно долго этот берег воспринимался именно местом детских и подростковых приключений... Какой еще берег мертвых?

Но в поздних экскурсиях туда вызревало именно это название.

И однажды оно явилось со всей беспощадной ясностью.

* * *

Древнейший «причал» берега мертвых находится примерно посередине. Это — Гнездовские курганы. Когда-то курганов было около 4000. Сейчас — около 1500. Как пишут, это крупнейший могильник Восточной и Северной Европы. Курганы относятся ко времени образования древнерусского государства.

Высказывалось предположение, что именно здесь был возведен первоначальный Смоленск. Летопись сообщает о Смоленске в 863 году, а в самом Смоленске культурного слоя этого времени археологами не обнаружено. Но и самым древним курганом в Гнездове считался курган под номером 15 из раскопок Кусцинского с вонзенным по обычаю варягов мечом в землю, копьем с дамаскированным лезвием, урнами с железной гривной и молоточками Тора. Этот курган был отнесен исследователем к IX веку. Но известный археолог Д. А. Авдусин доказал, что твердых

Олег Николаевич Ермаков родился в 1961 году в Смоленске. Прозаик, автор книг «Знак звезды» (1994), «Запах пыли» (2000), «Свирель вселенной» (2001) и др. Живет в Смоленске.

¹ Из книги «Смоленский мост».

данных для такой датировки попросту нет. Он считает, что «гнездовское курганное кладбище функционировало не более ста лет: с начала 10 по начало 11 в.»².

Так какой «град велик и мног людьми» видели приплывшие варяги Аскольд и Дир под именем Смоленска? Если город показался им великим и неприступным, так что «братъ его на щит» они не отважились, то, наверное, стоял тут не первый год, и культурный слой должен был образоваться?

В последнее время археологи сообщают, что на Соборном холме открыли культурный слой, относящийся к IX—X векам. Но, похоже, находка эта скромна.

Древний Смоленск как призрак.

Авдусин называет Гнездово проходным двором. Через это поселение шел транзит из Балтики в Черное море — из варяг в греки. Кто его контролировал? Кривичи или варяги? Варяжских курганов здесь, по оценке Авдусина, более ста. В них урны с различными предметами: ножами, фибулами; мечи, лезвия копий, амулеты, заклепки от сгоревшей ладьи. Обнаружены женские скандинавские и детские захоронения. Любопытно, что высота кургана определялась прижизненным статусом усопшего. Курган в полтора метра высотой можно, по-видимому, считать могилой простого человека. Впрочем, тут можно гадать. «Однако ясно, — пишет Ю. Э. Жарнов, — что мужчины и женщины, над останками которых были насыпаны курганы выше 2,5 м, занимали наиболее заметное место в обществе». И далее исследователь замечает, «что нескандинавских погребений в курганах, высота которых была бы больше 2,5 м, в Гнездове, по данным нашей выборки, нет»³.

Наверное, это обстоятельство и позволило А. А. Спицыну, комментатору и издателю монографии В. И. Сизова, первого исследователя гнездовских курганов, заключить, что Гнездово «обилует русским населением, но господами в нем являются многочисленные норманны»⁴.

С обнаружением в позапрошлом веке — случайным, при дорожных работах — гнездовского могильника тут же наострили уши норманисты и антинорманисты. Батталии вспыхнули с новой силой.

Факт: гости из Скандинавии варяжили на просторах Древней Руси. Дает ли это основание утверждать, что они и были создателями государства?

В 2012 году журнал «Нева» проводил опрос на тему 1150-летия российской государственности, анкета была прислана и мне. Третьим пунктом был как раз норманнский вопрос. Привожу свой ответ:

В этом пункте скрытый вопрос: какую из теорий принимаете? Можно спорить о характере призвания Рюрика и вообще подвергать его сомнению, но не выбросить слов из песни, а имен из истории. А с именами скандинавскими крепко переплетены нити русской истории. Имя объединителя северных и южных земель в государство Киевская Русь — скандинавское. Договор 911 года, например, с Царьградом отправились заключать Карлы и Фарлофы, в списке делегации много имен, и только, может быть, два — славянские. Спокойное суждение Сергея Соловьева о том, что не стоит из разъединения и несогласия славянских племен выводить родовую черту славянской народности, что это всего лишь этап развития, который одни народы проходят по тем или иным причинам раньше, а другие позже (германцы, например, раньше благодаря тому, что восприняли идеи государственности, оказавшись на римской территории), и что Рюрик был призван в качестве третьего судьи между враждовавшими родами, суждение это кажется здравым

² Смоленск и Гнездово. М.: Издательство Московского университета, 1991.

³ Там же.

⁴ Там же.

и основательным. И, наоборот, утверждение советского учебника истории о том, что княжение Олега «незначительный и недолговременный эпизод, излишне раздутый некоторыми проваряжскими летописцами и позднейшими...» и т. д., вызывает удивление явной несуразностью и нелогичностью: тридцать лет княжения в обстановке, которую никак не назвать умиротворенной, — много это или мало?

Но все-таки вряд ли можно считать «призвание варягов» судьбоносным и определяющим. Днепровские пороги не могли превратиться в фиорды по мановению даже сильной руки.

То есть — ментальность народа, различные особенности, географические координаты, природные условия и многое другое не под силу перекроить любым варягам с харизматичными предводителями. Петр Первый пытался это делать. Но, как говорится, воз и ныне там.

...Побродить среди молчащих курганов довольно просто: маршрутное такси довозит до гнездовских сосен за двадцать минут. Раз — и ты переправился на тот берег. Правда, курганы в соснах не молчат. И не только поют птичьими голосами. В сосновом лесу есть курган под номером Л-13. Сейчас на нем установлен памятный знак. В 1949 году археологами под руководством Д. А. Авдусина в этом кургане были найдены поистине драгоценные осколки амфоры. Когда осколки сложили в амфору, то смогли прочесть процарапанную надпись: ГОРОУШНА.

Это было древнейшее письменное слово на русском языке. И оно зазвучало на разные лады: гороушца, Гороух пса (л), и первое означает нефть, ну, а второе — какого-то Гороуха.

Сам Авдусин читал надпись как «гороушна», то есть горчичное семя. Человеку, знакомому с Библией, с Новым Заветом, не может не прийти на память притча как раз о горчичном зерне: «Иную притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его»⁵. Любитель нумерологии сразу отметит и совпадение номера кургана с номером этой главы. Правда, в X веке, к которому относится это погребение купца, под сенью гнездовских сосен звучали иные притчи, звучали имена языческих богов. Но сами буквы вышли ведь из рук создателей азбуки — христианских монахов Кирилла и Мефодия. И уже близилось время, когда по Днепру, текущему мимо гнездовских сосен, взойдет от Киева новая вера, с ее знаменитым изречением о слове: «В начале было Слово...» Первый перевод этой строки на славянский язык как раз дали Кирилл и Мефодий.

Так что первое письменное русское слово принадлежит Смоленску. Можно сказать, что его подхватили давние жители этого города, и первый писатель Смоленска Ефрем создал «Житие преподобного Авраамия», а там явились и другие писатели, возможно, и писцы, накропавшие «Радзивилловскую летопись», затем историки Иосиф Шупинский и Никифор Мурзакевич, хороший писатель Федор фон Этингер с его романом «Башня Веселуха», наконец, великолепный фантаст Александр Беляев, прозаик Борис Васильев, песенник и поэт Михаил Исаковский и великий Твардовский. От «Гороушны» — до «Страны Муравии» и «Теркина».

Продолжается эта жизнь зерна, обретенного в Гнездове, и сейчас. Вот смоленский поэт Владимир Макаренко совсем недавно написал песню, в припеве есть такие строки:

⁵ Мф. 13:31–32.

Время — река, «гороушна» —
Голос с того бережка.

И ведь в самом деле, это слово как шепот, и его можно услышать в шелесте сосновых и дубовых крон.

* * *

А начинается стихотворение такими строками:

Беспамятства капканы
Расставили века.

Пытливые люди противоречат этому — беспамятству. В Гнездове работают археологи, бескорыстно им помогают энтузиасты.

Направо от курганов, в четырех-пяти километрах находится Немецкое кладбище, мемориал как раз памятности. На каменных плитах выбиты имена более четырех тысяч фашистских солдат и офицеров, погибших при боях за Смоленск и в других сражениях. Центральная аллея к каменному кресту на каменном постаменте выложена плиткой. Среди елей и сосен по три каменных креста: большой и два поменьше. Подразумевают ли эти символы звания или что-то другое? Невольно возникает ассоциация с детьми. Но здесь, в этих местах, гибли советские, а совсем не немецкие дети. Может быть, имеются в виду дети в далекой Германии? Дети, не дождавшиеся своих отцов да и не выжившие под союзническими бомбежками.

Не знаю, каково было немецким детям в войну, а вот о том, как жили в оккупацию смоленские дети, мои родители рассказывали. Коротко говоря, мама до сих пор сводит брови, услышав что-нибудь о немцах, а отец в свое время завалил экзамен по немецкому, хотя способности к языку у него были хорошие; другого иностранного языка в то время у них в школе не преподавали, а этот он не мог терпеть, не забывая немецких солдат, «гостивших» в его с матерью хате, — а отец, мой дед Петр, в это время сражался с ними на фронте. В Каспле немцы расстреляли подружку моей матери, девятилетнюю девочку.

Власти, уступившие настойчивости немцев и отдавшие им эту территорию под мемориал, поступили, наверное, мудро... Смогли, так сказать, абстрагироваться и взглянуть на это место «бережка» так же, как и на гнездовский участок. Не всем это под силу...

Но что толку воевать с мертвецами? Они заплатили сполна своими жизнями. Хотя стоит ли жизнь какого-нибудь ефрейтора Ханса жизни девочки-касплянки? Жизнь этой девочки много дороже.

И немцы понимают, что они в неоплатном долгу перед всем миром. Призрак фашизма в Германии подсуден.

Немецкое кладбище оставляет впечатление строгости, крепости и сумрачности. Оно стоит в Красном Бору, будто некий тевтонский замок, населенный мертвецами

в ржавых крестах, продырявленных касках, с оторванными кистями или разбитой грудной клеткой, безносыми рыцарями с отверстыми в вечном крике ртами. И этот крик не во славу фюрера. Хотя и среди них были идейные и бесноватые фашисты, фашисты, так сказать, до безмозглости костей. Фашизм заразителен. Говорят, сюда и приезжают подышать вовсе не реальным сосновым воздухом, а метафорическими миазмами современные почитатели фюрера и всех его идей, почитатели-потомки как раз тех, кого фашистская доктрина числила полулюдьми, рабами и так далее. И это поистине фантастический Kunststück⁶ истории. Kunststück Адольфа Гитлера.

Но при внимательном рассмотрении кунштюк не столь уж и фантастический. Фашистскую идею, упрощая, можно выразить следующим постулатом: государство — все, человек — ничто.

Теоретики все время подчеркивают, что смешивать фашизм и коммунизм смешно и недопустимо. Но вот идеолог итальянского фашизма Юлиус Эвола в «Ориентациях» пишет, что в доктрине фашизма Идея и Государство превыше всего. «Объединяет не земля или язык, но общая идея». Национальную идею он считает сентиментальной и примитивной. Религия Эволы — этатизм. Государство он считает явлением сверхмира.

Эвола отрещивается от большевиков: «Большевистские главари безжалостно следовали своим идеям. Им были безразличны те следствия, те невиданные бедствия, к которым ведет практическое применение абстрактных принципов. Человека для них не существовало».

Читая Эволу, можно войти в ступор. Это пишет фашист, вдохновитель Муссолини (по крайней мере, один его труд дуче хвалил), философ, сочувствовавший Гитлеру и находивший в опыте национал-социализма много положительного. Большевистские главари истребляли ради идеи толпы, а фашисты — нет? На замерзшем дне Коцита есть две зоны, два концлагеря: сталинский и фашистский. *Практическое применение абстрактных принципов* что фашизма, что коммунизма одинаково бесчеловечно, и какая разница, против кого в первую очередь эти принципы применялись: против ли евреев и цыган или против отпрысков княжеских фамилий, священников, свободомыслящих философов. Результат один: кости, вмороженные в лед, черепа с глазницами, забитыми инеем идей.

Явление сверхмира? Может быть, но скорее это мир преисподней.

А вообще другой философ — Ренан — говорил о плане природы, в котором во внимание принимается вид, а индивид приносится в жертву. Но люди уже научились противостоять этому плану. И что же это за явление сверхмира — государство, — следующее на самом деле законам природы? Явление, пожирающее своих подданных зачастую беспричинно, в слепой ярости?

Муссолини в своей «Доктрине фашизма» определяет фашизм как «организованную, централизованную и авторитарную демократию».

Что-то это напоминает, что-то до боли знакомое?..

В общем, если поставить знак равенства между фашизмом и этатизмом, тогда можно как-то понять русских фашистов.

Но... за всем этим дьявольская ухмылка Гитлера, отводившего славянам роль слуг, ухмылка *проигравшего*...

Чуть в стороне от Немецкого кладбища мрачно каменеет огромный куб — так называемый «бункер Гитлера».

«Беренхалле» — «Медвежьё берлогу», — подземный комплекс, стали возводить немцы в 1941 году. Предполагалось здесь разместить ставку Гитлера, штаб группы армий «Центр». Сюда приезжали фашистские военачальники и якобы Адольф Гитлер.

⁶ Кунштюк (нем.): ловкий прием, фокус, уловка.

Слухов об этих сооружениях ходило много, воображение будоражили предположения о спрятанных документах, наворованных сокровищах, среди которых могла оказаться и смоленская святыня — древняя Одигитрия, пропавшая как раз во время войны из Успенского собора. Энтузиасты аквалангисты погружались в воду затопленных коммуникаций «Медвежьей берлоги» и потом рассказывали дух захватывающие истории о глубоких шахтах, о конференц-зале на 250 мест, о подземельях, ведущих к Днепру, к тайному аэродрому и т. п. и т. д. Целый город мертвых!

Наконец губернатор Маслов в 2003 году распорядился провести изыскательскую экспедицию в Красном Бору. Изыскания длились почти полгода. Поисковики обнаружили затопленные коммуникации, заваренные люки, водопровод. Тем временем из немецкого архива пришел ответ на смоленский запрос о «Беренхалле», из которого следовало, что ставку Гитлера здесь передумали открывать и сооружения были переданы «Центру». И на этом все завершилось.

Но «Беренхалле» продолжает волновать воображение краеведов, поисковиков, журналистов. Они утверждают, что в 1996 году сюда приезжал адъютант Гитлера, — спрашивается, зачем? Резонный ответ: затем, чтобы почтить память павших на расположенном рядом Немецком кладбище, их не устраивает. Как и вообще размещение этого кладбища именно здесь, мол, на немецкой карте фашистских захоронений в Смоленске Красный Бор не был указан. Почему они выбрали это место для скорбного комплекса?

Ну, потому что место удобное, красивое.

Э-э, нет, отвечает изыскатель, тут что-то не так...

* * *

Дальше на запад — за уходящим солнцем — Катинский лес.

Когда я рассказал другу о нашей поездке в Катинский лес, он тут же вспомнил одно знакомство с местным парнем, успевшим послужить в свои двадцать пять лет в органах госбезопасности, подравшимся на танцах в смоленской «Молодости» с дружинниками и милиционерами, — что и стало причиной увольнения. Так вот он еще в начале восьмидесятых без тени сомнения говорил другу Евгению, что поляков в этом лесу постреляли энкавэдэшники, для местных это давно не секрет, и каждый год поляки приезжают сюда на поминовение: кладут на могилу меч и читают молитвы. Что за меч, уже не уточнишь. Но важно не это в сообщении моего друга, а то, что «капкан забвения», который с таким усердием устанавливали и настораживали — да не кто-нибудь, а целое мощное государство СССР, — капкан этот не действовал. Местные знали правду. Можно, конечно, объяснить осведомленность того парня родом его недолгой службы, но нет сомнения, что этим знанием он делился с другими. Да тут важно то, что он родился именно на этом берегу, который мы условились называть берегом мертвых. Местные, повторим, правду знали и без открытых в 1992 и в 2010 годах совершенно секретных документов по Катинскому расстрелу.

А сколько сил государство большевиков потратило на сокрытие этого деяния.

Впервые во всеуслышание о Катинском расстреле заявили фашисты. Это случилось в 1943 году, немцы обнаружили и раскопали массовые захоронения польских офицеров, о судьбе которых давно беспокоились их соотечественники. Это были люди, плененные войсками СССР, вошедшими в Польшу в 1939 году. Челюсти обеих госмашин — фашистской и большевистской — сомкнулись на Польше. На-

чиная с XVIII века Россия делила Польшу с «тевтонцами». И это произошло в очередной раз. 250 тысяч польских военнослужащих оказались в советском плену. Среди офицерского состава были призванные в армию учителя, инженеры, врачи, студенты, профессора. Маялись они по сталинским лагерям: в Козельске, в Осташкове, в Старобельске и в других местах бескрайней России. По воспоминаниям очевидцев, держались польские военнопленные независимо и гордо⁷. И пленными себя, добавляет другой очевидец, как будто не считали⁸. Среди них циркулировали устойчивые слухи о скором освобождении, о передаче англичанам и т. д. Узники могли отправлять и получать письма, открытки. С родины им писали: «Дорогой папа, наверно, война скоро кончится. Мы очень скучаем по тебе и страшно тебя целуем. Ирка подстригла себе волосы, и мама очень сердилась. Мама хотела послать тебе теплые перчатки, но... В апреле поедem к дяде Адаму, и я тогда напишу тебе, как там...»⁹

Ну, а тем временем Лавренти Павлез дзе Берия, как звучит по-грузински имя российского революционера, государственного и политического деятеля СССР, наркома внутренних дел, написал записку, начинавшуюся так: «В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к[онтр]р[еволюционных] партий, участников вскрытых к[онтр]р[еволюционных] повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю.

Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать к[онтр]р[еволюционную] работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти».

Что же следует с ними делать? Революционная логика проста: «Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

I. Предложить НКВД СССР:

1) дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к[онтр]р[еволюционных] шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков —

— рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения...»

На этой записке появляются державные подписи И. Сталина, К. Ворошилова, А. Микояна, В. Молотова: За. На полях буквами мелкими стоят фамилии Калинина и Кагановича: за, за.

Судьба этих тысяч человек была решена.

⁷ В. Абарин. Катинский лабиринт. М.: Новости, 1991, с. 38, 47.

⁸ Там же.

⁹ Юзеф Мацкевич. Катень. Лондон, Канада: Заря, 1988, перевод с польского С. Крыжицкого.

Из лагерей в Козельске, Старобельске, Осташкове тронулись «столыпины», вагоны в решетках. Колеса стучали пленникам — надежду? Скорее всего, так.

Один из чудом спасшихся пленных писал: «Выйдя из вагона, я почувствовал острые запахи весны с полей и перелесков, где местами лежал снег. Было чудное утро, высоко в небе заливался жаворонок. Чуть в стороне от нашей стоянки была станция, но я не увидел на ней ни души. Локомотив наш уже отцепили, и он уехал. С другой стороны состава доносились какие-то звуки, но что там происходит, я не видел. Полковник спросил меня, не хочу ли я попить чайку...»¹⁰

Это было 30 апреля 1940 года, станция Гнездово. Фамилия пленного — Свяневич. Тех, с кем он ехал из лагеря, увозили куда-то дальше, в сторону леса, профессор наблюдал за этим сквозь вентиляционную щель вагона. А самого Свяневича вскоре отправили в Смоленск, оттуда — на Лубянку... Профессор заглянул в ледяные очи Коцита-Катыни через вентиляционную щель. Зачем его забрали? Внезапно стало известно, что Станислав Станиславович Свяневич — профессор Виленского университета, крупный специалист по экономике, имеющий связи с германскими университетскими кругами. На Лубянке профессор писал труд о германской методике расходов на вооружение¹¹.

Другому автору записок о плене, майору Адаму Сольскому, как и остальным обреченным, не повезло: «С 12 часов стоим в Смоленске на запасном пути. 9 апреля подъем в тюремных вагонах и подготовка на выход. Нас куда-то перевозят в машинах. Что дальше? С рассвета день начинается как-то странно. Перевозка в боксах «ворона» (страшно). Нас привезли куда-то в лес, похоже на дачное место. Тщательный обыск. Интересовались моим обручальным кольцом, забрали рубли, ремень, перочинный ножик, часы, которые показывали 6.30...»

Больше майор уже ничего не напишет. Наркомом и остальными членами кремлевской заоблачной твердыни он был обручен со смертью. В лесу ему обожгло за тылок, и лес тут же лопнул кровью и чернотой. Раз за разом раздавались выстрелы, вскрики, хрипы и стоны. И даже вороны здесь не летали. Только урчали «воронки». Катынский лес захлебывался польской кровью — и не захлебнулся, нет...

А как будто кровь выкрасила стволы этих сосен. Редкие посетители в этот первый сентябрьский день, как и мы, молча глядели на сосны, кресты, плиты с фамилиями, датами, именами.

Кровь в соснах не только польская. Здесь НКВД расправлялся с нашими соотечественниками. Мемориал «Катынь» располагает списком 2988 советских граждан из архива УФСБ по Смоленской области, которые были расстреляны в Смоленске и — предположительно — захоронены в Катынском лесу. Вот некоторые имена из этого списка: Анощенков Федор Георгиевич, 1902 г. р., русский, слесарь; Антипов Семен Данилович, 1868 г. р., русский, сторож; Арайс Артур Мартынович, 1907 г. р., латыш, актер; Ардаматский Андрей Степанович, 1879 г. р., русский, учитель; Балабкин Тихон Евдокимович, 1893 г. р., белорус, бухгалтер-экономист; Бирич Карп Захарович, 1889 г. р., белорус, машинист; Васильев Алексей Васильевич, 1899 г. р., русский, мастер заготовительного участка; Ветров Иван Григорьевич, 1888 г. р., русский, крестьянин-единоличник; Винников Лейба Абрамович, 1878 г. р., еврей, служащий; Виммер Отто Матвеевич, 1883 г. р., немец, судебный химик; Комашевская Анна Иосифовна, 1883 г. р., русская, домохозяйка; Войчук Антон Андреевич, 1897 г. р., поляк, конюх;

¹⁰ В. Абаринов. Катынский лабиринт. М.: Новости, 1991, с. 35.

¹¹ Там же, с. 37.

Дельвер Эльза Петровна, 1911 г. р., латышка, учительница; Демидова Анастасия Михайловна, 1887 г. р., русская, домохозяйка; Доронин Егор Исаевич, 1904 г. р., русский, курсант; Егоркин Андрей Филиппович, 1884 г. р., русский, кузнец; Ермаков Петр Никифорович, 1901 г. р., русский, председатель колхоза... Вздрогнул, увидев эту фамилию. Моего деда тоже звали Петром, но в 41 он был на фронте.

Слесарь, учитель, крестьянин-единоличник, машинист, актер, домохозяйка, латыш, русский, еврей, белорус... Домохозяйка, конечно, представляла большую угрозу государству. И другая домохозяйка. И учительница. И конюх...

Те, кто молится на Сталина и всю эту кровавую камарилью, может, в будущем обречены читать эти списки? И сами вершители судеб, и рядовые палачи обречены вчитываться в списки, бродить по лабиринтам, как этот, Катынский, с ржавыми железными плитами и вслух повторять имена, сотни, тысячи, миллионы имен? Ни на секунду не прерываясь?

Правда, приведенные имена — лишь на бумаге и на сайте мемориала «Катынь». А польские, как и немецкие на Немецком кладбище, — на плитах.

Что ж, надо и об этом поговорить.

Мемориальный комплекс производит странное впечатление. Польский участок захоронений здесь отделен оградой от захоронений советских. Зачем? Неужели и на том свете будут подобные разделения между жертвами? Впрочем, да, все это еще по сю сторону... Но устроители мемориала могли бы взять более высокий ракурс, более высокую точку зрения. Не смогли или не захотели. Или захотели откреститься от нашего беспамятства? Узрели тот самый капкан беспамятства? А ведь и впрямь, вот вам наглядное представление: польский участок и наш, там имена и даты, здесь — кресты и насыпи или даже вовсе разрытые и затянутые травой и мхом могилы. Вне ограды мемориального комплекса есть так называемая Долина смерти, там эти разрытые могилы и могилы с деревянными крестами. Представление о чем? О памяти и беспамятности? О разнице национальных характеров? В конце концов, о Западе и Востоке?

Правда, в Долине смерти высится большой камень с надписью о том, что здесь расстреляны советские граждане. Но — снова безымянный.

Такие же безымянные кладбища есть и в самой Польше. Кто начинает разузнавать подробности о Катынском расстреле, неизбежно «оказывается» там, где в 1919—1921 годах были лагеря для пленных красноармейцев, в Тухоли, в Стшалкове. В эти годы шла советско-польская война. Военнопленных, по разным оценкам, было от 60 000 до 130 000. Не только в этих, но и в других лагерях, выстроенных в Первую мировую войну. Пленные содержались в жутких условиях: голодные, оборванные, больные, на досках и земле, под навесами, в землянках, в бараках, завшивленные, а раненые — в червях. Польские историки дружно нажимают на всеобщие трудности после Первой мировой войны, нехватку средств, на эпидемии холеры, тифа, испанки — разновидности гриппа. Нам, из другого века, приходит мысль о простом решении всех этих трудностей: отпустить пленных, а не мучить их голодом и холодом. Но отпустить их не могли. Пленные — это «товар обмена» — на таких же пленных или какие-то уступки. Такова природа любого государства: система насилия и всеобщего договора зиждется на крови. Иного, к сожалению, не дано. Возможно, пока.

От голода, болезней, расстрелов, жестокостей лагерного начальства в Польше погибло более двадцати тысяч военнопленных, наших соотечественников. И это

факт, который признают и польские историки, правда уменьшая число погибших на две-три тысячи. «Торг» между государствами продолжается...

На месте бывших лагерей Тухоли и Стшалково есть кладбища, в Тухоли, как пишут, в жалком состоянии, посреди свалки строительного мусора и сточных канав, в Стшалкове в более приемлемом виде, с каменным крестом на постаменте, поставленным еще немецким комендантом лагеря в 1914 году, но тоже заросшее, неухоженное и без имен. Почему?

...Не дает ответа...

И Катинский лес молчит по-русски и все-таки говорит по-польски.

По-русски споры о нем кипят в других местах: на форумах, в газетах. Сталинисты доказывают, что записка Берии о расстреле — фальшивка, что вообще Сталина подставляли Ежов, Берия и т. д. Любопытно, что все эти сообщения попались на каком-то сайте с ясно прописанной триадой вместо слогана: Православие, Самодержавность, Народность. По логике этих «товарищей-господ», Сталин и есть православный самодержец?.. Ну да, он же в семинарии учился в младые лета... Православный вот такой атеист. Хотя ведь и Грозный был православным, но жил-то вовсе не по-христиански. Видимо, тут срабатывает логика по аналогии у православных народников: что Грозный, что Сталин.

И что такое для них жизнь и судьба какого-нибудь польского студента, застреленного в Катинском лесу, или кузнеца Егоркина Андрея Филипповича?

Их жизни стали деревьями. Это и есть — Катинский лес.

...И ходить по его мшистым тропинкам тяжело. Да тут еще и беспокойные охранники в черных комбинезонах вопросительно выглядывают, идут по стопам. Один из них к нам подошел и поинтересовался, что мы тут делаем. Мол, они давно за нами наблюдают, здесь же камеры всюду. Странный вопрос. Это же мемориал, вход свободный, хотя мы и вошли со стороны леса, а не дороги. Ну да, отвечал охранник, но вы вот снимаете, а потом дадите такую какую-нибудь передачу обо всем тут... Мы заверили его, что у нас не камера, а фотоаппарат, просто он на треноге, и все. И фотографируем для себя. Охранник немного успокоился и ушел. Но позже появился другой, шел за нами по пятам даже вне ограды мемориала, выглядывал из кустов.

Да что же такое еще можно здесь увидеть?! О чем можно подумать и рассказать, если — вот рассказы на плитах и соснах, вот польское кладбище с именами и колоколом, а вот наше, с голыми крестами. Вот Долина смерти с провалами — в земле и памяти. Почитатели «православного атеиста» хотели бы и вовсе все обрушить в один провал и на его месте возвести новый СССР, полный соглядатаев за каждым углом и стволом, с капканами беспамьяства. Но это — непрочное основание. И вчерашний день. Не повернуть реку времени вспять.

На берегу мертвых сошлись Восток и Запад. К центральной части этого берега — к гнездовским курганам — мы уже относимся философски. Днепр, как река времени, здесь достаточно охладился. А в Катинском лесу — нет. Быть в нем тяжело физически.

...И когда мы оставили позади этот лес и зашагали по трассе в сторону Гнездова, потому что упустили автобус, почувствовали какое-то освобождение. По незначительному поводу рассмеялись — и уже не могли остановиться, смеялись на грани нервного срыва.

Да это нервный срыв и был, мгновенный, как вспышка.

И возвращаться туда уже не хочется. Но побывать там каждому — необходимо. Это что-то вроде болезненной прививки.

* * *

И все-таки берег мертвых — метафора. Ведь там жили и живут люди. В Гнездове проходят реконструкции ремесел и средневековых боев, интересные фестивали. На одном таком мы познакомимся с удивительной женщиной, мастерицей-вышивальщицей Галиной Павловной Быстровой.

Работала она вахтером в Доме культуры в Гнездове, увидела, как женщины и девочки сидят, вышивают в тамошнем кружке, попробовала — и пристрастилась. Да, именно так, в ней вдруг вспыхнула настоящая страсть к краскам и орнаментам, древним фигурам и знакам. И погрузилась она в этот запредельно условный мир с головой.

Ведь ее вышивки как картины, никто не носит этих вещей, никто не утирается расшитыми полотенцами.

И мало кто уже понимает язык символов древних славян. А в ней словно источник пробился, только выплевывает он не воду, а нить, как один персонаж уже далекой и чужой мифологии — выплевывавший шелковые нити.

А в стихотворении уже упоминавшегося поэта Макаренкова эта нить ниспадает с чудесного веретена, прибитого вместо флюгера на крыше дома, что стоит «Между Азией и Европой, / Между идолом и крестом». Это стихотворение так и называется — «Нить». По странному совпадению прочитал я его впервые, заканчивая этот очерк, буквально в самую последнюю минуту, Макаренков только что прислал этот стих. Там есть такие строфы:

Приходили купцы с товаром.
Били оземь послы челом.
— Я отдал бы вам нить задаром!
Да рассыплется отчий дом.

Что с того, что давно клубится
На растущем веретене!
Эта нить из земли струится
И лучится в каждом бревне.

А наша Галина Павловна и тянет эту древнюю нить самозабвенно и совершенно бескорыстно, вплетает ее в рушники и полотна, расцветающие яркими узорами и фигурками...

Смотришь в ее синие днепровские дремотные глаза и думаешь: сейчас запоет колыбельную... А какую же еще? В ее пальцах словно рождается заново древнее время. И, сплетаясь с нашим временем, вспыхивает узором жизни.

Берег мертвых — берег живых. И в этих берегах течет Россия — к неведомому морю.

НИНЕВИЙСКИЕ ХРИСТИАНЕ

ЧАСТЬ 1. ВОЙНА

Самое сильное из впечатлений от поездки в Мосул в марте (2017-го года, когда проходила масштабная операция по освобождению города от боевиков «Исламского государства») — это не взрывы смертников, не трупы во дворах домов, не сам погибающий город и даже не десятки тысяч беженцев. Сильнее всего запомнился христианский город Бахдида — город-призрак. Я побывал в нем дважды. Во второй раз на закате: солнце уже зашло, и свет был желто-синий. Пора было включать освещение в домах и зданиях. На блокпостах иракской армии уже горели огни. Бахдида была мертво-темной. Четко прорисовывались контуры зданий, домов, церквей (в современном, под «русский конструктивизм» архитектурном стиле), и ни одного горящего огонька. Сотни домов, десятки улиц, совершенно пустой современный город. Освещались лишь несколько постов армии и федеральной полиции Ирака в северной части города. Бахдида расположена в 15 километрах юго-восточнее Мосула. Этот город был отбит у боевиков одним из первых, когда началась операция по освобождению Мосула в октябре 2016-го. Но и пять месяцев спустя христиане по-прежнему боятся возвращаться в свои дома. 20 километров к северу от Бахиды расположен город Бартелла, еще 10 километров на север — Башика. Это все христианские места. Они такие же призраки, как Бахдида. Иракские христиане продолжают жить в лагерях беженцев, кто-то переселился в города Иракского Курдистана. Значительная часть уехала в Европу и Австралию (австралийское правительство особенно активно помогает беженцам из числа иракских христиан) — навсегда. Исход христиан из Ирака, начавшийся с американской оккупации в 2003-м, продолжается.

ХРИСТИАНЕ И СУННИТЫ

Абрахам, последователь Халдейской католической церкви, вместе с племянником возвращается на своем автомобиле в городок Айнква из Бартеллы. На блокпостах иракской армии и курдской пешмарги, показывая удостоверение личности, он обязательно добавляет: «Масихи» (на арабском «христиане»). Христианин — залог лояльности официальным властям в Багдаде и Иракском Курдистане. Христиане, как и езиды, больше всего пострадали от власти «Исламского государства»¹ в Ираке. Для официальных властей, поэтому они теперь естественные союзники. Правда, власти как-то не спешат помогать своим союзникам.

Александр Сергеевич Рыбин родился в 1983 году в г. Кимры Калининской области. Окончил филологический факультет Тверского университета. Работает фриланс-журналистом. Первая публикация — в журнале «День и ночь» в 2008 году. Лонг-лист премии «Неформат», Бунинской премии и премии имени В. П. Астафьева (2008). В 2012 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» с повестью «Современный кочевник». До отъезда в ЛНР жил во Владивостоке. Публиковался в различных литературных изданиях.

¹ ИГ (организация запрещена в России).

В Бартелла у Абрахама собственный дом. Он инспектирует его периодически. Правда, ничего нового там не происходит. Все было разграблено: то ли в период двухлетней власти ИГ, то ли во время наступления иракской армии и курдских военизированных формирований пешмарга в октябре 2016-го. Один из курдов, так же имеющий дом в Бартелла, рассказывал мне, что по части мародерства правительственные и курдские солдаты не менее активны, чем боевики террористической организации. Но зато дом цел: стены, крыша, каменный забор не пострадали от ударов авиации и артиллерии освободителей. В Айнкаве, христианском пригороде Эрбиля, столицы Иракского Курдистана, Абрахам живет в доме родственников. Сколько это еще будет длиться, он не знает. Но возвращаться в Бартелла «пока рано». Еще сохраняется угроза, в этом уверены большинство христиан, с кем я общался, что террористы могут опять напасть на город.

И совершенно противоположная ситуация в суннитских окрестностях и районах Мосула, которые были под властью ИГ две-три недели назад, даже несколько дней тому назад. Жители там активно налаживают мирную жизнь под новой властью. Из суннитских районов от ИГ в 2014-м, когда оно вело масштабное наступление на севере Ирака, сбежало не настолько уж и много гражданских. Бежали преимущественно арабы несуннитских течений ислама, представители других религий и курды. Поэтому к началу штурма один Мосул насчитывал от 800 тысяч до миллиона гражданских жителей (оценки разных источников отличаются, но в любом случае — второй по количеству жителей город Ирака продолжал оставаться вторым даже при ИГ). По данным 2004-го года численность его жителей оценивалась в 1,8 миллиона человек.

В первых числах марта началась очередная фаза по освобождению Западного Мосула (часть города, расположенная на правом берегу Тигра). Я с другими иностранными журналистами поехал в район Джосек в юго-западной части города.

ДЖОСЕК

Непрекращающийся гул авиации в небе, за каменным забором на проспекте разворачивается танк «абрамс», возле него маневрируют броневики «хамви», черный дым поднимается из квартала, где засели боевики ИГ. Таков фон Джосека.

Захожу в дом, который иракская федеральная полиция заняла буквально полтора часа назад. На крыше полицейские стреляют в сторону, где предположительно засел снайпер противника. На втором этаже в коридоре разлеглись прямо на полу и отдыхают полицейские из группы быстрого реагирования: одни спят, другие отправляют сообщения с помощью мобильных телефонов друзьям и родным (Интернет и телефонная связь в Мосуле работают превосходно). В гостиной на первом этаже офицеры курят и обсуждают продвижение вперед. В подвале дома — его хозяева: семья из пяти человек. Отец семейства, жена, их сын и скованные тяжелыми болезнями бабушка и дедушка на металлических койках. Они — сунниты. Они не покидали город, когда он был под властью ИГ. Они не отзываются об ИГ ни плохо, ни хорошо. Говорят: «Мы рады, что пришла иракская армия». Отец семейства Абдулла говорит, что он художник (у него действительно породистое изящное лицо творческого человека) и при ИГ работал по специальности. В подробности он не вдается. Джосек — район суннитский. Здесь нет следов мародерства. Один из местных жителей, Хамад, бежавший в Багдад на время ИГ, рассказывает, что за два года ничего в его доме не тронули. «Даже машина так же стояла во дворе дома, как мы ее оставили», — говорит Хамад.

В суннитских районах Мосула и в суннитских пригородах уже через несколько дней после освобождения открываются магазинчики, через неделю базары функционируют так, будто тут и не было военных действий. Базар — центр жизни любого ближневосточного города. Если он снова действует, то оживают и окрестности. Даже в городе Хамам-Али, южнее Мосула, который правительство считает

самым ненадежным из отбитых у ИГ (там террористы пользовались особой приязнью местных жителей, поэтому сейчас улицы полны вооруженных патрулей и укрепленных постов), с утра и почти до сумерек бурно живет базар.

А вот в освобожденные христианские города базары не возвращаются. Связано это с тем, что подрыв смертника вероятнее в местах массового скопления людей: на базаре, во время молитвы в церкви, на свадьбе или в школе во время занятий.

КОГДА ПРИШЛИ АМЕРИКАНЦЫ

Сами христиане, как и езиды, говорят о том, что ИГ проводило (и продолжает проводить посредством террористических актов) в отношении них геноцид. Однако на международном уровне, даже на уровне правительства Ирака, это до сих пор не признается. Вопросы вроде «был геноцид, не было, что это было?» отложены до окончания операции в Мосуле. Правда, как только город будет освобожден, и это понимает любой, хоть немного разбирающийся в иракской ситуации, обострятся противоречия между курдами и арабами, между арабами-суннитами и арабами-шиитами, внутрикурдские проблемы. И снова проблема иракских христиан и езидов будет отставлена в сторону. А их ключевая проблема в том, что они не имеют своей официально признанной правительством территории. Своего анклава, своей автономии — чего угодно, но своего. «Они как бы есть, но их как бы нет, — рассуждает американец Леви, три года работающий в Иракском Курдистане, о местных христианах. — Формально это такие же иракцы, как сунниты или шииты. Поэтому никакого особого статуса у их районов, деревень, церквей — нет. Хотя очевидно, что такой статус им нужен. Это позволило бы активнее реализовывать программы по их защите, сохранению их традиций и так далее. Потому что христиане в Ираке — меньшинство. И как показала ситуация с ИГ, меньшинство, находящееся под угрозой уничтожения террористическими силами».

На самом деле угроза уничтожения над христианами Ирака нависает с 2003 года, когда США и их союзники свергли Саддама Хусейна и оккупировали страну. При Саддаме государственный аппарат, состоявший преимущественно из суннитов, занимался подавлением шиитов и курдов, а религиозные меньшинства (кроме христиан и езидов, в Ираке множество самых экзотических этноконфессиональных групп — например, шабаки и мандеи) чувствовали себя сравнительно комфортно.

Американцы, оккупировав Ирак, сделали ставку на шиитов — из них было сформировано новое правительство. Пришедшие к власти шииты (они составляют большинство населения в Ираке) начали сводить счеты с суннитами, которых считали ответственными за свои беды в период правления Саддама. В свою очередь сунниты, оказавшись в положении маргинальной части населения, стремительно радикализировались, пополняя ряды экстремистских группировок. В итоге резко возросло количество актов насилия по отношению к представителям меньшинств в арабской части страны. Культовые здания взрывали; священнослужителей похищали или убивали; на кварталы, где компактно проживали меньшинства, осуществлялись террористические атаки. Представителям меньшинств приходилось покидать свои дома и уезжать либо в другие регионы Ирака, где они могли себя чувствовать более безопасно, либо вообще за пределы страны. По информации Би-би-си, только за октябрь в 2008 году около 12 тысяч христиан бежали из Мосула и его окрестностей.

Регион, где сконцентрировано (было сконцентрировано до наступления ИГ летом 2014-го) христианское население Ирака, это Ниневийская равнина — к востоку от Мосула. Как раз там расположены и Бахдида, и Бартелла, и Башика, и другие христианские города и деревни. В настоящее время равнина поделена почти ровно пополам между властями Иракского Курдистана и багдадским правительством.

ПРИЗРАКИ

Расхожая сейчас фраза для Ближнего Востока: «Все проблемы — от арабов». Интересный факт, что даже христиане, являющиеся этническими арабами, называют себя именно христианами, а не арабами. Особенно ярко это стало проявляться на Ближнем Востоке с началом «Арабской весны», когда радикалы-мусульмане стали нападать на христиан. Подобные нападения послужили причиной того, что христиане-арабы начали идентифицировать себя больше по религиозному признаку, чем по этническому (схожая сегодня ситуация в бывшей Югославии, где народ, говорящий на одном языке, сербском, разделился на три части по религиозному признаку: православных сербов, католиков-хорватов и боснийцев-мусульман).

В Иракском Курдистане христианам живется гораздо спокойнее. Там не бывает атак на их церкви и дома. В регионе вообще редко случаются теракты. В период наступления ИГ летом 2014-го христиане предпочитали бежать в Иракский Курдистан. Поэтому христианский лагерь беженцев больше на курдской территории, чем на арабской. В городе Дохук есть кварталы православных ассирийцев. В городе Койя живет большая община последователей Халдейской католической церкви. В Айнкаве, кроме ассирийцев и христиан-арабов, живут армяне. Старейший монастырь (православных ассирийцев) в регионе — Мар Маттай — продолжал действовать, даже когда линия фронта проходила в нескольких сотнях метров от него. Благодаря опеке подразделений пешмарга.

Все время существования христианства миграция была для ближневосточных христиан, можно сказать, в порядке вещей. Переселения случались раз в сто лет, в пятьдесят или даже чаще. Но сто лет назад появилась новая тенденция. После начала геноцида армян и ассирийцев в Османской империи в 1915 году христиане стали покидать Ближний Восток, чтобы переселиться в более спокойные европейские страны и в США. За прошедший век, например, количество ассирийцев, населяющих плато Тур-Абдин (область на юго-востоке современной Турции), уменьшилось с 500 тысяч до двух тысяч. Сегодня на Тур-Абдине можно увидеть целые деревни, брошенные ассирийцами. Десятки заброшенных церквей и монастырей. В городе Мидьят — некогда центре этой ассирийской области — осталось всего 100 ассирийских семей. Мало кто разговаривает на родном, арамейском, языке — основной язык общения турецкий. Христианская Ниневийская равнина может повторить судьбу Тур-Абдина. Остающиеся призраками, несмотря на освобождение, ассирийские деревни и города молча кричат о своей трагедии.

Это был мой первый текст об ассирийцах Ирака, христианах, живущих (выживающих) на Ниневийской равнине. Чтобы написать его, мне пришлось решить массу проблем.

Я — независимый журналист, работающий сам на себя. Куда-то еду, пишу текст, делаю фотографии и предлагаю затем для публикации в издания. Меня с этими изданиями не связывают никакие договоры: они не обязаны публиковать мои тексты, я не обязан соглашаться на их изменения и дополнения в моем тексте — если меня не устраивает их позиция, я просто предложу репортаж другому изданию, третьему и так далее. В этом счастье и беда независимого журналиста: не факт, что кто-то вообще захочет опубликовать твой текст, потому что ты написал его, не подстраиваясь ни под чьи интересы.

Другая ситуация со штатными журналистами. Они следуют определенной повестке своих работодателей. Редакция дает им задание. Редакция оплачивает их расходы. Редакция в любом случае оплатит их труд. Самые крупные и богатые медиа в России — федеральные телеканал и информационные агентства.

Чтобы попасть в Ирак, на передовую в Мосул, у ребят, работающих на российских федеральных телеканалах и в информагентствах, достаточно широкие финансовые возможности. Их редакции имеют связи в Министерстве иностранных дел России, которое поможет им получить иракскую визу. На месте федеральные журналисты наймут фиксера (человека, знающего местный язык, знающего, с кем нужно договориться, чтобы попасть туда или к тем, к кому нужно), арендуют автомобиль, будут жить в достаточно комфортабельных гостиницах. Но они будут подавать ситуацию так, как им указали в редакции.

В личных беседах тележурналисты, выезжающие в «горячие точки», совсем неглупые ребята. Понимающие, что на самом деле происходит в том или ином регионе. Но они лицемерны — они не будут отстаивать правду, они будут следовать инструкциям работодателя. Им совсем не хочется терять хорошую кормушку из-за своей принципиальной позиции.

В ситуации с Мосулом российские тележурналисты должны были показать «страдания мирных граждан, которых бомбит авиация США», и «чудовищные разрушения города». Ужас освобождения Мосула должен был перекрыть драму с освобождением сирийского Алеппо. Алеппо сирийская правительственная армия при поддержке российской армии освобождала в конце 2016 года. Крупнейшие западные медиа, разумеется, они отработывали свою повестку, изображали операцию в Алеппо как «зверства русских и правительственных сил над мирными жителями, которые не хотят подчиняться диктаторскому режиму в Дамаске».

В общем, российские тележурналисты ехали в Мосул — «дать ответку» Западу. Поэтому в их материалах не было рассказов о том, что сунниты, которых бомбят американцы и иракская авиация, очень неплохо жили при ИГ. И если бы американцы и багдадское правительство не взялись за их «освобождение», они продолжали бы спокойно жить по законам ИГ. И никаких чрезвычайных причин сбегать из-под власти радикалов у них не было. Иракская армия и полиция в свою очередь воспринимали «освобождаемых» как врагов, которые могут в определенный момент восстать. Самый яркий пример — ситуация в городке Хамам-Али.

Чтобы приехать в Хамам-Али, мне пришлось потратить две недели на выяснение, каким образом при минимальных расходах попасть в зону боевых действий. Финансово независимый журналист очень ограничен (напоминаю, совсем не факт, что в итоге за мой репортаж мне кто-то заплатит — мои расходы могут вообще не оправдаться, а текст «уйдет в стол»). Я не могу позволить себе нанять переводчика (сам я по-арабски говорю очень слабо, на достаточном уровне знаю лишь два иностранных языка — английский и сербский). А про машину нечего и говорить. Я катался по северу Ирака исключительно автостопом. Сначала я попытался попасть в Мосул нахрапом — просто взял и поехал туда. Меня задержали на одном из иракских блокпостов (до города оставалось каких-то 15 километров) и отказывались пропускать дальше: потому что у меня не было ни фиксера, ни машины, ни разрешения от федерального иракского правительства на работу в зоне Мосульской операции. По мнению иракских военных, настоящий журналист должен ехать в зону боевых действий на арендованном внедорожнике и в сопровождении человека, отлично говорящего на арабском и знающего до тонкостей местную обстановку. К такому представлению о журналистах они привыкли за время американской оккупации — с 2003 года.

У американских и европейских штатных репортеров денег достаточно много — это раз. Во-вторых, их редакции чрезвычайно заботятся о безопасности своих штатных сотрудников, поэтому выдвигают им соответствующие требования поведения в «горячих точках». Понятно, что независимый журналист, фрилансер, стрингер в фи-

нансах скован и больше полагается на собственную смекалку и коммуникабельность. Кто-то договорится с военными, едущими на передовую, чтобы за приемлемую взятку забрали с собой (а может, и без взятки, зависит от страны — что касается Ирака, там военные и полиция очень ушлые и деньгопросные). Кто-то арендует или купит дешевый мотоцикл и поедет в объезд блокпостов на свой страх и риск (объездные пути могут быть заминированы). Кто-то сможет «сесть на хвост» телевизионщикам, имеющим своего фиксера и машину.

Мой знакомый, русский, учившийся в Дамаске, подкинул координаты чешского журналиста Радана, который тоже работал сам на себя. Чеху удалось зацепиться за федеральную полицию, и вместе с ним он ездил в Мосул. Я списался с ним по «фейсбуку». Радан подсказал координаты девушки-фиксера в Эрбиле. За сто долларов она согласилась отвезти меня к федеральной полиции. У нее были знакомые в Министерстве обороны и федеральной полиции Ирака. Если на блокпостах возникали некие вопросы, девушка-фиксер звонила знакомым — и мы ехали дальше.

У полиции была собственная группа для обеспечения работы журналистов. Они занимали брошенный особняк в 10 километрах к югу от Западного Мосула. В том же особняке жили с десяток иракских журналистов и двое иностранцев — итальянский фотограф и тот чех. Руководил группой старый полковник. Он не говорил по-английски. По-английски говорил сержант Ала, который в свое время работал с украинским миротворческим контингентом, находившимся на юге Ирака с 2003-го по 2008-й.

Ала — отличный парень. Я с ним сразу сдружился. Работа с украинцами оставила для него очень положительные впечатления. Русские, украинцы — для него одно и то же. О том, что пророссийские ополченцы воюют с 2014-го против украинских националистов на Донбассе, он вообще не знал. Короче, вечером мы с ним пили дрянной иорданский вискарь (чех Радан к нам присоединился, но быстро захмелел и уткнулся в телефон) и сравнивали хорватские штурмовые винтовки VHS, их иракцы активно использовали в городских боях в Мосуле, с АК-74. На следующий день Ала помогал мне как переводчик на передовой в Мосуле.

Полицейские на своих машинах вывозили периодически журналистов в зону боевых действий. На выездах к полицейским присоединялись журналисты ведущих иностранных телекомпаний и фотографы ведущих информационных агентств. Эти ребята выглядели с иголки, жили в гостиницах в Эрбиле и приезжали на передовую, как на пикник. Чисто одетые, в отглаженных рубашках и брюках, дорожных бронежилетах и касках с надписью «PRESS». Снимали несколько планов, брали несколько интервью у рядовых и офицеров и уезжали обратно в Эрбиль (до него езды было пару часов). Они очень походили на циничных туристов, приехавших посмотреть на чужие страдания. Натуральные буржуи, в общем.

Я, чех и итальянец вместе с иракцами, полицейскими и журналистами спали на полу, на матрасах, укрываясь грязными одеялами и своими спальными мешками. Мылись под холодным душем. За едой ездили на базар в Хамам-Али. Иракские журналисты при этом брали с собой оружие — автомат Калашникова китайского производства и иракские пистолеты «тарик». Они не доверяли ни одному из жителей Хамам-Али и всех их считали «агентами ИГ».

Мой репортаж в итоге опубликовал один из русских бумажных журналов. Я получил свой гонорар — и, казалось, с точки зрения профессионального журналиста, можно было бы забыть об этой теме и заниматься другими. Но что-то зацепило, что именно, я не мог тогда сформулировать для себя, и не давало покоя. Я хотел вернуться в Ирак ради ассирийцев, ради того, чтобы лучше узнать этот народ.

Через полгода я таки поехал на Ниневийскую равнину. Операция в Мосуле закончилась, город и окрестности были полностью освобождены от боевиков ИГ. По-

водом для поездки на этот раз стал референдум о независимости автономии Иракский Курдистан от федерального Ирака. Но гораздо больше, чем референдум, меня интересовали ниневийские христиане-ассирийцы. Я планировал пообщаться с ними, побывать в их городах и селах. Совсем не факт, что эта тема заинтересовала бы российские издания. Я рассчитывал «отбить» затраты на поездку материалами про референдум. То, что материалы о референдуме я смогу без особых проблем продать, не было никаких сомнений — курдский референдум стал одной из самых топовых медийных тем в мире в то время. То есть получалось: референдум — заработок, тема ассирийцев — для себя.

ЧАСТЬ 2. НИНЕВИЙСКАЯ РАВНИНА

Чтобы рассказывать об ассирийцах Ирака дальше, необходимо рассказать прежде об их истории, географии и о том, что для них значит христианство. Без их дохристианского и христианского прошлого невозможно понять их привязанность к Ираку, конкретно к Ниневийской равнине.

Насколько мощной и развитой была дохристианская ассирийская цивилизация, известно благодаря археологам: двоим англичанам и одному ассирийцу. В середине XIX века англичанин по имени Остин Генри Лэйард взялись за раскопки холма Куюнджик — на левом берегу Тигра. Сегодня холм является частью Восточного, левобережного, Мосула. В XIX веке Мосул целиком умещался на правом берегу реки. А на холме паслись отары овец — поэтому его и называли «овечьё пастбище», по-турецки «куюнджик».

Лэйард верил, что это не просто холм, а руины древнего города Ниневии, столицы Ассирийского царства. О том, что Ниневия расположена именно под грунтом Куюнджик, догадался другой англичанин — генеральный консул Британской империи в Багдаде Клавдий Джеймс Рич. Он занимался исследованиями ассирийской цивилизации, которая тогда была известна лишь благодаря Библии и трудам античных греков и персов. Сопоставляя разные описания Ниневии, Рич сделал вывод, где ее нужно искать. В 1820 году приступил к раскопкам на Куюнджик. Обнаружил несколько табличек с клинописными текстами и осколки керамики. Но всего год спустя Рич умер. Его погубила разгулявшаяся в тех местах холера.

Вообще любой холм в Верхней Месопотамии, отдельно стоящий среди равнины (по-арабски их называют «телль» или «таль»), с очень большой долей вероятности является остатками какого-нибудь древнего поселения. Отнюдь не все подобные холмы исследованы даже к настоящему времени. Чего уж говорить про XIX век. Поиски Ниневии увлекали большое количество европейских исследователей. Каждый был уверен, что именно под «его холмом» хранятся следы некогда богатой и славной ассирийской столицы. Французский ученый итальянского происхождения Поль Эмиль Ботта, например, в 1843 году раскопал холм возле деревушки Хорсабад (к северо-востоку от Мосула). Под землей оказались стены и колонны великолепного дворца. Вход во дворец охраняли огромные мифические чудовища — крылатое тело быка или льва, голова бородатого мужчины. Глаза выполнены из цветных камней. Ботта телеграфировал в Париж, что нашел Ниневию. Он был уверен, что это тот самый город, которым восхищались античные историки. Однако впоследствии выяснилось: Ботта нашел Дур-Шаррукин, тоже ассирийский город, но все-таки порядком уступавший Ниневии.

В 1847-м за дело взялся Лэйард, поверивший в предположения соотечественника Рича. Возле Куюнджик проглядывались следы искусственных древних каналов.

Лэйард решил, что это могла быть система водоснабжения ассирийской столицы. Поэтому между большим каналом и Тигром он приступил к поискам Ниневии. Довольно скоро удалось обнаружить большие ворота, рядом с которыми стояли крылатые быки. Год спустя был раскопан царский дворец. Но это все были молчаливые свидетельства существовавшего некогда государства. Самую важную находку сделал помощник Лэйарда — Хормузд Рассам, уроженец Мосула, ассириец по национальности. Он получил образование в Оксфорде и был отправлен британскими властями на помощь английской экспедиции, копавшей Куюнджик. Когда Лэйард, не выдержав местного климата, вынужден был вернуться в Англию, раскопки возглавил Рассам. И в 1854 году ему удалось найти библиотеку царя Ашшурбанипала, крупнейшую из известных на сегодня ассирийских библиотек. Древняя Ассирия наконец-то «заговорила».

Библиотека собиралась по указанию Ашшурбанипала 25 лет. В ней находилось десятки тысяч (археологам удалось найти 30 тысяч) исторических, магических и научных текстов.

Писцы снимали копии с глиняных книг, хранившихся по всей империи, в Вавилоне и других центрах древней культуры Месопотамии. А эти библиотеки, в свою очередь, собирались столетиями.

Все таблички были одинакового размера. В нижней части каждой — название «книги», к которой она относилась, и номер «страницы». Заглавием «книги» служили начальные слова первой таблички. В библиотеке Ашшурбанипала тексты размещались в определенном порядке — по отраслям знаний на отдельных стеллажах. Поиск нужных текстов облегчали каталоги, в которых указывалось, помимо названия «книги», количество строк в каждой табличке, относящейся к ней. На всех «страницах» обязательно ставился штамп со словами: «Экаль Ашшурбанипал, шар кишшати, шар мат Ашшур...» («Дворец Ашшурбанипала, царя Вселенной, царя Ассирии»). Причем доступ в библиотеку имел любой житель империи, умевший читать клинопись.

Благодаря расшифровке этих текстов можно в деталях представить жизнь Ассирийского царства. Культура исчезнувшей цивилизации обретает смысловой объем. Не надо гадать, что да как было, — надо просто прочитать.

Именно в ниневийской библиотеке был найден «Эпос о Гильгамеше», одно из старейших литературных произведений в мире, из которого авторы Библии заимствовали отдельные сюжеты (например, о Всемирном потопе). Правда, появился эпос гораздо раньше ассирийцев — в Шумере, свыше четырех тысяч лет назад. Шумер, как известно, считается самой первой городской цивилизацией Месопотамии.

Ассирийцы — кочевники семитского происхождения, пришли с Аравийского полуострова в Месопотамию около четырех с половиной тысяч лет назад. Они многое заимствовали у уже развитой городской цивилизации шумеров. Начали вести оседлый образ жизни. Построили первый город — на берегу Тигра. Назвали его Ашшур — в честь своего бога-покровителя, бога войны. От названия первого города имя получили весь народ и созданная им позже империя. Ашшур, Ассирия, затем трансформировалось арабами и турками в «Сирия».

Быстрому развитию, укреплению экономического могущества ассирийского государства способствовало выгодное географическое положение. В горных районах было изобилие руды, камня и леса. Кратчайшие пути вели через него в Иран, Урарту, Малую Азию и страны Средиземноморья.

Расширяя свое государство, ассирийцы захватывали чужие города, основывали свои. Часто переносили столицу из одного места в другое. Отстраивали ее по новой,

каждый новый царь, разумеется, пытался превзойти предшественника по богатству и роскоши своего главного города. Столицы ассирийцев объединяло то, что располагались они сравнительно недалеко друг от друга: на берегу Тигра, на севере современного Ирака. Самой роскошной из них считается Ниневия. Она стала фактически последней столицей Ассирии — именно в ней воплотились достижения цивилизации, существовавшей к тому времени полторы тысячи лет.

Название города означает — жилище или город Нина. Царь Нин, предположительно, является основателем ассирийской монархии. Жил он, тут источники расходятся во мнении, в XXI веке, или XVI, или XIV до нашей эры.

Столицей империи Ниневию сделал царь Синахериб (правивший с 705-го по 681 год до нашей эры). По его приказу рабочие воздвигли террасу высотой почти в десятиэтажный дом. На террасе были построены царский дворец, храмы, зиккурат. Сюда не поднимались болотные испарения. Садовники посадили перед дворцом парк редких растений, строители выкопали пруды, которые создавали прохладу, в прудах плавали лебеди и другие птицы.

Ниневия была огромным городом. Ее площадь равнялась 2/3 территории Рима в III веке нашей эры (то есть на пике расцвета Римской империи), а численность населения достигала 170 тысяч человек. Дома были большие и светлые, улицы широкие, прямые и зеленые. Центральная улица, прозванная Царской, достигала 26 метров в ширину, что шире Невского проспекта в Санкт-Петербурге. Она была залита асфальтом, с обеих сторон ее украшали статуи.

Покровительницей Ниневии являлась богиня Иштар — в городе находился храм в ее честь. Интересно, что она считалась одновременно богиней сексуальных утех и ссор, плодородия и войн. Еще один храм Иштар располагался в 80 километрах к востоку — в ассирийском Арбилуме (ныне Эрбиль, столица Иракского Курдистана).

В «Эпосе о Гильгамеше» богиня упоминается как известная блудница, пытавшаяся соблазнить Гильгамеша. «Я буду тебе виноградной лозой, а ты шестом, к которому меня привязывают, ты будешь моим мужем, а я буду твоей женой. Я дам тебе колесницу из хрусталя и золота, где дышло золотое и украшения стеклянные, чтобы ежедневно впрягать в нее твоих могучих коней», — уговаривает Иштар героя. Но Гильгамеш отказывается от ее ласк: он напоминает ей, скольких героев и богов она уже соблазнила и затем предала. Называет ее «дворцом, обвалившимся на голову герою».

Одна из глиняных табличек, найденных на Куянджик, свидетельствует, что сказания об Иштар были в числе любимых произведений царя Ашшурбанипала. Среди таких произведений — «Схождение Иштар в ад». В этом тексте можно найти достаточно сходств с сюжетами Ветхого и Нового Заветов. Ключевой момент: воскрешение из мертвых. Иштар путешествует по аду, чтобы воскресить своего мужа (очередного), бога-пастуха Таммуза. Однако умирает сама, когда лишается всех своих одежд и украшений. Вернуться к жизни Иштар удается благодаря «живой воде». «Живой водой» омывает ее слугитель ада, демон чумы Намтар. Иштар возвращается в мир людей и богов — Таммуза оставляет в аду, он теперь должен обитать среди мертвых вместо нее.

На время правления Ашшурбанипала приходится последний период расцвета Ассирийской империи. Он правил с 669-го по 627 год до нашей эры (приблизительно). При нем произошло несколько очень успешных военных походов на соседние государства (ассирийская армия доходила до Египта и Аравийского полуострова). Отрубленные головы побежденных правителей отправляли в Ниневию. Головы развешивали во дворце Ашшурбанипала — в залах, где он устраивал пиры. При нем в импер-

ской столице появились многочисленные барельефы, изображающие военные подвиги ассирийцев: воины, штурмующие вражеские крепости, форсирующие реки, готовящие и чистящие коней к бою; колонны рабов; рабочие, перетаскивающие землю и камни в корзинах, возводящие стены дворцов для победителей.

После смерти царя Ашшурбанипала империя стала приходить в упадок. В 610 году до нашей эры после двухлетней осады Ниневия была взята объединенной армией мидийцев и вавилонян. Ассирийский царь Синшарруишкун, понимая, что поражение неизбежно, собрал в главном дворце жен, близких, родственников, сокровища и поджег его.

Успехи вавилонян и их союзников в борьбе против ассирийского государства объясняются не только слабостью ассирийской армии, наполненной к тому времени большим количеством представителей других этносов, но прежде всего безразличием самого народа, страдавшего от власти царей, аристократии, жрецов и рабовладельцев.

«Крестьянство Ассирии, — писал историк-востоковед Игорь Михайлович Дьяконов, — находилось в бедственном положении и страдало от поборов, повинностей и рекрутских наборов». Дьяконов полагает, что наступление Вавилона и Мидии получило всенародную поддержку ассирийцев, так как они стремились сбросить с себя царскую династию и при этом большую роль отводили вавилонским и мидийским войскам. Из «Хроники Гэдда» известно, что в Ниневии победители уничтожали в основном знать.

Гибель Ниневии описал библейский пророк Наум. «Горе городу кровей!.. Несется колесница, блестит меч и сверкают копья; убитых множество и груды трупов; нет конца трупам и спотыкаются о трупы их... Спят пастыри твои, царь Ассирийский, покоятся вельможи твои; народ твой рассеялся по горам, и некому собрать его». Ниневия заслужила гибель, написал в своей книге пророк Наум, виновна она в «блудодеянии» и «чародеянии»: «Это — за многие блудодеяния развратницы приятной наружности, искусной в чародеянии, которая блудодеяниями своими продает народы и чарованиями своими — племена». Вся книга пророка Наума, ставшая частью Ветхого Завета, посвящена гибели Ниневии.

Сам Наум после смерти был захоронен недалеко от разрушенной ассирийской столицы, в 50 километрах к северо-востоку от нее, — в городе Алькош. В Алькоше гробница ветхозаветного пророка сохраняется до сих пор. Правда, часть свода рухнула, частично обрушились стены. На одной из сохранившихся стен есть табличка на иврите, посвященная покойному.

Алькош расположен на самом краю равнины, на склоне гор, ограничивающих равнину, которая носит название в честь древней ассирийской столицы — Ниневийская.

Ниневийская равнина — это область между рекой Тигр на западе, рекой Большой Заб на юге и горными цепями (самая высокая из которых — хребет Гели-Курд, у подножия этого хребта расположен Алькош) на востоке и севере. Это очень плодородный регион. Видимо, за комфортный климат и плодородность ассирийцы выбрали эту равнину в качестве центра своей империи (кроме Ниневии, в этом же регионе располагались другие имперские столицы — Нимруд и Дур-Шаррукин).

После того как Ниневия была захвачена вавилонянами и мидийцами, жители оставили ее и больше туда не возвращались. Новый ассирийский город появился на противоположном берегу Тигра — Мосул. Самое ранее задокументированное упоминание Мосула принадлежит греческому военачальнику Ксенофону — в его главной книге «Анабасис». Отступая из Персидской державы во главе десяти тысяч греческих наемников в 401 году до нашей эры, Ксенофонт видел заброшенные оборонительные сооружения города. Он писал, что город был захвачен персами и потому обезлюдел. Снова Мосул ожил, видимо, благодаря тому, что располагался на важном торговом пути, соединяющем восток и запад ближневосточного региона.

Уже с I века нашей эры мосульские ассирийцы (впрочем, как и другие ассирийцы, обитавшие в городах и деревнях на Ниневийской равнине) начали принимать христианство. Что интересно, сам Иисус Христос, вероятно, был ассирийцем, исповедовавшим иудаизм. По крайней мере, говорил он на арамейском языке (другое название языка — ассирийский). На диалектах этого языка говорят современные ассирийцы, службы в их церквах проводятся на диалекте времен Христа.

Трое волхвов, направлявшихся принести дары новорожденному Иисусу, вышли, если верить преданию, из ассирийского города Амадия. Амадия расположена на вершине столовой горы на северо-востоке Ирака, это одно из самых живописных мест в Ираке. Слово «волхвы» — из русской православной традиции. Оно многозначно: мудрецы, знахари, предсказатели, звездочеты, чародеи — по Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона.

Амадия славилась своими магами (что в переводе с греческого значит «чародеи»). Оригинал Евангелия написан именно на греческом языке, и там используется слово «маги» по отношению к волхвам. В общем, трое чародеев шли поклониться новорожденному Иисусу (однако за «чародейство», вспомните, погибала Ниневия — уверял пророк Наум). А куда именно им нужно в итоге прийти, указала Вифлеемская звезда, которую они увидели, пересекая плато Тур-Абдин, возле деревушки Хах, опять же источник тут — одно из местных преданий. Поэтому жители Хах уверены, что церковь в их деревне начали строить еще в I веке. Правда, завершилась стройка то ли в V, то ли в VI веке. Церковь стоит до сих пор: на ассирийском ее название — Идто д'Йолдаз-Алохо, по-русски — Девы Марии.

Плато Тур-Абдин и Ниневийская равнина оказались среди первых очагов распространения христианства на Ближнем Востоке. Первыми проповедниками христианства среди ассирийцев были апостолы Фаддей и Мария Магдалина (сразу вспоминается богиня Иштар — обе являлись известными блудницами; правда, Иштар ни разу не покаялась за свои частые соития с разными мужчинами).

Уже во II веке ассирийцы-христиане двинулись дальше на восток, чтобы рассказывать о своем учении. К концу IV века в Средней Азии целые города уже приняли новую веру. Ныне туркменский город Мерв стал христианским центром, там была организована метрополия. Из Мерва христианство распространялось дальше вдоль Великого Шелкового пути.

Интересно, конечно, что именно стало основными причинами столь быстрого распространения христианства в Средней Азии: ее ненасильственный характер, ее моральные принципы, что-то другое? Точно эти причины пока не установлены.

Особым успехом пользовались христианские миссионеры среди уйгуров и монголов. В уйгурской среде новая религия впитывала уже существующую буддистскую культуру. В результате получались весьма оригинальные произведения искусства. Например, иконография уйгурских христиан своей стилистикой очень напоминает традиционную буддистскую иконографию, но сцены взяты из библейских сказаний.

В XI веке приняли крещение кераиты, самый крупный и самый культурный из монголоязычных народов в Средней Азии. Вождь племени получил новое имя Юханнан (ассирийская версия имени Иоанн). Территория этого племени и других тюркских и монгольских племен, которые так же переходили в христианство, постепенно стала известна в Европе как царство пресвитера Иоанна.

Кераитов разгромил Чингисхан в 1203 году. Тем не менее сказание о царстве пресвитера Иоанна продолжало еще несколько веков будоражить христианские народы, живущие далеко на западе.

Кроме Средней Азии, ассирийские миссионеры отправлялись на Кавказ: в Грузию, Армению и Осетию. И дальше — в Крым, на северное побережье Черного моря. Распространение христианства стало чем-то вроде национальной идеи ассирийцев.

Старейшие, сохранившиеся до наших дней монастыри и церкви Ниневийской равнины и Тур-Абдина, относятся к IV веку. В обоих регионах к тому времени проповедовали или отшельничали к тому времени тысячи, а может, и на порядок больше христиан. Хотя ассирийская элита предпочитала древнюю персидскую религию — зороастризм.

Зороастрийцем был, к примеру, ассирийский царь Синхариб, живший в первой половине IV века. Он правил провинцией Ашшуристан, которая входила в состав государства Сасанидов, персидской династии. Однажды сын Синхариба Бехнам отправился на охоту с многочисленной свитой и заблудился, остался один среди леса. Бехнаму встретился христианин-отшельник святой Матвей (Мар Маттай — по-арамейски). Пока отшельник выводил из зарослей царского сына, рассказывал ему о христианстве. Бехнам предложил Матвею совершить чудо, тогда он уверует в Христа. В следующий раз царский сын приехал к отшельнику со своей сестрой Сарой, она страдала от проказы. Матвей крестил Сару в ручье, и она выздоровела. В тот же день Бехнам и 40 слуг, сопровождавших его, тоже приняли крещение.

Дальше разыгралась семейная драма: отец был против, дети проявляли настойчивость. Синхариб, не сумев переубедить ни сына, ни дочь отказаться от христианства, приказал казнить их. Бехнам и Сара сбежали из столицы Ашшуристана — Мосула. Но их скоро догнала отцовская стража. Казнь состоялась на холме в 20 километрах к югу от города Бахдида.

После убийства детей сам Синхариб заболел проказой и повредился рассудком. То ли его жене, то ли ему самому явился ангел и указал посетить место казни Бехнама и Сары. Оказавшись на месте казни, ассирийский царь выздоровел и решил креститься. А над могилами детей был построен монастырь. Также он приказал построить монастырь для святого Матвея на горе Альфаф, где тот скитался (недалеко от современного города Башика). Таким образом, монастыри Мар Бехнам и Сара и Мар Маттай стали первыми монастырями на Ниневийской равнине. Дата постройки первого точно неизвестна. Мар Маттай был возведен в 363 году.

Имя святого Бехнама и его сестры Сары носят еще несколько монастырей и церквей на Ниневийской равнине и Ираке в целом. Другой весьма почитаемый на равнине святой — монах Хормизд (другая версия произношения его имени — Хормузду). Он жил в начале VII века.

Поселился в пещере недалеко от Алькоша. Горы над Алькошем вообще славятся многочисленными пещерами и родниками. Поэтому и город этот является одним из самых древних на равнине.

Когда к Хормизду присоединились еще два отшельника, то вместе они решили основать монастырь («монах» на арамейском — «раббан»). Это произошло в 640 году. Со временем монастырь получил имя — Раббан Хормизд.

В пещере, где Хормизд молился, он потихоньку высекал крест. Двенадцатиконечный, гладко отшлифованный крест, над которым он трудился много лет, позже стал главной святыней монастыря. Монастырь за почти 1400 лет неоднократно подвергался разрушениям и разграблениям. Но он снова возрождался вокруг пещеры с крестом. Монголы, Тамерлан, арабы, курдские разбойники — кто приходил с оружием на равнину, обязательно нападал и на монашескую обитель. Однако крест Раббана Хормизда никто из них не повредил (или не пытались, или не смогли).

В 1858-м ближе к Алькошу, на равнине монахи отстроили новый монастырь — Пресвятой Девы Марии. Он и стал основной обителью монахов. А Раббан Хормизд потихоньку опустел. Лишь изредка там проводятся службы.

За две тысячи лет христиане Ближнего Востока пережили массу расколов. Поэтому в настоящее время ассирийские церкви Ниневийской равнины, тысячу лет

назад относившиеся к православному течению, разделены между четырьмя наиболее крупными в Месопотамии ответвлениями: Сирийской православной церковью (еще ее называют Сиро-Яковитской), Ассирийской церковью Востока, Сирийской католической церковью и Халдейской католической. Все они имеют обрядовые и декоративные элементы православия. И непривычный человек не поймет, чем они отличаются, не посетив службы.

Монастырь Мар Бехнам и Сара стал относиться к Сирийской католической церкви. Мар Маттай остался за православными ассирийцами (сиро-яковитами). В Раббан Хормизд с 1551-го по 1804 год находилась резиденция патриархов Церкви Востока. В 1830-м монастырь перешел под управление Халдейской католической церкви, отколовшейся от Церкви Востока (халдеи признали главенство Ватикана, а Ватикан разрешил им учредить собственный патриархат). Другой откол от Церкви Востока — Ассирийская церковь Востока, она главенство Ватикана признавать отказалась, в качестве резиденции своего патриарха выбрала деревню Кочанис в горах провинции Хяккари, в нынешней Турции.

Но несмотря на расколы и конфликты между разными течениями христианства, ассирийцы по-прежнему составляли значительную долю населения в Мосуле и абсолютное большинство жителей в самых старых городах Ниневийской равнины вплоть до прихода к власти в независимом Ираке Саддама Хусейна. По переписи 1957 года, ассирийцы составляли 75 процентов жителей равнины.

Хусейн, ставший иракским президентом в 1979-м, стимулировал смешение разных этноконфессиональных групп страны для создания единой иракской нации, говорящей на арабском языке. Представители различных этносов перемещались с мест своего традиционного проживания в другие области. В Мосуле росла доля турменского и арабского населения. Появлялись новые мечети. Представителей меньшинств Саддам старался интегрировать в управление государством. Например, бессменным председателем его правительства был выходец из семьи халдеев-католиков — Тарик Азиз (ассирийское его имя Михаил Юханна).

Число ассирийцев в Ираке стало стремительно сокращаться после свержения Саддама американцами и их союзниками в 2003-м. До американской оккупации не менее миллиона ассирийцев проживали в Ираке. Атаки исламских радикалов на немусульман по всей стране вынуждали христиан, езидов и другие меньшинства покидать свои дома, села, города, даже страну. Сотни тысяч христиан уехали в Сирию, Европу, США или Австралию. Правительство в Багдаде обсуждало возможность создания автономий для меньшинств, чтобы обеспечить их безопасность и сохранение традиций. Однако дальше слов дело не двинулось.

До наступления радикалов «Исламского государства» на севере Ирака летом 2014-го численность ассирийцев на Ниневийской равнине и в Мосуле оценивалась в 250 тысяч человек.

ЧАСТЬ 3. ГОНЕНИЯ

История ассирийцев-христиан, пока еще продолжающих жить на Ниневийской равнине, по сути, продолжение библейского эпоса — очередная глава о гонимом народе. С тех пор, как они массово стали переходить в христианство, хотя бы раз в столетие они подвергаются жестоким репрессиям со стороны нехристианских народов и властей. Говоря современной терминологией, их подвергают геноциду.

Интересно, что в Библии ассирийцы часто упоминаются в качестве гонителей, жестоких властителей, узурпаторов. Вот цитата из Четвертой книги царств, глава 19: «Цари Ассирийские разорили народы и земли их, и побросали богов их в огонь; но это не боги, а изделия рук человеческих, дерево и камень; потому и истребили их». Другая цитата из той же Четвертой книги царств, глава 17: «Царь Ассирийский взял Самарю, и переселил израильтян в Ассирию, и поселил их в Халахе, и в Хаворе при реке Гозан, и в городах мидийских... И привел царь Ассирийский людей из Вавилона, и из Куты, и из Аввы, и из Хамата, и из Сепариваима, и поселил их в городах Самарии вместо сынов Израиля. И они овладели Самарией, и стали жить в городах ее». История с израильтянами известна также по записям на стенах царского дворца в Дур-Шаррукин.

В соответствии с устными ассирийскими преданиями, Иисус Христос и все его апостолы, кроме Иуды Искариота, были потомками тех ассирийских колонистов, которые заселили «города Самарии», то есть древний Израиль. А бороться с иудейскими священниками и начальниками Иисус начал потому, что они всячески унижали ассирийцев. Из этой борьбы и родилось новое религиозное учение — революционная идеология своего времени.

То, что вытворяли ассирийцы-язычники над соседними народами, спустя века пришлось испытать на себе ассирийцам-христианам. Их убивали, угоняли в рабство, их церкви и монастыри разрушали, их города и села заселяли нехристианские народы.

К началу XX века тем не менее ассирийцы продолжали удерживаться на землях, где стояли их старейшие церкви и монастыри: Ниневийская равнина, плато Тур-Абдин и ряд районов к северу от Дамаска (современная Сирия). Эти области в то время входили в состав Османской империи.

Как и другие христианские народы мусульманской империи, ассирийцы надеялись на помощь России. В XIX веке русская армия воевала против турок на Балканах за интересы местных христиан: сербов, болгар, черногорцев и греков. На Кавказе русские смогли отбить часть областей, населенных грузинами и армянами. Когда началась Первая мировая, ассирийцы отказались вступать в ряды турецкой армии, которая сражалась против Российской империи.

Наиболее активно противостояли турецким властям последователи Ассирийской церкви Востока, жившие к востоку от плато Тур-Абдин, в горной местности Хяккари. Благодаря своей труднодоступности их территория де-факто являлась теократической автономией — управлял автономией их патриарх Мар-Шимун Беньямин, 21-й по счету патриарх, живший в деревне Кочанис.

Турецкие власти обвинили ассирийцев в предательстве родины (они имели в виду Османскую империю, где христиане жили на правах людей «второго сорта»). Началась резня мирного ассирийского населения — солдатам-туркам активно помогали кочевые курды-сунниты. Первыми попали под удар те, до кого проще всего было дотянуться, — ассирийцы, жившие в городах и селах на плато Тур-Абдин. Параллельно в Османской империи шел геноцид армян и греков. Самыми жестокими палачами проявили себя курды: прежде чем убить, они затейливо пытали христиан. Они же разрушали церкви и монастыри. В опустевшие города и села курды перевозили свои семьи (большую часть нынешнего Турецкого Курдистана до Первой мировой войны населяли в основном ассирийцы и армяне).

Горные ассирийцы, последователи Ассирийской церкви Востока, успели сформировать отряды самообороны. Турки призвали ополчение разоружиться, арестовав брата патриарха Мар-Шимуна — Хормизда, который учился в Стамбуле. Патриарх ответил: «Брат у меня один, а народ мой многочисленный, поэтому я предпочту потерять брата, но сохранить народ». Хормизда привезли в Мосул и казнили — повесили.

Турецкая армия и курдские отряды пошли в наступление на села в горах Хяккари. Ассирийцы отчаянно сопротивлялись. Но численное и техническое преимущество было на стороне противника. Осенью 1915 года ассирийцы во главе с Мар-Шимуном, перейдя через горные хребты, вышли в Персию — к городу Урмия, где находилась русская армия и жила ассирийская община.

Русские сформировали из ополченцев Мар-Шимуна два батальона. Вместе с этими батальонами русские солдаты ходили в опасные рейды по турецким тылам. Писатель Виктор Шкловский, бывавший в Урмии и общавшийся с ассирийцами, писал в книге «Сентиментальное путешествие», что Мар-Шимун лично участвовал в рейдах. Он и его епископы принимали участие в штыковых атаках и добывали пленных.

Бежавших в Урмию ассирийцев Шкловский описывал так: «Жили изгнанные ассирийцы, голодали, грабили, возбуждая жгучую ненависть персов. Одетые в маленькие войлочные шапки, в штаны, широкие, как шаровары, сшитые из маленьких кусочков ситца и подвязанные выше щиколотки веревками, в цветном жилете, ходили они по базарам. Религия, которая связывала ассирийцев, уже давно ослабела и сохранилась только в форме противопоставления себя как христиан мусульманам».

Мар-Шимун ездил в Тифлис, где встречался с кавказским наместником великим князем Николаем Николаевичем. Великий князь обещал, что в случае успешного исхода мировой войны ассирийцы смогут создать национальную автономию в районе Мосула. Россия будет выступать гарантом их автономии (подобные практики уже имели место: после начала революции в Китае в 1911 году Россия стала гарантом провозглашенных автономий Монголия и Урянхайский край на севере Китая).

После Октябрьской революции русская армия в Урмии приняла решение о возвращении в Россию. Ассирийцы Мар-Шимуна и местные армяне просили русских оставить два полка в качестве ядра, вокруг которого сформировали бы христианские дружины. Но два полка взять было неоткуда: армия гнила, разлагалась, громила базары и от скуки убивала окрестных курдов.

На плато Тур-Абдин продолжались убийства оставшихся ассирийцев. Ассирийцы пытались сопротивляться: в некоторых деревнях вооруженным турецким войскам и курдским бандам отпор был дан буквально голыми руками. В документах Османской империи даже говорится о существовании так называемого «батальона мясников» под предводительством Джедвед Бея, который проводил операции по устранению безоружного нетурецкого населения. Тех, кого не убивали, турки перегоняли в концентрационные лагеря. Самые известные из них размещались возле селений Рас-эль-Айн и Дейр-эз-Зор, территория нынешней Сирии. Молодых девушек курды забирали себе — использовали их в качестве рабынь. В книге «Умрет ли этот народ?», где собраны свидетельства геноцида ассирийцев, приводится история девочки Каримы из халдейско-католической семьи. Курды убили ее родителей, когда ей было 10 лет. Следующий год она вместе с другими халдейскими девочками ее возраста находилась в курдской деревне Зевида, где их насиловали местные мужчины. Следующие три года она была рабыней в семье турок в провинции Сиирт. Ее страдания закончились, когда она попала к родственникам, жившим в Стамбуле.

После ухода разложившейся союзной армии из Персии в январе 1918-го ассирийцы, с ними остались некоторые русские офицеры, несколько месяцев обороняли Урмию от подступивших турок. В марте 1918-го курдский хан, глава одного из кланов, Исмаил-ага Симко предложил Мар-Шимуну примириться и совместно сражаться против османской армии. Мар-Шимун отправился на переговоры с ним. После беседы, когда патриарх вместе с советниками, двумя русскими офицерами, и охраной вышел из дома, их в спины с крыш расстреляли курды. Ружейные залпы сопровождалась очередями из пулемета. Мар-Шимун погиб.

Ассирийско-армянским ополчением продолжал командовать полковник Кондратьев. Несмотря на отдельные успехи в боях против турок, ситуация для христиан на севере Персии постепенно ухудшалась. Турки уже заходили в кавказские области бывшей Российской империи. Ассирийцам и армянам нужно было искать сильного союзника. Поэтому они приняли решение идти к Багдаду — под покровительство англичан.

Из Урмии вышло 250 тысяч человек. Их тяжелый переход из Персии в Ирак по дикой горной местности — один из самых драматичных эпизодов Первой мировой. «Дороги не было, а идти нужно было вдоль турецкого фронта или, если сказать верно, мимо турецких и курдских гор, — пересказывал в „Сентиментальном путешествии“ Шкловский рассказ одного из выживших ассирийцев, Лазаря Зервандова. — Кругом были турки, и курды, и персы, коротковолное море мусульман, и выстрелы из-за камней, и бои в ущельях между скал, в которых протекают быстрые речки по камням, и камни со скал, и скалы, персидские скалы, как сильные волны каменного, каменной рябью покрытого моря... вышли из ущельев и шли горами. Воды не было. Двенадцать дней ели снег. Лошади падали. Тогда отняли лошадей от старых мужчин и отдали молодым. Нужно было сохранить не людей, а народ. Потом оставили старых женщин. Потом стали бросать детей. Через месяц похода дошли до багдадской английской земли. И было народу в это день двести три тысячи человек».

За время геноцида 1915—1918 годов в Османской империи погибли не менее 500 тысяч ассирийцев. Сотни деревень и десятки ассирийских городов на плато Тур-Абдин обезлюдели. Те, кто выжил, бежали на территорию бывшей Российской империи — селились в Грузии, Армении, Москве и Петрограде — или в Ирак и Сирию под защиту англичан и французов.

Англичане и французы обещали ассирийцам автономию по итогам Первой мировой. Обманули. Ассирийцы не получили никаких особых прав ни в оккупированном англичанами Ираке, ни во французском протекторате Сирия. Молодая Турецкая республика Мустафы Кемалю, прозванного Ататюрком (Отец турок), вела откровенную националистическую политику. Никаких шансов у ассирийцев-беженцев вернуться на плато Тур-Абдин не было. Тех, кто пытался возвращаться, изгоняли. Выживших и оставшихся на территории Турции ассирийцев турецкие националисты объявили «турками-семитами». Никакого образования на национальном языке, никакой культурной автономии, никакого самоуправления для этнических меньшинств — Ататюрк создавал государство исключительно для турок.

Следующее массовое убийство ассирийцев происходило при поддержке английской авиации. В начале августа 1933 года на севере Ирака ассирийские партизаны напали на иракскую армию. Была разгромлена военная часть иракцев, погибли 33 солдата. Партизаны переправились через Тигр и скрылись в Сирии.

Номинально Ирак являлся королевством — имел соответствующие атрибуты самостоятельного государства, включая армию. Но де-факто подчинялся Великобритании.

Иракская армия при поддержке курдских племен и английской авиации устроила карательный рейд по ассирийским поселениям на севере королевства. Командовал операцией этнический курд и при этом арабский националист, генерал Бакр Сидки. С 7-го по 16 августа иракская армия проводила массовые казни в городе Симел и ассирийских деревнях на севере Ирака. Арестованных вывозили в безлюдную местность и расстреливали. «Зачистки» проводились в 60 ассирийских деревнях. Тысячи местных жителей вынуждены были бежать в Сирию, которая находилась под властью французов. Всего в ходе карательной операции в августе 1933-го иракские военные убили три тысячи гражданских.

Следующий эпизод геноцида ассирийцев — наступление боевиков «Исламского государства» на севере Ирака в 2014-м.

10 июня иракская армия и полиция спешно покинули Мосул — около 20 тысяч человек. Как позже утверждали солдаты в интервью иракским медиа, они «получили приказ от вышестоящего командования». То же самое я слышал позже от мосульских журналистов, покинувших город и перебравшихся в другие регионы: из Багдада поступил приказ об отступлении. В Мосуле и на близлежащих военных базах были оставлены различные виды вооружений, включая тяжелую бронетехнику, артиллерию, ракетные установки и ударные вертолеты. Только одних броневиков «хамви» было брошено не менее 2300 единиц — это впоследствии признали иракские власти и их американские союзники. Город и оружие оказались во власти нескольких сотен боевиков ИГ. Тогда радикалы именовали себя «Исламское государство Ирака и Леванты». «Исламское государство» (халифат) они провозгласили именно в Мосуле — 29 июня в мечети ан-Нури.

В первых числах августа радикала выдвинулись на запад и на восток от Мосула. На западе их целью был езидский анклав Шангал, на востоке — ассирийские поселения Ниневийской равнины. Курдская пешмарга, которая обеспечивала безопасность в обоих регионах, отступила без боя. В Шангале происходили массовые убийства езидов, погибло не менее пяти тысяч человек. Тысячи женщин и детей попали в рабство. Ассирийцы успели покинуть свои города и бежали в Айнкаву, Дохук, Сулейманию и другие города Иракского Курдистана.

На Ниневийской равнине боевики ИГ не смогли захватить лишь Алькош. Местные жители, вооружившись, засели в горах над городом. С одним из командиров местных сил самообороны я потом общался — Ренан, он был снайпером. Молодой, ему, если не ошибаюсь, было меньше 25 лет, когда ИГ попыталось атаковать Алькош. С гор Ниневийская равнина просматривается как на ладони. У радикалов не было шансов приблизиться к городу без серьезных потерь. Больше двух лет линия фронта находилась километрах в 15 к западу от Алькоша.

Захваченные христианские святыни радикалы ИГ уничтожали. Причем снимали это на видео и выкладывали в Интернет. По их мнению, разрушение церквей и монастырей — часть «джихада». Монастырь Мар Элиа, построенный в 595 году, террористы сровняли с землей в сентябре 2014-го. 19 марта 2015-го они взорвали гробницу святых Бехнама и Сары, разрушили монастырь, где находилась гробница. Католический собор в Мосуле был разрушен 24 апреля 2016-го. Всего в Ираке было уничтожено, переоборудовано в тюрьмы, штабы или тренировочные центры не менее 45 церквей и монастырей.

ИГ уничтожало и памятники истории. Музей Мосула был разграблен. Древние руины Ниневии, Нимруда, Ашшура и Дур-Шаррукина взорваны. Радикалы уничтожали следы цивилизаций, которые существовали до ислама, существовали помимо ислама.

В феврале 2015-го боевики ИГ атаковали ассирийцев на северо-востоке Сирии. Вдоль реки Хабур возле городка Тель-Тамар компактно расположены около 30 ассирийских сел. Некоторые из местных жителей — потомки бежавших с плато Тур-Абдин во время геноцида 1915–1918 годов. Другие — потомки бежавших от резни 1933-го года в Ираке. Вот на этих ассирийцев и напали радикалы.

В начале марта того года я приехал в Камышлы. Меня интересовала автономия Рожавы, которую сирийские курды вместе с союзными ассирийскими и арабскими организациями провозгласили на севере Сирии. Автономия делилась тогда на три анклава (кантона): Африн, Кобани и Джазира. Камышлы являлся самым населен-

ным городом кантона Джазира. Мне удалось договориться с местными властями и съездить в Тель-Тамар, где происходили бои. Далее мой репортаж оттуда.

НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ СИРИИ

Южная окраина городка Тель-Тамар. Здание бывшей больницы. Сейчас тут позиции и казарма бойцов YPG (по-курдски звучит «ЕПГ», силы народной самообороны сирийских курдов). Вдоль стены бывшей больницы земляная насыпь высотой в человеческий рост. Боец Ахмат объясняет, что из-за насыпи лучше не высовываться: может обстрелять снайпер. За насыпью бывший ресторан — бетонный одноэтажный куб с крышей из листового железа. Крыша разодрана взрывом, по стенам выбоины от осколков. Ахмат говорит: «Мина stodвадцатимиллиметровая попала. Два дня назад». Дальше 200 метров открытого пространства — поле. За полем деревня Тель-Шамиран. В Тель-Шамиране позиции боевиков «Исламского государства». Из деревни и позади нее поднимаются шлейфы черного дыма. «Час назад по исламистам отбомбились американцы», — показывает Ахмат на дымы. «Американцами» тут называют коалицию США и их союзников, которые наносят авиабомбовые удары по ИГ.

Соседнее здание занимает «асаиш» — местный аналог полиции. Бетонные блоки, земляная насыпь со стороны Тель-Шамирана. В следующем здании — расположение ассирийских ополченцев. Всего в 50 метров от этих позиций в глубь города пекарня. У окна раздачи собрались немногочисленные неухавшие жители Тель-Тамар, десятка два человек, — получают хлеб, стопки тонких круглых лепешек. По одежде ясно — арабы.

Бои в районе Тель-Тамар начались в конце февраля. В городке на тот момент проживали до 10 тысяч человек — местные жители и беженцы. Население смешанное: арабы, курды и православные ассирийцы. Деревня Тель-Шамиран была полностью под контролем YPG. Территория «Исламского государства» начиналась в соседней деревне Тель-Насри. 23 февраля исламисты атаковали Тель-Тамар и близлежащие ассирийские села, убили и похитили порядка четырехсот местных жителей. С тех пор здесь одна из самых «горячих точек» сирийской автономии Рожавы, ее самой большой по площади и самой населенной части — кантона Джазира.

Долгое время кантона Джазира не касались активные боевые действия. Хотя ИГ еще летом 2014-го заняло территории, прилегающие к кантону. Отдельные перестрелки происходили западнее города Рас-эль-Айн на сирийско-турецкой границе, но очертания линии соприкосновения не менялись. В середине февраля исламисты атаковали деревни на юго-востоке Джазире, где проживают преимущественно православные ассирийцы. Были убиты и похищены десятки христиан. Их судьба до сих пор неизвестна. В ответ YPG, YPJ и ассирийские ополченцы повели наступление на территорию, подконтрольную радикалам. Им удалось освободить достаточно крупный по местным меркам город Тель-Хамис и окрестные деревни. Тогда радикалы нанесли удар по Джазире с другой стороны — с юго-запада, под Тель-Тамар. Город спешно покинули почти все жители. Причем, как рассказывают бойцы сил самообороны, часть из них — преимущественно ассирийцы и курды — уехала в другие районы Джазире. Часть — преимущественно арабы-сунниты — отправилась на территорию, контролируруемую ИГ.

Городок пуст. На многих столбах развешана символика YPG и YPJ. По улицам, пыля, иногда проносятся пикапы и бронетехника сил самообороны. Одинокая забытая курица неспешно прогуливается во дворе покинутого дома. Если не приглядываться к домам, не замечать отдельных выбоин от осколков и пуль, то это обычный ближневосточный городок с низкэтажной застройкой. Но он пуст. Он слишком пуст для ближневосточного городка. Магазины и мастерские, кото-

рые должны шуметь, впускать и выпускать людей, закрыты, занавешены металлическими жалюзи.

На мотоцикле проезжает один из арабов, получивший хлеб в пекарне, — его черный длиннополый халат развевается по ветру.

Бойцы сил самообороны рассказывают, что среди убитых исламистов много «китайцев». Они наглядно показывают — растягивают пальцами глаза до узких щелок. Однако русскоговорящий доктор Хасан, который работает неподалеку в госпитале Красного Полумесяца, объяснил мне, что это — узбеки, или киргизы, или казахи, а может, туркмены. Доктор Хасан учился в Молдавии, в независимой республике Молдова, он лучше разбирается в национальностях. Бойцы сил самообороны, те, с кем я общался, дальше Сирии не выезжали, их знания в этнологии весьма посредственны. «Это из Средней Азии, я извиняюсь за выражение, весь мусор сюда понаехал, — рассказывал доктор Хасан. — Вы думаете, среди террористов много сирийцев? Очень и очень мало. Незначительная часть. В основном иностранцы».

Несколько добровольцев из Европы, воюющих на стороне YPG, рассказывают, что неоднократно слышали, как исламисты переговариваются в радиозфере на английском. «Но те из убитых, кого я видел, — говорит один из иностранцев-добровольцев, — это арабы. Не сирийские. Слишком темные, кучерявые для сирийцев. Может быть, Ирак, может быть, Саудовская Аравия. Южные арабы. В любом случае курды-бойцы видели больше убитых, чем я». Иностранцы просят их не фотографировать, не спрашивать их национальность и имена. «У нас дома тоже отморозков хватает, понимаешь?» — объясняют они. Говорят, что среди исламистов очень много профессионалов, людей, понимающих, как грамотно вести боевые действия.

Как такового фронта нет. Одна деревня занята боевиками ИГ. Другая — силами самообороны. Третья может быть кем-то занята, может быть ничейная — это доложит разведка. Между деревнями пустые ровные поля, как скатерть.

Северная окраина Тель-Тамар — тыл. Сюда пригоняют танк Т-55. На башне затертые надписи. «У ДАИШ («аль-Дауля аль-Исламия фи эль-Ирак уа аль-Шам», арабская аббревиатура, обозначающая «Исламское государство») отбили», — гордо говорит боец по имени Мехмет. По его словам, у радикалов в этом районе 45–50 единиц различной бронетехники. У сил самообороны тоже есть «броня». Американский «хамви», советский МТЛБ, обвешанный толстыми листами железа бульдозер, к которому сверху приварена башня, в башне пулемет ДШК. Больше всего пикапов с установленными в кузове ДШК — «душка», как и в российской армии, называют этот пулемет курды.

Сидим с бойцами YPG возле трофейного танка и пьем чай. Они полагают, что исламисты идут в атаку, наевшись наркотиков. «Кричат „Аллах акбар“ и прут вперед, как ненормальные», — говорит Шилан. Шилан командует подразделением из 20 человек. Все ее подчиненные, кроме одной девушки, мужчины разного возраста. «Но если исламисты видят, что по ним стреляют женщины, — продолжает Шилан, — они начинают более разумно себя вести: прячутся, передвигаются перебежками. Они очень боятся быть убитыми женщинами. Ведь они же тогда в свой рай не попадут. И против женщин они более жестоко и настырно воюют, чем против мужчин. Наверное, хотят всех женщин перебить, чтобы потом спокойно умирать, воюя против мужчин».

Над нами прокатывается гул от пролетающего самолета. «Американцы». Со стороны Тель-Шамираан долбит в небо зенитная установка. В ответ со своих позиций по радикалам открывают огонь курды. Самолет улетает не отбомбившись. Стрельба замолкает. Снова затишье. «Как результативность от „американских“ бомбардировок?» — спрашиваю. «Да по-разному, — отвечает боец из подразделения Шилан. — То нормально „кладут“ по цели. Как сегодня. Выдел дым, да? То мимо, в поле „накидают“. Но вообще недостаточно. Мало бомбят. Правда, у нас

авиации вообще нет, поэтому мы рады хоть какой-то авиаподдержке». Сирийская авиация и вообще правительственная армия дислоцируется на территории Джазиры. В крупнейших ее городах Камышлы и Хасеке есть базы сирийской армии, в Камышлы — база ВВС. Однако никакой поддержки силам самообороны правительство не оказывает.

Самое хитрое и подлое оружие радикалов — это смертники в машинах, начиненных взрывчаткой. Их необходимо уничтожать на дальних расстояниях. РПГ и «душка» — главное оружие курдского и ассирийского ополчений против них.

Солнце приближается к закату. Силы самообороны стягивают свою бронетехнику с передовой в тыл. Нам тоже пора ехать. Ближайшие 25 километров автодороги в сторону административного центра Джазиры города Амуда никем не контролируются. К ней по темноте могут выйти исламисты, обойдя Тель-Тамар по полям. Через 25 километров курдско-арабские деревни, на дороге есть посты местных ополченцев. Там уже безопаснее ехать по темноте.

Напоследок Шилан говорит мне: «Слушай, этот танк, — показывает на трофейный Т-55, — уж больно старый. Мы будем не против, если Россия нам новый какой-нибудь пришлет. Ты там скажи Путину, хорошо?» Другие бойцы согласно качают головами.

Я написал этот репортаж буквально за два часа, приехав из Тель-Тамар в Амуда. В России тогда и не понимали толком, что происходит в Сирии: кто за кого, зачем, почему. Я был первым русским журналистом, съездившим в Рожаву и написавшим о ней. Через полгода, когда российская армия зашла в Сирию, чтобы помочь правительству Башара Асада, в России появилась масса «экспертов по Сирии», ни разу в этой стране не бывавших, но рассуждавших очень и очень много. Появились отдельные «эксперты» и по Рожаве. Фактуру они брали из моих материалов, правда, ссылок не делали.

Сирийские курды и их союзники оказались самым эффективным инструментом в борьбе против ИГ. После месяца непрерывных, хотя и вялотекущих боев они отогнали радикалов от Тель-Тамар (при отступлении радикалы взорвали православную церковь Девы Марии в деревне Тель-Насри) и продолжили гнать их дальше на запад и на юг. Ассирийцы, присоединившиеся к курдам (отнюдь не все присоединились к ним, часть поддерживали президента Башара Асада и действовали совместно с правительственной армией), образовали Ассирийский военный совет (АВС). АВС вместе с YPG и YPJ участвовал в самых тяжелых боях против ИГ на территории Сирии.

ЧАСТЬ 4. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Операция по освобождению Мосула и окрестностей анонсировалась правительством Иракского Курдистана и федеральным правительством в Багдаде неоднократно. В течение 2015-го несколько раз, весной 2016-го, летом 2016-го. Наконец действительно началась 16 октября 2016-го. Она стала самой медиализированной битвой с начала XXI века.

В прямом эфире несколько телеканалов показывали, как в сторону Мосула движется бронетехника, как взрываются артиллерийские снаряды и авиабомбы в его окрестностях, как улыбчивые иракские солдаты, полицейские и бойцы курдской пешмарги, показывая «V» (что у местных означает и «победа», и «свобода»), направляются в сторону передовой.

Две недели спустя иракцы и пешмарга освободили уже большую часть Ниневийской равнины. Но чем ближе они подступали к Мосулу, тем более упорной и вязкой становилась оборона радикалов. Подземные коммуникации, смертники на заминированных автомобилях («шахид-мобили»), эффективная работа снайперов — ИГ очень хорошо подготовилось к городской войне. Радикалы без особого сопротивления оставляли открытые пространства, но в городской застройке наносили существенный урон иракцам и курдам.

Спустя месяц иракские официальные лица резко сменили риторику и отказались от своих прежних обещаний «быстро и без больших потерь» освободить Мосул.

В первых числах декабря Девятая бронетанковая дивизия иракской армии попыталась с ходу отбить один из мостов через Тигр в Восточном Мосуле. Боевики позволили танкистам занять госпиталь Ас-Салам, а затем атаковали — «шахид-мобили» таранили скопления бронетехники, из тоннелей в здание врывались боевики. Среди этого хаоса американская авиация бомбила позиции иракских военных. Погибло не менее 200 правительственных солдат и офицеров, более 1000 были ранены. Выжившие отступили. За несколько часов интенсивного боя штурмовая группа перестала существовать.

19 января иракский генерал Абдул Амир Рашид Яралла сообщил, что полностью освобожден халдейский городок Тель-Кейф (ассирийское название — Тель-Кеппе) в 10 километрах к северо-востоку от Мосула. Его осада длилась почти три месяца. 23 января правительственные силы полностью отбили Восточный Мосул.

Самое сложное было впереди. Штурм Западного Мосула начался 19 февраля. Он продолжался пять месяцев. В начале марта, когда иракская армия и полиция пробивались в городские кварталы с юга, я смог увидеть штурм воочию.

Мой репортаж об этом:

ФЛАГ ИГ В ОБМЕН НА БЕРЦЫ

Пикап федеральной полиции Ирака, в котором уместилось семеро местных и иностранных журналистов, въезжает на южную окраину Западного Мосула. Этот район освобожден от боевиков ИГ около трех недель назад. Здесь полно военных и полицейских в расслабленных позах. Они сидят, откинувшись на стульях или в креслах, вытащенных из домов. Кто-то курит кальян, другие пьют чай. Гражданские пытаются налаживать свою обычную жизнь. Уже открылось несколько магазинчиков.

До линии фронта по прямой около двух километров. То и дело слышны разрывы снарядов, взрывы выпущенных вертолетами ракет. Поднимаются черные густые шлейфы дыма из районов, пока еще не освобожденных. На военных и гражданских это не производит совершенно никакого впечатления. Только у тех из журналистов, кто в первый раз приехал в Западный Мосул, лица становятся напряженнее. В остальном — рутина войны против ИГ. Снайперы и «шахид-мобили» радикалов за два километра отсюда, ты отделен от них плотной застройкой, узкими улицами и многочисленными постами правительственных сил — короче, они не вызывают опасений.

* * *

Разрушения, да, есть. Но они не выглядят настолько тотальными, как кажется, когда смотришь телевизионные сюжеты и фоторепортажи из Западного Мосула. Разумеется, журналисты намеренно делают акцент на разрушениях, и совсем незаметным остается огромное количество совершенно не тронутых боевыми действиями домов и зданий. Западный Мосул не похож на Грозный 1995-го. Есть от-

дельные дома с поврежденными крышами или стенами. Совсем немногие руинированы полностью. Разрушения в этой части города сопоставимы с разрушениями в Луганске летом 2014-го, когда его осаждала украинская армия.

Нынешняя тактика уличных боев иракских сил довольно проста — она копирует тактику американской и израильской армий. Наземные штурмовые группы двигаются вперед, проверяя по ходу дела здания, как только по ним открывает огонь противник, они останавливаются и закрепляются на позициях. Огневые точки боевиков начинает обрабатывать авиация, ударные вертолеты и штурмовики США и иракских ВВС, работает артиллерия, подъезжают броневики «хамви» и открывают интенсивный огонь из крупнокалиберных пулеметов. Гораздо реже используются танки — в Мосуле большинство улиц очень узкие, это затрудняет их использование и делает их достаточно легкими мишенями для боевиков ИГ. Когда огневые точки противника подавлены, продолжается движение дальше.

Однако боевики уже придумали свои контрмеры. Им удается сдерживать движение правительственных подразделений усилиями буквально 3—5 человек в течение часов, а то и целого дня. 2—3 снайпера обстреливают штурмовые группы. Меняют позиции, как только по ним открывают огонь авиация и артиллерия. Штурмовые группы начинают двигаться вперед и снова оказываются под обстрелом — они вынуждены остановиться. Боевики перемещаются от дома к дому через проломы в стенах. Заметить их с воздуха чрезвычайно трудно. Использование «шахид-мобилей» вызывает замешательство среди иракцев на час, иногда больше. Взрывы пары «шахид-мобилей» с разницей в час приведут к длительной заминке в наступлении.

Боевики, кстати, в недавнее время усовершенствовали конструкцию «шахид-мобилей» — теперь они закрываются снаружи, а не изнутри. У водителя-смертника не остается выбора — только двигаться к цели и взрываться, выскочить из машины он уже не может. Есть и другое усовершенствование. Чтобы свободно перемещаться по улицам, они теперь натягивают между крышами домов полотно. Эффективность авиаразведки сразу уменьшается в разы. Еще одно новшество — трупы своих убитых боевики стараются сжечь либо обезобразить их лица, чтобы невозможно было идентифицировать. Я сам видел четыре подобных трупа во дворах домов. Несмотря на то, что погибли те радикалы во время стрелкового боя, головы их были обгоревшими до костей, походили на черные головешки. Однако никаких следов ожогов на телах и одежде не было.

* * *

Как только журналисты выгружаются из пикапа, чтобы направиться в сторону передовой, полковник федеральной полиции, ответственный за работу СМИ в Мосуле, напоминает: «Никаких фотографий и интервью, если встретите военнослужащих США». Ограничений на фотографии и интервью с иракскими военными и полицейскими нет. С представителями каких-либо других стран — тоже. Хотя есть ли эти самые «представители других стран» в районе передовой — только слухи. Главным образом в наземных операциях против боевиков ИГ в Мосуле задействованы иракцы и американцы. К отдельным операциям привлекаются спецподразделения вооруженных сил Иракского Курдистана. Выполнив определенную задачу, курды возвращаются на свою базу, на передовой они не остаются.

Проворные иракские военные наладили свои дела с американцами. У тех можно добыть дефицитные для армии Ирака вещи. Например, новые отличного качества берцы. Сержант Ала — англоговорящий, поэтому ему доводится быть посредником в подобных делах. «Я приехал в Мосул с пустым рюкзаком. Теперь, смотри, у меня уже две сумки разных вещей. Все — американское», — с гордостью делится он своими бартерными успехами. Иракцы могут купить для солдат США то, что тем необходимо на базарах или на «черном рынке». Дальше уже идет торг — сколько американцы готовы заплатить или что обменять на нужные

вещи. «За один флаг ИГ я получил с одного американца две пары новых берц, аптечку и вот, — Ала показывает старенький ноутбук „Aser“. — Только не могу понять, по-моему, он не работает». Позже выясняется, что ноутбук действительно не работает и иракский сержант решает в следующий раз вернуть его американцу и получить что-нибудь еще из снаряжения.

В середине марта я уехал из Ирака. Освобождение города продолжалось в том же темпе, какой я описал в статье. Наконец в июне армия и полиция приступили к штурму Старого города. Старый город — это средневековая ближневосточная застройка: узкие проходы между домами, куда не протиснется бронетехника, улочки извиваются подобно лабиринтам, глухие, без окон, стены. Вот там уровень разрушений был не меньше, чем в Сталинграде. Артиллерия и авиация просто сносили Старый город.

10 июля премьер-министр Ирака Хайдер аль-Абади объявил о полном освобождении Западного Мосула. Правда, бои в Старом городе продолжались еще неделю. В августе и сентябре иракским военным удалось поймать боевиков ИГ, которые скрывались в старинных городских катакомбах. В сентябре была ликвидирована группа боевиков, которая пряталась в болотистой местности неподалеку от Мосула.

В конце сентября я снова приехал в Ирак. Как написал выше, моей целью были ассирийцы и референдум в Иракском Курдистане.

В первых числах октября я поехал в город Бахдида, находившийся в той части Ниневийской равнины, которую контролировало федеральное багдадское правительство.

ИРАКСКИЕ ХРИСТИАНЕ: ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Город трех названий — Бахдида, Каракош, Хамдания. Он считается главным центром иракских христиан. Во время оккупации ИГ местные церкви использовались боевиками в качестве тренировочных центров. В монастырях устраивались оборонительные позиции. Не осталось ни одного дома, который не пострадал бы в той или иной степени от радикалов. Полгода назад город был пуст. В нем находились лишь несколько военных и полицейских постов.

* * *

Православный монастырь Мар Юханна Макртая на окраине города Бахдида боевики «Исламского государства» использовали в качестве своей базы. Под холмом, на котором находились самые старые, VII века, постройки монастыря (их боевики уничтожили, как многие захваченные христианские святыни), были выкопаны тоннели. Тоннели вели к выходам на наблюдательные посты и огневые позиции. Сегодня огневые позиции разрушены. Иракская армия штурмовала Бахдида во второй половине октября 2016 года — в самом начале операции по освобождению Мосула.

Тем не менее и сегодня в тоннелях в комнатах, где прятались террористы, можно увидеть матрасы и различные предметы быта, которыми они пользовались. Подземные коммуникации, выкопанные радикалами, тянутся на четыре километра вокруг города. Входы в них теперь охраняет ассирийское ополчение «Части защиты Ниневийской равнины» (ополченцы пользуются английской аббревиатурой NPU, Nineveh plain protection units, для обозначения своего формирования).

Кроме Бахдиды, NPU обеспечивает безопасность в близлежащем городке Карамлес, где проживают преимущественно ассирийцы, принадлежащие к Халдейской католической церкви, и городе Бартелла в 10 километрах к востоку от Мосула, там большинство населения также составляют христиане — православные и католики ассирийцы.

ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ СНОВА ЗАРАБОТАЛИ ШКОЛЫ

Бахдида — ассирийское название города. У него есть еще два названия: арабское Хамдания и турецкое Каракеш. После того как Ниневийская равнина стала частью Османской империи, у Бахидиды появилось турецкое название. В 1970-е годы власти Ирака, проводя политику принудительной арабизации, переименовали город в честь арабского племени Бану Хамдан, которое правил в Мосуле в средневековье. И сегодня, чтобы объяснить таксисту туркоману или курду, куда вам надо, то лучше использовать название Каракеш, а с арабским водителем — Хамдания.

Бахдида — один из старейших населенных пунктов на Ниневийской равнине, где некогда существовало Ассирийское царство. В Библии она упоминается под названием Ресен. В первой книге Моисея в главе 10 есть стих: «И Ресен между Ниневию и между Калахом; это город великий». До лета 2014-го «город великий» населяло около 60 тысяч жителей.

Большинство из них — прихожане Сирийской католической церкви. Вторая по численности община — последователи Сирийской православной церкви. Эта община значительно уменьшилась после американской оккупации Ирака в 2003 году — когда начались преследования христиан фанатиками-исламистами. До оккупации православные ассирийцы составляли 30 процентов горожан.

НПУ взяло на себя функции по обеспечению безопасности ассирийского населения Ниневийской равнины с октября 2016 года, когда завершилось освобождение равнины от боевиков ИГ. Структурно оно входит в состав иракской армии — зарплату ополченцам выплачивает багдадское правительство. Действует оно лишь в той части равнины, которая контролируется федеральным правительством Ирака. Почти половина региона находится под властью автономии Иракский Курдистан. Курды не позволяют НПУ дислоцироваться на своей территории.

Командует ассирийским ополчением полковник иракской армии Джуад Хабиб. Пожилой, аскетичный человек с очень печальными глазами. Фактически, кроме военной власти в Бахдиде, ему принадлежит и роль главы гражданской администрации. Хотя формально гражданская администрация существует, возвратившиеся в город жители приходят с просьбами и нуждами именно к Хабибу.

«До захвата Бахидиды в августе 2014-го здесь проживало около восьми тысяч семей. Некоторые из них — беженцы-христиане из других регионов Ирака, которым пришлось покинуть дома из-за угроз исламских радикалов. Жители начали возвращаться в Бахдиду в июне этого года, когда военная операция в Мосуле почти закончилась, — рассказывает полковник Хабиб. — Сегодня в Бахдиде проживает 2800 семей. Их дома мы уже смогли обеспечить централизованным электро- и водоснабжением. Наша главная задача сейчас — возобновить работу школ. Для многих жителей, которые еще не вернулись, важным стимулом для возвращения является то, что они смогут отдавать здесь детей в школы».

До оккупации боевиками ИГ Бахдида являлась очень богатым городом. Даже если просто прогуляться по городу, осмотреть его дома и здания, то становится ясно, что жители были весьма состоятельными по иракским меркам. Большие двух- и трехэтажные частные дома (одноэтажных почти нет), многоэтажные торговые центры и ночные клубы, новые церкви в модном нынче в Европе стиле русского конструктивизма. Почти каждая семья имела собственный магазин. Именно в Бахдиду до лета 2014-го, до прихода ИГ, приезжали арабы и курды из Мосула, чтобы покупать алкоголь и посещать ночные клубы. Арабы и теперь приезжают за алкоголем, но им запрещено оставаться после восьми часов вечера. Таковы требования НПУ в целях обеспечения безопасности.

В целом в городе постепенно восстанавливается торговая деятельность. Уже работают несколько десятков продуктовых магазинов. Центральный базар, хотя и уступает своим масштабам тому, каким он был до лета 2014-го, уже действует.

Для любого ближневосточного города — это один из важнейших показателей. Базар — живое сердце любого населенного пункта на Ближнем Востоке. Если оно бьется бесперебойно, значит, вокруг него будут жители, будет постепенное процветание.

«Все дома были разграблены боевиками ИГ, — рассказывает местный житель 27-летний Давид. — Ни одного не уцелело. Что террористы не смогли утащить, то сожгли». Действительно дома, в которые жители еще не вернулись, в копоти. В комнатах и хозяйственных постройках пепелища от сожженных вещей. По словам полковника Хабиба, в городе полностью разрушены 128 зданий. 2400 повреждены в той или иной мере и нуждаются в ремонте.

Постоянно слышатся хруст разбитого стекла и чирканье по бетону лопат из домов, где недавно вновь появились обитатели. Жители наводят порядок. Коммунальные службы уже работают, но не успевают вовремя убирать многочисленные кучи оставшегося после оккупации ИГ мусора. Кучи скапливаются на тротуарах. «Ничего страшного, — комментирует Давид. — Это признак того, что жизнь восстанавливается. Постепенно, шаг за шагом, мусор будет весь убран, а на улицах по вечерам будет полно освещения и людей. Как раньше — до ИГ».

РАССТРЕЛЯННЫЕ БОГОМАТЕРИ

Церкви, так как они являются самыми пышными и большими зданиями в городе, боевики использовали для размещения своих штабов и учреждений. В сирокатолической церкви Непорочности, одной из старейших в городе, размещался тренировочный центр. До сих пор на стенах остаются надписи на арабском с лозунгами ИГ и нарисованные от руки флаги террористической организации.

Христианские изображения боевики использовали в качестве мишеней для стрельбы. В стенах церкви застрявшие пули разного калибра. У статуи Богородицы отстрелена голова. Самая большая икона с изображением Богородицы тоже расстреляна. Колокольня взорвана, кресты с куполов сбиты. Это был принципиальный момент для боевиков: свергнуть с куполов и крыш все кресты и взорвать колокольни.

Мажид Петрос 30 лет следил за порядком и чистотой в церкви Непорочности. Теперь он завешивает ковриками с изображением Христа или Богородицы расстрелянные стены. Пока он наводит порядок — священник еще не вернулся. Иногда приходит его сосед, чтобы помочь. «Службы пока у нас тут нет, но ничего — будет. Наведем порядок, и люди будут у нас снова молиться. Главное — город освободили от террористов, МашАлла», — говорит Маждид. Жители России привыкли, что выражения вроде «ИншАлла», «МашАлла», «о, Алла» относятся исключительно к исламу. Однако на Ближнем Востоке имя Бога и у мусульман, и у христиан одно и то же — Аллах. Поэтому выражениями вроде «ИншАлла» (Дай Бог), «МашАлла» (Слава Богу) пользуются и те, и другие.

Церковь Мар Бехнам и Сара была построена в 2008 году. Изящное здание, вмещавшее несколько сотен прихожан. Ее колокольню радикалы разрушили направленным взрывом, чтобы не повредить само здание и окружающий каменный забор. Внутри церкви боевики использовали для обогрева печи собора (типичные для Ближнего Востока печи, отапливаемые бензином). Из-за этого потолок и стены в толстом слое копоти. Кресты и изображения святых в пулевых отметинах. Постройку, в которой располагалась церковная лавка, боевики использовали для содержания животных. В бывшей лавке, хотя ополченцы NPU ее отмыли, до сих пор не выветрился запах хлева.

Тем не менее с июня пять сирокатолических церквей были восстановлены и очищены. Сейчас там возобновились утренние и вечерние службы. В церкви Мар Жина на вечернюю службу собираются десятки прихожан. Преимущественно женщины. Настоятель церкви отец Юханна говорит в своих проповедях в основном о том, как преодолевать душевные и материальные утраты, старается зарядить лю-

дей энтузиазмом. Проповедь проходит в форме вопросов прихожан и ответов настоятеля. Своеобразный сеанс коллективной психотерапии.

А вот двери православного собора Мар Гиваргис по-прежнему закрыты. В город вернулось не более 15 православных семей. Православные в Бахдиде были среди самых состоятельных. Те из них, кто не уехал в Европу, Австралию или США с 2003-го до оккупации ИГ, решились на эмиграцию после прихода ИГ. Финансовые возможности у них для этого есть.

«СВАДЬБЫ ИГРАЮТ – ЗНАЧИТ, ЖИЗНЬ ВОССТАНАВЛИВАЕТСЯ»

Вечером в воскресенье по улицам, где снова горят огни, но еще лежат в руинах отдельные здания и церкви, сигнала и мигая фарами, едут семь внедорожников. Это отмечают очередное венчание в Бахдиде. Жених Сарман и его невеста Идель познакомились, когда в городе еще властвовали террористы. Сарман жил тогда в Айнкаве, христианском пригороде Эрбиля, столицы Иракского Курдистана. Идель – родом из Алькоша, ассирийского города на Ниневийской равнине, который ИГ не смогло захватить.

«У нас тут скромно. Венчание празднуем вообще не в моем доме, а в доме моего родственника, – рассказывает отец жениха Гиваргис. – Мой дом сожгли. Его еще надо восстанавливать. Но стены целы, крыша цела – восстановим».

До захвата города боевики, уже занявшие Мосул, звонили Гиваргису и предлагали ему безопасность, если он заплатит «джизию» – налог для немусульман. Он с семьей успел покинуть Бахдиду за семь часов до прихода боевиков.

История о том, как крупнейший христианский город Ирака попал под власть ИГ, во многом похожа на историю падения Мосула. Мосул, по до сих пор неизвестным официально причинам, был покинут иракской армией и полицией в считанные часы. Жителей города о своей эвакуации военные не проинформировали.

С тех пор как американцы вошли в Ирак в 2003-м, безопасность в Бахдиде обеспечивали курдские военизированные формирования пешмарга. По неизвестным причинам в 10 часов вечера 5 августа 2014-го пешмарга оперативно покинула город. Но так как Бахдиде все-таки значительно меньше по масштабам, чем Мосул, жители быстро узнали, что остались без защиты. Начался спешный исход в сторону Эрбиля. Многие поселились впоследствии у родственников или друзей в Айнкаве. Другие покинули Ирак, чтобы больше не возвращаться.

«Я никуда отсюда не хочу уезжать, – говорит Гиваргис. – Это наша, ассирийская, земля. Я хочу, чтобы мои дети и внуки тоже здесь жили. Уедем отсюда и будем вечными чужаками где-то далеко. Зачем это нужно? После того как в Бахдиду начали возвращаться жители, здесь было сыграно не меньше десяти свадеб. Раз свадьбы играют – значит, жизнь восстанавливается». После некоторой паузы он добавляет: «Все будет хорошо у нас, ИншАлла».

ТОЛЬКО МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ СПАСЕТ АССИРИЙЦЕВ

Из Бахдиды в сторону Эрбиля я уезжал на попутке. Дело случая – кто подберет. Подобрал уроженец Бахдиды Имад, который получил гражданство США 20 лет назад. «В США я работаю, там родились и живут мои дети. В Бахдиде у меня родители жили до прихода ИГ. Сейчас снова сюда вернулись около месяца назад», – рассказывает Имад, пока мы едем мимо контрольно-пропускных пунктов иракского шиитского ополчения «Хашд аш-Шааби», курдской пешмарга, мимо до сих пор разрушенных и необитаемых деревень Ниневийской равнины.

Имад был в городе 5 августа 2014 года. Он с родителями покинул город в 2:40 ночи 6 августа. Спустя полтора часа на опустевшие улицы въехали несколько внедорожников с боевиками ИГ. «Мой сосед решил остаться. У него было стадо в 15 коров. Он не захотел его бросать. Боевики отрубили ему голову», – говорит Имад. В городе осталось еще несколько человек – очень пожилые люди, у кото-

рых не оказалось рядом родственников, которые могли бы их вывезти. «На соседней улице жили две сестры — им за 60 лет. Их, кстати, боевики не тронули. Вообще ничего им не сделали, даже не заставили религию сменить. Сначала многие радикалы из ИГ приезжали в Бахдиду из Мосула просто пограбить наши дома. Потом решили уже, что надо оборудовать в городе свои базы и тренировочные центры», — пересказывает американский ассириец истории редких очевидцев.

«Как думаете, есть у ассирийцев шансы на будущее здесь, в Ираке?» — спрашиваю его. Он на меня долго и пристально смотрит, как будто я спросил какую-то глупость. «Какие шансы? Этот бардак в Ираке никогда не закончится, — отвечает Имад. — Мои дети, например, ненавидят Ирак. Я их звал несколько раз навестить дом предков, увидеться с бабушкой и дедушкой. Но они боятся этой страны, боятся ее людей. Они ни одного слова не знают ни по-ассирийски, ни по-арабски. Для них родной язык уже — английский. Ассирийцев да и другие меньшинства Ирака спасло бы создание автономий под контролем ООН, европейских стран, США. Только международный контроль над нашими городами и селами спасет ассирийцев. Но это невозможно. Ни курды, ни арабы на такое решение не согласятся».

На контрольно-пропускных пунктах Имад даже не показывает документы. Он говорит, что христианин и едет из Хамдании (Каракоса) в Эрбиль. Этого достаточно — военные показывают жестами, чтобы ехал дальше.

Порассуждав на тему будущего ассирийцев, водитель вдруг говорит поразительную фразу. Поразительную потому, что ее говорит гражданин США. «При Саддаме было спокойно. Никто тебя не трогал за твою веру. Никаких взрывов, террористических атак, никаких исламских радикалов. Жаль, что Саддама свергли», — говорит гражданин страны, которая в 2003 году свергла режим Саддама Хусейна.

ЧАСТЬ 5. РЕФЕРЕНДУМ

Курды — самый многочисленный народ в мире, не имеющий собственного государства. Численность их составляет, по разным оценкам, от 20 до 40 миллионов человек. Они проживают в областях на стыке границ Турции, Ирака, Ирана и Сирии. Ближе всех к созданию независимого государства подошли иракские курды — после американского вторжения 2003-го.

Вооруженные формирования пешмарга иракских курдов являлись главными союзниками армии США по ходу свержения режима Саддама Хусейна. Курды сами и совместно с американскими подразделениями очистили от войск Саддама весь север страны. Именно тогда под власть пешмарги попали районы, где компактно проживают ассирийцы, езиды и туркмены. Они не относились к автономии Иракский Курдистан, которую признавал режим Саддама Хусейна.

На первых порах меньшинства приветствовали приход курдов. Но скоро им пришлось столкнуться с их национализмом. Особенно яростными националистами являлись члены «Демократической партии Курдистана» (ДПК). Ее возглавлял Масуд Барзани. В 2005-м его выбрали президентом автономии Иракский Курдистан.

Сама автономия оказалась поделена между двумя влиятельными кланами. Северная половина (провинции Дохук, Эрбиль, районы Ниневийской равнины, населенные ассирийцами и езидами, и езидский анклав Шангал возле сирийской границы) оказались под контролем клана Барзани. Южная половина (провинции Сулеймания и Халабджа) — под кланом Талабани и его «Патриотический союз Курдистана».

Столицей автономии был признан Эрбиль, поэтому правительство формировалось в основном из членов клана Барзани и их сторонников. Клан Талабани полу-

чил право представлять интересы региона в федеральных органах власти: они заполняли квоту на курдов в парламенте и правительстве страны.

У каждого клана — своя пешмарга, подчиняющаяся исключительно его приказам. На границах между зонами влияния — контрольно-пропускные пункты.

Клан Талабани больше ориентировался на дружбу с Ираном и Россией. Барзани — на Турцию и США. Клань между собой враждовали. Иногда доходило до вооруженных столкновений.

В Сулеймании порядки были более светские и более терпимые к некурдскому населению. Масуд Барзани копировал турецкого президента Реджепа Эрдогана: строил националистический исламский режим. Правда, в отличие от Турции Эрдогана в регионах под властью ДПК коррупция просто зашкаливала. Через 10 лет после освобождения от Саддама рядовые курды в приватной беседе признавались, что «такого бардака Саддам не допустил бы».

Иракский Курдистан за 10 лет сформировал полноценный государственный аппарат, самостоятельно занимался экспортом нефти (ДПК вывозила нефть в Турцию, ПСК — в Иран), создал свои органы безопасности и вооруженные силы, выдавал свои визы. По сути, единственное, что его связывало с остальным Ираком — общие паспорта и общие деньги, иракские динары.

Чтобы провозгласить себя независимым государством, необходимо было договориться кланам Барзани и Талабани, а затем убедить соседей, что независимый Курдистан им будет выгоднее, чем единый федеральный Ирак.

Летом 2014-го иракская армия и полиция вслед за Мосулом без боя оставили Киркук. К городу приближались отряды ИГ. Киркук и близлежащие нефтяные месторождения оперативно успела занять пешмарга. Подошедших радикалов ИГ отогнали. После чего экспорт курдской нефти вырос на 40 процентов.

Весной 2017-го после длительных переговоров между ДПК и ПСК Масуд Барзани объявил, что 25 сентября пройдет референдум о независимости Иракского Курдистана. Иракская армия в это время увязла в битве за Мосул, несла большие потери. Чиновники из Багдада сделали гневный окрик вроде «чего надумали, какая независимость, надо ИГ добивать». А что еще они могли сделать? Силового ресурса у них не имелось.

Иракский Курдистан готовился к голосованию, попутно пытаясь убедить соседей и, особенно, США, чтобы они поддержали создание курдского государства. Не убедили. В день голосования курды оказались одни перед избирательными урнами. За их спинами не стояли другие нации. К тому же иракская армия завершила операцию в Мосуле — у Багдада появился кулак, чтобы погрозить или дать подзатыльник.

Мой репортаж, о том, как отнеслись к референдуму этноконфессиональные меньшинства автономии, назывался

КУРДСКИЙ РЕФЕРЕНДУМ: НЕЗАВИСИМОСТЬ БЕЗ НЕЗАВИСИМОСТИ

Прошедший 25 сентября референдум о независимости автономного региона Иракского Курдистана не принес никаких сюрпризов. Ситуация выглядела вполне предсказуемо: курды проголосовали за создание своего государства, их осудило федеральное иракское правительство в Багдаде и соседи Иран, Турция и Сирия (потому что у них тоже живут значительные курдские общины). Однако, несмотря на гневную риторику, ни Турция, ни Иран никаких вооруженных действий против иракских курдов не предприняли. Потому что с автономным регионом их связывают взаимные экономические интересы: курды активно вывозят нефть, а взамен получают иранские и турецкие продукты. За общим медийным фоном референ-

дума остались почти незаметны те жители Иракского Курдистана, которые не хотят жить в независимом курдском государстве.

В преддверии референдума Иракский Курдистан накрыло «цунами флагов». Никогда еще в автономии не было такого количества курдских красно-бело-зеленых с желтыми солнцами знамен. Магазины, школы, местные администрации, автомобили, велосипеды, рюкзаки — все, к чему можно прикрепить ткань или флажок, попали под это «цунами». На втором месте по популярности оказались плакаты с цифрами 25—9 (25 сентября, дата референдума). В целом в подавляющем большинстве районов автономного региона царило приподнятое настроение. Такого воодушевления среди местных жителей не было даже в период, когда происходило освобождение Мосула и его окрестностей от боевиков «Исламского государства» в конце 2016-го — в первой половине 2017 года.

«Это наш шанс. — говорил мне 23-летний житель провинции Дохук по имени Нарчиван. — Мы должны получить независимость. Жить дальше с арабами невыносимо. Они нас предали». Нарчиван не один такой — среди иракских курдов преобладает мнение, что референдум их против в первую очередь, а не за. Против существования в одном государстве с арабами, главным образом. Создание собственного национального государства — на втором месте. Конечно, в официальных заявлениях первых лиц Иракского Курдистана этого не услышишь. Они чаще говорят об «исторической несправедливости в отношении курдов», о «противоречиях с федеральным правительством» и «праве на самоопределение в соответствии с конституцией».

«Когда был Саддам Хусейн, арабы нас притесняли. В Халабдже в 1988 году бомбили нас даже химическим оружием. Когда появился ДАИШ, арабы-сунниты его поддержали. ДАИШ убивал курдов, убивал езидов. Кого арабы не убили, тех выгнали из собственных домов в Мосуле и в окрестностях Мосула. До 2014 года большинство жителей восточной части Мосула, например, были курдами. После такого жить дальше с арабами невозможно», — таков вкратце перечень претензий курдов к арабам в изложении жителя Эрбиля Лукмана Менмуста. Ему 27 лет, женат, воспитывает двухлетнюю дочь. Показывает на телефоне фотографии жены и дочери — у них в руках флаги автономии. В день референдума Лукман прислал мне фотографию: он с семьей на участке для голосования — у всех троих курдские флажки.

МЫ — ИРАКЦЫ

«Цунами флагов» разбилось о христианский городок Алькош. Лишь слегка «окропило» его: там флаги Иракского Курдистана присутствовали только над частью, где дислоцированы бойцы курдского военного формирования пешмарга, и зданием местной администрации.

Алькош походил на суровый неприступный остров в море приближавшегося референдума о независимости. Местные жители не устраивали митингов и демонстраций против референдума, но и не выказывали никакой поддержки ему. Молчаливое сопротивление, крепко сцепив зубы.

Население Алькоша состоит исключительно из ассирийцев, принадлежащих к Халдейской католической церкви. Над городком, крепко вмурованный в серый склон горы, расположен старинный монастырь Раббан Хормизд. Сам основатель монастыря — Раббан Хормизд — является одним из самых почитаемых святых для халдеев. А монастырь, основанный им, один из старейших на Ближнем Востоке. Сегодня монахи в нем не живут, хотя в лучшие времена его населяли 1200 монахов.

Охраняют монастырь служащие иракской федеральной полиции. Один из полицейских, Ильхаб Малан, сносно говорящий на английском, устраивает мне и фотографу из России экскурсию. Его коллеги охраняют въезд на склон к монастырю. Сам Ильхаб занимается охраной непосредственно монастырских помещений.

«Я тут большей частью времени один. Туристов мало, посетителей мало. Редко кто сюда заезжает. Служба в монастыре, как правило, лишь один раз в год — в день памяти Раббана Хормизда. Тогда сюда съезжаются халдеи не только из Ирака, со всего мира. Я тут хозяйством занимаюсь, чищу, мою, размышляю. Почти как монах», — делится Ильхаб тонкостями своей службы.

В прошлые века монастырь много раз разграблялся шайками курдских разбойников. Последние подобные нападения относятся к середине XIX века, но о них по-прежнему помнят. Вообще у ассирийцев довольно хорошо сохранилась память о притеснениях, которые им приходилось испытывать от курдов.

«Мы помним, как наши предки страдали здесь за свою веру сто лет назад», — говорит другой житель Алькоша Ренан. Он не упоминает конкретно курдов, но тем, кто знает исторический контекст, понятно. Жители халдейского городка не говорят прямо незнакомому иностранному журналисту, что они против референдума. Но они и не проявляют такого воодушевления, как курды.

Курды, говоря о своей автономии, употребляют: у нас в Курдистане, мы — курды, наше государство — Курдистан. Жители Алькоша употребляют совершенно другой набор: мы — иракцы, у нас в Ираке.

«Вообще-то наш город является спорной территорией, — рассуждает Ильхаб, пока мы ходим из пещеры в пещеру, которые вырубали в горе монахи монастыря Раббан Хормизд. — Алькош находится на самой восточной окраине Ниневийской равнины. Ниневийская равнина — христианская территория. Тут во времена до свержения Саддама жили в основном ассирийцы — католики и православные. Потом началась нестабильность, многие уехали. Курдские районы от нас отделены горами». С точки зрения Багдада Алькош относится к провинции Ниневия. С точки зрения правительства Иракского Курдистана — это часть провинции Дохук, которая входит в состав автономии.

Правопорядок в городке охраняют одновременно и курдская пешмарга, и федеральная полиция. Столкновений между ними не происходит. И там, и там служащими являются исключительно местные уроженцы. Из-за слабости федерального правительства администрацию в городе навязывает Эрбиль. В буквальном смысле — навязывает. В июле этого года, после назначения даты референдума, по решению правительства Иракского Курдистана был снят со своего поста мэр, которого ранее выбрали местные жители. На его место была назначена активистка из «Демократической партии Курдистана». Местные жители несколько раз собирали митинги против ее назначения. Но федеральное правительство никакой реальной помощи алькошцам не оказало, а самим жителям, чтобы дальше отстаивать свои права, надо было переходить к более радикальным действиям — это могло довести до кровопролитий. Сегодня административная власть в Алькоше принадлежит ДПК.

ГОЛОСА ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

Этнорелигиозные меньшинства не составляют очень весомой доли среди населения Иракского Курдистана. Кроме ассирийцев, в автономии живут арабы, туркмены, курдоговорящие шабаки, какаи и езиды. Сколько всего сейчас жителей в автономии, достоверно неизвестно. Во-первых, в составе автономии в 2014-м и в ходе операции по освобождению Мосула осенью 2016-го оказались ряд районов, которые относятся к другим регионам Ирака. Во-вторых, количественно и этнически состав населения претерпел изменения за счет беженцев из арабских областей: курдов, христиан, представителей других меньшинств, чьи города и села попали под контроль ИГ в 2014 году.

Официально правительство автономии оценивает численность своего населения в 5,2 миллиона граждан. Подавляющее большинство — курды, исповедующие

суннизм. Они-то больше всего и ратуют за «отделение от арабов». Ассирийцы насчитывают порядка 200 тысяч человек. Не менее 250 тысяч человек община езидов.

Курды считают езидов частью своего народа, хотя сами езиды позиционируют себя в качестве отдельного этноса (говорят они на курдском языке, но их религия не относится к исламу и является самостоятельной). Главная езидская святыня — храмовый комплекс Лалеш — находится в глубине горной местности Иракского Курдистана. Рядом город Шейхан, который до свержения Саддама Хусейна населяли преимущественно езиды. Сегодня они составляют чуть ли не меньшинство (точных оценок нет). Не меньше половины жителей, по их собственным словам, составляют переселившиеся курды-сунниты. Шейхан, как и большинство населенных пунктов автономии, обильно драпирован национальными флагами и плакатами с призывами участвовать в референдуме и голосовать за независимость.

Езиды еще более осторожны, чем христиане. Они дежурно отвечают, что «да, надо голосовать за независимость». От их ответов складывается впечатление, что они хотят, чтобы от них поскорее отвязались. Нет того эмоционального надрыва, желания порассуждать, почему именно нужна независимость и как ее использовать, как у курдов.

Пожилой езид Сами живет не в самом Шейхане, а в близлежащей деревне. Он тоже дежурно сообщает про необходимость голосовать за независимость. Но ему, видимо, очень хочется выговориться. Поэтому он продолжает: «Вообще, конечно, при Саддаме такого бардака не было. Ну и что, что у нас при нем не было мобильных телефонов. Зато друг друга не резали и не убивали. Я мог хоть на обочине дороги лечь спать, и меня бы не ограбили и не убили. Сейчас, если ты курд, лучше не появляйся в арабском районе Ирака, если араб, лучше не суйся к курдам. Нам, езидам, вообще лучше никуда не лезть. Курды говорят, что мы свои, но не уважают наших верований. Считают людьми второго сорта».

Более откровенны езиды, живущие за границей. Например, живущий в России езид Рустам Рзгоян, редактирующий одно из русскоязычных изданий этого меньшинства, говорит, что его единоверцы в Иракском Курдистане просто запуганы. «В августе 2014-го геноцид езидов на севере Ирака произошел по вине пешмарга ДПК. Они уверяли, что никогда не бросят езидов, будут надежно обеспечивать их безопасность. Однако в начале августа пешмарга тихо и незаметно покинула Шангал, и туда зашли боевики «Исламского государства». Боевики убили тысячи езидов, тысячи попали в рабство к исламистам, сотни тысяч стали беженцами. Езиды загнаны и забиты, разрозненны, нет сильных лидеров. Они не поддерживают референдум в Ираке, потому что курды к ним относятся еще хуже, чем арабы. Но боятся об этом открыто заявлять, боясь гонений», — уверен Рзгоян.

Схожая история с туркменами — они населяют треть кварталов в Киркуке. За них против референдума высказываются турецкие власти. Турки и туркмены, живущие в Ираке, по сути, являются одним этносом.

Права арабского населения, оказавшегося на территории автономии, заявившей о желании стать независимым государством, пытается защищать Багдад и страны Лиги арабских государств. Но их усилия не идут дальше заявлений.

Превалирующая позиция меньшинств внутри Иракского Курдистана — их устраивает формат Федеральной Республики Ирак. Что касается ассирийцев и езидов, они бы хотели получить свои автономии внутри Ирака. И те и другие ссылаются на 140-ю статью государственной конституции, которая дает право меньшинствам на создание таких территориально-административных образований. Но кажется, их совершенно не слышат ни президент Иракского Курдистана Масуд Барзани, ни его правительство. Активно выступая за право курдов на самоопределение, правительство автономии напрочь игнорирует право на самоопределение своих некурдских сограждан.

Всего я написал три репортажа о референдуме: подготовка, день голосования и вот этот, суммирующий настроения местных жителей и поведение властей Иракского Курдистана. Благодаря им я с лихвой отбил затраты на поездку в Ирак.

Никто из курдов, с кем я общался на избирательных участках 25 сентября, не верил, что сразу после оглашения результатов референдума Барзани объявит независимость. Голосование воспринимали как первый шаг к тому, чтобы в скором времени договориться с мировым сообществом о создании независимого Курдистана. В наше время мало объявить себя независимым, надо чтобы твой суверенитет признали «ведущие мировые державы». И вот с признанием у Барзани были серьезные проблемы. Это создавало условия для жесткой реакции со стороны Багдада.

ЧАСТЬ 6. НАДЕЖДА

Представители России, США, Турции и Ирана выступили за сохранение территориальной целостности Федеральной Республики Ирак. Представители Израиля, включая премьер-министра Беньямина Нетаньяху, заявляли, что курды имеют право на собственное государство, заслужили его. Но что такое Израиль на Ближнем Востоке? Лучше бы израильтяне вообще промолчали, а то лишь разозлили курдских соседей.

В общем, когда в Эрбиле официально озвучили результаты голосования, Багдад ответил, что «предпримет усилия для восстановления конституционного порядка». Среди курдов и арабов появились слухи, что иракская армия попытается отбить Киркук и его нефтяные окрестности. Это действительно была самая очевидная цель для «восстановления конституционного порядка» — там под землей настоящее нефтяное море. Поэтому после референдума я поехал в Киркук и выяснил на месте, что

КИРКУК ВОЙНЫ НЕ ЖДЕТ

С пятницы Турция намерена закрыть единственный пограничный переход с Иракским Курдистаном. Багдад грозит ввести свои войска в районы Иракского Курдистана, где проживает этнически смешанное население. Представительство ООН в Эрбиле прорабатывает план возможной эвакуации своих сотрудников. Все это стало следствием прошедшего в минувший понедельник референдума о независимости Иракского Курдистана. О том, какова обстановка в городе Киркук, который может стать основным эпицентром столкновений между курдами и багдадским правительством, в нашем репортаже.

Правительство автономного региона Иракский Курдистан обещало объявить итоги референдума, прошедшего 25 сентября, через три дня после голосования. Получилось раньше на один день. В минувшую среду, когда курдская Высшая независимая комиссия по референдуму и выборам объявила итоги голосования, последовали один за другим гневные заявления из Багдада, Турции и Ирана. За независимость региона от Ирака проголосовали около 93 процентов из пришедших на избирательные участки. Всего в плебисците приняли участие порядка 3,4 миллиона человек.

Кроме районов, где проживает подавляющее большинство курдов, избирательные участки действовали в так называемых спорных районах. Это езидский анклав Шангал, христианские города Алькош, Тель-Кейф и Башика и область Киркук вместе с одноименным городом, где, кроме курдов, проживают значительные общины туркмен и арабов. По мнению Багдада, эти районы не входят в состав автономии, а были отторгнуты курдами от других иракских регионов в результате военной интервенции.

Самым конфликтным считается Киркук и его окрестности, очень богатые нефтью. После того как были озвучены результаты референдума, парламент Ирака выступил с инициативой ввести в этот спорный регион иракскую армию — на случай, если Иракский Курдистан действительно решится объявить себя независимым.

«НАШЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В БАГДАДЕ, А НЕ В ЭРБИЛЕ»

Ситуация с охраной правопорядка в городе Киркук серьезно изменилась по сравнению с тем, как было дело 5–6 месяцев назад, когда происходила операция по освобождению Мосула. На улицах заметно уменьшилось количество вооруженных патрулей и спецтехники. Сегодня по уровню милитаризации он стоит на одном уровне с крупнейшими городами Иракского Курдистана: Эрбилем, Сулейманией и Дохуком. Хотя мировые информационные агентства сообщают о возможном наступлении правительственных сил на Киркук. Когда находишься внутри города, складывается впечатление, что сообщения касаются какого-то другого Киркука, очень далекого, не иракского.

Жизнь в городе идет своим привычным чередом. Самое сердце любого ближневосточного города — центральный базар — функционирует спокойно и бесперебойно. Никаких слухов о том, что в ближайшие дни придется закрыться, базар не ретранслирует. А ведь для любого иракского, любого ближневосточного города это основной источник информации. То, что сообщают в Интернете, по радио или телевидению, носит вторичный характер.

Прошедший референдум совсем не повлиял на ритм Киркука. Город поделен на три основные части: курдскую, туркменскую и арабскую. Как и до референдума, эти этносы считают себя подчиненными определенному правительству.

«Наше правительство в Багдаде, а не в Эрбиле, — говорит владелец парикмахерской и продовольственного магазина в туркменском районе Чадигле Хусейн. — На нас референдум никак не повлиял. Мы хотим жить в едином Ираке».

В Чадигле за правопорядком следят иракская федеральная полиция и местное туркменское ополчение. В центре района на высоком флагштоке развивается знамя иракских туркмен — бело-голубое полотнище с полумесяцем и звездой. Хотя кое-где изредка можно увидеть и потрепанные флаги Иракского Курдистана.

В арабских кварталах тоже все спокойно и размеренно — никакого ажиотажа или настороженности. В этих кварталах стараются вообще обходиться без флагов — ни иракских государственных, ни курдских. Лишь кое-где имеются шиитские флаги с изображением имама Хусейна. Патрулируют улицы исключительно служащие иракской федеральной полиции.

Еще одно важное изменение по сравнению с тем, как было 5–6 месяцев назад. Из киркукской крепости, где расположены памятники, занесенные в перечень ЮНЕСКО, выведены курдские вооруженные формирования пешмарга. Теперь крепость открыта для посещения всем желающим, причем бесплатно.

«ТУТ НЕБЕЗОПАСНО»

Совершенно другое настроение, в отличие от туркменских и арабских кварталов, царит в курдских районах. Иностранцам курды спешат сообщить, что в Киркуке им нужно находиться только в сопровождении вооруженной охраны.

«Вы что тут делаете? — спрашивает водитель местной маршрутки, курд по имени Мериван. — Тут небезопасно. Ни в коем случае не ходите пешком по городу. Здесь людей каждый день похищают. Иностранцам в Киркуке очень опасно находиться без охраны пешмарги».

Впрочем, так курды реагируют с 2014 года, когда город и окрестности перешли под контроль пешмарги. Арабов и туркмен курды воспринимают как врагов. Это в определенной степени оправданно. Все нападения боевиков «Исламского государства» начинались из арабских и туркменских районов. Последнее подобное

нападение произошло в октябре 2016-го, после начала операции по освобождению Мосула. До сих пор на городских зданиях, где шли наиболее интенсивные перестрелки, видны выбоины от пуль.

И хотя курды опасаются своих соседей, доля их среди местного населения стабильно растет и они считают город своим, а арабов и туркменов пришлыми. Правда, если все-таки обратиться к истории, то выясняется, что город был основан ассирийцами, которых со временем успешно вытеснили совместно курды, арабы и туркмены.

В целом настроения в городе не сильно изменились после проведения референдума. Все тот же ритм жизни, те же опасения курдов и гостеприимность арабов и туркмен. Нет признаков, что вероятные противники укрепляют позиции, готовясь к боям.

Источник нашего издания в миссии ООН в Эрбиле уверен, что ситуация в регионе ограничится громкими гневными заявлениями. «Реальный конфликт не выгоден никому: ни курдам, ни Багдаду, ни Турции, ни Ирану. У них имеются взаимные экономические интересы. Если кто-то будет предпринимать резкие шаги, то это скажется на всех остальных. Поэтому дальше слов дело не пойдет. Максимум, недели через 2–3 все успокоится, ситуация стабилизируется», — уверен источник.

По его мнению, через 2–3 недели стабилизируются и цены на нефть, которые пошли быстро вверх на фоне новостей из Иракского Курдистана и Багдада. Багдад не выдержит масштабной войны со столь серьезным противником, как курды. В свою очередь, Эрбилю не выгодно открытые конфликты с соседями, так как именно они являются основными потребителями его нефти. Нефть — главный источник доходов автономии, решившейся на референдум о независимости.

Прогноз моего знакомого из миссии ООН не сбывлся. Через три недели после референдума иракская армия, главным образом силы шиитского ополчения «Хашд аш-Шааби», двинулась в сторону Киркука. Я к тому времени вернулся в Россию и наблюдаю происходящее по новостям и сообщениям в социальных сетях.

16 октября рано утром «хамви» и «абрамсы» под флагами с изображением шиитского имама Хусейна (флаги «хашдов») без боя заняли туркменский пригород Чадигле. Новости из Киркука оказались в топе крупнейших информационных агентств. Ожидалось, что начнутся ожесточенные бои за Киркук между правительственными силами и пешмаргой. В социальных сетях появились видеобращения курдов из Дохука и Эрбиля, что они готовы прибыть на помощь «киркукским братьям и сестрам» и вместе с ними оборонять «древний курдский город».

Но боев не было. Одно за другим появлялись сообщения от очевидцев, что «хашды» и армия беспрепятственно занимают район за районом. К обеду они заняли нефтяные месторождения вокруг города и огромную военную базу «К-1». Лишь изредка случались локальные перестрелки. Это некоторые бойцы пешмарги не послушались приказа командиров и решили оказать сопротивление. Они не верили или не хотели верить, что их командиры договорились о сдаче Киркука.

За два дня до наступления «хашдов» и армии состоялась очень важная встреча — лидера «Патриотического союза Курдистана» (ПСК) Павла Талабани с иранским генералом Касимом Сулеймани. Сулеймани представлял на встрече Багдад. Иракские чиновники называют его «советником иракского правительства».

Сулеймани — один из величайших наших современников. Главный архитектор иранской военной экспансии на Ближнем Востоке. Именно он стал инициатором создания шиитского ополчения «Хашд аш-Шааби», которое сыграло ключевую роль в окружении Мосула и разгроме ИГ в Ираке. По его инициативе Россия вступила в сирийскую войну на стороне Башара Асада (Сулеймани дважды прилетал в Москву перед тем, как российское руководство официально объявило, что отправит на-

шу армию в Сирию). И это не кабинетный генерал. В Интернете полно фотографий, как Сулеймани посещает передовые позиции то в Сирии, то в Ираке — во время самых ожесточенных боев.

Иранский генерал разговаривал с Павлом Талабани 13 или 14 октября. Он убедил Талабани поддержать Багдад, а не Барзани. Каким именно образом убедил — остается догадываться. В Киркуке, на базе «К-1» и близлежащих нефтяных полях находилась пешмарга, подчиняющаяся как раз ПСК. Пешмарга организованно ушла, ей на смену организованно зашли «хашды», армия и федеральная полиция.

Киркуком дело не ограничилось. Премьер-министр Ирака аль-Абади объявил, что цель правительственных сил занять все «спорные районы».

Планы федерального правительства воодушевили езидов и ассирийцев, живших под властью Иракского Курдистана. У них снова появилась надежда получить автономию, которую они так и не получили ни по итогам Первой мировой войны, ни после американской оккупации Ирака в 2003-м.

В ходе Первой мировой идею создания ассирийской автономии поддержала Российская империя. Но в условиях Гражданской войны, начавшейся в России в 1918-м, было уже не до далеких, почти экзотических ассирийцев. Между тем поражение Османской империи становилось все очевиднее. Надо было ловить момент и подключаться к ее неизбежному разделу. Ассирийские лидеры это очень хорошо понимали.

На мирную конференцию в Париже в 1919 году, когда победители решали участь побежденных, ассирийская делегация прибыла со своим предложением. Делегацию возглавлял епископ Сирийской православной церкви Мар Ефрем Барсум. Именно прихожане Сирийской православной церкви в основном составляли население плато Тур Абдин, где турки и курды уничтожили либо изгнали мирное христианское население.

Делегация подготовила карту — обозначила границы независимого государства Ассирия-Халдея. После геноцида ассирийцы не хотели больше жить под чужой властью, они вправе были претендовать на собственное государство, чтобы в будущем обезопасить себя от подобных трагедий. Территория возможной Ассирия-Халдеи включала Верхнюю Месопотамию, горную область Хяккари и Ниневийскую равнину. То есть регионы компактного проживания ассирийцев до геноцида.

Однако английская делегация приложила массу усилий, чтобы ассирийцы не получили право голоса на конференции. Англичанам хотели получить под свой протекторат Ирак с его богатейшими запасами нефти (Киркук и в то время являлся решающим фактором). Северные районы Ирака «съедали» около половины Ассирия-Халдеи. Другой победитель в мировой войне — Франция. Она претендовала на Сирию, куда попадала тоже значительная часть возможного ассирийского государства. Оставшиеся районы Ассирия-Халдеи отдала молодой Турецкой республике. Пострадавшие от геноцида народу не выделили даже автономии.

Спустя год из-за трений с англичанами французы иницируют проект создания ассирийского самоуправления на северо-востоке Сирии (регион Джизира, где 100 лет спустя появится кантон Джизира, часть автономии Рожавы). К делу привлекают князя (малика) Камбара, бежавшего от геноцида из Османской империи в Грузию. Он принадлежал к Халдейской католической церкви, видимо, поэтому французы сделали ставку на него.

Французский верховный комиссар по Сирии генерал Гуро встретился с Камбаром в Бейруте летом 1920-го. Договорились, что малик должен вернуться на Кавказ, собрать ассирийцев-добровольцев и выехать с ними в Джизиру. Финансовую сторону дела французы берут на себя. Как написал в своей статье ливанский публицист Ашур

Гиваргис, он подробно исследовал тему, Камбару достаточно быстро удалось собрать 450 добровольцев — полноценный батальон. Среди них последователи разных церковных течений: и халдеи-католики, и сиро-католики, и сиро-яковиты, и прихожане Ассирийской церкви Востока.

Батальон прибыл в Джазиру и приступил к охране правопорядка и границы с Турцией. Малик Камбара параллельно втягивается в распри с другими духовными и общественными лидерами ассирийцев. Они ссорятся друг с другом вместо того, чтобы объединить усилия для создания автономии. В эти ссоры впутываются англичане — добавляют причин для раздоров.

Наконец в июле 1922-го Лига наций официально признает Сирию и Ливан подмандатными территориями Франции. За Британией признано право на Ирак, Иорданию и Палестину. Ассирийский батальон французы распускают и включают его военнослужащих в Иностраннный легион. Тему с автономией Франция закрывает.

После резни в Симеле в 1933-м ассирийцы снова заговорили о собственном административно-территориальном образовании. Этот вопрос обсуждала Лига наций. Время шло, конкретных решений не принималось, Лига наций в итоге свернула обсуждения.

В следующий раз тема автономии актуализируется после американской оккупации Ирака в 2003-м. В стране обостряются этнорелигиозные противоречия. Правительство, сформированное американцами, не способно обеспечить безопасность этнических меньшинств. В 2004—2008 годах в Мосуле религиозные радикалы убивают ассирийских священников, похищали и убивали митрополитов. Христианский пригород Дора в Багдаде, где проживало 50 тысяч ассирийцев, раз за разом атакуют террористы. 31 октября 2010-го 6 террористов захватывают 100 заложников в сирокатолическом соборе Пресвятой Девы Марии Заступницы. Храм штурмуют иракские спецподразделения — погибают 58 человек, включая священников, прихожан, полицейских и случайных прохожих, 78 человек ранены или покалечены. Ответственность за атаку на себя взяла организация «Исламское государство Ирака» (позже оно станет ИГИЛ, а летом 2014-го — ИГ). Жители Доры массово покидают район. На сегодня в этом пригороде проживают не более 100 христианских семей.

В январе 2014-го правительство Ирака вроде бы соглашается на создание отдельной провинции Ниневийская равнина, где будет организовано ассирийское самоуправление. Предполагается выделить из провинции Ниневия три округа, где проживают преимущественно христиане — Тель-Кейф, Хамдания и Шейхан, — и создать из них новую. Однако практических усилий, чтобы реализовать идею, правительство не предпринимает. Летом того же года провинция Ниневия попадает под власть ИГ.

Когда осенью 2016-го иракская армия и пешмарга освобождают Ниневийскую равнину, ассирийские политические организации снова говорят: нам нужна своя автономия, чтобы не повторялись гонения на христиан. Иракские власти откладывают эту тему до полного освобождения Мосула. Пока продолжается штурм Западного Мосула, о намерении провести референдум в Иракском Курдистане объявляет Масуд Барзани. Опять не до ассирийцев.

Вторая половина октября 2017-го. Ассирийцы Ниневийской равнины за то, чтобы их земли оказались под контролем федерального правительства в Багдаде. Прошедший референдум показал: курдские политические партии не намерены считаться с правами меньшинств. Езиды тоже хотят под юрисдикцию Багдада.

Оставив Киркук, пешмарга отступила из других спорных районов. Езидский Шангал без сопротивления перешел под контроль «хашдов». Город Башика, где, кроме ассирийцев, живут общины езидов и курдов, «хашды» тоже заняли без боя — местные жители встречали их танцами и песнями.

Прихода федеральных сил ждали в Алькоше. Но в 15 километрах от города, в ассирийской деревне Бакуфа, пешмарга, подчиняющаяся партии Масуда Барзани, вступила в бой с федеральной полицией и «хашдами». В ход пошла тяжелая артиллерия. В социальные сети жители Алькоша выкладывали фотографии черного дыма, поднимающегося над Бакуфа.

Казалось бы, парадокс — арабы, которых с лета 2014-го меньшинства обвиняли в триумфальном наступлении ИГ, вдруг ассирийцам, езидам и туркменам стали казаться спасением. Спасением от курдского национализма. Этнические меньшинства поверили, что смогут получить свое самоуправление, если будут подчиняться Багдаду, а не Эрбилю. Захотели поверить. У них опять появилась надежда — после очередной трагедии. И им, особенно ассирийцам и езидам, самым загнанным меньшинствам Ирака, очень нужна надежда, вера, что вот-вот у них будет собственная автономия. Без такой надежды жить в Ираке им будет просто невыносимо.

А что же иракские курды? Курды через месяц после проведения референдума так и не стали независимыми. Потеряли Киркук с его нефтью и еще 30 процентов территорий, которые контролировали до референдума. Инициатор плебисцита о независимости Масуд Барзани ушел в отставку (западные медиа утверждали, что под давлением иностранных дипломатов). Правительство автономии попросило Багдад выделить денег на выплату зарплаты бойцам пешмарги и чиновникам автономии.

Таков он, Ближний Восток, да и Восток вообще: те, кто получает власть, быстро превращаются в беспринципных угнетателей; те, кто ее теряет или никогда не имел, живут надеждами — очень слабыми, почти несбыточными, почти никогда не сбывающимися.

Эрбиль — Кимры, осень 2017-го

Дмитрий КАПУСТИН

АНТОН ЧЕХОВ: ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД В ЕВРОПУ (по свидетельствам собственным и друзей)

Свое первое путешествие в Европу (март—апрель 1891 года) Чехов предпринял всего лишь три месяца спустя после первого, «главного путешествия жизни» — азиатского (апрель—декабрь 1890 года). Тогда он проехал в повозке через всю Сибирь на Сахалин, пробыл там три месяца и возвратился тропическими морями в Одессу через Гонконг, Сингапур, Коломбо и Порт-Саид. И заняло оно семь с половиной месяцев¹.

Теперь же было путешествие в другую часть света.

Еще недавно Чехов болел после возвращения из Азии (перебои в сердце, жар по вечерам, сильное недомогание), разбирался с отставленными творческими делами, как уже 5 марта ответил на предложение А. С. Суворина: «Едем!!! Я согласен куда угодно и когда угодно. Душа моя прыгает от удовольствия. Не поехать было бы глупо с моей стороны, ибо когда еще представится случай?»².

Чехов мечтал о путешествии по Европе давно, был «на низком старте» в 1888—1889 годах — об этом неоднократно говорится в его переписке. Однако в том же самом письме Суворину Чехов сетовал, что существуют две серьезные помехи — «сахалинская работа», то есть над путевыми заметками о Сахалине, а также то, что «совсем нет денег». В это время Чехов задолжал Суворину около двух тысяч рублей за предыдущий вояж.

Богатый издатель, очевидно, предоставил очередной кредит и уже 19 марта через Варшаву и австро-венгерскую границу в роскошном вагоне «Интернационально-

Дмитрий Тимофеевич Капустин родился в 1942 году в Москве. Окончил Московский государственный институт международных отношений, специалист по странам Востока, кандидат исторических наук. Работал в системах Министерства иностранных дел и Академии наук СССР, в органах центральной прессы. Ряд лет преподавал в вузах Южной Кореи. Автор книг и статей по международным отношениям на Дальнем Востоке. В сферу увлечений и научных интересов Д. Т. Капустина входит также творчество и биография Антона Павловича Чехова. Им опубликован ряд статей по этой тематике (в том числе в журналах «Москва», «Новый мир», «Нева»), а также книга: «Антон Чехов на Востоке». Сборник статей. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing. 2012, 264 с. (на русском языке).

¹ См. подробнее: Капустин Д. Т. Азиатское путешествие Антона Чехова, 1890 год. М.: Этерна, 2016, 280 с.

² Письма цитируются по Полному собранию сочинений и писем А. П. Чехова (1974—1983) — далее ПССиП. Даты писем упомянуты в тексте.

го общества спальных вагонов» путешественники (включая двух сыновей Суворина) прибыли в Вену. Суворин любил останавливаться в фешенебельных отелях, обедать в лучших ресторанах, и Чехову пришлось следовать за ним. Позднее в письме родным (7 апреля) он напишет: «За поездку, которую я solo совершил бы за 300 руб., я задолжал тысячу. Вся надежда на дураков любителей, которые будут играть моего „Медведя“».

Важно подчеркнуть, что на этот раз писатель поехал «без подготовки», без той кропотливой трехмесячной научной подготовки, которая предшествовала путешествию на Сахалин и в Азию. Во всем Чехов положился на Суворина, человека бывшего, весьма образованного: в выборе маршрута, ночлегов, музеев, исторических достопримечательностей и т. д. и даже в переводе с иностранного. Хотя по приезде в Вену Чехов обнаружил, что «не совсем забыл немецкий язык. И я понимаю, и меня понимают» (в письме от 20 марта). Тем не менее опытный «гид» и прекрасный собеседник был как нельзя кстати для него.

Писатель взял с собой записную книжку (уже начатую), но вел довольно фрагментарные записи о путешествии (всего на семи страничках), которые перемежались с фразами и идеями для своих новых задумок. Касались они в основном трех произведений: «Дуэль» (опубликована в 1891 году), «Соседи» (1892) и «Три года» (1895). О серьезности творческих намерений говорит и одна из первых записей книжки, сделанная в вагоне: «Попробовали приспособление для писания. Ничего, пишется, хотя и плохо»³. И далее в путешествии не прерывалась постоянная работа писательского ума, и как отмечал сам писатель позднее «пишу помаленьку».

Известный британский чеховед Д. Рейфилд полагает, что Чехов впервые увидел Европу как бы «не в фокусе», поскольку буквально перед отъездом у него сломалось пенсне, которым он пользовался при чтении и письме. Но думается, это не было существенным препятствием, чтобы рассмотреть Европу в деталях.

Из Вены в Венецию

Вена и Венеция (поначалу) произвели на Чехова потрясающее впечатление. К тому же в Европе уже наступила весна, теплело день ото дня, от города к городу. Кажется, во всем эпистолярном наследии писателя не найти больше восторженных слов и восклицательных знаков. Только один пример (из письма родным 20 марта): «Ах, друзья мои тунгусы, если бы вы знали, как хороша Вена! Ее нельзя сравнить ни с одним из тех городов, какие я видел в своей жизни. Улицы широкие, изящно вымощенные, масса бульваров и скверов, дома все 6- и 7-этажные, а магазины — это не магазины, а сплошное головокружение, мечта! Одних галстухов в окнах миллиарды! Какие изумительные вещи из бронзы, фарфора, кожи! <...> Особенно хороши собор св. Стефана и *Votiv-Kirche*. Это не постройки, а печенья к чаю. <...> Здесь это искусство попадает не кусочками, как у нас, а тянется полосами в несколько верст». Чехов был немало удивлен, что «в каждом переулке непременно книжный магазин», «странно, что здесь можно все читать и говорить, о чем хочешь».

Писателя поразил даже парадный быт столицы европейской империи: «Какие здесь извозчики, черт бы их взял. Пролеток нет, а все новенькие, хорошенькие кареты в одну и чаще в две лошади. Лошади прекрасные. На козлах сидят франты в пиджаках и в цилиндрах, читают газеты. Вежливость и предупредительность. Обеды хорошие. Водки нет, а пьют пиво и недурное вино. <...> Женщины красивы и изящны».

³ ПССиП, т. 17, с. 9.

Из Вены в Венецию путешественники отправились по красивой дороге через Альпы. Побывать в этих горах Чехов мечтал давно. «Но я разочаровался в этой дороге, — писал писатель родным 22 марта. — Горы, пропасти и снеговые вершины, которые я видел на Кавказе и на Цейлоне, гораздо внушительнее, чем здесь». Причем воспоминания об Азии, сравнения с Европой неоднократно появлялись тогда в письмах как перед самой поездкой, так и в ходе ее.

В первых впечатлениях о «восхитительной голубоглазой Венеции» сквозит просто «щенячья радость», столь необычная для сдержанного Чехова. Вот одно из рассыпанных подобных писем (брату Ивану от 24 марта): «Замечательнее Венеции я в своей жизни городов не видел. Это сплошное очарование, блеск, радость жизни. Вместо улиц и переулков каналы, вместо извозчиков гондолы, архитектура изумительная <...>. Плынешь в гондоле и видишь дворцы дождей, дом, где жила Дездемона, дома знаменитых художников, храмы... А в храмах скульптура и живопись, какие нам и во сне не снились. Одним словом, очарование». И далее следуют эмоции, характерные скорее для экзальтированного студента: «А вечер! Боже ты мой господи! Вечером с непривычки можно умереть. <...> Русскому человеку, бедному и приниженному, здесь в мире красоты, богатства и свободы не трудно сойти с ума. Хочется здесь навеки остаться...»

Много лет позднее Суворин писал, что Венеция захватила Чехова «своей оригинальностью, но больше всего жизнью, серенадами, а не дворцами дождей и проч.». Это в чем-то подтверждал и сам писатель. «Посадите меня в сумасшедший дом, — написал Чехов 25 марта М. В. Кисилевой, своей хорошей знакомой, хозяйке незабвенного имения Бабкино на Истре. — Гондолы, площадь св. Марка, вода, звезды, итальяночки, вечерние серенады, мандолины, фалернское вино — одним словом, все пропало!»

Чехов нашел, что жизнь в Венеции дешева, в том числе дешевы квартира и стол, гондольер, а «в музеи, академии и проч. пускают даром». И вывод (в письме родным 25 марта): «Одним словом, дурак тот, кто не едет в Венецию. <...> В десять раз дешевле Крыма, а ведь Крым перед Венецией — это каракатица и кит. <...> В будущем году поедем все на дачу в Венецию. <...> Какие итальяночки, стоящие на коленях с молитвенниками!» На другой день он несколько корректирует свои выводы о дешевизне, но все же заключает: «Все-таки здесь дешево. Здешний франк здесь то же, что в России рубль».

В Венеции случилась известная встреча и знакомство с Мережковским и его супругой, они провели какое-то время вместе. Тот оставил в 1910 году воспоминания, пролившие некоторый свет как на европейский вояж, так и на биографию писателя в целом. Он запомнил сдержанность Чехова, человека «с русским лицом интеллигента из поповичей», который «в горячие споры не вступал» и никакой восторженности по поводу Италии не высказывал. Схожие впечатления от первой встречи остались в дневнике и у супруги, Зинаиды Гиппиус: «Нормальный провинциальный доктор. Имел тонкую наблюдательность в своем пределе — и грубоватые манеры, что тоже было нормально»⁴.

Между прочим, не менее яркое запомнилось и Чехову (в письме Ивану 24 марта): «Мережковский, которого я встретил здесь, с ума сошел от восторга».

Однако именно в Венеции просыпается в Чехове первый скепсис (в письме родным от 26 марта): «Лупит во всю ивановскую дождь. Venezia bella перестала быть bella. От воды веет унылой скукой, и хочется поскорее бежать туда, где солнце». Он как бы становится более разборчивым, критичным: «Жаль, что здесь отличные картины густо перемешаны с ничтожными произведениями, которые сохраняются, а не

⁴ Цит по: Дональд Рейфилд. Жизнь Антона Чехова. М.: Изд-во «Независимая газета», 2006, с. 330.

выбрасываются только из духа консерватизма<...>. Дом, где жила Дездемона, отдается внаймы».

Впечатления от этого путешествия широко вошли в «Рассказ неизвестного человека», опубликованного в 1893 году. В нем не только знакомые «реперные отметки»: Венеция, Флоренция, Ницца, Монте-Карло (включая эпизод с рулеткой), но и личные ощущения писателя в словах героя (поселившегося, кстати, в Hotel Vaug, том самом, где останавливался Чехов и Суворины).

Я любил сидеть на солнышке, слушать гондольера, не понимать и по целым часам смотреть на домик, где, говорят, жила Дездемона, — наивный, грустный домик с девственным выражением, легкий, как кружево, до того легкий, что, кажется, его можно сдвинуть с места одною рукой. Я подолгу стоял у могилы Кановы и не отрывал глаз с печального льва. А в дворце дождей меня все манило к тому углу, где замазали черною краской несчастного Марино Фальеро (на картине. — Д. К.). Хорошо быть художником, поэтом, драматургом, думал я...

В один пасмурный полдень, когда оба мы стояли у окна в моем номере и молча глядели на тучи, которые надвигались с моря, и на посиневший канал и ожидали, что сейчас хлынет дождь, и когда уж узкая, густая полоса дождя, как марля, закрыла взморье, нам обоим вдруг стало скучно. В тот же день мы уехали во Флоренцию.

По свидетельству Мережковского, судьба казненного 80-летнего дожа Венецианской республики Марино Фальери весьма заинтересовала Чехова, и он якобы собирался писать драму на сюжет, связанный с его заговором по захвату власти.

В конце второй недели путешествий Чехов с Сувориными галопом проскочили Болонью, оставившую «напряженное впечатление» от спешки. «От Болоньи до Флоренции 48 тоннелей», — подсчитал Чехов. Во Флоренции путешественники провели два дня. Появляются первые жалобы в письмах Antonio родным (29 или 30 марта) на усталость, мол, «замучился, бегаючи по музеям и церквам». Он добавляет: «Видел Венеру Медичейскую и нахожу, что если бы ее одели в современное платье, то она вышла бы безобразна, особенно в талии». И, как рефрен, повторяется: «А Италия без солнца, это все равно, что лицо под маской».

К этим дням относится дважды повторяющаяся заметка в записной книжке: «Соломон сделал большую ошибку, что попросил мудрость». Причина ее появления не вполне ясна, предполагают, что это было следствием бесед с Сувориным. Тот вспоминал уже после смерти писателя, что Чехов начинал драму, где главным лицом является Соломон «Паралипомена» и «Песни Песней». От нее в бумагах Чехова сохранился довольно проникновенный, «тяжелый» монолог царя. Он начинается так: «О, как темна жизнь. Никакая ночь во дни детства не ужасала меня так своим мраком, как мое непостижимое бытие»⁵.

Вообще, следует отметить, что в эти годы был расцвет дружбы Суворина и Чехова (несмотря на разницу в 26 лет). Писатель неизменно останавливался в доме Суворина, приезжая в Петербург, а тот частенько заезжал к Чехову в Москве, Мелихове или где-то еще. Они взаимно жаждали интеллектуального общения, делились мыслями, в том числе сокровенными. Позднее, в день кончины писателя, когда отношения между ними «как-то естественно» (по выражению современника) охладели, Суворин тем не менее написал в «Новом времени»: «Я обязан Чехову многим, обязан его прекрасной душе, которая молодила меня, которая давала и всем, кто с ним сходилась, это чувство чего-то живого, прямого, благородного и вместе с тем здра-

⁵ ПССиП, т. 9, с. 194.

вомысленного <...>. В Чехове было что-то новое, как будто совсем из другой жизни, из другой атмосферы»⁶.

Случалось, что Чехову надоедали препирательства и брюзжание собеседника, бывали расхождения и размолвки даже в лучшие годы. «Суворин не в духе», — отметил он однажды в записной книжке во время поездки. Но именно перед Сувориным, как с его же слов утверждал А. В. Амфитеатров, писатель иногда «отворял храм души своей». Одна из таких бесед состоялась во время путешествия (в Венеции), и Суворин понял «всю трагическую глубину этого удивительного человека»⁷. Очевидно, он сам нередко отвечал взаимностью, делился потаенными мыслями. Поэтому совсем не случайно в 1904 году, сразу после смерти писателя, Суворин лично приехал в Ялту и просил М. П. Чехову вернуть собственные письма, адресованные Чехову. Когда письма были собраны, то за ними приехал брат Александр. Скорее всего, Суворин сразу же их уничтожил после возврата. Сведения о том, что эти письма (или сколь-нибудь достоверные сведения о них) появлялись в 1918 году, представляются фэйковыми. Вскрытый в те годы банковский сейф с документами Суворина (умер в 1912 году) содержал ряд писем, но к Чехову среди них был один лишь давний черновик.

Вечный город, Везувий и рулетка Монте-Карло

Начало апреля Чехов «со товарищи» провели в Вечном городе. «В Риме, живем, как кардиналы, потому что занимаем Salon в бывшем дворце кардинала Конти, а ныне в отеле „Minerva“; две больших гостиных, люстры, ковры, камин и всякая ненужная чепуха, стоящая нам 40 франков в сутки», — написал он домашним 1 апреля. Программа была стандартная (кстати, и по сей день): храм Св. Петра, Капитолий, Колизей, Форум, Ватикан («прошел 30—40 комнат» из 11 000) и «даже кафешантан». «Видел я все и лазил всюду, куда приказывали. Давали нюхать, — нюхал, — шутливо признавался писатель в тот же день в письме М. В. Кисилевой. — Но пока чувствую одно только утомление и желание поестъ щей с гречневой кашей».

Чехов не раз жаловался, что «мешает погода», что «от хождения болит спина и горят подошвы». Тем не менее он однозначно утверждал, что Италия — «очаровательная страна», «единственная страна», где, «не говоря уж о природе ее и тепле, <...> убеждаешься, что искусство в самом деле есть царь всего...» (в письме родным 1 апреля).

Именно в Риме возник знаменитый сюжет о «зеленой травке», на которой тогда захотелось полежать Чехову. Суворин в 1904 году вспоминал: «Его мало интересовало искусство, статуи, картины, храмы, но тотчас по приезде в Рим ему захотелось за город, полежать на зеленой траве»⁸. (По разным воспоминаниям, сам же Суворин рассказывал, что Чехов первым делом узнал у швейцара адрес лучшего римского борделя.) Однако по-иному воспринимал этот эпизод Мережковский. Ссылаясь на слова Александра Сергеевича, сказанные во время их встречи в Риме, вспоминал в 1910 году: «Суворин, смеясь рассказывал, что Антон Павлович устал до смерти от музеев и церквей, и в Риме все просился куда-нибудь полежать на травке»⁹.

Представляется, что такое поведение Чехова может объясняться и другой, привходящей причиной. Вспомним строки из «Рассказа неизвестного человека»:

⁶ Алексей Суворин. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма 1904—1908 гг. М.: Алгоритм, 2005, с. 133.

⁷ А. В. Амфитеатров. Собрание сочинений. Свет и сила. Т. XXXV. Пг., б/г, с. 214.

⁸ Алексей Суворин. Указ. соч., с. 132.

⁹ Русское слово, 17 января 1910 г. С. 2.

Я — отставной лейтенант нашего флота; мне грезилось море, наша эскадра и корвет, на котором я совершил кругосветное плавание. Мне хотелось еще раз испытать то невыразимое чувство, когда, гуляя в тропическом лесу или глядя на закат солнца в Бенгальском заливе, замираешь от восторга и в то же время грустишь по родине.

Ясно, что они перекликаются с финалом рассказа «Гусев», опубликованного в декабре 1890 года, сразу после азиатского путешествия. Умершего в плавании по пути на родину отставного солдата завертывают в парусину и по морской традиции сбрасывают в пучину. А над всем этим царит как бы несвоевременный, удивительный по краскам тропический закат Бенгальского залива.

Судя по письмам, Чехов во время путешествия все время оставался мыслями в России, интересовался домашними делами, сердился, что «ничего не пишете мне», унавал, сняли ль дачу на лето, просил передать приветы «сеньору Мангусу» (мангуст, привезенный Чеховым с Цейлона. — Д. К.) и «почтение г.г. скворцам». На него обрушились калейдоскоп европейской культуры, потоки мирового искусства, он уставал, и в то же время в его подсознании постоянно присутствовала родина, он был накрепко связан с ней незримой корневой системой.

4 апреля Чехов с Сувориными поездом (пять часов пути из Рима) прибыли в Неаполь, оказавшийся, так сказать, самым приключенческим пунктом всего путешествия. Остановились на набережной, откуда прекрасно видна морская гладь, Везувий, Капри, Сорренто. «Днем ездили вверх, в монастырь St. Martini: отсюда вид такой, какого я никогда не видел ранее. Замечательная панорама, — написал писатель родным 4 апреля. — Нечто подобное я видел в Гонг-Конге, когда поднимался на гору по железной дороге».

И далее с «приперченным» юмором Чехов описывал местные достопримечательности: «У меня головокружение от магазинов. Сколько блеска! Ты, Маша, и Вы, Лика, сбесились бы от восторга <...>. В парикмахерской потолок и все 4 стены зеркальные, так что кажется, что имеешь дело не с циркульней, а с Ватиканом».

Естественно, что путешественники посетили раскопанные остатки Помпеи. «Я ходил по улицам сего города и видел дома, храмы, театры, площади... Видел и изумлялся уменью римлян сочетать простоту с удобством и красотой», — делился впечатлением Чехов в пространным письме родным от 7 апреля.

И далее — восхождение на Везувий, пожалуй, венец всего путешествия. Между прочим, участники отказались от простого решения — подъема на фуникулере. «До подошвы Везувия пришлось ехать верхом. Сегодня по этому случаю у меня в некоторых частях моего брэнного тела такое чувство, как будто я был в третьем отделении и меня там выпороли, — живописал приключения сам Чехов. — Что за мученье взбираться на Везувий! Пепел, горы лавы, застывшие волны расплавленных минералов, кочки и всякая пакость. Делаешь шаг вперед и — полшага назад, подошвам больно, груди тяжело... Идешь, идешь, идешь, а до вершины все еще далеко. Думаешь: не вернуться ли? Но вернуться совестно, на смех поднимут. Восшествие началось в 2¹/₂ часа и кончилось в 6. Кратер Везувия имеет несколько сажен в диаметре. Я стоял на краю его и смотрел вниз, как в чашку. Почва кругом, покрытая налетом серы, сильно дымит. Из кратера валит белый вонючий дым, летят брызги и раскаленные камни, а под дымом лежит и храпит сатана. Шум довольно смешанный: тут слышится и прибой волн, и гром небесный, и стук рельс, и падение досок. Очень страшно и притом хочется прыгнуть вниз, в самое жерло. Я теперь верю в ад. Лава имеет до такой степени высокую температуру, что в ней плавится медная монета.

Спускаться так же скверно, как и подниматься. По колена грузнешь в пепле. Я страшно устал. Возвращался назад верхом через деревушки и мимо дач; пахло великолепно и светила луна. Я нюхал, глядел на луну и думал о ней, т. е. о Лике Ленской».

Некоторые важные детали добавило письмо-воспоминание Суворина об этой эпопее. Вот отрывки: «Приехали к круче. Там проводники говорят мне: вы поднимитесь на носилках, а молодой человек пойдет пешком. Носилки стоят 25 франков. <...> Минут через десять оглядываюсь. Чехов далеко сзади и сел на плечи двух проводников... <...> Так с передышками донесли нас до кратера Везувия. Раза три приходилось идти пешком. Наконец мы у цели. Было 6 часов. <...> Восхождение это стоило нам 96 франков. В 9 часов мы были в отеле и рассказывали свое впечатление»¹⁰.

Именно после этих недешевых приключений Чехов написал родственникам, что мог съездить в Европу гораздо дешевле, всего за 300 руб., а посему «все лето у нас, господ дворяне, не будет денег». Предполагал ли он, какие траты впереди?

Четыре дня спустя, включавших возвращение в Рим, Чехов вновь информировал родных 11 апреля: «Я еду в Ниццу по берегу моря. Только что миновал Геную. Виды великолепные, но все удовольствие портит скверная погода. Лупит дождь, небо пасмурно, земля грязная. Если и в Ницце будет такая же погода, то мы вернемся домой. Вообще благодаря погоде нашу поездку следует признать неудачной».

Итак, Чехов и К^о переехали в третью страну своего путешествия — во Францию (из Италии один из сыновей Суворина возвратился в Россию). Частые переезды позволили писателю сделать любопытный вывод, что «заграничные вагоны и железнодорожные порядки хуже русских», что в России «вагоны удобнее, а люди благодушнее», а на здешних станциях нет буфетов. Но замечание о неудачной поездке и нытье о плохой погоде, видимо, достигли ушей Суворина и запомнились ему.

Остановились, как положено, на берегу моря. Было пасмурно, но тепло. И здесь Чехов открыл то, что произвело на него сильнейшее впечатление, — рулетка. Он отправился в Монте-Карло в тот же день (час езды) и побывал потом несколько раз. «Вообразите себе залы Благородного собрания, красивые, высокие и более широкие, — писал он брату Михаилу 15 апреля. — В залах большие столы, на столах рулетка, которую я опишу Вам, когда приеду. Третьего дня я ездил туда и проиграл. <...> С первой же ставки я выиграл пару золотых, потом еще и еще, жилетные карманы мои отвисли от золота; были у меня в руках монеты французские даже 1808 года, бельгийские, итальянские, греческие, австрийские... Никогда в другое время я не видел столько золота и серебра. Начал я играть в 5 часов, а к 10 часам у меня в кармане не было уже ни одного франка, и у меня осталось только одно: удовольствие от мысли, что я купил себе обратный билет в Ниццу».

Чехов явно «подсел» на рулетку. Вот письмо непосредственно из Монте-Карло, помеченное 13 апреля: «Чорт (так у Чехова. — Д. К.) знает, какая зажигательная игра. Я сначала выиграл 80 франков, потом проиграл, потом опять выиграл и в конце концов остался в проигрыше франков на сорок. Осталось в запасе 20 франков, пойду еще попытаю счастья. Я здесь с утра, а теперь двенадцатый час ночи. Если бы лишние деньги, то, кажется, целый год играл бы да ходил по великолепным залам казино! Интересно смотреть на дам, которые проигрывают тысячи. Утром одна девица проиграла 5000 франков. Интересны столы с кучами золота. Одним словом, черт знает что. Это милое Монте-Карло очень похоже на хорошенький... разбойничий вертеп. Самоубийства проигравшихся — явление заурядное». И вдруг неожиданный финал письма: «Я соскучился шататься по белу свету. Пора и честь знать, а то пятки болят».

«Сравнительно честный способ отъема денег», превращенный в Монте-Карло в изящный и азартный бизнес, породил в записной книжке писателя мысль: «Если принц Монако имеет рулетку, то каторжным иметь у себя картеж можно и подавно». Дело в том, что еще менее года назад на Сахалине Чехов увидел по сути нечто подобное, но в уродливой, низменной форме. Вот как он описал это сборище внутри

¹⁰ Цит по: Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2004, с. 560.

Александровской тюрьмы, называемое майданом, в книге «Остров Сахалин»: «Майдан — это игорный дом, маленькое Монте-Карло, развивающее в арестанте заразительную страсть к штосу и другим азартным играм». Только ставками здесь были не десятки или сотни франков, а «кусочки сахара, белые хлебцы, величиною в кулак, папиросы, бутылки с молоком и еще какие-то товары, завернутые в бумажки и грязные тряпочки»¹¹.

Монте-Карло влетело писателю в копеечку — 900 франков, как признавался он в письме старому приятелю, другу юности Ф. О. Шехтелю (14 декабря 1891 года). Если считать, что «рубль равен франку», как писал сам Чехов, то получается изрядная сумма. Ее было бы достаточно, чтобы на два года нанять дом у Корнеева, где семья Чеховых жила до отъезда Антона в азиатское путешествие (и где ныне музей А. П. Чехова).

Чувство усталости и скрываемого за юмором раздражения стало появляться все чаще в посланиях родным, например, в том же самом письме брату Михаилу: «Около казино с рулеткой есть другая рулетка — это рестораны. Дерут здесь страшно и кормят великолепно. Что ни порция, то целая композиция, перед которой в благоговении нужно преклонять колена, но отнюдь не осмеливаться есть ее. Всякий кусочек изобильно уснащен артишоками, трюфлями, всякими соловьиными языками... И, боже ты мой господи, до какой степени презренна и мерзка эта жизнь с ее артишоками, пальмами, запахом померанцев! Я люблю роскошь и богатство, но здешняя рулеточная роскошь производит на меня впечатление роскошного ватерклозета. В воздухе висит что-то такое, что, Вы чувствуете, оскорбляет вашу порядочность, опошляет природу, шум моря, луну».

В один из дней Чехов посетил знаменитую русскую церковь в Ницце: «Вместо вербы — пальмовые ветви, вместо мальчиков в хоре поют дамы, отчего пение приобретает оперный оттенок, на тарелочку кладут иностранную монету, староста и сторожа церковные говорят по-французски и т. п. Великолепно пели „Херувимскую“ № 7 Бортн<янского> и простое „Отче наш“», — отмечает он особенности «иностранной» службы в упомянутом письме Михаилу. В эти дни он не забывает поздравить родных с праздником Пасхи (к которой первоначально планировал вернуться).

Через месяц странствий по Европе Чехов в одном из писем (15 апреля) как бы подводит итоги: «Из всех мест, в каких я был доселе, самое светлое воспоминание оставила во мне Венеция. Рим похож в общем на Харьков, а Неаполь грязен. Море же не прельщает меня, так как оно надоело мне еще в ноябре и декабре (52-дневное плавание вокруг Азии с Сахалина в Одессу на пароходе „Петербург“. — Д. К.). Черт знает что, оказывается, что я непрерывно путешествую целый год. Не успел вернуться из Сахалина, как уехал в Питер, а потом опять в Питер и в Италию...»

В Париже

Кажется, к этому времени путешественники решили возвращаться («завтра мы едем в Россию») через Милан и Берлин, посетив по пути знаменитые альпийские жемчужины — озера Комо и Лаго-Маджиоре. Но направление резко меняется — на Париж. «Погода продолжает быть дурною, — вновь сетует Чехов в письме родным 17 апреля. — <...> Мне ужасно надоело завтракать, обедать и спать. На все это за границей тратится очень много времени. Сибирь, где путешественники не завтракают, не обедают и не спят, в этом отношении гораздо лучше. Там не ешь и потому чувствуешь себя как на крыльях».

¹¹ ПССиП, т. 14—15, с. 95.

19 апреля Чехов и Суворины поездом прибывают из Ниццы в Париж, центр политической и культурной жизни Европы, «очаг цивилизации» (по выражению Чехова). Обосновавшись в фешенебельном «Мирабо», они сразу устремляются на Всемирную выставку с ее главной достопримечательностью — Эйфелевой башней («Да, Эйфелева башня очень, очень высока»). Но осмотреть павильоны удастся только снаружи, поскольку внутреннюю территорию выставки блокировала конная полиция для предотвращения беспорядков. Дело в том, что это было 1 мая по европейскому (григорианскому) календарю. «Народ толпами ходил по улицам, кричал, свистал, волновался, а полицейские разгоняли его, — описывал картину Чехов в письме родным 21 марта. — Чтобы разогнать большую толпу, здесь достаточно десятка полицейских. Полицейские делают дружный натиск, и толпа бежит, как сумасшедшая. В один из натисков и я сподобился: полицейский схватил меня за лопатку и стал толкать вперед себя».

Чехов прикоснулся и к другой грани политической жизни Франции (письмо родным 24 апреля): «Представьте мое удовольствие. Я был в палате депутатов, как раз в том заседании, когда от министра внутренних дел требовались объяснения по поводу беспорядков, какие позволило себе правительство при усмирении бунтующих рабочих в Фурми (много убитых и раненых). Заседание было бурное и в высшей степени интересное».

В одном из писем родным (21 апреля) есть и кусочек парижской жизни: «Масса движения. Улицы роятся и кипят. Что ни улица, то Терек бурный. Шум, гвалт. Трогуары заняты столиками, за столиками — французы, которые на улице чувствуют себя, как дома. Превосходный народ. Впрочем, Парижа не опишешь, отложу его описание до моего приезда...» Однако такого описания в произведениях Чехова, кажется, не встречается. (Если не считать замечательной юморески «В Париж!», написанной, правда, за пять лет до этого.)

В письме дяде М. Г. Чехову (21 апреля) Антон рассказал о посещении посольской церкви, где слушал пасхальную заутреню: «Церковь в Париже велика, размерами напоминает Митрофановскую, но было тесно и душно». Его поразило, что пели на службе французы, коих «понабилося» много, а греки слушали вместе с русскими.

В Париже у путешественников была активная культурная часть. Они посетили галерею восковых фигур (политических деятелей). Были на картинной выставке (Salon 1891). «Кстати сказать, русские художники гораздо серьезнее французских. В сравнении со здешними пейзажистами, которых я видел вчера, Левитан король», — делился своим впечатлением Чехов с родными (21 апреля). Правда, признавался, что половины картин «не видел благодаря близорукости» (и отсутствию пенсне).

Суворин просил Чехова задержаться в Париже, предлагал дополнительный кредит. Он заказал местному скульптору собственный бронзовый бюст, и пока позировал в студии, его спутники путешествовали самостоятельно, уделив, в частности, время ночной жизни Парижа. Описание этих походов с массой подробностей оставил впоследствии А. А. Плещеев, живший тогда с отцом (известным русским поэтом) в Париже¹². Отдали они дань и кафешантанам с обнаженными девицами. Об этой парижской невидальи Чехов, «вернувшись из Содомы и Гоморры», поспешил сообщить своему приятелю А. И. Урусову (3 мая 1891 года).

Почти в каждом письме Чехова из Парижа как мантра звучало: соскучился, надоело, домой...

«Я уже соскучился и новизна набила мне оскомину», — из письма родным 19 апреля.

¹² См.: Плещеев А. А. Что вспомнилось (за 50 лет). Париж: Возрождение, 1931 (глава об А. П. Чехове, с. 179–195).

«Человеки, подпоясывающие себя удавами, дамы, задирающие ноги до потолка, летающие люди, львы, кафешантаны, обеды и завтраки начинают мне противить. <...> Пора домой. Хочется работать», — из письма родным 24 апреля.

«Надоело путешествовать. Хочется работать», — из письма брату Ивану 27 апреля.

Вечером 27 апреля уставшая компания путешественников покинула Париж и после однодневной остановки в Берлине прибыла в Петербург днем 1 мая. Первый выезд писателя в Европу закончился. Тем же вечером Чехов уехал в Москву.

Однако на этом «европейская эпопея» не закончилась.

Конечно, полуторамесячное «турнэ по Европе» (как называл сам писатель) в 1891 году, скорее даже экскурсия со всеми удобствами, ни в какое сравнение не идет с азиатским путешествием 1890 года, настоящей «ездой в неизвестное», полное приключений и открытий. Там даже финальный вывод звучал образно и ярко: «Я доволен по самое горло, сыт и очарован до такой степени, что ничего больше не хочу и не обиделся бы, если бы трахнул меня паралич или унесла на тот свет дизентерия, — откровенничал Чехов 10 декабря 1890 года с „собратом по перу“ Леонтьевым (Щегловым). — Могу сказать: пожил! Будет с меня. Я был и в аду, каким представляется Сахалин, и в раю, т. е. на острове Цейлоне». Известно, что последняя фраза стала просто крылатой для всей биографии Чехова.

А европейские впечатления от восторга первых недель все чаще стали перемежаться с сетованиями на плохую погоду, усталость и, под конец, желанием поскорее вернуться домой. Кроме того, писателя тяготила дороговизна предприятия (и чем дальше, тем больше) и вина, что он оставит семью без денег (они, мол, думают, «мы бедствуем, а он там в рулетку играет»). Он как бы сожалеет, что бросил на полуслове «сахалинские дела» и не написал новой повести — «заграница помешала».

Такие настроения знал Суворин и некоторые другие адресаты Чехова. «Двулично-вольнодумствующему» брату Александру он послал вообще запредельную оценку: «Я уже вернулся из гнилого запада и живу на даче» (возможно, однако, имея в виду погоду). Поэтому вскоре распространился слух, что Чехову «не понравилось в Европе». 27 мая 1891 года Чехов из Богимово написал Суворину гневное письмо. Ссылаясь на слова Григоровича, что, мол, «Чехов принадлежит к поколению, которое заметно стало отклоняться от запада», он ответил: «Я не понимаю таких умных людей. Надо быть быком, чтобы, приехав первый раз в Венецию или во Флоренцию, стать „отклоняться от запада“. В этом отклонении мало ума. Но желательно было бы знать, кто это старается, кто оповестил всю вселенную о том, что будто заграница мне не понравилась? Господи ты боже мой, никому я ни одним словом не заикнулся об этом. Мне даже Болонья понравилась. Что же я должен был делать? Реветь от восторга? Бить стекла? Обниматься с французами? Идей я не вывез, что ли? Но и идеи, кажется, вывез».

Европа зримо и навсегда вошла в жизнь Чехова. Он позднее передавал с друзьями привет «чудесной Италии», но не завидовал тем, кто находился в Биаррице, признавался, что его «не тянет в Европу, но будь время и деньги поехал бы опять в Италию и Париж» (Суворину 18 октября 1892 года).

Чехов еще четырежды побывал в Европе — в 1894, 1897—1898, 1900—1901 годах и, наконец, в 1904 году.

Константин ФРУМКИН

СЮЖЕТ И ФАНТАЗМ: КАК БЫЛ УСТРОЕН СОВЕТСКИЙ НАУЧНО- ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Для анализа текстов научно-фантастических рассказов вообще и русского научно-фантастического рассказа в частности прежде всего надо принять во внимание одну важнейшую особенность научной фантастики как разновидности литературы: в ней само фантастическое, то есть «чудо», то, что литературоведы часто называют «фантастическим элементом», является смысловым ядром почти любого текста — ядром, привлекающим внимание читателя, доставляющим удовольствие и развлекающим. Поэтому задачей фантастического текста становится презентация чуда, «показывание» фантастического, осуществляемое параллельно разворачиванию сюжета в узком смысле слова. Презентацию чудесного надо рассматривать как особую линию в развитии действия рассказа, которую можно отличать от сюжета и которая иногда сливается с ним, а иногда причудливым образом переплетается, оставаясь сравнительно автономной. Это аспект научно-фантастического текста можно назвать — несколько сдвигая традиционный смысл этого термина — «фантазмом».

Текст научно-фантастического рассказа — всегда поле напряжения между сюжетом — причем именно новеллистическим сюжетом — и «демонстрацией фантастического» («фантазмом»), и важнейшим вопросом становятся используемые писателями стратегии их сочетания.

Полвека поисков: «демонстрация» или «контаминация»?

Классический научно-фантастический рассказ, расцвет которого пришелся на 60-е годы, выработал формулу, которая идеально сбалансированно уравнивала естественно-научную и гуманитарную составляющую литературного «этоса». В этот период научно-фантастический рассказ в большинстве случаев стал историей о расплате за столкновение с чудесным, чаще всего — о расплате за научное открытие, причем

Константин Григорьевич Фрумкин — российский журналист, философ, культуролог. Автор книг и статей философской и культурологической тематики, в том числе на темы философии сознания, теории фантастики, теории и истории драмы, а также социальной футурологии. Один из инициаторов создания и координатор Ассоциации футурологов.

расплате, затрагивающей личностные, социальные и моральные измерения реальности. Говоря коротко — это рассказ о моральных последствиях научных открытий. Эта формула стала доминировать к 60-м годам, хотя родилась она, разумеется, не тогда. С точки зрения истории литературы данная коллизия связана с фаустовским мифом, когда слишком любопытный маг и ученый оказывается в той или иной степени наказан за свою познавательную дерзость. Этой же формуле соответствует и «Франкенштейн» Мэри Шелли, с которого иногда начинают историю научной фантастики.

Таким образом, сама по себе формула «расплаты за изобретение» была готова уже к началу XX века, но некоторые обстоятельства мешали ее широкому распространению внутри жанра в 20–40-х годах — в частности, оптимизм, навязываемый советской идеологией, энтузиазм, вызываемый научно-техническим прогрессом, и связанная с этим энтузиазмом готовность ограничить художественные задачи рассказа просто демонстрацией возможностей науки. Отвлекали писателей и политические обстоятельства — например, тема будущей революции или позже, в 30-х годах, будущей войны при изображении таких социальных катаклизмов было не до осмысления научных достижений. Поэтому примерно до 1950-х годов научные открытия не становились поводом для моральной рефлексии и социальной критики.

Доминирующая в послевоенном НФ-рассказе формула — «выявление моральных последствий научного открытия» — была замечательна не только с содержательной, но и с архитектурной точки зрения, поскольку она идеально решала проблему соединения фантазма с сюжетом и интеграции первого во второй. Если именно фантастическое открытие порождало находящуюся в центре писательского интереса моральную проблему, то фантазм, таким образом, запускал сюжет. Однако так было не всегда, и в первой половине XX века мы видим множество экспериментов по построению фантастических рассказов. Если считать найденную к 60-м годам формулу «идеальной», то с позиции сегодняшнего дня можно сказать, что первая половина века ушла на поиски идеальной формулы, при этом авторами было опробовано множество иных схем повествования.

Были рассказы, не придающие большое значение личности героя и представляющие собой, по сути, хронику или панораму какого-либо будущего общества, — это были в буквальном смысле слова «хроники будущего». В числе таких хроник — «Республика Южного Креста» Валерия Брюсова (1905) — история гибели антарктической колонии, «Гибель главного города» Ефима Зозули (1918) — история оккупации некоего Главного города американизированной западной державой, «Расстрелянная земля» Николая Асеева (1921) — хроника межпланетной войны. В «Рассказе об Аке и человечестве» Ефима Зозули (1919) мы видим чередование эпизодов хроникального повествования со сценами диалогов персонажей, все-таки приближающих рассказ к «обычному» литературному тексту. Рассказы-хроники, как и рассказы-панорамы будущего общества, писались примерно до середины 1920-х годов, последним — во всяком случае последним известным образцом такого рода текста — стал «Кол из будущего» (1927–1930) Велимира Хлебникова — бессюжетный набор зарисовок будущего общества.

Совсем другой метод демонстрирует в своих лучших ранних рассказах Александр Беляев, явно ориентирующийся на Жюль Верна и других авторов, сочетающих фантастику с приключениями. Классик советской НФ в значительной части случаев не выделял рассказ в качестве особого жанра, требующего специфической техники письма. Рассказов в творчестве Беляева вообще немного, а те, что есть, часто напоминают маленькие повести, включающие в себя — несмотря на объем — достаточно большое число эпизодов и разворачивающихся на длинных временных периодах.

В рассказе «Амба» мы видим настоящую приключенческую повесть жюль-верновского стиля, которая начинается с подробного описания, как герой еще в детстве мечтал поехать в Абиссинию, как он в нее наконец поехал, рассказывается о пирах в абиссинском племени, о знакомстве с разными людьми, о пропаже немецкой научной экспедиции — и только для того, чтобы разыскать пропавшего немецкого профессора, вводится фантастический элемент — оживление мозга погибшего ассистента, который и указывает дорогу к пропавшему. В сюжетном отношении фантастический элемент оказывается подчинен приключенческому и выполняет роль инструмента — с помощью него разыскивают пропавшего.

Рассказ Беляева «Сезам, откройся!!!» — классический детектив, который мог бы обойтись вообще без фантастики. Сюжет сводится к тому, что вор приводит в замок богача своего сообщника в металлических доспехах, выдавая его за робота-слугу, благодаря этому сообщник остается на ночь один рядом с сейфом с драгоценностями. Фантастический элемент — небывалые для начала века бытовые приборы — служит лишь фоном, на котором робот-слуга кажется тоже правдоподобным.

В рассказе Беляева «Невидимый свет» есть социальный сюжет: ослепший рабочий сначала оказывается обобраным врачом-шарлатаном, а когда его все-таки излечивают, он оказывается на грани голода, после чего становится готов к революционной борьбе. К этому социальному сюжету довольно механически прибавлен сюжет о том, как перед излечением слепого делают участником эксперимента, позволяющего ему увидеть движение электронов, — но эксперимент заканчивается, не имея особых сюжетных последствий, а социальный сюжет продолжает свое течение почти независимо от него. Демонстрация фантастической идеи просто вставлена в социальный сюжет.

Ранние рассказы Абрама Палея появились одновременно с беляевскими — в конце 20-х — начале 30-х годов, однако написаны по совершенно другой схеме. Их сверхзадача — демонстрация удивительных научных открытий, таких, как электромагнитный «предотвратитель» столкновения поездов («Опыт машиниста Тураева», 1936) или генератор антигравитации («Необыкновенный дом», 1936). Демонстрацией эти рассказы практически и исчерпываются.

Сравнивая описанные выше рассказы Абрама Палея и Александра Беляева, мы видим две главные стратегии интеграции фантазма и сюжета в тексте рассказа. Первую стратегию можно было бы назвать «демонстрационной». В ее рамках фантазм поглощает сюжет, и последний сводится к демонстрации удивительного явления. «Демонстрационная стратегия» была идеальной для «фантастики ближнего прицела», примером чего могут служить написанные в 1940-е годы рассказы Владимира Немцова. Его рассказ «Шестое чувство» (1945), по сути, исчерпывается демонстрацией работы прибора, управляющего насекомыми с помощью радиолучей, а «Снегиревский эффект» (1946) — демонстрацией прибора, особым излучением ускоряющего рост деревьев.

Вторую стратегию можно назвать «инструментальной» — когда фантазм оказывается инструментально подчиненным одной и, может быть, неглавной задаче сюжета. Впрочем, ее же можно назвать контаминационной — поскольку она предполагает сравнительно «свободную» контаминацию сюжета с фантастическим элементом. Здесь сюжет формально не связан с «презентацией фантастического», а фантастический элемент играет в повествовании побочную или инструментальную функцию. Впрочем, Беляев, дав классические образцы инструментальной стратегии, прибегал к демонстрационной в некоторых рассказах об изобретениях профессора Вагнера. В 20—30-е годы инструментальная стратегия получала дополнительный импульс благодаря военно-политическим сюжетам, примером чего может служить «Таинственный взрыв» Николая Шпанова (1925).

Довольно сложным и совершенно нехарактерным для научной фантастики явлением оказались построенные против всех законов жанра ранние рассказы Ивана Ефремова, которые формально можно отнести к инструментальной стратегии — но в очень специфической форме. Если Беляев ориентировался на Жюль Верна и приключенческую литературу, то Ефремов — на мемуары и очерки о путешествиях. Большую часть текста рассказа Ефремова часто занимает описание путешествия, которое имеет самоценный характер и никак не подготавливает появление фантастического элемента. Последний появляется лишь в самом конце, его демонстрация не запускает, а венчает сюжет, является кульминацией и практически не влечет никаких значимых следствий — финальной встречей с чем-то необычным все и заканчивается. Если рассказы Ефремова причислять к фантастике, то многие из них совершенно уникальны по тому, сколь малое значение имеют в них собственно фантастические элементы и как поздно эти элементы появляются в ходе разворачивания сюжета. В 1970-е годы своеобразной данью уважения ефремовскому стилю стали такие рассказы Дмитрия Биленкина, как «Снега Олимпа» и «Сокровища Нерианы», — в них тоже большую часть текста занимают описания тяжелых путешествий, правда, уже осуществляемых космонавтами на других планетах. Длинное описание опасной экспедиции завершается ценным открытием, в первом рассказе это запись древнего инопланетного альпиниста на вершине марсианской горы, во втором — странная форма жизни, живущая среди высоких вулканических температур. Но как и у Ефремова, эти открытия заканчивают рассказы и не влекут никаких последствий. Однако такое построение рассказов не характерно ни для Биленкина, ни вообще для рассказов этого времени.

Демонстрационная и инструментальная стратегия господствовала в литературе вплоть до 50-х годов. В этой связи любопытны ранние рассказы Стругацких конца 50-х — начала 60-х годов. С одной стороны, на фоне других авторов научной фантастики этой эпохи Стругацкие сразу же демонстрируют высокий литературный уровень. Их рассказы — рассказы будущего, рассказы, стоящие на голову выше общего уровня. И тем не менее сюжетосложение этих рассказов зачастую довольно наивно и целиком вписывается в литературную ситуацию того времени. Так, «Спонтанный рефлекс» (1958) — типичный пример демонстрационной стратегии, он сводится к аттракциону — демонстрации бесчинств вышедшего из-под контроля робота, финал рассказа — робот оказывается зажат бульдозерами и отключен, а ученым еще предстоит много интересной работы. Признаки инструментальной стратегии видны в раннем рассказе Стругацких «Испытание СКИБР». Его сюжет формально сводится к тому, что кибернетик, закончивший программирование сложной машины, намерен навсегда соединиться со своей любимой девушкой, однако в конце он вынужден принять приглашение в многолетнюю межзвездную экспедицию, так что с девушкой он, видимо, навсегда расстанется. В этом повороте — необходимость трагической жертвы со стороны ученого — уже видны нотки литературы 60-х, однако «несовершенство» — или, иначе, «архаизм» рассказа проявляется в том, с одной стороны, большую часть текста рассказа занимает описание увлекательного испытания космического робота, преодолевающего различные препятствия, то есть это явно демонстрационный рассказ-аттракцион, а с другой стороны, формальный сюжет про любовь и расставания практически не связан с этим аттракционом. Если рассказы Ефремова зачастую написаны ради описания путешествия, а фантастика в ней лишь формальный повод, то этот рассказ Стругацких, по сути, написан ради этого увлекательного испытания роботов на полигоне, которое играет роль самоценного зрелища, не связанного с той линией, которая формально является основой сюжета рассказа. Наконец, «Человек из Пасифиды» (1962) представляет собой вариацию на тему «Се-

зам, откройся!!!» Беляева — переодетый в металлический костюм мошенник обманывает американских военных, выдавая себя за пришельца из океанских глубин, строго говоря, рассказ даже не является фантастическим.

Расплата за открытие

Ситуация меняется к концу 50-х — началу 60-х годов, и тут прежде всего следует указать на три обстоятельства.

Во-первых, в советском искусстве зарождается мощная «шестидесятническая» гуманистическая струя, и фантастика также оказывается подчиненной этой задаче — задаче переработки всей культуры в духе нового гуманизма.

Во-вторых, авторитет и успехи науки уже перестали вызывать удивления и сомнения, они стали банальностью — и поэтому для фантастики стала не интересна задача пропагандировать науку — скорее, речь шла об исследовании ее «экстремальных зон».

В-третьих, само человечество столкнулось с «глобальными проблемами», что тоже отразилось на оптимизме фантастов.

В 50-х — начале 60-х годов в русском научно-фантастическом рассказе произошла и тематическая революция — к теме удивительных научных открытий и изобретений добавились темы инопланетян, выживших ископаемых или фантастических животных первобытных людей, и путешествий во времени. А кроме того, после 60-х годов фантасты «обнаружили», что открытие или изобретение может оказаться несовершенным, у него могут вскрыться глобальные, опасные для всего общества, непредвиденные последствия. Такую стратегию интеграции фантазма в сюжет можно назвать рефлексивной — поскольку она предполагает осмысление и рефлексию последствий «чуда». Так, в рассказе Дмитрия Биленкина «Париж стоит мессы» (1980) открытие антигравитации оказывается чревато странным побочным эффектом: кожа людей, находящихся рядом с антигравитационной машиной, приобретает зеленый цвет. Зеленый цвет кожи оказывается платой, которую человечеству предстоит заплатить за пользование преимуществами антигравитации — и это частный случай более общей темы — платы за научное открытие, цена открытия.

Цена бывает очень велика, и иногда предполагает жертву — в буквальном смысле слова «трагическую жертву». Так, в «Частных предположениях» братьев Стругацких (1959) возможность вернуться из межзвездной экспедиции еще при жизни своих родных и близких может быть куплена космонавтами только ценой огромных, длительных и мучительных перегрузок — буквально ценой адских мук. В «Живой воде» Григория Тарнаруцкого (1978) врач отдает жизнь, карьеру, личное счастье и здоровье для разработки «живой воды» — но запрещает использовать открытый эликсир для спасения его собственной жизни. Самопожертвование ученых было вообще важной темой тогдашней культуры — тут можно вспомнить знаменитый фильм «Девять дней одного года» и дважды экранизированный роман Даниила Гранина «Иду на грозу». Знаменитый рассказ Стругацких «Шесть спичек» (1959), в сущности, посвящен самой теме права на самопожертвование.

В НФ-рассказе второй половины XX века жертвой научной разработки часто становится ее создатель — в истории научно-фантастических рассказов на протяжении всего XX века и даже позже мы видим, как изобретения обращают свою мощь против изобретателя — разыгрываются извечные сюжеты про Фауста и ученика Чародея. Изобретатель гибнет при испытании своего изобретения («Рог изобилия» Владимира Григорьева, 1964, «Закон сохранения» Романа Подольного, 1980), испытания на себе приводят к непредсказуемым последствиям для здо-

ровья («Письмо» Романа Подольного, 1981), впрочем, последствия — например, в форме потери памяти — может почувствовать целый город («Настой забвения» Кира Бульчева, 1989). Иногда трагические последствия использования изобретений возникают вследствие ошибки или случайности — так, воспользовавшись календарем прошлого года, герой «Любви и времени» Ильи Варшавского (1970), составляя маршрут прилета своей возлюбленной, ошибается на один день и отправляет ее «во вчера». Однако чаще момент расплаты встроен в структуру самого изобретения: ускорить время полета можно только ценой перегрузок («Частные предположения Стругацких»), замедлить время в одном месте можно, только ускорив в другом и чтобы в нем обязательно находился человек («Закон сохранения» Романа Подольного), увеличение умственных способностей человека ослабляет его моральные и духовные качества («Тревожных симптомов нет» Ильи Варшавского, 1964; «Программа на успех» Александра Силецкого, 1988).

Если же попробовать назвать рассказ, который мог бы служить символическим выражением этой литературной стратегии, то стоило бы прежде всего вспомнить «Четвертую производную» Дмитрия Биленкина (1976). Само название рассказа говорит именно о последствиях научных разработок, а также о последствиях последствий, о многоступенчатой системе «вызовов и ответов» (каждая производная — новое последствие). В рассказе говорится о «Магнитном мешке» — обладающей искусственным разумом системе защиты Солнечной системы от последствий запусков межзвездных фотонных ракет. О ней конструктор говорит, что самым сложным было не конструирование, а преодоление последствий конструирования. После того как выясняется, что Мешок запрещает старт фотонной ракеты, заботясь о безопасности экипажа, конструктор говорит, что и эта проблема будет решена — и хотя речь идет об этике искусственного разума, но «в конце концов, это обычная инженерная задача».

Может создаться впечатление, что формула «расплата за открытие» использовалась и в первой половине XX века, ведь профессор Вагнер у Беляева постоянно попадал в неприятные ситуации, однако это не совсем так. В позднем рассказе мы имеем серьезный вызов, порожденный научным открытием. В ранних рассказах вызов есть, но это не социальный вызов, не моральный, он сугубо камерный — он относится к неприятным, а чаще даже комическим ситуациям, которые возникают при испытании — но именно при испытании — новой научной разработки. Так, профессор Вагнер у Беляева не справляется со своим устройством для прыжков и сильно ударяется об землю («Ковер-самолет»). Двигатель, сделанный им из руки мертвого человека, вызывает панику среди жителей деревни и арест изобретателя («Чертова мельница»). У Абрама Палея герой-рассказчик не был предупрежден, что является участником испытаний нового электромагнитного тормоза для локомотивов, и оказывается страшно напуган («Опыт машиниста Тураева»). У Владимира Немцова прибор призван управлять саранчой, но пока ученые его настраивают, они привлекают тучу слепней и оказываются ими покусанными («Шестое чувство»). Проблемы не большие и не масштабные. Проблемы не требуют рефлексии и призваны скорее развлечь читателя — но они уже в зародыше несут формулу, которая станет доминирующей позднее, — «расплата за открытие». Можно сказать, что классический поздний рассказ родился тогда, когда писатели решили расширить последствия научных открытий, перенеся их с масштабов испытательного полигона на более широкие регионы социальной реальности.

Очень важным ходом для авторов «постшестидесятичной» научной фантастики является столкновение изобретателя и научной инновации с окружающим обществом: общество оказывается неадекватным изобретению и недостойным его, изобретение в тексте рассказа оказывается инструментом социальной критики,

высвечивающим общественные недостатки. Например: слишком беспечное использование научных достижений приводит к гибели цивилизации («Эти солнечные, солнечные зайчики» Феликса Дымова, 1980), изысканный гурман убивает изобретателя синтетической пищи («Штрудель по-венски» Алана Кубатиева, 1980), другой изысканный гурман отказывает в помощи инопланетянину («Утка в сметане» Ильи Варшавского, 1968), бюрократы изгоняют инопланетянина, чьи научные достижения могут сделать бюрократию ненужной («Повесть о контакте» Кира Булычева, 1989), сотрудники научного института отправляют в сумасшедший дом посланца высокоразвитой цивилизации («Человек без пропуска» Дмитрия Шашурина, 1992).

Регулярно демонстрируемое в НФ-рассказах несовершенство изобретений, неадекватность восприятия «чудесного», по сути, означала, что научная фантастика стала инструментом самокритики сциентизма, она постоянно указывала, что упрощенный рационализм не всегда ведет к успеху, не будучи способным справиться с неучтенными факторами, а также моральными и социальными последствиями своих достижений. Идущая в этом направлении мысль писателей иногда доходила до того, что, несмотря на общий сциентистский дух научно-фантастической литературы, несмотря на то, что ее темой была наука и инженерное дело, а персонажи — ученые и изобретатели, темой научной фантастики становилось торжество иррационализма. Нотку подобного иррационализма можно, например, встретить уже в «Олгой-Хорхой» Ивана Ефремова (1943), в котором участники научной экспедиции гибнут от столкновения с неизвестным науке червем — при этом их гибели можно было бы избежать, если бы ученые больше доверяли монголу, который знал об этих червях из древних легенд. Но после 60-х такие сюжеты участились. В «Моей Галатее» Галины Панизовский (1981) показывается, что компьютер мог бы быть гораздо эффективнее, если бы обладал эмоциями и был способен любить. В рассказе якутского писателя Гавриила Угарова «Вернуть открытие» (1981) смоделирована ситуация, в которой ценное открытие в сфере трансплантологии невозможно реконструировать после смерти его открывателя — поскольку, сделать его мог только якут, доверяющий природе, живущий в мире запахов и наладивший живой контакт с собственной собакой. И даже наука будущего может столкнуться с неподвластными ей силами («Шесть спичек» Стругацких, 1959).

Рефлексивная стратегия оказалась столь удачной, что она практически вытеснила из фантастики инструментальную стратегию: во второй половине XX века уже практически невозможно встретить НФ-рассказ, в котором бы фантастический элемент занимал подчиненную функцию по отношению к любовному, детективному или военному сюжету или был бы механически контаминирован с ним.

Однако это нельзя сказать о демонстрационной стратегии. Рефлексивная стратегия оттеснила ее на второй план, но не смогла вытеснить окончательно.

Когда какая-либо новая идея, новая тема очень сильно поражает воображение автора, то рассказ-демонстрация может появиться. В некотором смысле появление рассказа, написанного в демонстрационной стратегии, является симптомом рождение новой темы, которая еще не стала привычной и может удивлять как таковая. Это происходит, если демонстрация чуда достаточно ценна сама по себе, чтобы вписывать его еще в какую-либо сложную социально-моральную коллизию. Поэтому если в своих ранних рассказах конца 50-х Стругацкие развлекали читателей «бесчинствующими» роботами, то Север Гансовский в рассказах начала 60-х, таких, как «Стальная змея» и «Хозяин бухты», развлекает читателей «бесчинствами» обладающих странными свойствами невиданных, «альтернативных» животных.

По этой же причине в 60-е годы может появиться такой рассказ, как «Тень императора» Александра и Сергея Абрамовых, рассказ без внятного сюжета, посвя-

щенный демонстрации идеи возможности реконструировать звуки прошлых времен и смоделировать на основе реплик человека прошлого его виртуальную личность. Тогда эта идея казалась в новинку, и ее достаточно было показать — между тем как уже через 10 лет, в рассказе Дмитрия Биленкина «Видящие нас» идея моделирования личностей прошлого уже подвергается моральной рефлексии: кибернетик не хочет подсматривать за интимными моментами людей прошлого и начинает осознавать, что сам оказывается под постоянным наблюдением людей будущего.

После 1960-х годов рассказы-демонстрации, рассказы-аттракционы пишутся редко, но они всегда свидетельствуют о рождении новой темы, о том, что фантастическая идея еще не стала рутинной и привычной.

Ускорение действия

Вопрос о сложных взаимоотношениях автора научно-фантастического рассказа к нормам «реалистической «литературы, какими они представляли в литературном сознании XX века, очень любопытен, поскольку вообще «презентация фантастического» может быть выполнена куда более скупыми средствами, чем обычно нужно для написания рассказа. Презентация фантастического — это прежде всего интеллектуальный эксперимент, описание чего-либо необычного и последствий его появления, это может быть описано конспективно, на уровне чистых фактов. Разумеется, никто (кроме писателя Георгия Гуревича в книге «Древо тем») не решался ограничить дело только конспектом фактов, однако существовали приемы, позволяющие сделать изложение более лаконичным. В этой связи стоит указать на ряд любопытных феноменов.

Первый — это существование рассказов, вообще непохожих на рассказ, поскольку в них описываются не герои и их действия, а именно ход событий — обычно хроника некоего общества будущего. Такого рода рассказы были распространены в основном в первой трети XX века.

Второй феномен можно назвать «документализацией». Суть этого литературного приема сводится к тому, что либо весь текст рассказа, либо его значительная часть подается как цитата или изложения некоего другого текста: письма, газетной статьи, торжественной речи, дневника или отчета. Этот прием используется в научно-фантастическом рассказе чрезвычайно часто — и кажется (хотя это только предположение), чаще, чем в современном ему реалистическом рассказе. Важнейшая функция документализации — оправдать ускорение движения действия и лаконичность в изложении сюжета, избавить писателя от необходимости, излагая факты и описывая причинно-следственные связи, слишком много внимания уделять традициям беллетристического повествования. Лучшим примером этого является «Республика Южного Креста» Валерия Брюсова, текст которой является якобы текстом некой газетной статьи. Значительная часть рассказа Михаила Арцибашева «Под солнцем» (1919) представлена как текст найденной в бутылке рукописи. Один из рассказов Романа Подольного так и называется — «Письмо», он представляет собой письмо ученого любимой девушке о ходе важного научного эксперимента.

Документализация — несомненно, один из симптомов того, что во второй половине XX века происходит интеллектуализация фантастического рассказа, который часто начинает играть роль мысленного эксперимента. Таким образом, в фантастике появляется «третий слой»: параллельно основному сюжету, построенному более или менее по общелитературным, новеллистическим канонам, параллельно фантазму, чья главная функция — удивлять читателя небывальными фантастическими явлениями.

ми, появляется еще и интеллектуальный слой, призванный конструировать и демонстрировать гипотетические структуры реальности.

Наличие интеллектуального слоя повествовании имеет очень важное последствие для композиции НФ-рассказа: стереотипным элементом текста рассказа становится обычно довольно многословное объяснение, даваемое героем, таким образом вскрывающим тайну, и разгадывающим загадку.

В результате сам сюжет перестраивается под необходимость дать герою слово для объяснения, ведь ему нужны для этого повод и площадка. Самый прямолинейный ход такого рода — когда в конце рассказа устраивается научный симпозиум (посвященный происходившим для этого в рассказе фантастическим событиям), и ученый в своей речи на симпозиуме ставит все точки над *i* — так устроен рассказ Михаила Грешнова «Краткий визит» (1988). Вообще, герои НФ-рассказов часто произносят речи — эту традицию задал еще Куприн в рассказе 1906 года, который так и называется — «Тост» (а через полвека Александр Казанцев пишет рассказ «Новогодний тост» на близкую тему). Лекции, экскурсии (особенно в научные учреждения), интервью — используются любые правдоподобные ситуации, чтобы дать герою довольно много говорить, давая объяснения. При этом стереотипным и, можно даже сказать, обязательным структурным элементом повествования становится такая фигура, как «некомпетентный собеседник». Он нужен для того, чтобы «компетентный герой» был вынужден высказаться, причем предельно популярно и проговаривая те вещи, которые вроде бы для персонажей являются самоочевидными. Некомпетентный собеседник играет в повествовании роль провокатора объяснения — это громоотвод, куда ударяет риторическая «молния». Так, в рассказах Беляева про изобретения профессора Вагнера всегда есть герой-рассказчик, выполняющий роль своеобразного «доктора Ватсона» при профессоре Вагнере. Казанцев организует в своем рассказе «Гости из Космоса» беседу ученых с моряками полярного судна. Некомпетентным собеседником может оказаться родственник ученого («День и ночь» Владимира Немцова, 1946), водителем танка, на котором едут ученые («Забывтый эксперимент» братьев Стругацких, 1959), журналист, берущий интервью («Четвертая производная» Дмитрия Биленкина, 1976). Может быть, предельного обнажения этот прием достигает в «Этих солнечных, солнечных зайчиках» Феликса Дымова, где большая часть повествования сводится к объяснениям, которые командир космического корабля дает своей жене. Жена не просто менее компетентна, чем остальной экипаж, но она еще и — так специально выстроено действие — опоздала к ночному собранию экипажа корабля, и поэтому — как бы для нее, а на самом деле для читателя — космонавты вынуждены еще раз кратко проговаривать всю фантастическую коллизию, с которой они столкнулись.

Научно-фантастический рассказ часто является полем напряжения между «литературным» и «интеллектуальным». «Интеллектуализация» требует концентрации смысла, ускорения темпа повествования, отбрасывания лишних подробностей и лирики — и вот для выполнения этой темы авторами, во-первых, используется прием «документализации» и, во-вторых, введение словесных объяснений, которые являются концентраторами смысла, резюмируя то, что было видно из предшествующего текста лишь намеками и разрозненными фрагментами.

Как закончить: пуанты и эпилоги

Научно-фантастический рассказ в большинстве случаев является разновидностью новеллы, а для новеллы характерно так называемое «новеллистическое окончание»,

в котором сочетаются свойства финала и кульминации, а иногда еще и присутствует так называемый «пуант», то есть внезапный поворот сюжета. Важной особенностью русского научно-фантастического рассказа XX века является то, что в значительном числе случаев писатели к такому новеллистическому финалу не прибегают.

При анализе текстов научно-фантастических рассказов крайне интересным представляется такой аспект, как соотношения финала рассказа с развязкой сюжета. Логично было бы ждать, что эти два финала — логический и композиционный — совпадают. Так, несомненно, бывает, но не менее распространен и другой вариант композиции, когда сюжет закончен, но текст еще длится какое-то время. В произведениях большой формы такой прием иногда называется эпилогом, который определяется как заключительная часть, прибавленная к законченному художественному произведению и необязательно связанная с ним непрерывным действием. Такие микроэпиплоги часто имеются и в научно-фантастических рассказах. В этой связи финалы научно-фантастических рассказов можно разделить на две большие категории: финалы-развязки и финалы-эпиплоги.

Финал-эпилог часто является симптомом некоторой «стыдливости» автора, не желающего подчиняться только характерным именно для фантастики художественным задачам. Эпилог часто используется писателем для того, чтобы отдать дань законам нефантастической художественной прозы, как они ему представляются, реже задачам научно-популярной и интеллектуальной литературы. То есть эпилог часто используется автором, чтобы хотя бы частично выйти за пределы жанра.

Вообще, функции эпилога чрезвычайно разнообразны. Иногда он должен рассказать о том, что же было после развязки. «Республика Южного Креста» Валерия Брюсова заканчивается тем, что описывается, как разрушенный город опять восстанавливается. В «Механическом правосудии» Куприна после того, как изобретатель машины для телесных наказаний во время демонстрации сам попадает в нее и оказывается выпоротым, дается главка, рассказывающая, как изобретатель жил после этого случая — таким образом, масштабы «хронотопа» в эпилоге резко меняются, вместо поминутного репортажа дается обзор многих лет жизни.

В эпилоге может демонстрироваться, как принятое героями решение воплощается в жизнь. В эпилоге рассказа Феликса Дымова «Эти солнечные, солнечные зайчики», в котором принимается решение, что развоплотившиеся инопланетяне будут рождаться на земле в виде земных детей, показывается, как эти дети начали рождаться.

Иногда в эпилоге решается вопрос о возможности доказать или подтвердить те события, которые для читателя и героя, в сущности, в доказательстве не нуждаются. В «Первых людях на первом плоту» Стругацких (1968) герои в финале уничтожают улики, доказывающие реальность фантастического происшествия. В финале «Высота 4100» Василия Карпова (1984) появляются результаты анализа, подтверждающие древность неандертальца, с которым встретились альпинисты.

Для рассказов 30–50-х годов характерны оптимистические финалы, рассказывающие о том, какие открываются перспективы в связи с очередной научной разработкой и как много интересной работы еще предстоит

И пожалуй, важнейшее явление в эволюции композиции научно-фантастического рассказа, которое можно было наблюдать в постсоветское время, заключается в том, что писатели все-таки уже начали отказываться от эпизодов, сводящихся к возданию должного литературным законам — и от лирических введений в начале, и от вялых эпилогов в конце. Интерес читателя оказался важнее, чем дань литературным традициям, финалы постсоветских рассказов стали более энергичными и более точно совпадать с моментом развязки, а также часто и кульминации.

Вера ХАРЧЕНКО

РАССКАЗЫ О СЛОВАХ, ИЛИ...?

«Практическая значимость...» исследований по русскому языку обычно нацеливает на преподавание и работу со словарями, что, конечно же, важно, но, как представляется, есть и иные перспективы. О них и пойдет речь. Каким образом добиваться, чтобы общенациональный язык сокровенными, священными своими смыслами реально влиял на качество жизни, увеличивая ее продолжительность, сохраняя и множа краски каждого дня и часа?

Вопрос запредельно широк, поэтому попробуем выделить два направления разговора.

Первое направление касается статуса слова. Профессор Курского государственного университета А. Т. Хроленко считает своим долгом рассказывать (полученную, кстати, десять лет назад, на основе интернет-сайтов!) информацию о том, как отношение к русскому языку изменилось по одной, весьма неожиданной причине. В США, Израиле, Франции русский язык стали признавать... оптимальным инструментом мышления.

В Соединенных Штатах Америки было замечено, что в лаборатории высоких технологий, как только возникает у проблемы сложность решения, участники дискуссии, хоть немного владеющие русским языком, сразу же переходят на русский язык. Русский язык оказывается более удобным для обсуждения и «каменной преткновения», и ускользящих «невыразимостей», то есть наиболее тонких и сложных материй.

Примерно в это же время в другой точке планеты обратили внимание на неравновесность успехов детей. «Израильские ученые оценили силу русского языка» — под таким заголовком была опубликована информация об успехах владеющих русским языком израильских школьников, причем успехах во всех остальных сферах знания.

Во Франции выбор для изучения одного из четырех-пяти языков по традиции является свободным. Но из года в год обнаруживается, во-первых, что при любой политической ситуации русский язык выбирает постоянный процент студентов, а во-вторых, что еще интереснее, при всей исключительной трудности изучения русского языка каждый год этот язык выбирают наиболее сильные студенты.

Талантливые студенты предпочитают изучать именно русский язык. В своем докладе 29 июня 2007 года на конференции в Славянске-на-Кубани А. Т. Хроленко также подчеркнул, что, помимо количества слов (здесь мы проигрываем английскому языку

Вера Константиновна Харченко родилась в Калинин (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор, заведует кафедрой филологии Белгородского национального исследовательского университета. Автор более 500 научных работ и пяти поэтических сборников. За двухтомный «Словарь богатств русского языка» в 2004 году удостоена медали ВВЦ (ВДНХ). В журнале «Знамя» в 2006 году опубликовала статью «Русский язык: бедность или богатство?». Живет в Белгороде.

ку, у которого свыше миллиона слов!), есть понятие качества слова, его ассоциативной мощи. И вот тут-то русскому языку нет равных. Слова выхолащиваются, такова их особенность, но неспешное, в охотку, для себя чтение книг незаметно наполняет образовавшиеся пустоты вновь обретенными смыслами.

Занимаясь свыше тридцати лет сбором детских высказываний, я едва ли не ежедневно становлюсь свидетелем преодоления ребенком катастрофических трудностей процесса усвоения русского языка, бесчисленных непопаданий в норму, повторяющихся, почти неизбежных ошибок. К слову, крупнейший специалист по детской речи Стелла Наумовна Цейтлин (СПб.) как-то сказала на конференции, что путь английского ребенка к норме не столь труден и долгов, как путь русского. Но впоследствии все это, преодоленное и усвоенное, может замечательно окупиться качеством мышления.

Приходится напоминать родителям, как важно подолгу и по-хорошему беседовать с детьми (и не столь важно о чем!), как замечательно читать вслух (в десятый, двадцатый, сороковой раз — раз уж что-то понравилось, никогда не спрашивая о впечатлении: семья не школа, и чтение — процесс личностный, интимный!). Нелишнее также напомнить, как важно петь певучие советские или старинные песни: ведь именно они хорошо поются... *«Утро краси-ит нежным свето-ом стены древнего-о Кремля...» «То не-е ветер ве-е-етку клонит, не-не дубра-а-ву-ушка-а-а шумит...»*

Однако у прикладной филологии может быть и более радикальная задача, второй путь в нашей классификации — менять восприятие того или иного слова, то есть через ревизию некоторых понятий пытаться... управлять языком.

В этом плане мы бы выделили, как минимум, восемь типов «работы над словом».

Первый тип — **восстановление утраченного**. В Белгородском государственном национальном исследовательском университете с 2002 года осуществляется изучение языка семейных родословных: собирается банк данных, публикуются статьи, защищены три диссертации. А началось все очень интересно. Нужно было сформулировать тему зачетной творческой работы по предмету «Русский язык и культура речи» так, чтобы ушлый студент не мог скачать в Интернете или не написал бы того, что пишут абсолютно все опрашиваемые: о плохой речи окружающих, плохой речи начальства, политиков. И тема, вызывающая «изнутри» лучшие слова, была придумана: «История моей семьи!» Читая сочинения студентов, мы не только восхищались самим языком, но неожиданно для себя вышли на проблематику восстановления утраченного (кстати, сейчас мы прекратили сбор материала: слишком много стало «электронных помощников»!).

Итак, в сочинениях студентов можно выделить такие понятия, как СВЕРХМНОГОДЕТНОСТЬ (десять и более детей в семье), СВЕРХДОЛГОЛЕТИЕ (перешагивание 90-летнего рубежа), ЛИЧНЫЙ ГЕРОИЗМ (скрытое от глаз окружающих, неизвестное за пределами узкого круга мужество ухода за тяжелобольным родственником, несение креста инвалидности, стойкость в заботе об обеспечении семьи).

Спрашивается: зачем рассказывать, если это совершенно исчезло из жизни? Исчезло ли? В Ростове-на-Дону живет матушка Наталья и растит в своей семье 13 детей. «Матушка, а вы не устали?» — спрашивает ее знакомая, мать троих детей. «Сейчас немножко устала!» — прозвучал ответ.

Помню сочинение студентки-казашки о маме, помогавшей своим братьям и сестрам и потому поздно вышедшей замуж. Но начав супружескую жизнь в 38 лет, эта женщина родила десятерых.

Светлана Шатохина в своей заметке пишет о семье Виктора Андреевича и Ольги Александровны Классен, в которой растут Маргарита, Елизавета, Анита, Эльвира, Яков, Валентин, Альвина, Тавифа, Виктор, Андрей, Вениамин и Филимон. Вот такие красивые и редкие имена звучат каждый день в их доме, а называет детей всегда...

папа. Родители, когда поженились, решили: сколько Бог даст детей, столько и вырастим (газета Белгородского гос. ун-та «Будни» от 28 февраля 2008 г.).

Можно сосчитать детей в чужой многодетной семье, но невозможно сосчитать тех, кто родился вторым, третьим ребенком только потому, что были примеры многодетности и сверхмногодетности. В троллейбусе довелось услышать: *Племянница ходит пятым ребенком*. Аналогичными примерами полны семейные родословные. Существовало, получается, и такое значение творительного падежа, которое можно обозначить как «творительный беременности». *Когда мама была беременна Васей...* Естественно, если, кроме Васи, никого в семье не появилось, то и падеж свернулся.

Восхитительно, как язык «обслуживал сверхмногодетность» и на уровне пословиц (*Бог даст его — даст и на него; Где два — там и третий; Носи дитя, пока маленькое: вырастет — не поносишь*), и на уровне передаваемых по наследству сентенций. *Мама говорила: женщина не должна себя наказывать!* Отказ от возможного ребенка расценивался в этой белгородской семье, сохраняющей традиции казачества, как... наказание.

Сверхмногодетность связана с тоже утраченным понятием СВЕРХДОЛГОЛЕТИЯ. Дело в том, что наличие (присутствие, помощь, участие!) здоровой бабушки может стать решающим фактором пополнения семьи еще одним человечком.

Спрашивается, кто вживил в наше сознание среднюю продолжительность жизни с отметкой на семидесяти? Ах, наука, статистика! А ведь это коварное, даже опасное знание, становящееся на бессознательном уровне проектным. Тексты семейных родословных системно свидетельствуют, что в условиях революции, голода, раскулачивания, войны, еще более страшного голода, потери близких наши предки ухитрялись многочисленными рядами перешагивать 90-летний рубеж. И это в условиях России с тяжелым, непредсказуемым даже для хлеба засушливым климатом!

В плане установки на сверхдолголетие русский язык и тут идет на помощь: *Умирает не старый, а постелый*. Двумя этажами ниже меня жил бывший судья. Ему было почти 100 лет. Судья всю жизнь делает зарядку, только и всего. Наше тело — самый благодарный наш друг. Немного заботы, но какая отдача! Может быть, мы жизнь не только получаем, но и задаем? Собирая детскую речь, я иногда спрашивала шести-, восьмилетних: *Как думаешь, старость — это плохо или что-то в старости есть и хорошее?* Увы и ах: позитива дети не говорили. А ведь это весьма чревато, что от далекого будущего человек ничего хорошего не ждет. Психологи сравнивают жизнь с художественным текстом, тем более хочется, чтобы интересная книга подольше бы не кончалась. Кстати, в исследовании Н. В. Новиковой отмечено, как много в древнерусском языке было форм будущего времени¹. Мы стали бояться загадывать, мечтать, строить долгосрочные планы, что и отразилось на судьбе слова.

Что касается ЛИЧНОГО ГЕРОИЗМА, то именно семейные предания содержат много примеров исключительной заботы о близких людях, например о спокойной, даже веселой женщине *на дощечке* (без ног), посвятившей жизнь сестре и ее семье. Священны для отечественной лингвистики судьбы известных ученых, беззаветно служащих еще и тяжелобольным детям. Такое служение — национально значимое мужество сегодняшнего (не только вчерашнего или позавчерашнего!) периода отечественной истории.

Следующий, второй тип работы над словами в коллективном бессознательном предполагает **создание того, чего нет**. Попытки участвовать в языковом эксперименте широко известны. Это словотворчество В. Маяковского (наиболее известные примеры: «серпастый», «молоткастый»). Это Велимир Хлебников, предложивший,

¹ Н. В. Новикова. Семантика будущего времени древнерусского языка / Н. В. Новикова // Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 — Тамбов, 2004. — 45 с.

например, слово «красавда»: красота + правда. Это великие лексикографы прошлого, прежде всего Владимир Иванович Даль, включивший в свой словарь не один десяток придуманных слов: *ловкосилие* — гимнастика, *побудка* — инстинкт, *истинник* — капитал. Из современных ученых отметим Михаила Эпштейна, приглашающего через Интернет участвовать в обогащении русского языка. Есть слово «любовь», но спектр употребления слова столь широк, что автор предлагает несуществующее пока в языке более узкое: «любь».

Но мы будем говорить о другом, социально более злободневном словотворчестве. Логично спросить: а чего, собственно, русскому языку не хватает? Есть известное мнение: остро недостает обращения к не очень молодой женщине и не очень молодому мужчине. Некорректно обращаться к человеку по признаку пола: *Же-енщина! Мужчи-ина!* Вооружимся, однако, терпением: социальные перестройки покушаются в первую очередь на систему почтения, и необходим протяженный временной срок, чтобы обществу вновь привыкнуть, приспособиться к словам *господа, сударь, сударыня, дамы и господа*. Тем более нужно время, чтобы «придумать» новые обращения (в последние десятилетия активизировалось обращение: *коллеги!*).

Но сейчас, повторяем, мы планируем говорить о других отсутствиях. Как это ни странно, в языке нет слова, обозначающего ЧЕЛОВЕКА, ВЕДУЩЕГО ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ. В слове «зожники» («Здоровый образ жизни») больше насмешки, нежели уважения. Иногда в подтексте прочитывается: чуть ли не «эгоист»: *Ишь бегаёт, себя бережет! Лучше б полы подтер!* Обратимся к фактам истории языка. *Поднимался он ранешенько, умывался он белешенько!* Это былины. Существовал и такой эпитет, как *бел-румян*. Вместо этого сентенция: *Красное лицо — синий диплом, синее лицо — красный диплом*. Да и не «лицо» говорят, используют синоним похуже. А каким веселым ощущением здоровья наполняет старинная поговорка *В зимний холод всякий молод!*

Наверное, должно появиться слово СВЕРХТРЕЗВОСТЬ как абсолютный отказ от всех вариантов употребления спиртного. Нам известны такие люди. По жизни они есть, а вот самого слова для их обозначения, для выделения такой поведенческой установки нет.

Нет слова, которое обозначало бы СОБИРАТЕЛЬНИЦУ или СОБИРАТЕЛЯ СЕМЬИ, то есть члена семьи, письмами, расспросами, встречами скрепляющего, собирающего семью.

Рассуждая о вечном трагизме сборов в дорогу, я думала, что одна паникую перед любым отъездом из дома. Потом мне сказали, что в немецком языке есть специальное слово, которое переводится как ДОРОЖНАЯ ЛИХОРАДКА. Наверное, такое слово хорошо бы иметь и русскому языку?

Еще очень важно ввести в общеупотребительный язык слово СВЕРХОБУЧЕНИЕ. Мы вычитали о феномене сверхобучения в статье, посвященной Ортогенической школе Сони Шенкман при Чикагском университете, где учат детей, пребывающих не в ладах с миром. И там задачу решают по несколько раз: и играют в нее, и возвращаются к ней, и... «Сверхобучение означает сверхтщательную проработку материала. Учитель никуда не торопится, он переходит к новому материалу только тогда, когда старый абсолютно надежно усвоен. Сверхобучение — сверхнадежность»².

Восхваление способностей наших детей (справедливое!) иногда сопровождается пренебрежением к закреплению изученного. Школа постепенно отдает механизмы настоящего знания репетиторству, но по всем предметам репетиторов не нанять. Поэтому для домашнего обучения, особенно младшеклассников, возвращение к изученному по математике, по музыке, по русскому и английскому языкам весьма плодотворно.

² М. Максимов. Только любовь... Не мало ли? // Знание — сила. 1987. № 7. С. 71—77.

Недостает частотности слову УЛЫБЧИВОСТЬ как обозначения прелестной черты характера. Сергей Есенин случайно ли считал: «Самое трудное — быть простым и улыбочивым»?

Следующий, третий тип управления языком касается противоположного действия: **непроговаривание слов**, эксплуатировать которые весьма нежелательно. Искусство замалчивания напоминает «пустоты» в кружеве, и эти пустоты могут сделать обычную речь изящной и привлекательной. Но замалчивание — это далеко не только отказ от издевки, резкости, тем паче от сквернословия. Грубые, оскорбительные слова лежат как бы на поверхности запрещающей стратегии, а мы копнем чуть глубже.

Оказывается, нельзя объявлять о МИРОТВОРЧЕСКОЙ миссии: миссия будет провалена. «...Просчеты миротворчества заключаются, по-моему, в активном желании некоторых политических деятелей прослыть миротворцами, вместо того чтобы стать ими благодаря невидимым и невыгодным для карьеры действиям»³.

Нельзя ВЫЯСНЯТЬ ОТНОШЕНИЯ, поскольку «*Каждый человек внутри себя прав*». Нет, выплакать обиду, объясниться можно («*В огне ссоры сжигается мусор обид*»), но все-таки чем меньше говорится в таких ситуациях, тем лучше для обеих сторон. А всего лучше ограничиться одним словом: «Проехали!» — и приниматься за насущные дела.

Далее, внутренняя установка на долголетие запрещает украшать речь повтором В МОЕМ ВОЗРАСТЕ, запрещает даже в шутку говорить о СТАРЧЕСКОЙ ЗАБЫВЧИВОСТИ.

Утрата в языке форм и значений отдаленного будущего, о которой говорилось выше, связана и с боязнью сглаза, и чем меньше будет этой (коммерчески организуемой!) общей боязни, тем реальнее будет то самое сверхдолголетие. Попробуем не говорить: *А то сглазят!*; *Как бы не сглазили!* — и проверим, ухудшилась ли жизнь.

Страх за ребенка — серьезнейшее условие продолжения рода, но он может быть столь великим, что сама мать, объятая страхом, в таких случаях становится причиной детского недомогания⁴. Я этого не знала и страхом портила себе материнство. Только после знакомства с идеями Маргарет Мид (*Над тканью хорошего надо работать; Кто внушил, что счастье не может быть долгим?*) до меня дошло, что о сглазе лучше не говорить и даже не думать.

Здесь нелишне сказать и о внутрижанровых потерях: очень многие пугающие приметы помимо событийной и прогнозной частей имели еще и страховочную часть: что предпринять, чтобы плохое не случилось. Если мы верим в некоторые приметы, то будем применять и страховку — незатейливое действие на случай плохого прогноза: посмотри в зеркало, переверни головной убор, расскажи сон воде.

Давно напрашивается отступление — не столько традиционное, «лирическое», сколько драматическое — о праве на публикацию подобных установок. В идеале автор всего этого материала должен быть весьма здоровым человеком, с нормальным (хоть в космос лети!) давлением, в возрасте, как минимум, 91 года, к тому же имеющий ...надцать детей и внуков. А поскольку ничего этого нет, то спрашивается: кто дает моральное право диктовать другим сверхтребования, сверхустановки? Ответим.

Во-первых, такое право дает наметившееся сейчас в обществе педалирование иных, противоположных, установок. Вместо радости за чужое счастливое материнство, когда у преподавателя, кандидата наук, появился четвертый по счету малыш, звучит недовольство: *Зачем плодить нищету?* — или другими устами сказанное: *Они рожают, а за них работай, веди занятия!* Вместо продвинутых, дальнобойных планов на сле-

³ В. Лефевр. Слыть миротворцем или быть им? // Знание — сила. 2002. № 3.

⁴ Т. Б. Щепанская К этнокультуре эмоций: испуг (эмоциональная саморегуляция в культуре материнства) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. — М.: РГГУ, 2001. — С. 248–249.

дующее десятилетие — «мораль»: *Зачем быть кому-то в тягость?* Вместо заботы о здоровье — бесконечное обсуждение «экологии». Заботу о себе отмечаем по принципу «Все или ничего!». А поскольку «все» невозможно (забота о положительных эмоциях, зарядка, полноценный сон, обливание, массаж, обилие фруктов на столе и далее со всеми остановками!), тогда... *Пусть мне будет хуже!* — тогда вообще ничего!

Во-вторых, право публикации дает такая особенность мечты, как ее запредельность. Энергия мечты срабатывает только тогда, когда новенькая мечта дух захватывает. *Мы можем больше того, что можем,* — говорила совсем еще юным пианистам замечательный педагог Анна Артоболевская.

Продолжим наш перечень.

Следующий, четвертый, тип «управления языком» можно обозначить как **детерминологизацию** некоторых актуальных для социума терминов. Есть, например, такой термин, как СИБЛИНГИ (братья и сестры), сиблинговое общение. Само слово способно встревожить тех, у кого один ребенок, лишенный особого типа общения. Только когда у меня появился второй внук, со всей остротой я поняла, как не хватало единственному моему сыну такого вот братика, «братана». Кстати, можно заявить и о необходимости словесного размежевания младшего и старшего, младшей и старшей (сестры, брата). В Белгороде в течение двадцати лет на национальном отделении учились студенты из Бухары, и не раз приходилось сталкиваться с непониманием: *Ты говорил: братьев нет, а в личном деле указано, что есть? — Так то не брат, то братишка!*

Но вернемся к сиблингам. Я записывала речь Роланда, приехавшего из Конго (мама у мальчика русская, папа — негр, учившийся в Белгороде и ставший доктором филологических наук): *Скажи, а те, с кем ты играл в Конго, дружные были или иногда дрались, ссорились? — Нет. Там было две семьи. В одной 15 детей, в другой 17. Не дрались...*

Детерминологизации, по-видимому, требует и такой термин, как ГЕТЕРОЗИС, обозначающий, в частности, межнациональные браки. Положительный эффект от присутствия в родословной чужой крови сопряжен и с эффектом взаимодействия культурных традиций. То, что рядом с русскими в Поволжье, жило много немцев, не могло не сказываться на общем строе бытия.

Спокойного восприятия требует глагол ФЛАНИРОВАТЬ в значении с удовольствием бродить по улицам, предпочитая любимые маршруты.

— *Давай в никуда,* — согласилась Ася. *И они пошли с мамой рядом, как подруги, которым просто приятно такое избранное общество и они другого не ищут*⁵.

Следующий, пятый, тип исправления касается витающих над словом эмоций, оценок. Некоторые концепты и, соответственно, слова требуют **изменения «минуса» на «плюс»**. Д. С. Лихачев восхищался старинными словами, пытался восстановить их права. Вчитаемся: *благоразумие, смиренномудрие, кроткий*. Дети на вопрос: *Кто такой «кроткий» — как ты понимаешь?* — отвечали, не задумываясь: *Больной!* Прекрасно слово СМирЕНИЕ! Смирение отличается от «терпения»: терпим мы вынужденно, а вот смиряемся добровольно (наблюдение писательницы Нины Горлановой). Смиряемся осознанным усилием ума, памяти, воображения, души. Когда женщина становится свекровью, то регулятором речевого поведения может стать внутренняя установка на смирение. Не случайно же возникла метафора про отрезанный ломоть, который не приставишь.

Изменения минуса на плюс требуют и такие слова, как ДЕНЬГИ, ДОСТАТОК, МАТЕРИАЛЬНАЯ СТОРОНА ЖИЗНИ. Ничего нет предосудительного в стремлении

⁵ Зоя Журавлева. Кувырок через голову // Нева. 1982. № 1.

обеспечить семью, лучше обставить квартиру, позаботиться о даче, нарядиться, наконец.

Погоня за материальными благами, одни тряпки на уме, вертится перед зеркалом, еще один дом построили, на трех работах, все в дом тащит — такие фразы для слабого восприятия могут родить мысль, что куда спокойнее лежать на диване, чем строить, рисковать, зарабатывать.

Соответственно, более положительным должно стать и слово БЕРЕЖЛИВОСТЬ. Существовали пословицы: *Бережливость лучше прибытка, Деньги любят тишину, Люди на рынок, а мы в клеть.*

Обратимся и к заимствованному слову РЕФЛЕКСИЯ, которое ассоциируется с самокопанием, гамлетизмом, бездействием, унынием, безысходностью, тогда как искусство «плюсового прочтения» слова «рефлексия» может приучить человека грамотно выходить из состояния тревоги и печали. Отпустить или не отпустить шестнадцатилетнего сына одного за границу? Стоит правильно поставить перед собой вопрос: *страх или развитие?* — и ответ приходит сам собой. Семья на грани развала, конфликты, обиды. Займемся рефлексией: *А ты что, хотела стопроцентного счастья, чтоб счастливее всех быть?* Само слово *стопроцентный* помогает переживать тяжелое время: *сегодня выдержали, сохранили ниточку, и завтра выдержим, по дням перетерпим.* Управление собственными эмоциями (не в плане их сдерживания — не очень-то их и сдержишь! — а в плане направления их по другому руслу!) — жизненно необходимое искусство.

Собирая материалы для словаря детского языка, мы иногда для разрядки спрашивали детей о том, что интересно было нам самим. Помните наш вопрос: *Скажи, старость — это плохо или есть и нечто и хорошее в старческом возрасте?* Ответ малолетних, повторим, всегда был однозначно пугающим. В этом вопросе в отличие от других дети — увьи! — были на редкость единодушны: *Плохо — все! — Да что же? — Скоро умрешь! (Один ответ.) Внуки шумят! (Желанная для стольких людей перспектива интерпретировалась «внуками» как «минус», видимо, их за шум наказывали!) Все купаются, а ты в тенечке лежишь! (Да спасибо, что на пляж взяли!) СТАРОСТЬ* постепенно лишилась положительных оценочных смыслов. В чем-то, по-видимому, виноваты и сами стареющие: мы не проговариваем великолепных приобретений каждого нового возраста, не делимся искусством стареть. Не о косметике здесь идет речь и не о здоровом образе жизни, а скорее о здоровом образе мышления, искусстве диалога с возрастом.

Стоит изменить выражение, как тут же меняется смысл. «Мой приятель однажды сказал задумчиво: „Я бы, может, и вышел на пенсию, если бы это не называлось выйти на пенсию“, — рассказывает герой современного повествования.

Более плюсового восприятия требует такой концепт, как РОДСТВЕННИК. «Теперь общаются с кем угодно, только не с родственниками. Свобода, которую предоставил город, это ведь, знаете, свобода возможностей, свобода выбора не только образа жизни, занятий, но и самое главное — свобода привязанностей»⁶.

Более положительного, благодарного восприятия требует и концепт ТЕТЯ. В русском языке этим словом обозначается и родной человек, и совсем незнакомая дама. Кстати, исключительно важно написать большое психологическое исследование о роли тети в семье. Тетушка растила маленького Льва Толстого, возила его с собой по монастырям, говорила с ним так, что писатель помнил эти слова всю жизнь. Валентина Катаева, уникального по стилю писателя, растила сестра рано умершей матери. А вот признание Сергея Боброва, ученого и писателя: *Тетя справедливо считала, что у детей должна быть своя жизнь. А так вообще здесь все проще. И есть еще*

⁶ Валентина Ермолаева. Мужские прогулки // Наш современник. 1978. № 7.

равнодушное здравомыслие тетки, которая считает само собой разумеющимся, что и дети тоже люди и не надо им мешать жить... Это курьезное и, наверное, совершенно неправильное с принципиальной точки зрения «рассуждение» ужасно как облегчает наше существование⁷.

Восстановить «плюс восприятия» требует и такой концепт, как СВАХА. Выполнить функцию свахи, познакомить людей, предназначенных друг для друга, помочь появлению семьи — замечательная миссия, но и требующая высочайшей интуиции и культуры воздействия. В романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» показано, сколько людей помогало рождению счастливой семьи (Кити и Левина) и как было не просто устроить все это.

Есть и шестой, противоположный вектор переключения знаков, а именно **некоторое ослабление плюса в восприятии того или иного концепта**.

Например, концепт СЧАСТЬЕ. Рынку, торговле нужны праздники. Непременный атрибут праздника — поздравления, но, поздравляя, мы обязательно желаем счастья. И начинается тяжелое ожидание того, что будто бы у других есть, а у тебя нет того, что лучше называть «побочным продуктом правильно организованной жизни».

Кстати, и сам концепт ПРАЗДНИК тоже требует учета того, что неотъемлемой частью праздника, об этом писала, в частности, Татьяна Чередниченко⁸, является... разочарование. Любой праздник разочаровывает, такова его особенность праздника. Но как сладостно ожидание праздника, его предвкушение.

Ничего плохого мы не скажем про ЛЮБОВЬ, если только ожидание большой, настоящей любви не приведет к одиночеству. У человека должна быть семья. Человек должен испытать радость супружества, материнства или отцовства. Поэтому, восхваляя любовь, будем напоминать и о необходимости создания семьи тоже. Но самое интересное, что и «семья» требует более осторожной, более деликатной интерпретации. Приведем сочиненное нами стихотворение «Семьи».

Один ребенок — огонь: / И словом его не тронь, / Ближе шагнешь — опалит, / Вроде долбишь, как дятел, / Отойдешь — сердце болит: / Получается, сам предатель. / Два ребенка — два берега, / Блещет зеркалом гладь, / То ль к тому, то ль к этому / Душу приладь. / Вроде и хорошо, что двое, / А — никого с тобою. / Больше деток — модель отошедших эпох, / Домашний социум курирует Бог, / Сладко множить фамилию, отчество, / И еще одного родить хочется. / А есть те, у кого — никого. / Телефон, телевизор, кот / И беда тишиной у ворот, / И понять не дает беда, / Что один все равно звезда, / Что на ветви его — венец / И не страшно, что роду конец.

Обратимся еще к одному концепту. Слово БОЛЕЗНЬ в нашей русской ментальности приобрело издавна оттенок и уважительности, и сочувствия. Не оттого ли столько больных? Не будем валить на «экологию». Помню, пришла я к врачу с жалобами на жестокие головные боли. Мой собеседник, кандидат медицинских наук Виталий Николаевич Легкий разговор начал так: *Итак, сколько времени в течение дня вы занимаетесь своим здоровьем?* Все стало ясно и без анализов.

Снижения позитива требует, конечно же, слово ДИЕТА. Хорошее настроение, захватывающие дух планы — действительно, панацея от всех болезней (но отнюдь не эксперименты по усечению разнообразия рациона!).

Седьмой вектор управления языковым богатством — **снятие юмористической составляющей с трактовки ряда концептов**, например, такого, как ПЬЯНСТВО. В журнале «Знамя» (2006, № 9) помещена горестная статья журналистки Елены Холоповой, впервые оспаривающей истину: *Смеясь, люди расстаются со своим прошлым*. Страшная судьба спивающихся не только деревень, но и городов налагает вето

⁷ С. П. Бобров. Мальчик. Лирическая повесть. — М.: Советский писатель, 1966. С. 144.

⁸ Татьяна Чередниченко. Праздничность // Новый мир. 2002. № 11. С. 155–163.

на ставшую устойчивой юмористическую компоненту изображения ситуаций пьянства. Появились анекдоты и о наркоманах. Конечно, с анекдотами не все так однозначно. Социологи установили, что этнические анекдоты про русских, евреев, китайцев, немцев, как это ни парадоксально, чувства вражды отнюдь не усиливают. Но одно дело инаковость другой нации, а другое — опасность, исходящая от внутринационального пьянства, будто бы приемлемого в малых дозах и ужасного, когда возврата уже нет.

Но и здесь можно найти не юмористические, а высокие слова. Этот разговор хорошо иллюстрируется судьбой Федора Углова — врача, хирурга, занесенного в Книгу рекордов Гиннеса, поскольку человек, абсолютно отказавшийся от всех видов и форм вливаний, в свои сто лет продолжал оперировать. Столетие Ф. Углов отметил 5 октября 2004 года. В истории российской педагогики и культуры идею абсолютного отказа от всех видов спиртного последовательно проводил в жизнь известный педагог Сергей Рачинский⁹, написавший много писем молодежи, создавший общество трезвости.

Снятия или хотя бы уменьшения юмористической компоненты требует и понятие ВОРОВСТВО. Некогда существовало очень точное обозначение пристрастия к этому занятию. Герой романа Алексея Слаповского «Анкета» восхищался пословицей из сборника В. Даля: *Вворовавшись, не вдруг отстанешь от привычки (Какое слово! — Вворовавшись!)*.

Восьмой тип работы над словами — противоположный: **подключение юмористики**. Наверное, это такие концепты, как ТЕРПЕНИЕ, ДИСЦИПЛИНА. По словам писателя Л. Пантелеева, мама учила его *веселому терпению*. В других своих работах мы писали, как старец требовал сажать рассаду корнем вверх (послушание дороже рассады!), как в армии старшина приказывал хоронить... окурки (умей выполнять любой приказ!). Юмористическую компоненту в повседневный «напряг» и драматизм нередко привносит гипербола. Например, о детях в собственной семье: *Атомное терпение с ними нужно!* (Н. Горланова).

Необходимость личной дисциплины в речи профессор И. А. Стернин отстаивал через веселый жаргонизм: «фильтруй базар». Учителя не боятся использовать юмористическую компоненту при трактовке трудного материала, и это прекрасно: посмеешься и преодолеешь.

Таковы, как нам представляется, некоторые задачи прикладного знания, от решения которых может зависеть и качество жизни, и социальное здоровье нации в целом. Теперь спросим себя: а кто может рассказывать о словах с некоторой поправкой их восприятия? Журналисты? Отнюдь. В мире ежедневно происходит столько сенсаций, что работник современной прессы едва успевает справляться с анализом очередных неприятностей. Думается, что, рассказывая о словах (есть такой незатейливый жанр публичных выступлений!), именно филолог может мягко влиять на то самое коллективное бессознательное, от которого зависит если не все в социуме, то очень и очень многое.

⁹ Сергей Рачинский. Школьный поход в Нилову пустынь // Литературная учеба. 1993. № 5—6. С. 69—94.



Искусство чтения

Олег АЛИФАНОВ

ЕЩЕ О ЗАГАДКАХ «ПИКОВОЙ ДАМЫ»

Повесть Пушкина и читателю XIX века казалась загадкой, а для нашего современника это — настоящий ребус.

Повесть начинается с описания ужина, где происходит важный разговор, который обычно игнорируют, между тем именно он служит подлинной завязкой сюжета:

- Что ты сделал, Сурин? — спросил хозяин.
- Проиграл, по обыкновению. Надобно признаться, что я несчастлив: играю мирандомом, никогда не горячусь, ничем меня с толку не собьешь, а все проигрываюсь!
- И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставил на *руте*?.. Твердость твоя для меня удивительна.

Зачем нужен автору неудачник Сурин, который больше не появится в повести? Считается, что Пушкину надо было разогнать действие, перед тем как Томский расскажет о бабушке — что и станет завязкой. Но нет, диалог Сурина и Нарумова имеет самостоятельную ценность. «Пиковая дама» даже для пушкинской прозы предельно лаконична, поэтому ни одного случайного слова там просто не может быть. Неудачник Сурин призван ввести в текст ключевые слова, прежде чем исчезнуть. «Ключевые» — значит дающие ключ к разгадке всей повести. Это не случайные карточные термины, они связаны и с фабулой, и с характерами персонажей.

Итак, Сурин играет мирандомом. Мирандоль — стратегия игры с одиночной ставкой на одну и ту же карту. А потом упоминается *руте*. Автор выделяет курсивом только это слово и впоследствии еще два ключевых. Руте — термин, означающий

Олег Владимирович Алифанов родился в 1967 году в Москве. В 1992 году окончил Московский инженерно-физический институт. С середины 1990-х публиковал в различных, в том числе «толстых», журналах и литературных сборниках статьи и эссе.

карточную стратегию, противоположную мирандолю, — удваивание ставок. Именно таким и окажется в дальнейшем путь Германна, карточного вуайериста, ставившего игру высоко, но не ставившего на кон ни гроша. «...Расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!» Итак, запомним: руте Германну вовсе не чуждо, в жизни он уже пытался играть, используя стратегию «РУТ». Не хватает лишь «Е». Но вскоре и оно найдется. В этой же фразе впервые появляются «тройка» и «семерка», задолго до того, как они причудятся ему в бреде безумия. А туз? Тут сказано совершенно ясно, что для Германна туз — его капитал. В результате тройной игры его капитал должен был увосмериться. $8 > 7$. Руте («route») карточное (стратегия игры) еще до самой игры победило в нем путь жизни («route»), то есть жизненную стратегию.

Германн — молодой военный инженер, унаследовавший от отца-немца капитал в 47 тысяч рублей, с которого не тратит даже процентов. Живет скромным жалованьем. Что такое 47 тысяч в 1833 году? Большие ли это деньги? Не будем сравнивать с ценами на хлеб и мясо — в пушкинской повести описана жизнь аристократов. Бутылка шампанского стоила около 15 рублей (не серебром, а ассигнациями). У Толстого молодой Ростов проигрывает Долохову 43 тысячи рублей, правда, до войны 1812 года рубль был дороже. Проигрыш этот для полуразорившихся Ростовых настоящая катастрофа. В то же время богач Пьер по закладным платит в год 80 тысяч рублей — и не испытывает при этом никаких затруднений. Для Германна 47 тысяч рублей — огромная сумма. И не только для него. В клубе богатых игроков у Чекалинского (в его приезд в Петербург) никто больше 275 рублей семпелем не ставил. Хотя вообще тысячные ставки — не редкость, в том числе и для самого Пушкина. Огонь-Догановскому, с которого списан Чекалинский, Пушкин проиграл 25 тысяч.

Германн — приятель хозяина дома, где идет игра, конногвардейца Нарумова, приятель не последний, поскольку именно Нарумов вводит его в клуб Чекалинского. Это важно. Нарумов — богатый аристократ, поскольку в конногвардейцы брали не просто высокорослых и родовитых, но тех, кто мог позволить себе жить на широкую ногу... Кроме конногвардейского, такой статус имели еще только два полка — кавалергардский и кирасирский. Банка Нарумов, кажется, не держит, но дает роскошные предрассветные ужины с шампанским. Почему Нарумов дружит с Германном — неясно. Это загадка сложнее тайны трех карт. Вся повесть полна подобных загадок и оставляет читателю простор для самых невероятных догадок и предположений.

Итак, расчет (Р) у Германна есть. Это его первая ставка. Умеренность (У) тоже имеется. И вторую ставку он покрывает. Трудолюбие (Т) же отсутствует напрочь. Это его мифический куш, пустое загибание угла. Трудолюбие (добродетель, доставшаяся от отца, обрусевшего, но все же немца) превратилось в рудимент. Германн немецким еще разумом понимает, что трудом заработать можно, но ночи напролет проводит наблюдая за игроками и заключает, что для обогащения труд вовсе не обязателен. Германн — бездельник, как и все его приятели. Он не Штольц. Его интересует штосс. Третья ставка обречена. Впрочем, аббревиатура РУТЕ оставляет еще шанс. Чтобы сорвать куш, Т должно быть заменено на Е (своего рода прикуп), но Е пока тоже нет. Пока.

Игра у Пушкина не названа, но молодежь, по всей видимости, играет в «фараон» («штосс», «банк»). Это простая азартная игра, в которой ум совсем не требуется. У банкюмета (он сдает карты и обязан отвечать на ставки понтеров) и понтера (он делает ставку) имеется по колоде карт. Понтер выбирает из своей колоды карту, кладет ее рубашкой кверху и покрывает ставкой. Банкюмет сдает свою колоду, от-

крывая карты парами (это называется «прокидка»). Карта, легшая направо, дает выигрыш банкомету, налево — понтеру. Если выпадают равные по значению карты («плие»), то выигрывает банкомет, так что шансы в игре вовсе не равны. Если обе открытые карты не совпадают с картой, отложенной понтером, начинается следующая прокидка. Понтеров может быть несколько, каждый имеет право ставить на несколько карт. Несмотря на то, что в повести настойчиво фигурирует именно пиковая дама, в игре масти никакого значения не имеют. Когда претензии понтеров удовлетворены, колоды выбрасываются, и игроки распечатывают новые. Причин тому несколько. Можно быть уверенным, что на старых колодах никто не сделал помет. Карты нещадно портили, загибая углы, что означало удвоение ставки и т. д. Отсюда в эпиграфе «Гнули, Бог их прости, от пятидесяти на сто...». Отсюда же ироническое: «Чекалинский останавливался после каждой прокидки, чтобы дать играющим время распорядиться, записывал проигрыш, учтиво вслушивался в их требования, еще учтивее отгибал лишний угол, загибаемый рассеянною рукою». Описано типичное мошенничество, за которое не били, — такова была законная часть игры. Доходы от продажи несметного количества колод шли на благотворительные цели. У Опекунского совета даже имелась монополия на продажу карт.

Однако вернемся к началу пушкинской повести. Некто Paul Томский, внук старшей графини, рассказывает, как в молодости бабушка проиграла в Париже герцогу Орлеанскому огромную сумму. Граф Сен-Жермен (он же граф Салтыков, он же князь Ракоци, он же Агасфер и пр. и пр.) «открыл ей тайну, за которую всякий из нас дорого бы дал». Давно замечено (но никак не объяснено), что Сен-Жермен не назвал ей три карты, а открыл некую Тайну, обладание которой позволило графине самой назначать три выигрышные карты — как себе, так и другим. То, что это не тайна тройки-семерки-туза, слишком очевидно. Читатель — нет, а Германн отлично понимает: Тайна и секрет трех карт не одно и то же: «Что, если, — думал он на другой день вечером, бродя по Петербургу, — что, если старая графиня откроет мне свою тайну! — или назначит мне эти три верные карты!» Он догадывается: Тайна — выше, но ему нужна лишь ее предметная, материальная часть — три карты. Человек с профилем Наполеона уже готов разменяться на мелочи. Предпосылки «обдернуться» в решающий момент с выбором карты налицо.

А кто такой Сен-Жермен? Фигура эта вполне историческая, но, кроме того, и культурный мем. Известно о нем достаточно. «Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного. Вы знаете, что он выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая...» Многие из его фокусов, порой довольно сложных (удаление дефектов внутри драгоценных камней и т. п.), не разгаданы. В картах никогда не понтировал. Предположительно, он торговал между тем светом и этим, исполняя роль посредника. То есть избегая торговать своей душой, помогал другим закладывать свои. Ну и, жил маржой. В общем, труженик по сравнению с герцогом Орлеанским.

Что же на самом деле сделал «старый чудак»? «Сен-Жермен задумался». Надо ли ему ввязываться в сомнительную и довольно скандальную историю — ведь его, графа всех времен и народов, графиня ставила на один уровень с каретником, который может и подождать: «есть разница между принцем и каретником». И вместо того чтобы одолжить сумасбродке денег и ввергнуть ее «в хлопоты», он предпочитает устраниваться и поведать ей некую Тайну: разбирайся сама со своим герцогом. Шутка злая, но долг платежом красен. Само обладание Тайной — еще не грех, но использование ее конвертирует долг земной в долг веземной (кармический), что не может не понимать даже молодая ветреная дама. Сам граф секрет трех карт ей не

открыл, дабы не навлекать такого долга на себя. Но ей выбор предоставил. Впрочем, вероятно, Сен-Жермен ее предупредил, что не всякое использование Тайны ляжет на душу тяжким бременем. Можно обойтись и нетяжким. В силу того, что карточные выигрыши или проигрыши суть случаи, наносящие вред душам победителей и проигравших, то вернуть все на свои места — значит сделать так, как если бы ничего и не было. Ведь деньги не передавались и не пускались еще ни в какой оборот. Московская Венера приехала играть, «выбрала три карты, поставила их одну за другою: все три выиграли ей соника, и бабушка отыгралась совершенно».

Отыгралась — но не приобрела сверх того. *Не жертвовала необходимым в надежде приобрести излишнее.* Она вообще денег не ставила. Она привезла герцогу Орлеанскому лишь обещание и — новую устную, точно рассчитанную ставку ($\frac{1}{8}$ от «очень много», отписанного накануне). Важнейшая заповедь, также выведенная в повести курсивом, — это кредо Германа. Его он и нарушил.

Понятно, что сам по себе выигрыш три раза подряд чем-то выдающимся не является, его вероятность достаточно высока — около 10 %. Но выигрывать соника, то есть с первой же прокидки трижды подряд, — вещь уникальная. Проверишь тут во что угодно. Это что-то вроде недвусмысленного сигнала: «Голубчик (голубушка), твоя душа — в залоге!..» Именно этого, кстати, не понял режиссер Масленников, снимая в 1982 году фильм по пушкинской повести. У него Смоктуновский-Чекалинский мечет подряд много прокидок, прежде чем выпадают нужные карты. Непонятно, однако, отчего у него руки трясутся. Не он же ставит на кон все свои деньги, а Германа. У Чекалинского-то — миллионы. Что для него может значить этот проигрыш, тем более он как банкомет может в любой момент отказаться покрывать все возрастающие куши. А руки у него трясутся оттого, что дело нечисто, и он это понимает. Карты-то идут сразу. Проигрыш или выигрыш мгновенны.

Графиня за долгую жизнь не открыла чужой/своей тайны ни одному из четверых сыновей. Юный Томский считает ее поэтому изрядной стервой, но она, конечно, знала, что делала. Ведь Томский рассматривает тайну как основу для выигрыша, а дело это, напомним, вредное для души. Графиня на самом деле творит благо, понимаемое превратно: внук считает, что ему знать тайну «было бы не худо», но бабушка-то знает, что именно «худо». Она лишь однажды указала три карты (не Тайну, а тайну) некоему Чаплицкому, которому тоже необходимо было отыграть у Зорича около 300 тысяч... «с тем, чтоб он поставил их одну за другою, и взяла с него честное слово впредь уже никогда не играть. Чаплицкий явился к своему победителю: они сели играть. Чаплицкий поставил на первую карту пятьдесят тысяч и выиграл соника; загнул пароли, пароли-пе, — отыгрался и остался еще в выигрыше...» Цифры тут не случайны. Запомним их.

Томский понимает «жалость» графини-бабки к Чаплицкому как благо, завидует «счастливцу», а Чаплицкий-то «умер в нищете, промотав миллионы».

Считается, что он нарушил условие — больше не играть, но об этом нигде прямо не сказано. Может, играл, а может, и нет. Главное: ему не надо было выигрывать. Его нищета может рассматриваться и как его личное искупление. А 50 тысяч (около 50, может, 47), выигранные им сверх долга, остались на чьей совести? Графини?

Описание графини Анны Федотовны во время ее милого диалога с внуком никак не дает оснований подозревать ее в недобрых намерениях по отношению к кому бы то ни было. Неприязнь к ней порождается скорее на нейролингвистическом уровне. Слова «Пиковая дама» мы до того встречаем дважды — подряд — в самом начале повести. Это заглавие и первые два слова эпиграфа. Дальше мы ее ждем. А ее все нет. А ее и на самом деле нет. Ее и не будет, она, вероятнее всего — порождение

мнительности Германна. Даже само это сочетание слов вновь появится в повести лишь в последних строках.

А зачем в повести история с барышней по имени Лизавета? Считается, что автору понадобилась «любовная» интрига, чтобы продемонстрировать эгоизм и холодный расчет Германна. Что автору надо было как-то ввести Германна к старухе, и он цинично использовал доверчивость наивной девушки. Но это не так. Это слишком просто. Эгоизм и расчет демонстрируют все действия Германна. А вот как ему попасть к старухе? Есть два пути. Он — друг Нарумова, которого Томский собирается с ее позволения представить ей на балу и получает согласие. (Это единственная причина визита Томского к бабушке.) Еще один подобный шаг — и Германн был бы вхож к графине. То, что Германн ей не ровня, не аргумент. Он и Нарумову не ровня. А ведь не кто иной, как Нарумов, представит впоследствии Германна миллионщику Чекалинскому. Неудивительно, что Германн в конечном счете проникнет в дом графини, по сути, тайком! Дверей перед ним не распахивали. Совершенно чудным образом, неопишимо кривым путем с крыльца в сени: двери были предварительно заперты; швейцара не было, слуга спал...

Лизавета нужна совсем для иного. Елизавета — это «Е». Недостающая часть пасьянса судьбы. Замена «Т» на «Е» решила бы исход поединка с роком в пользу Германна. Ангелы-хранители дают иногда шанс. Раз нет трудолюбия, а денег хочется, пусть будет жена с приданым.

Но у Лизаветы приданого нет, ее прекрасным душевным качествам молодые люди предпочитают наглость и холодность невест с капиталом. Ее приданое — это выигрыш Германна. Только так можно безнаказанно взять займы у бесплотных сил. Напомним: отыгаться можно, выиграть — нет. Но если вообразить, что Германн получит выигрыш только при условии женитьбы на Лизавете, то его выигрыш допустимо рассматривать как приданое. Ясно, что тут замешан не злой рок, а ангелы-хранители. Никто не ищет гибели Германна. Его ведут к правильному выбору довольно узкой тропой: обыграть не кого-нибудь, а закоренелого картежника. И получить в награду прекрасную жену, капитал, покой и независимость. А еще Германн получил бы — прощение. За смерть старухи, причиной которой отчасти стал.

В повести есть два совершенно недвусмысленных указания на то, что (Е)Лизавета — судьба и спасение Германна. При первом взгляде на окна дома в одном из них «увидел он черноволосую головку, наклоненную, вероятно, над книгой или над работой. Головка приподнялась. Германн увидел свежее личико и черные глаза. Эта минута решила его участь». На пиковую даму больше походит не старуха, а юная черноокая брюнетка. Далее, пробираясь крадучись в дом графини, он совершает роковую ошибку — «обдергивается»: «справа находилась дверь, ведущая в кабинет; слева, другая — в коридор. Германн ее отворил, увидел узкую, витую лестницу, которая вела в комнату бедной воспитанницы... Но он воротился и вошел в темный кабинет». Вместо того чтобы идти налево, к Лизавете, он отправился направо, к графине. Напомним, что левая сторона выигрышная для понтера, правая — для банкмета. Графиня связывала с Лизаветой прощение Германну собственной гибели, здесь же содержится и явное указание на удачу в картах.

Почему такое легкое наказание было уготовано Германну за смерть старухи? А так ли уж виноват он в гибели графини? Он чуть подтолкнул ее к смерти, и сама она так считает. Но читая внимательно повесть, мы удивимся разнице в поведении живой и общительной Анны Федотовны за неделю до следующего описания: «Графиня сидела вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налево. В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от ее во-

ли, но по действию скрытого гальванизма». А ведь Германн даже еще не вошел к ней. В действительности мы видим старую даму в предсмертном состоянии от причин естественных (87 лет). Забыла, предположим, завещать Лизавете капитал в придание (а может, и капитала-то никакого уж нет).

Приходится слышать, что ее качание направо и налево — это род плетения ведьмой карточных козней «фараона», а модный гальванизм увязывают «с Монгольфьевым шаром и Месмеровым магнетизмом» — и с еще более модным масонством. В самом деле, астроном Лаланд основал весьма специфическую научную ложу «Девять сестер», куда входили и Монгольфьеры, а сам Сен-Жермен помогал Месмеру в исследованиях животного гальванизма (Месмер проповедовал взаимодействие в физическом мире всех существ посредством всемирной жидкости, которое он называл животным магнетизмом и которому приписывал целебную силу от всех болезней). Да, дескать, и Пушкин, и чуть ли даже не Наталья Петровна Голицына, с которой написана графиня, состояли в масонах... А Германн-де не был посвящен (так как инженер он — не архитектор), вот ему и не удалось...

Вспомним: Германн «хотел в открытых игрецких домах Парижа вынудить клад у очарованной фортуны. Случай избавил его от хлопот». Случай. То есть Рок. Дальше в повести появляется некий таинственный Чекалинский, «проведший весь век за картами и наживший некогда миллионы». Ангелы-хранители снова дают Германну шанс: выиграть деньги у картежника — у человека, приобретшего деньги по воле случая. Выиграть у выигравшего — как украсть у вора. Преступление, может быть, и большое, а грех малый. Смысловая разница между «выиграть» и «отыграть» по отношению к игроку превращается в онтологическую, носит принципиальный характер.

Германн собирался исполнить завет графини. Из чистого расчета. «Имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков. Он верил, что мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь». Он даже идет на ее отпевание — испросить прощения. Трудно представить, но ее слова: «Прощаю тебе мою смерть, с тем чтоб ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне...» — он игнорирует. Нельзя сказать, что он не верит в ночное наваждение, — очень даже верит и впервые идет играть — да и с какой ставкой — 47 тысяч! «...Игра ваша сильна: никто более двухсот семидесяти пяти семпелем здесь еще не ставил». Семпель — одиночный разовый куш. Но Лизавета для него — то самое излишнее, он еще не готов жертвовать ради нее необходимым. Впрочем, он готовится. Она занимает в его страстном разуме определенное место. Но это место — второе. Первое — старуха. И это все губит. Он давно готов был «сделаться ее любовником». Не графиня же полезла к нему в гроб целоваться, а он к ней. Поистине, любовь до гроба.

Призрак графини утверждает, что явился не по своей воле. Многие полагают, что она подчиняется силам зла, но это не так. Она приходит, чтобы спасти Германна, ясно и точно указав ему путь: женитьба на Лизавете. Но не только. Вспомним, как описана игра графини против герцога Орлеанского и Чаплицкого против Зорича. Три талии подряд, без перерыва. А теперь графиня требует от Германна, чтобы он «в сутки более одной карты не ставил». Почему?

Да все потому, что Лизавета у него на втором месте. Германну бы после первого выигрыша бежать за кольцом, а после делать предложение. Ведь после первого выигрыша (соника, с первой же прокидки, как в легенде!) он убедился, что призрак его не обманул. Жениться, скорее жениться! Спасать душу, жену и приданое. Снять с себя *три злодейства разом*.

Удивительно, но старуха всем персонажам повести делает только благо (своим сыновьям, внуку, Лизавете, Германну), однако все упорно считают ее мегерой. Читатель же вообще отождествляет ее с пиковой дамой.

У Германна остается еще один шанс на следующий день. Он еще может все исправить. Но он по-прежнему остается холоден к Лизавете (и всему, что с ней связано) и вот тогда терпит полный крах. Он «обдернулся» уже несколько раз. Теперь же все кончено. Он является к Чекалинскому, даже не подозревая, что играет против Сен-Жермена один на один. Оба персонажа (Чекалинский и Сен-Жермен) не случайно описаны в повести одинаково. Все честно. Туз выиграл. Но Германн проиграл.

Почему он сходит с ума? Простой, но ложный ход — считать, что Германн проиграл не 47, а 188 тысяч, поскольку таскал их при себе и успел с ними сжиться. Мол, если бы он играл без перерыва, как Чаплицкий, и не забирал бы выигрыша, то все могло бы обойтись... Германн лишился разума, потому что получил в «лоб». Он проиграл, как выигрывал, — с первой же прокидки. Первая карта называется «лоб», вторая — «соник». Представим, что направо легла бы не дама, а любая другая карта. Германн открывает даму и объявляет: «Туз выиграл». Туз и в самом деле выиграл, но у Германна стоит дама. Чекалинский указывает ему на ошибку, но игра еще не проиграна. Дальше она велась бы в открытую, пока не выпала бы дама у банкмета. Оставался бы шанс. Фатальна, убийственна только одна пара карт. И потому: «— Дама ваша убита, — сказал ласково Чекалинский».

Дама — Лизавета. Рушится все и сразу. Тонко связанные нити судьбы разорваны. И не злым роком. Рок — он связывает.

Поразительно, но эта важнейшая особенность всех трех партий финальной игры ускользнула не только от большинства читателей, но и от профессионалов. Нам могут возразить: мол, в отличие от игр графини и Чаплицкого, про игру Германна не сказано — «соник», а сказано — «сряду», то есть подряд. Любая иная интерпретация представляется нам неубедительной. Там, где талья длится долго, она долго же и описывается: «Талья длилась долго. На столе стояло более тридцати карт. Чекалинский останавливался после каждой прокидки, чтобы дать играющим время распорядиться, записывал проигрыш, учтиво вслушивался в их требования». Так же точно невозможна никакая иная интерпретация последнего куша Германна — 188 тысяч, хотя число это нигде не названо. Пушкин в «Пиковой даме» феноменально лапидарен и феноменально же точен.

Сошедший с ума Германн все еще делает выбор. Не между тузом и дамой. Между дамами. Их так много: гадальные, игральные, реальные. «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место». Он не может разрешить противоречие. Нужно было выбрать даму — тогда и туз бы сошелся. Но ведь он и выбрал даму! Даму, да не ту.

Повесть содержит еще одну загадку. Какую Тайну, частным случаем которой является секрет трех карт, поведал Сен-Жермен графине? Понять это несложно. Достаточно вспомнить, что графиня не угадывала карты, а назначала их. Германн сначала просит ее угадать, тогда она отговаривается, что это была шутка. Разумеется, шутка — угадать она и не могла, но могла — назначить. (Сен-Жермен — ученый-иллюминат, он не угадывает, а вычисляет. «Граф, вы — волшебник, угадайте мне площадь треугольника». — «Угадать? Вы шутите? Я могу рассчитать...») Больше она ничего не произносит, потому Германн начинает умолять ее не угадать, а именно назначить три карты. А потом старуха в ужасе видит, как тень узурпатора требует выдать саму Тайну. То есть каждое следующее требование Германна — игра на повышение. Она понимает, что он если и не знает, то догадывается о чем-то главном, и замолкает навсегда, в сущности, предпочитает умереть, но Тайны не выдать. Германн не стал в тот день Сен-Жерменом. Как несколько ранее не стал Наполеоном.

Тайна Сен-Жермена

Убежден, что никаких скрытых и/или мистических смыслов в самой повести «Пиковая дама» нет. А чего только там не ищут. Вот несколько примеров таких интерпретаций.

«Историческое» прочтение: Пушкин зашифровал дату антипавловского переворота. Поиграв числами (а их в повести предостаточно), комментаторы получали искомое. Числа, которые в заданную схему не укладывались, отбросили. Спрашивается: зачем в 1833 году Пушкину понадобилось зашифровывать общеизвестное? Об «апоплексическом ударе» табакеркой знали все. Между тем сторонники данной версии упорно отождествляли Германна с Павлом I. Он, дескать, пытается выведать у старухи (Екатерины II) тайну собственного происхождения: от камергера Салтыкова или от английского посла (эпизод у гроба графини). Концепция опиралась на трактовку одного-единственного эпизода, и не более того.

«Нумерологические» концепции:

1) $3 + 7 + 11$ (Туз) = 21 — счастливое число, «очко».

$3 + 7 + 3$ (Дама) = 13 — несчастливое число, чертова дюжина.

Во времена Пушкина вряд ли играли в «очко» (это советская игра) и вряд ли так нумеровали карты.

2) 7 — число души (усемерить капитал путем труда).

8 — число денег (увосьмерить капитал путем игры).

Дескать, Германн продал душу за деньги. Будто это и так неясно. И дальше: «А старухе-то 87 лет! 8 и 7 — разве может это быть случайным?» И далее в том же духе... Нумерология явно зашла в тупик.

«Масонские» интерпретации: Германн — инженер, не архитектор, третий уровень посвящения он не прошел, поэтому третья ставка и не выиграла. Винтовая лестница, между прочим, означает подъем по степеням посвящения, а он этим пренебрег и т. д. и т. п. Допустим. Но как эти рассуждения приближают читателя к пониманию случившегося?

Пушкин, по сути, масоном не был. То, что его приняли в Кишиневе (!) в некую оперетку, не в счет. Но исследователи русского масонства не забывают эту нелепую историю. Для Европы Кишинев тогда был примерно тем же, чем сейчас... Кишинев. Когда Бельгию отделяли от Нидерландов, Пальмерстон не докладывал в палате общин: «Кишинев выразил протест. Что будем делать?» Большинство русских масонов даже в столицах служили лишь прикрытием для крайне узкой группы деятелей. К 1833 году от аристократического масонства и следа не осталось. Повывели.

«Автобиографические» теории. Пушкин имел предсказание, что если в 37 лет не погибнет от белого человека или белой лошади, то проживет долго (надо понимать, станет тузом). Встречая блондина, поэт всегда пытался проверить, не роковой ли это человек. Хамил. Писал эпиграммы. (Вспомним историю с эпиграммой на А. Н. Муравьева, отломавшего руку у гипсовой статуи Аполлона, украшавшей театральную залу в доме Волконской.) Пиковая дама — это якобы и есть та самая недоброжелательная цыганка. А фраза «Дама ваша убита» — намек на бесчестие, вызванное поведением жены. И тому подобные «прочтения», не выдерживающие серьезной критики.

Пушкин не был первым, кто описал карточную игру. Комбинация тройки с семеркой всегда считалась весьма счастливой. В повести «Голландский купец», опубликованной примерно тогда же, 3 и 7 являются выигрышными. Дама же традиционно убивалась, например у Гофмана в рассказе «Счастье игрока». Туза Пушкин

считал счастливой картой для себя, но часто проигрывал, в том числе главы «Онегина», откуда эти строки:

Бывал готов я в прежни лета
Допрашивать судьбы завет:
Налево ляжет ли валет?
Уж раздавался звон обеден,
Среди разорванных колод
Дремал усталый банкOMET.
А я, нахмурен, бодр и бледен,
Надежды полн, закрыв глаза,
Пускал на третьего туза.

Валет, кстати, лег направо. Вообще, пытаться исследовать тему «тройка-семерка-туз» бесперспективно. Объяснить эту комбинацию можно дюжиной разных способов, но к пониманию повести это не приблизит.

Все без исключения «дешифровки» «Пиковой дамы» страдают одним общим недостатком: объясняя отдельные детали, не раскрывают авторского замысла в целом. Дешифруют то, что не зашифровано, при этом не обнаруживая даже поверхностные связи. И главное — не объясняют ошеломляющее впечатление, производимое повестью на читателя. А ведь эта повесть — один из первых европейских метатекстов — вершина прозаического мастерства Пушкина.

Так что же происходит на самом деле в «Пиковой даме»?

Старая графиня в свои 87 лет более нормальна, чем молодой вуайерист Германн со своей параноидальной склонностью к подглядыванию: за игрой, за Лизаветой, за раздеванием (!) старухи... С каждой страницы на нас в упор глядит психопат с прогрессирующими наклонностями к разрушению и... пожилая дама, стремящаяся отвлечь его от губельного пути страстей, так же, как она когда-то сумела свернуть с него сама и не дала вступить на него ни своим детям, ни внуку. Однако...

Пушкинская власть над читателем такова, что тот безраздельно симпатизирует Германну. Среди хоровода ветреных шалопаев он единственный серьезный человек: решительно стоит на своем, убежденно размышляет о принципах, торжественно сходит с ума. Как минимум, нам жаль инженера с внешностью Наполеона и душой Мефистофеля — какие бы подлости тот ни совершал. Авторская власть такова, что Пушкин — одним эпиграфом! — низводит несчастную графиню с пьедестала положительного персонажа до ненавистной гадательной пиковой дамы — виновницы кошмарного финала. Как минимум, мы презираем 87-летнюю графиню. А за что? За ее возраст, внешний вид, отвратительный туалет... Между тем, где в самой повести пиковая дама (старая графиня) проявляет недоброжелательность? Почему читатель верит сумасшедшему с пиковой картонкой в правой руке и его бредовой догадке: «Старуха!» Почему 90 % читателей убеждены, что графиня отомстила ему с того света? Почему, в конце концов, виновата она, а не он?!

Положительный персонаж (старая графиня) показан глазами молодежи (Томский, Лизавета, Германн). Намечается вечный конфликт «отцов и детей». И читатель невольно оказывается на стороне «детей».

Однако вернемся к заглавному герою этой статьи. Почему все же Сен-Жермен не дал графине денег? Человек посвященный и проникательный, он понимал: природа ее долга такова (карточный проигрыш, случай, рок), что земными деньгами он не компенсируется. (Отдаст долг — и снова сядет играть. Рок против рока.) Но объяснять это непосвященной, ветреной и поверхностной даме словами — бессмысленно.

но. Зато можно дать ей это прочувствовать. Пусть поймет, чего стоит обратить рок к своей пользе, заставить судьбу служить своей выгоде: возьми-ка Тайну, ощути ее могущество — назначь три карты, отыграйся и уясни, чего это стоит, прежде чем решишься испытывать силу рока за столом еще раз.

Графиня поняла это, но не до конца. Чаплицкому она назначила только три карты, не открывая Тайны. Это была не ошибка, просто степень ее собственного посвящения была недостаточна, чтобы научить Тайне. Графиня — не граф Сен-Жермен.

Собственно говоря, граф совершил великое благодеяние для мужа графини, вразумив ее на всю жизнь. Сделал то, чего не сумел супруг. Молодая графиня совершенно не понимала природы карточного долга. В то время как муж ее должен был оплатить некий специфический товар, произведенный герцогом Орлеанским из ничего. Граф пытался ей растолковать, «что под Парижем нет у них ни подмосковной, ни саратовской деревни, и начисто отказался от платежа». Они говорили на разных языках. Он — о деньгах как мере произведенного их именными товара, она — о пустом. В итоге взявшийся из ничего долг был погашен из ничего же.

А являлся ли Германну призрак графини? Вроде бы — да. Ведь Германн не просто запомнил видение, он его записал, после чего заснул, а проснувшись, прочитал. Но: он мог записать и свое собственное наваждение (вдобавок пьян был, как никогда), ведь сумасшедшие обычно любят скрупулезно все фиксировать. Против версии о «подлинности» посещения призраком Германна свидетельствует общий реализм повести, в то время как прогрессирующая шизофрения бедняги инженера очевидна для читателя задолго до сообщения об Обуховской больнице. В самом деле, никакой призрак и никакая запись не убедят нормального человека в том, что ему надо поставить все наличные деньги — 47 тысяч рублей! — на тройку. «Он с ума сошел! — подумал Нарумов». Зато сумасшедший может себя убедить в чем угодно, например, в том, что он — Наполеон (хотя он всего лишь внешне похож на Наполеона). Сумасшедший каббалист способен покуситься и на прерогативы Агасфера.

Но все-таки тройка и семерка выиграли соника! — возразят мне. — Да и туз выпал, как по заказу. Как же такое возможно?

Это и в самом деле главный вопрос для понимания Тайны Сен-Жермена.

Вернемся к началу повести.

— Как! — сказал Нарумов, — у тебя есть бабушка, которая угадывает три карты сряду, а ты до сих пор не перенял у ней ее кабалистики?

Нарумов сразу догадался про каббалистику. Не потому ли он просил Томского скорее представить его графине, что сам вознамерился перенять Тайну? Он понял, что графиня получила от Сен-Жермена самый высший из четырех уровней посвящения в тайное знание — каббалистический. Это род тонкого проклятия, которое можно запустить в действие, а можно и не запускать. Сен-Жермену не понравилось сравнение его с герцогом Орлеанским, сравнение не в его пользу. Конечно, при всем желании граф не мог бы объяснить графине всех тайн мира за пару часов, что они беседовали, да и она бы не поняла, ведь к такому уровню даже выдающиеся умы шли годами. Поверхностный Нарумов не понимает другого: ему кажется, что графиня карты угадывает, а более вдумчивый Германн убежден, что она их назначает: «...что, если старая графиня откроет мне свою тайну! — или назначит мне эти три верные карты».

Имена Германна и Жермена не случайно созвучны имени Гермеса (он же Меркурий, он же египетский бог Тот, он же отчасти синкретический мудрец Гермес Три-смегист). Герметические учения были популярны в среде аристократии после офи-

циального запрета всех тайных обществ. Весьма популярна была и каббала. Ее мало кто практиковал, но книжки почитывали (французские адаптации).

А чем занимались в действительности тайные общества? Да в общем, тем же, чем и современная наука: поиском некоей формулы. Только современная наука понимает эту всеобъемлющую формулу как преобразующую мир, а герметические учения искали формулу, мир творящую. Попросту говоря, наука дает формулы, сложное применение которых приведет в конце концов к созданию телефонной связи, а тайные учения позволяют иметь связь без всякого телефона. Какие-то элементарные формулы этого утраченного первичного языка (язык Адама, язык ангелов, язык Вавилонской башни, в конце концов, язык Логоса-Слова) Сен-Жермен и мог сообщить графине. Назначать (а не угадывать) три карты, то есть формировать некоторую простейшую реальность, она с тех пор умела.

Язык Адама — первоязык, на котором Адам общался с Богом, — именовал животных, выражал восхищение своей дамой... *Адама* тоже погубила *дама*.

Под влиянием Каббалы имен начинают считать, что соответствие между предметами мира подлунного и мира небесного применимо также и к именам. Согласно Агриппе, Адам дал имена вещам, как раз учитывая эти влияния и эти свойства небесных вещей; потому-то «эти имена содержат в себе удивительные силы, заключенные в означенных ими вещах» («*De occulta philosophia*» («*О скрытой философии*»)).

Теперь вспомним, что Германну вообще могло все примерещиться. Он ведь сомневался с самого начала: «Да и самый анекдот?.. Можно ли ему верить?.. Нет!» Но тут же, наперекор самому себе, Германн начинает генерировать различные каббалистические вычисления своего *руте*: «...расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал...» Смог ли бы он сам, будучи уже полусумасшедшим, сформировать такую реальность, при которой три придуманные им карты ложились бы налево с первых же прокидок? А почему бы нет? О существовании Тайны он знал, от тайны трех карт отличал уверенно. Возможно, знал и больше, чем просто о существовании. У графини он безнадежно пытался Тайну выведать. Дальнейшие его «умозаключения» выглядят еще более изощренными/извращенными: «Увидев молодую девушку, он говорил: „Как она стройна!.. Настоящая тройка червонная“. У него спрашивали: „который час“, он отвечал: „без пяти минут семерка“. Всякий пузастый мужчина напоминал ему туза...» Прервав цитирование отметим: *стройна* — *тройка*. *Пузастый* — *туза*. Продолжим цитату: «Тройка, семерка, туз — преследовали его во сне, принимая все возможные виды: тройка цвела перед ним в образе пышного грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, туз огромным пауком». Предположим, что лепестки цветка напоминают тройку, готика угловата, как знак семерки, а туз и в самом деле похож на паука. И вот финал: «Он стал думать об отставке и о путешествии». *Отставка* — *ставка*. *Путь* = *route* = *руте*. Он думает о ставке на *руте*. «И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставил на *руте*?..» Соблазнился. Поставил.

Графиня ни при чем. Германн сам *назначает* три карты. Германн играет смыслами, звуками, образами. От общего к частному и обратно. Перебирает в уме и на языке. Ищет метасвязи. Налицо многочисленные виды экстатической каббалы. Обратимся к авторитетному слову Умберто Эко, который в свою очередь цитирует другие источники. Напомним, что для Германна Тора — это *руте*. А имена Бога: 3 — 7 — Т.

Каббалу имен, или экстатическую каббалу, применяют, произнося божественные имена, скрытые в тексте Торы, обыгрывая различные комбинации букв ев-

рейского алфавита. <...> Если к этому прибавить дыхательные упражнения, которыми сопровождается чтение имен по слогам, можно понять, как от этого чтения по слогам человек переходит к экстазу, а от экстаза — к приобретению магической мощи: ведь буквы, которые сочетает мистик, — те же самые звуки, через которые Бог сотворил мир. Этот аспект еще более разовьется в XV в. Идель говорит, что для Йоханана Алеманно, друга и вдохновителя Пико делла Мирандолы, «символический заряд языка превращался в почти математическую функцию. Так каббалистический символизм превращался в магический, колдовской язык или возвращался к оному». Для экстатической каббалы язык сам по себе вселенная, и структура языка соответствует структуре реального мира. Уже Филон Александрийский в своих трудах пытался сопоставить сокровенную суть Торы с Логосом, миром идей, и платоновские концепции проникли в книги Мидраш-Аггады, в которых Тора рассматривается как план, по которому Бог создавал мир. Тем самым вечная Тора отождествлялась с Мудростью и во многих своих местах — с миром форм, вселенной архетипов. В XIII в., решительно склоняясь к аверроизму, Абулафия поставит знак равенства между Торой и Активным Интеллектом, «формой всех форм, соединяющей разрозненные умы» («Сефер мафтеах ха-тохаот»). Таким образом, в отличие от западной философской традиции (от Аристотеля до стоиков и средневековых мыслителей), а также арабской и иудейской философии, в каббале язык не замещает чувственный мир, где означающее представляет означаемое, или референта. Если Бог создал мир, произносимые слова языка или буквы алфавита, эти семиотические элементы являются не представлениями чего-то, существовавшего до них, но формами, в которые отливаются элементы, образующие мир. Важность подобного утверждения... очевидна: *здесь описывается язык, признанный совершенным потому, что не только в точности отражает структуру вселенной, но и производит ее*, а следовательно, совпадает с ней, как печать с оттиском (У. Эко. «Поиски совершенного языка в европейской культуре»).

Теперь все окончательно прояснилось. Каббалой пушкинский Германн начал — каббалой кончил: «Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!..»

НОВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

НЕПАРАДНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Александр Евсюков. Контур легенды: книга рассказов; предисл. Ф. Нагима. — М.: Центр Современной Литературы «Русский Гулливер», 2017. — 192 с.: ил.

Если писатели — художники слова, то молодой прозаик Александр Евсюков¹ — определенно портретист. Каждый рассказ из его сборника «Контур легенды» — плотно, на котором крупным планом изображен колоритный герой.

Герои в книге очень разные. Мы видим школьника Юлия и долгожителя Самуила, менеджера-карьериста Евгения и разбитного десантника Костю, русского парня Ваню и американца Вашингтона Фаунтлероя...

¹ Александр Евсюков — прозаик, критик. В 2007 году окончил Литинститут. Произведения публиковались в журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Бельские просторы», «Номо Legends», «Вайнах» и др. Победитель российско-итальянской премии «Радуга» (2016). Лауреат конкурсов малой прозы им. Андрея Платонова (2011), «Русский Гофман» (2017), финалист Волошинского конкурса (2015). Рассказы переведены на итальянский, армянский и болгарский языки.

Глубоко понять столько мировоззрений — трудная задача. Автор и не выдает себя за всезнающего мудреца. Александр Евсюков старается в деталях показать черты героев, но воздерживается от оценок — очевидны разве что отсылки к основным нормам морали: не убий, не укради...

Рассказчик в «Контуре легенды» тоже держится скромно — либо полностью остается в тени, либо предстает третьестепенным персонажем-наблюдателем.

Герои, наоборот, проявляют себя в полной мере.

Портреты, которые пишет Александр, трудно назвать парадными. Перед нами предстают слегка растерянные люди в неудобных обстоятельствах. Ситуация складывается так, что герой поневоле осознает: надо что-нибудь предпринять. И — он действует (или — бездействует; опять же поступок).

Поступки, совершенные по инерции, по чужому настоянию, не снимают проблему, просто меняют ее формат.

Конфликт разрешается по-настоящему, только если у героя хватает воли держаться так, как ему представляется правильным.

Влад из рассказа «Вплавь» всегда купался, заходя в воду с резиновой подушкой. И вот — решился: переборол страх, поплыл.

Он ощущает то, чего так боялся. Вода здесь — под твоим телом — темная и бесконечно глубокая. Марианская впадина и загадочные бездны близ Бермудских островов отзываются эхом на зов. От такого дна никогда не оттолкнешься. Над ним можно только лететь, двигать себя своей волей, правя руками и ногами.

Сильные духом, может, и не получают в награду счастье, зато сохраняют собственное «я».

Ключ к сборнику «Контур легенды» — в одноименном рассказе.

Маленький мальчик ждет маму у магазина и впервые в жизни видит черешню — какой-то старик торгует ягодами возле входа. Тот замечает удивленного ребенка и протягивает ему горсть ягод с «неспешным и добрым смехом»: «Бэри, угощайся». Впоследствии мальчик узнает, что старик — местная легенда. Чтобы спасти недотепу сына от бандитов, ему пришлось стрелять в них из охотничьей двустволки. Потом были суды и пересуды; сын оставил отца — скрылся «за отрогами гор». Но старик не обозлился на весь белый свет. Он остался собой.

По страницам книги разбросаны виньетки — паутинки и ягодки. На обложке эти два символа соединены: ладони, окруженные нитями паутины, держат алую черешню.

Александр Евсюков, конечно же, далеко не первый писатель, которого интересуют оттенки человеческих характеров. Ему (да и что уж там — любому автору, работающему с классической формой) приходится выдерживать жесточайшую конкуренцию.

Как убедить книголюба, у которого на полке стоят томики Чехова и Моэма, уделить внимание рассказам незнакомого автора? Единственный способ удержать читателя — удивить его. Александр с наибольшим успехом решает эту задачу четырьмя средствами.

Во-первых, он не упускает случая «взять» яркий антураж. Рассказ «Один» начинается с предложения: «*Настоятеля вызвали на Большую землю, и послушник Артемий на две зимних недели остался в скиту совсем один*». Скит вдалеке от Большой земли — интересно? Еще бы!

Во-вторых, автор намеренно использует очень доступный язык. Бегло просмотрев любую страницу книги, вы сразу заметите: ага, предложения короткие, слова житейские, читать будет легко.

Третья приманка — лаконично прорисованные сравнения: «белые яхты сбились, как куры на невидимом насесте», «перечеркнутый проводами закат», «из-за поворота

вырулил ширококрылый черный джип», «прибрел хромой пес с круглым — словно бы сковородка прилипла — пятном на боку».

Четвертый инструмент борьбы за читателя — внезапные повороты сюжета.

Прием сложный, он дается автору не всегда. Бывает, Александр берет через край — устраивает герою такой радикальный сюрприз, что дальнейшее повествование хочется бегло пролистать. Понимаешь: герой бредит или спит. Реальное продолжение будет несколько страниц спустя.

Судите сами: менеджер Евгений («Первая проба») приходит в кафе на встречу с потенциальным партнером и проваливается в подвал, сильно ударившись. А в подвале откуда ни возьмись — атмосфера застенка, доносы и допросы. В конце выясняется, что горе-менеджер стал участником авангардных кинофильмов, но что уж теперь... Читатель заскучал.

Однако иногда автор меняет направление сюжета тонко, почти виртуозно — например, в «Черном орле» (этот рассказ Александра публиковался на страницах «Невы»).

Авиатора Вашингтона Фаунтлероя давно нет в живых. Информацию о нем ищет внук Мартин. Читатель знакомится с Фаунтлероем через воспоминания нескольких человек.

Сначала перед нами предстает образ «величайшего аса прошлого», потом — «проходимца», который умел только «болтать и обнадеживать», далее — вруна и прожигателя жизни... Отважный ас, казалось бы, безнадежно превратился в мелкого жулика. Внук не хочет больше ничего о нем узнавать.

И вдруг в аэропорту Мартину, который внешне похож на деда, встречается пожилая женщина, давняя знакомая Вашингтона Фаунтлероя. Оказывается, в ее воспоминаниях он остался «настоящим мужчиной», «романтиком», умеющим найти самые нужные слова.

Другой неожиданный сюжетный поворот — в рассказе «Сука».

Перед Новым годом парень по имени Иван «поглядел на груды пустых бутылок на полу, на паутину в углах, на ее забытые босоножки в прихожей» и решил, что жизнь потеряла смысл. Эти рассуждения довели бы до непоправимой беды, если бы Иван не выглянул в окно.

За окном «с длинной палкой колбасы наперевес» мчалась дворняга Броша.

Он вдруг особенно ярко вспомнил ее — последнюю из большого помета, крохотную и жалкую, из-за вечного голода готовую сметать соленые огурцы в перемешку со снегом. Ничью.

Броша отлично помнила истину, которую Иван забыл: есть жизнь — значит, надо жить. Строго говоря, тебе никто не обещал, что будет легко.

За собакой гналась воинственно настроенная жертва «ограбления» — тетя Зося. Парень, стряхнув наваждение, вышел во двор и протянул тетке деньги за Брошину добычу.

Интересно, что в «Контуре легенды» очень много собак и кошек. Из любопытства я посчитала — на двадцать две истории приходится девять братьев наших меньших.

У Александра животные близки к изначальному — к Богу? к природе? Им словно доступно тайное знание о сути существования.

Мистические мотивы появляются в рассказах часто, но — в той мере, в которой загадочно обыденная реальность (исключение — разве что «Ведьма», где женщина наделена колдовскими способностями).

Высшая сила иногда дает герою подсказку или подшучивает над ним и все же не делает его марионеткой: последнее слово — за человеком.

В ситуации серьезного выбора каждый из нас оказывается наедине с собой. Этот факт Александр Евсюков высвечивает даже на уровне построения образов: сколько бы ни было в рассказе персонажей, в фокусе внимания — единственный главный герой.

Акцент на личной ответственности, от которой нельзя увернуться, делает первую (!) книгу молодого автора глубокой и взрослой.

Наталья УСАНОВА

МЕТКИ ПОКОЛЕНИЯ

Платон Беседин. Дети декабря. — М.: Эксмо, 2017. — 544 с.

Как нынче принято, издатель боится короткой формы и привычно объединяет повести в «роман». В книге Беседина их пять: «Стучаться в двери травы», «Дети декабря», «Воскрешение мумий», «Мебель», «Красный уголь». На обложке заявлено, что это «антивоенный роман», и это действительно так — там почти нет войны в прямом смысле этого слова. Его герои не находятся на передовой, это не ополченцы и не киборги, им не приходится стрелять. Наверное, наиболее точно характеризует книгу цитата про ночной обстрел, который переживает герой одной из повестей: «Казалось, где-то вдали грохотали взрывы, я вслушался, хотел разбудить отца... За взрывами раздалась стрельба, и я впервые слышал ее так близко. В груди у меня будто застыла река жизни, превратилась в лед. Я вжался в раскладушку, и без того проседающую, а выстрелы не прекращались... я ругал себя за трусость, но ничего не мог с собой поделать, хотя даже не видел ни перестрелки, ни жертв; не мог найти силы, чтобы попытаться увидеть, — и вдруг все стихло». Вот эти взрывы вдали, от которых схватывает сердце, — это и есть война в романе. Но для большинства читателей она ведь тоже именно такая. Новостные репортажи, статьи, рассказы знакомых — рядом с ней и ее отголосками мы живем уже несколько лет.

Наиболее полно сокрушительная и бесчеловечная мощь междоусобной бойни проявляется в повести «Стучаться в двери травы». Разбомбленный дом подростка становится символом той уничтоженной единой родины, той мирной жизни, которая когда-то была. И даже если отремонтируют дом, то мертвые не воскреснут и боль не забудется. Но как жить дальше? Бабушка главного героя тоже пережила войну. «Пришли мы тогда домой. А все попалено. Одна хибара торчит. А так нема ничего. Люди сели на пожарище и сидят. Что делать? А старик этот, который нас спас, он говорит: „Жить надо!“» Бабушка делится пронзительной исповедью — слушаешь ее как будто вживую, искренне, просторечно, она рассказывает свою жизнь, трудную, как почти у всякого из того поколения. И эта жизнь становится для подростка свидетельством того, что и такой горький опыт преодолим.

В первой повести еще ощущается интерес автор к другим людям, их судьбам. Не каждому писателю дано увидеть Другого, понять его и посочувствовать. Собственное «Я» ближе к телу. Поэтому и ходят по современной русской прозе «альтер-эго» толпами, а простого человека встретить сложно.

Этот сборник не лишен нарциссичности, а также других фирменных черт бесединского стиля: многословности, избыточной рефлексивности при отсутствии интеллектуального наполнения. Как писал Кирилл Анкудинов в одной из рецензий, проза Беседина «вызывает тягостное чувство. Ее главный герой слишком много думает, при этом он — не интеллектуал. Неинтеллектуальное думанье изнуряет всех, и читателей оно изнуряет тоже». Пустопорожние мысли — мимоходом, методом акына — не вызывают ничего, даже отторжения. Социальные сети научили нас проматывать ненужный контент. Так поступаешь и здесь.

Названия повестей и всей книги — это цитаты из БГ, в тексте постоянно встречаются цитаты из песен рок-групп. Метки поколения, тату, которые уже не сотрутся, и свой должен узнать своего. Только вот если ты все время цитируешь кого-то, будут ли цитировать тебя самого?

Вторичность переходит в повторяемость и сюжетных линий повестей. Они будто отзеркаливают какие-то части друг друга. Есть открывающая книгу повесть «Стучаться в двери травы». Но «Красный уголь» практически о том же — о взаимоотношениях двух поколений, и центральное место занимает в ней опять же исповедь и смерть, на этот раз деда Фомича. Вновь использован тот же прием. При этом снова дубль: в рассказе фигурирует не только родной дед главного героя, но и старик, знакомый по госпиталю. Два дедушки — это, конечно, хорошо, но не слишком ли об одном и том же?

И хотя главные герои четырех повестей — это друзья одного круга, и они упоминаются то там, то сям, как бы стягивая разные тексты в один «роман», но, по сути, все эти мужчины — один и тот же человек. Автор, который, к сожалению, не смог переключиться с себя самого. И вот герои то едут в Киев, то разводятся с женами, то пьют, то ходят налево и так далее — все по какому-то одному сценарию. В определенный момент охватывает недоумение. За эти несколько лет перед нашими глазами прошли сотни и даже тысячи сюжетов, статей, фотографий, постов, рассказов друзей — из первых уст о том, как жили под огнем, как разваливались семьи, как умирали любимые и родные. Кошунственно думать, что все это могло бы стать прозой. Но почему все-таки Беседин пишет не о них, а о довольно невзрачных, почти не вызывающих сочувствия героях, почему ставит их в ситуации, в которых они слабо проявляют себя? Получается не о главном. Не о настоящем. Хотя оно вполне может быть и в обычной жизни, необязательно на поле боя, в госпитале или на раздаче гуманитарной помощи. Война глазами «простых людей», «маленького человека»?

Но как роман «Учитель» не был «панорамой крымской жизни во времена Украины», так и «Дети декабря» — не документальное свидетельство войны. А почему — поясняет монолог героя повести «Красный уголь»: «Бойня на Донбассе — там жил дед, там родился отец, — конечно же, взволновала, изломала меня, но, не ощущая ее в полноте, в глубине своей, не находясь там, я избегал разговоров о ней, потому что каждое сказанное слово, так мне казалось, рождал новый виток ненависти между теми, кого реально терзала война... Каждое слово, произнесенное не оттуда, из пекла сражений, мне казалось пустым, фальшивым, брошенным ради выгоды или самолюбования. Потому я уходил в сторону, нося войну в себе, как дефект».

И тексты становятся тем инструментом, посредством которого автор изживает свой личный опыт. В котором весь мир — это и есть война, и с ним ежедневно приходится воевать. Выходить на темные, грязные улицы Севастополя, где тебя обязательно избьют и ограбят, возвращаться в собственную квартиру — где тебя унизят и оболгут, спорить и бороться с родителями, женой, детьми, работодателем, коллегами, соседями по двору. Вот такой он — «антивоенный» роман.

Внимательный читатель заметит, что одна повесть сборника стоит особняком. Уже в предыдущей книге Беседина «Учитель» описание прорывов инферно в наш мир (а может, и легального его существования по эту сторону) показалось мне довольно неординарным ходом. На фоне нескончаемой заунывной рефлексии главного героя охота на курву и нетопырей воспринималась эффектно. В «Мебели» концентрация и нарастание inferнального достигает завершенности, цельности. В этой повести автор максимально абстрагируется от себя-прототипа. Эта отстраненность позволяет взглянуть на главного героя — вполне себе простого человека с говорящей фамилией Смятин — совершенно другой оптикой. Личный опыт переходит на

иной, более высокий уровень, который уже становится литературой. «Мебель» — лаконичный, с точными деталями текст, где четко и убедительно выстроена драматургия происходящего, где мотивация героя достоверна. Мы воочию наблюдаем, как мистика тьмы проступает в обыденном. Вымысел? Галлюцинации? А может быть, правда, когда свою душу — вот так? Платон часто цитирует слова Достоевского: «Здесь диавол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». И «Мебель» — как раз убедительная история такого сердца.

Но в целом от книги остается чувство, что герой, который на всем ее протяжении ехал куда-то — через КПП, ночные автовокзалы, провинциальные городки, улицы Киева, снега, — никуда не приезжает. Для него нет точки сборки.

А может быть, он просто стоял на месте. Ведь от себя и от своей войны уехать невозможно.

Мария СКРЯГИНА

РЕЦЕНЗИИ

ЛИЦА И ГОЛОСА ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Очередная, седьмая (нам все труднее находить общие темы) подборка рецензий магистрантов СПбГУ, обучающихся по специальности «Критика и литературное редактирование», посвящена национальной проблематике. Оказывается, и без государственной поддержки, характерной для советской эпохи, литература о «малой родине» составляет пусть и не самую заметную, но очевидную часть литературного процесса. Чему никак не противоречит образ глобального русского мира.

Карелия, Забайкалье, Дальний Восток, уже не российские Казахстан, Армения, Эстония оказываются на одной воображаемой карте. Но, естественно, настоящие писатели превращают пространство и время в психологию, и эстетику. История и миф, предсказание и ностальгия, любовь и смерть связывают, объединяют авторов опытных и начинающих, известных и пока еще не очень.

Благодаря первым опытам литературных критиков мы получили любопытную и содержательную картинку.

Игорь СУХИХ

У ВОЙНЫ НЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Игорь Малышев. Номы. Искры большого пожара. СПб.: Лимбус Пресс, 2018. 544 с.

В биографической справке Игоря Малышева сказано, что он родился в 1972 году, получил высшее техническое образование, сейчас работает инженером на атомном предприятии. В мире литературном он известен как прозаик; дипломант несколь-

ких премий. Написав несколько книг для детей («Там, откуда облака», 2011; «Корнюшон и Рылейка», 2016), Малышев решил взяться за тему серьезную, взрослую, требующую рефлексии и от него самого как автора, и от читателей. Результатом стал роман «Номах. Искры большого пожара», который в 2017 году стал финалистом премии «Русский Букер» и национальной литературной премии «Большая книга» (на момент написания рецензии победители в обеих неизвестны).

Это псевдобиография Нестора Махно, известного военного деятеля, анархиста, предводителя повстанческого движения во время Гражданской войны на территориях бывшей Российской империи. Батьку Махно автор представляет под именем Номах. Такая анаграммная игра категорически невозможна в документальном описании, но в произведении литературном, которое художественно осваивает и изображает действительность, возможно все, поэтому такой авторский прием не должен вызывать вопросов. Узнавание прототипа главного героя должно произойти по ходу развития сюжета; к тому же сам автор в интервью сказал, что да, это и есть Махно. Впрочем, вслед за трансформацией имени Игорь Малышев трансформирует и взятую за основу повествования историю.

После прочтения может возникнуть вопрос: создан ли в романе образ именно Номаха/Махно? Скорее, перед нами собирательный образ революционера-анархиста, борца за свободу. Тем не менее автору вполне удастся раскрыть характер персонажа. Поскольку перед нами роман исторический, предполагается, что в нем будет затронута проблема «личность и история». Но в итоге оказывается сложно сказать, что в романе является более важным: играет ли Номах ту самую роль исторической Личности, или на первый план выходит История, влияющая на личность, формирующая/деформирующая ее.

Запутанным оказывается вопрос о жанре произведения. Первоначально оно было напечатано в журнале «Новый мир» (2017, № 1) в сокращенном виде и определялось как повесть. Более поздняя версия (доработанная и расширенная) стала называться романом. Сам автор утверждал, что это «повесть в рассказах». Но на «Русский Букер» «Номах» номинирован именно как произведение большой эпической формы. В нашей рецензии мы говорим о полной версии, то есть о романе.

Однако это странный роман. Здесь нельзя говорить ни о сложной системе персонажей, ни об их взаимосвязях, ни о психологическом развитии. Книга не воспринимается как цельное произведение. Она состоит из коротких глав и скорее представляет собой сборник этих самых глав-рассказов.

Удивительно, но такими же разрозненными предстают здесь и государство, и судьбы людей. К концу повествования, кажется, должен сложиться законченный образ Номаха, но вместо этого на первый план выходит история с ее революциями, стихийностью, потерями.

Заглавие книги, как мы видим, двупланово. *Номах*. Это повстанец. Не сотрудничающий ни с одной воюющей стороной, ни с другой. Который как бы сам по себе. Жестокий. Бескомпромиссный.

Искры большого пожара. В этой метафоре нетрудно увидеть трагические события в истории России и сопредельных государств, начавшие с большой силой пожирать всех и все вокруг. Да, это пожар, в котором Номах со своими бойцами — искры. Они либо затухают вместе с ним, либо дают разгореться новому костру. Хотя Номах, конечно, не хотел их появления: в снах он видит мирную жизнь, ту, за которую наяву так нещадно и злобно борется.

В книге действительно можно найти эпизоды, в которых человек представлен искоркой в огромном окружающем мире. В главе «Переправа» о герое так и сказано:

«...одна из миллиардов человеческих букашек, ползающих по покатоному брюху планеты».

Впрочем, тема человеческой ничтожной малости встречается еще не раз. Вот, например, такой диалог: «— Слушай, пустота какая, Федос. Он снова пискнул гармошкой. Звук, едва родившись, задрожал и исчез, словно пустота залы поглотила его.

— Эй! — негромко сказал Номах, и слово его также растворилось в темном пространстве.— Чуешь? Был звук, и нет его. Так и мы с тобой, Федос, исчезнем когда-нибудь без остатка».

Герой существует в двух время/мироизмерениях: реальном и ирреальном, идеальном. Наяву он борется против всех, изошренно, с крайней степенью жестокости расправляется с неугодными.

Идеальный мир — сновидения Номаха. Они предстают как мечты о жизни, в которой нет зла. В одном сне появляется дочь, в другом — шумные и веселые дети распиывают стены храма. Но сны так и остаются снами.

Впрочем, идеи, высказываемые Номахом в реальности, тоже утопичны, но это не смущает номаховцев:

«— ...Человек должен быть свободным! И он будет таким! — говорил Номах, распекаясь и глядя куда-то вдаль, сквозь стены и потолок. — Анархия даст человеку свободу. Мы построим общество без государства, без механизмов угнетения и принуждения. Общество, где каждый возьмет столько воли и счастья, сколько примет его душа. Мы исполним мечты всех идеалистов и утопистов, что жили со времен Платона и до наших дней. Выпьем за то!

Стучали стаканами. Выкрикивали здравицы в честь Номаха, анархизма и воли».

Остаток жизни Номах вынужден провести далеко от той земли, за которую боролся, которую выгрызал у тех, кто ее, по его представлениям, недостойн, так яростно и нещадно проливая их кровь. Убегая от нажитых врагов, он оказывается в чужом Париже. Съедаемый болезнью и одиночеством, Номах быстро угасает. Как искра...

Жалость и брезгливость, которые испытывают к нему в лечебнице французы, — это не то, о чем мог мечтать герой. Но так получилось, что, борясь за людей и их достойную будущую жизнь, сам он ее не получил, и в конце своего пути ему приходится «быть поглощенным белизной».

Это была Искра, которая погасла.

В книге довольно много сцен насилия (что неудивительно и не может быть поставлено в укор), и даны они наглядно, хотя от каждого отдельного читателя зависит, с какой эмоциональной силой они на него действуют.

Теперь от сюжета и героев обратимся, пожалуй, к главному. Роман вышел в 2017 году, почти через сто лет после начала Гражданской войны, ужасы которой в нем и описываются. Сделано это специально (автором/журналом) или получилось непреднамеренно — неизвестно, важно само обращение к этой теме. Когда оглядываешься в прошлое и восхищаешься достижениями и свершениями, нужно помнить и осознавать, какие жертвы были принесены, что пришлось пережить и государству, и отдельному человеку. И не только в описываемое время.

Можно подумать, что «национальная тема» в книге не затронута, но на самом деле за борьбой анархистов, красных, белых, за крестьянами, за офицерами, конечно, стоят все народы Российской империи, все те, кому «посчастливилось» попасть в мясорубку тех лет, когда происходила смена исторических эпох. Гражданская война — один из самых страшных способов разрешения накопившихся конфликтов. Книга И. Малышева напоминает об этом.

Анастасия РУДАВИНА

НЕВА 1'2018

ГОРДИЕВЫ УЗЛЫ**Дмитрий Быков. Июнь. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2017. 512 с.**

Когда в октябре 1940 года Мишу Гвирцмана исключили из института, у него появилось много свободного времени.

Вот так Дмитрий Львович «макает» нас в сюжет — сразу, вниз головой, без разных вступлений про сгущающиеся тучи, пустые поля и сумрачные горизонты. И прекрасно, и пусть.

А выгоняют Мишу Гвирцмана не откуда-нибудь, а из ИФЛИ — института, существовавшего ровно до 1941 года. Да даже и не выгоняют, а скорее выдавливают общим решением. Слишком легко ему все дается, а тут недавняя война с Финляндией, и вообще, как ты посмел танцевать с нашей Валею Крапивиною. Выглядит все, впрочем, не как закономерность жизни, а как несчастный случай: мальчик попал под большой каток — с кем не случилось в те годы, еще легко отделался.

ИФЛИ здесь не только для четкости хронотопа, он сам олицетворяет собой конец времени, конец не только философии с литературой, но и всех этих беззаботных Миш и Валь. Автор не раз говорил, что у всех героев есть реальные прототипы, что это «блестящее поколение, выбитое войной», поколение, которое могло изменить Россию, но сделать этого им не дали.

Если возвращаться к сюжету, то надежда России, конечно, не состоит из святых — святош вообще, по Быкову, надо опасаться. А здесь нормальное взросление, обычные юношеские терзания вперемешку с грубыми эротическими сценами (что, впрочем, тоже часть тех самых терзаний). Не зря половину книги занимает история Миши — дальше все будет много скучнее и печальнее, уже никаких поцелуев на катке, вдохновения из приоткрывшегося окошка и больших надежд.

Герой второй части — на первый взгляд выросший Гвирцман, а вообще-то не очень приятный его современник Борис Гордон. У него много забот: надоевшая жена, ответственная работа и внезапно появившаяся прелестная любовница. Он даже немножко стукач и вполне себе предатель, но не картинный злодей, а простой такой мужчина со слабостями. «В России нельзя быть хорошим человеком», — говорит он, вот и не является.

Зато ему достается незаслуженный подарок — конечно, девушка, добрее и чище не бывает. С женщинами в «Июне» вообще интересная история: лучшие из них верят в то, что заслуживают страшного наказания (и получают же), а худшие из мужчин получают тех самых женщин просто так, ничего не сделав и ни о чем не задумываясь.

У Миши Гвирцмана были Валя и Лия, похоть и чистота. До чистоты он не дотянул, остался с пошлостью и даже грязью — зато, как любой русский человек, уверенный в том, что это все его судьба и есть. Гордону выпало счастье прикоснуться к чистоте и свободе, почти иностранка Аля (только что вернувшаяся из Франции) его восхищает и в то же время раздражает — «в ее чистоте было что-то идиотическое».

Еще больше она раздражает его окружение, московскую интеллигенцию 30-х. Когда принято говорить определенные вещи, знать меру и в поругивании власти, и в восторгах ею, всякая искренность и порыв становятся смешными и даже опасными. На фоне Али, инопланетянки, видно, как страна сама себя истребляет и затягивает в жгут. Аля — это и есть повзрослевшая Лия, и вот посмотрите, что бывает в России с чистыми и особенными.

А между тем у Гордона есть еще и жена, когда-то сильная и смелая Муретта, которую он доламывает — но не раскаивается, это мы все такими стали. Все эти женщины несут в себе что-то извне, какую-то надежду, упорядоченность и любовь, в конце концов, и только Валя — абсолютно на этой земле своя, самая первая и самая честная в своем распутстве и злобе — только такая Валя и остается (хотя надламывается тоже).

Женщина здесь, как почти везде и всегда, конечно, олицетворяет Россию. Страна-распутница, из которой уходит вся святость и невинность, страна, которую мучают и терзают до неузнаваемости, — а уж потом, когда женщина в романе и вовсе исчезает, то есть когда от родины ничего не остается, вот тогда катастрофы не избежать. «И если с ней, вообще с лучшим, что было на свете, можно было такое сделать, — то действительно оставалось только всех убить».

В героях Быкова всегда виден он сам — но здесь его голос не так слышен, как в том же «ЖД», где хоть уши закрывай руками. Однако сколько бы автор ни рассказывал о реальных прототипах «Июня», все равно устами всех героев говорит Дмитрий Быков. И больше всего это, как ни странно, касается не талантливого мальчика Гвирицмана и не матерого журналиста Гордона, а вот этого третьего, странного поляка Крастышевского.

«Я боюсь, что им готовят войну, и эта война носится угрозой. Я буду делать все, чтобы этого не произошло... Но что я могу сделать?» — говорил Быков на одной из встреч. И вот придумал героя, который пытается остановить войну словом, кодирует специальные послания и отправляет их наверх.

Отдельно стоит сказать, что схема воздействующего текста, изобретенная Крастышевским, — это структура и самого «Июня»: «вторая часть должна составлять половину первой, третья — примерно треть второй, четвертая же содержит главный посыл и вчетверо меньше». И автоописание есть, и крючки хорошие: рефренное «и мысли быть не могло, не могло быть и мысли»... Вот такое антивоенное послание придумал Дмитрий Быков, и может быть, оно даже дойдет «наверх», хотя там давно глухи к любым воззваниям.

Но ведь есть и еще одно «но».

Может ли что-то сделать лингвист Игнатий Крастышевский или писатель Дмитрий Быков, когда истинный русский ангел-хранитель — условный простой парень Ленья? Ленья — сквозной персонаж, сосед Гвирицманов, водитель в редакции, где работает Борис и куда сдает отчеты Крастышевский.

Условному Лене не нужна война. Общий ад отменяет то, что остальные — Миши и Борисы — наделали со своей жизнью, там ничего, конечно, криминального, но ведь и жить так дальше невозможно. А условный Ленья еще не наломал дров, не предавал и не изменял, ему не нужно запрыгивать и списывать свои грехи. И расплачиваться за других будет именно он, как до того расплачивались голубоглазые Али и Лии, война в первую очередь бьет тех, кто ни в чем не виноват.

Так неужели только затем, чтобы выросло племя, которому умирать не больно; а племя это нужно только затем, чтобы воевать; а воевать нужно только затем, чтобы все списывать? Неужели тут всегда стоит одна задача — все списывать; всех сплачивать вокруг стержня; отводить любые претензии? А чтобы все были готовы умирать, неужели надо, чтобы никому не хотелось жить?

«Июнь» — не «ЖД», здесь все об одной нации, и нет здесь противостояния. Можно было бы сказать, что есть борьба эти русских-советских людей с властью, но ведь для борьбы нужен какой-никакой диалог, а когда одни молча приходят и берут у других то, что им нужно, не получается даже и монолога. «Мы всех сделаем виноватыми и всех излечим», — говорит человек «сверху» Горелов, и ведь делает же.

Выпавшие из времени завсегдатаи букинистических лавок и «окраина жизни» типа Кольчева, тусоватая интеллигенция и полные надежд студенты — в пространстве романа все они чувствуют одно, все делают одно, и всех ждет один финал.

А Гвирицман, Гордон, Крастышевский — герои ведь явно пришлые, явно отделенные, и, может, потому они яснее других чувствуют свою вину и даже сознают, в чем она. Беда в том, что вина и ответственность — разные вещи, а на русской земле — и вовсе, почти противоположные. И даже если действительно виноваты такие, как Борис Гордон, ответственность за них всегда несут такие, как Леня.

А Леня ничего не знает и, может быть, даже еще не предчувствует. В воскресное летнее утро Леня впервые показывает маленькой дочке лес — сильнейшая сцена романа, лучше всех тюремных, курортных, постельных, пейзажных, та самая четвертая часть, в которой «главный посыл». Его жизнь «вообще налаживалась», кругом грибы и земляника, и это утро удивительное, и кругом разноцветные бабочки, и сейчас они купят теплого парного молока — «Наташа подумала, что так хорошо ей тоже никогда еще не было, но теперь, конечно, будет много раз».

И в такое утро Леня встречает катастрофу, в которой виновен меньше всех, встречает самым достойным и мужественным образом. Что будет дальше, мы уже знаем: там, где война разрубит чужие гордые узлы — именно там же она насквозь прорежет жизнь всех таких Леня и маленьких Наташ.

Никто не говорил, и репродуктор тоже ничего не говорил, вообще не было ничего, кроме музыки; но он догадался.

Анастасия СОПИКОВА

«ГОЛОМЯНОЕ ПЛАМЯ»: КАРЕЛЬСКИЙ УГОЛОК В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

**Новиков Д. Г. Голомяное пламя. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной,
2017. 349 с.**

Карельского писателя Дмитрия Новикова нельзя назвать неизвестным — его произведения публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Север», «Carelia». Но это были рассказы (например, наиболее известный сборник «Муха в янтаре»). Первый же (и пока единственный) роман писателя был номинирован на «Русский Букер» и даже попал в шорт-лист премии. Чем же он смог завоевать благосклонность критиков и любовь читателей (о которой можно судить по различным отзывам и рецензиям)?

Стоит оговорить, что книга эта встретила меня (а я — ее) не случайно, и только она могла так сильно отозваться в моей душе. Большим потрясением было встретить в списке номинантов «Русского Букера» знакомую фамилию. Фамилию писателя, живущего со мной в Петрозаводске в одном доме. Но дело здесь не только в землячестве и какой-то патриотической гордости, дело в особой, если хотите, энергетике текста.

Для меня роман «Голомяное пламя» в первую очередь — роман о малой родине, о Карелии. Природа, так любовно описанная Дмитрием Новиковым, — это связующая нить всего повествования и его атмосфера. Это не фон для жизненных перипетий отдельных людей или даже всего народа, а то главное, что приковывает внимание и заставляет по нескольку раз перечитывать целые абзацы. Именно она служит общим местом для таких, казалось бы, разрозненных эпизодов, из которых в сказовой манере складывается повествование.

Посмотрел Гриша на небо, глаза протер — нет, не снится. Таких красок ни разу в жизни не видел. Тучи пурпурные плоской стаей сплошной идут, словно птицы райские летят. Перед ними небо голубое с прозолотиной, нежное, как глаза младенца новорожденного. Край стаи от солнца ярким золотом сияет, глазам смотреть больно, словно купола в небесах опрокинулись. Дальше в тучах золото на нет сходит и появляются прожилки красные, сначала алые, потом все кровавее и кровавее. И тучи все темнее и темнее, не пурпур уже, а тяжелая грубая синь. И прожилочки кровавые все тоньше, тоньше, потом исчезают совсем. На востоке же мрачно, чернота злая, и молнии кое-где беззвучно посверкивают. Все это над зеркалом водяным, отражается в нем сполна, ни ветерка на море, восточный поверху идет.

Конечно же, здесь нельзя не вспомнить многочисленные отзывы критиков, сравнивающих Дмитрия Новикова с писателями-деревенщиками и даже называющих его «неодеревенщиком». Это возвращение к корням, это то, что в современной урбанизированной жизни эпохи постиндустриализации отошло куда-то далеко-далеко, даже не на второй план.

На широком косогоре, у самого устья бурливой Керети раскинулась деревня Кереть, нежилая. Раскинулась и лежит. Лежат на земле останки домов, еле угадываемые в высокой густой траве, разнuzданно расцвеченной желтыми, синими, белыми пятнами роскошных луговых цветов. Лежат на погосте старые поморские кресты, сквозь белесое древнее дерево которых проросла многолетняя брусника. Лежит тихо, незаметно фундамент большой церкви, что раньше гордой белой птицей, вот-вот готовый взлететь, окрыляла всю округу восторгом светлой радости. Неясными, размытыми террасами лежат бывшие улицы — верхняя, нижняя, средняя. Внизу синее равнодушное Белое море. На том берегу залива развалились останки судов-верфи. Над всем этим носятся ласточки.

Вообще, «Голомяное пламя» удачно вписывается в историко-литературный процесс, вызывая ассоциации не только с целыми направлениями, но и со многими книгами.

Это и гладкобокими камушками разбросанные по тексту поморские слова, как татарские — у Гузели Яхиной в «Зулейхе...». Слова эти взяты в большинстве своем из словаря поморского языка. И тем удивительнее встречать проставленные ударения в таких родных и с детства знакомых словах типа «самолóвки», которые к поморским не относятся.

Ну уж ветра любой помор перечтет без запинки, жизнь от этого часто зависит — поймать да определить вовремя, какой грядет. Тут уж я всю старался:

— Восток, полуношник, сивер, побережник, русский, обедник, шелонник.

Одно из таких диковинных слов звучит уже в названии романа, настраивая читателя на что-то ему неизвестное, сокрытое, но почему-то глубоко родное и интуитивно понятное: «Голомяное пламя». Полногласное звучание «голомяный» в сочетании с неполногласным «пламя» напоминает поговорку «Из огня да в полымя», и вот уже повеяло чем-то старинным, размеренным, деревенским. Заглянув в словарь Даля и этимологический словарь Фасмера, узнаем, что «голомя» — открытое море, море вдали от берегов. В самом романе тоже есть сноска: «Голомя — открытое море, даль морская» («Словарь живого поморского языка» Ивана Дурова). Это подтверждает и главный герой Гриша:

— Во дает шороху! — Михаил просветлел лицом, глядя на бешенство воды и ветра. — В голомя сейчас не сунешься. Знаете, что такое голомя?

Гриша рад был знать:

— Открытое море — голомя. Дед так говорил.

Лучшей иллюстрацией будет описание открытого Белого моря в тексте: *«Море же, если островами закрыто, — будто река широкая, медленная, неподвижная, течет себе вдаль бескончаемо, бесповоротно. Если острова далекие — висят они в воздухе, с облаками сливаясь, красоту свою в легкости подтверждая. Дунь, кажется, и понесутся прочь веселой гурьбой. Но уж если голомя открылось — тут праздник душе. Не знаю, не могу понять — почему открытая голубая гладь эта так возбуждает все лучшие чувства в человеке. Тут тебе и радость свободы, и печаль за не могущих с тобой эту радость разделить, и мужество какое-то изначальное, когда лишь на Бога надежда да на свое неплошание».*

Но это «голомя», само море. А что же такое «голомяное пламя»?

Но Гриша уже не слушал. Прямо перед ними, в успокоившемся море, на воде, на голубой поверхности ее, лежала радуга. Не в небе, не вертикально, а плашмя, охватив залив, и дальше в открытое море; лежала она, яркая, чистая, словно из воды вышедшая, глубиной омытая, солнцем рожденная.

— Чудо, чудо какое! — зашептал Гриша. — Смотрите, первый раз в жизни вижу, прямо на воде лежит! Голомяное пламя — дед говорил! Я не понимал раньше!!!

Так объясняется загадочное название романа.

Как метко сказал когда-то Белинский, художественное произведение, выросшее из мысли художника, является «совершенно особым, цельным и замкнутым в самом себе миром, в котором все части соразмерны целому, и каждая, существуя сама по себе и сама собою, составляя замкнутый в самом себе образ, в то же время существует для целого, как его необходимая часть, и способствует впечатлению целого». Эта цитата как нельзя лучше описывает роман, словно собранный из различных кусочков, ситуаций, даже в какой-то мере самостоятельных рассказов. Перед читателем — имитация хроникального повествования, при этом главы не имеют нумерации, только названия, построенные по одному типу: место и время. Если говорить о современной литературе, то это такая же смесь жанров, голосов, эпох, как в «Лестнице Якова» Людмилы Улицкой. Это прыжки во времени: из жития Варлаама Керетского в Петрозаводск образца 2003 года, из него — в начало XX века и обратно в XVII.

О преподобне отче наш Варлааме, яко имеяй дерзновение ко Творцу, Избавителю всех, Иже в Троице Святей покланяемому истинному Христу, Богу нашему, помяни нас в молитвах своих и всех нас моления, Богу возсылаемая, прими и принеси ходатайственне. Молим тя, избави нас от душевных напастей, и на мори зельнаго обуревания, и потопления морскаго невредимы сохрани, и от всех видимых и невидимых враг ненаветны соблюди, яко да твоими молитвами, святе, согрешений наших оставление получим и вечных благ сподобимся благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава со Отцем и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Это привет Юрию Казакову, другому мастеру короткого жанра (помним, что Новиков знаменит в первую очередь рассказами), писавшему об Архангельске и суровой северной природе.

Было обычно все кругом. Привычно глазу и скучно душе. Он ехал по дороге, вдоль которой унылой чередой тянулись болота, сменяемые изредка чахлым мшистым ельником, искривленной, тягостной сутью своей напомиающим здешнюю жизнь. Посреди болот печально высились рослые сухостоины, выбравшие вроде бы свободу пространства, но засушенные на корню недоброй ржавой почвой. Часто нездоровый лес прорезали жестокие вырубki, где безжалостное железо разорвало, смешало с землей пусть нелегкий, но за века устоявшийся лесной порядок. На них все было буро — покореженные ветви, обрубки стволов, брошенные в жестоком беспорядке огромные вековые пни. Людям не было дела до этого, лес молчал, природа с бесстыжей нежностью выставляла напоказ свои рваные раны, тихо пыталасьлизать их молодой несмелой порослью.

В нем можно усмотреть что-то общее даже с повестью «По прозвищу гуманоид» Надежды Васильевой, карельской писательницы, землячки автора. Особенно узнаваемо это в рассказе о детстве главного героя Гриши, где мир показан глазами ребенка, впервые столкнувшегося с жизненной несправедливостью (у Надежды Васильевой таким героем является Митька).

И вся гроздь была такой замечательной продолговатой формы, такая плотная и аккуратная на вид, что Гриша аж зажмурился. Какое-то прекрасное счастье обрушилось на него, обдало с ног до головы, как морская соленая волна. Такое счастье, что не было ссоры и непонятностей с Маринкой, и родители не ссорились, и погода всегда была хорошая, солнце ласковое, ветер прохладный, а море теплое. Такое счастье, что знаешь точно — оно не кончится и всегда будет. Такое счастье, что очень понятно — будь хорошим мальчиком, и воздастся.

Гриша открыл глаза. Протянул руки и взял гроздь в ладони. Она была прохладной и тугой как любимый, ярко-раскрашенный мяч. Гриша подергал ее. Гроздь не отрывалась, пришлось покрутить, и тогда в руках оказалась драгоценная тяжесть. Он с легким хрустом отделил одну ягоду и благодарно взял ее в рот. Счастливо улыбаясь, надавил зубами. Рот наполнился жгучей, едкой кислотой. Гриша сморщился от горечи, от боли, от обиды — и наконец заплакал.

Каждый может найти в этой книге что-то свое: и любитель природы, и верующий, и интересующийся историей, и ценитель меткого слова, и простой, как герой книги, человек, ведущий простую жизнь и тянущийся к своим корням. На последнее, помимо прочего, работают и воспоминания героя о черном хлебе с солью как лакомстве, рассказ о воевавшем деде — в современной ситуации ностальгии по всему советскому — именно такие моменты делают текст ближе и роднее читателю: *«Черный хлеб, политый постным маслом и посыпанный крупной солью, белый батон с сахарным песком — эти яства тоже были бабушкой».*

Для меня роман «Голомяное пламя» среди всех прочитанных за последнее время произведений современной русской литературы стал самым душевным. Пускай другие критики и литературоведы разберут его по рыбным косточкам, ну а от меня — спасибо Дмитрию Новикову за промозгло-северный и суровый, но такой близкий по духу и настроению роман.

А еще тут живет суровый, жесткий цветок. На камнях, на скалах, часто у самого моря цепляется он корнями что есть мочи за родную землю. <...> Ему не нужно верить, надеяться, ждать — он выживает и живет. «Золотым корнем» зовут его, потому что там, в тяжелой и мрачной глубине, извлекает он из всех невзгод и напастей своих тот сок, что живой водой будет для зверя и человека, выле-

чит, спасет, поможет. Забесплатно, за просто так. Потому что жизнь тяжела, смерть легка и есть между ними любовь.

Эмилия ВАСИЛЬЕВА

В ДИКОМ КРАЮ ПОДЛЕМОРЬЯ

Ермаков О. Н. Песнь тунгуса. М.: Время, 2017. 480 с.

Вот как тут удержаться от пушкинского «и ныне дикой тунгус»?.. Дикий тунгус вот-вот исчезнет. Культура коренных народов тем и интересна, что ореол мистики, путаной мифологии и нескончаемого обаяния (ореол, готовый потускнеть или совсем погаснуть в свете тяжело ступающей, всепоглощающей цивилизации) может сиять вокруг незамысловатого, абсолютно приземленного сюжета. Может? Может-то может, но соединить все это вместе блестяще удастся именно Олегу Ермакову.

Национальная тема в многоликой России — благодатная почва если не для романа, то для большой повести. Жанр как таковой тут принципиальной роли не играет, но выбор правильных слов просто необходим. В книге Олега Ермакова с жанром не все прозрачно, но дух, вкус, звучание здесь — причудливое переплетение гимна и шаманского напева, а потому на обложке и значится: «песнь», «Песнь тунгуса» — точнее, уверен, не скажешь.

Родина Олега Ермакова — город Смоленск. Но работа лесника привела его и в Баргузинский, и в Алтайский, и в Байкальский заповедники. Мир прибайкальский, таким образом, для автора — не чужая стихия, хоть и вторгается он в нее, казалось бы, из совершенно чуждых Сибири краев. Да и вообще интересно, что участник афганской войны Олег Ермаков, известный прежде всего военной прозой («Знак зверя», «Холст», «Свирель вселенной», «Арифметика войны»), обратился к «дикому тунгусу».

Тунгусы — они же эвенки — живут возле самого Байкала, а Байкал, как известно, вовсе даже не озеро — море, поэтому и имя прибайкальской земле дано соответствующее — Подлеморье. Правнук великой шаманки Шемагирки, главный герой Мишка Мальчакитов — наследник кочующих охотников, последний хранитель эпоса, завещанного ему бабкой Катэ. В новой книге Олег Ермаков не идет на поводу у литературной моды: зачем выдумывать новый волшебный мир, если можно обратиться к миру реальному, который просто не всем приоткрывает свою тайную волшебную сторону? Особая связь героя-тунгуса с чудесным Подлеморьем — чем не зачин для очередной фэнтезийной вселенной? Тут уж читателю впору остановиться и с характерным прибайкальским выговором произнести: «Че-о?»

Мир эвенков — мир самодостаточный, как и всякий далекий от цивилизации мир. Однако даже не дистанция играет тут главную роль: здесь важнее замкнутость, впрочем, не ощущаемая изнутри. Бабка Катэ рассказывает Мишке о безграничной небесной сфере: «Катэ сказала, что все по-другому раньше было: темный силуэт на Луне — отражение Старушки, хозяйки всего мира — Энекан Буга». С календарем в пространстве этой книги тоже свои счеты: устранение четких хронологических рамок в эвенкийском мире, покоящемся на мифе, не позволяет конкретизировать реальные временные границы. Тем не менее черта все равно есть, если угодно, ее мифологический образ — родовая река Энгдекит, протекающая между жизнью и смертью.

Мир тунгуса разворачивается в известных пределах: «Тунгусы здесь обитали и царили и царя не знали. Ну, где-то там в Иркутске этот, губернатор, соответствующе, казаки, полиция, железная дорога. А здесь — закон-тайга. Сам себе хозяин тунгус.

У него олени, берданка, а вокруг соболя прыгают, в море нерпа, на полянках боровая дичь». Вот эти вот соболя, нерпа и боровая дичь — та самая завораживающая, исполненная мистики природа. Олени, волки, кабарга (такой клыкастый сибирский олень) подобны ожившим экспонатам зоологического музея. Повествование в отдельных главах ведется от лица животных, населяющих здешние леса, — им тоже дан голос, сливающийся с лейтмотивом песни тунгуса.

Байкальский заповедник — пространство романа — не просто попытка сохранить природу в ее первозданном виде. В конце концов, человек тут уже порядком наследил, поставив зимовья, просыпав порох, примяв траву, — с этого начинается книга. Но тут сохраняется — одновременно балансируя на грани жизни и смерти — и древняя земля, где каждый камень и каждое дерево слышало камлание шамана. Эвенкийские мифы — это то, что поддерживает дух героя. Бережно сохраненные и переданные Мишке по наследству от древней шаманки через любимую бабушку, мифы позволяют держаться проверенной тропы. Так герой из города часами плутает в непроглядном таежном тумане, а Мишка, свернув с исхоженной дорожки, попадает в город, где начинаются невероятные вещи.

Да что уж там, и читатель порой готов если не поверить, но хотя бы допустить, что холодная Луна — это небесное оленье пастбище. Поверить бабке Катэ порой не хочет и сам Мальчакитов, неумолимо сообщающий, что, дескать, на Луне и дышать-то нечем (американцы уже слетали и рассказали). Вот тут берестяная тунгусская лодочка готова покачнуться и перевернуться: нет на Луне места для птиц — душ умерших... Уму непостижимо!

Как уже отмечали рецензенты, «Песнь тунгуса» больше всего напоминает этакий «Твин Пикс», перенесенный куда-то в забайкальскую глушь. Действительно, книга Олега Ермакова — это и детектив, начинающийся с убийства (убийства ли?) главного героя, а затем волшебного воскрешения и исчезновения. Детективная основа очень проста: это бытовая милицейская история для небольшого второсортного сериала. Мишку обвиняют в поджоге, хватают, тот сбегает из кутузки и возвращается туда, откуда приглушенной песней доносится зов предков.

Перемешанные элементы фабулы так и оставляют читателя в недоумении: а что, собственно, произошло? Таинственные обстоятельства походов героя в недружелюбном Иркутске, по льдам замершего на зиму Байкала и тропам родной тайги — все это очень длинная повесть, без которой книга рассыпалась бы, точнее, осталась бы той самой тунгусской песней, которую не каждое ухо воспримет. Впрочем, читай-те роман. Вопросов он оставляет больше, чем дает ответов.

Так что же с повествованием не так? Дело в том, что в этой книге мистика переплетена с реалистичностью. Авторское слово убедительно демонстрирует, что да, так и могло быть на тех байкальских берегах, где ступала только нога тунгуса. Нетунгусы, не обремененные вековыми традициями, строят здесь карьеру, запивая горькой, — это все списано с природы, здесь никакой таинственности нет.

Особенность же книги в том, то за подобным сплетением не стоит какая-нибудь глубокомысленная, выверенная концепция — нет, это чисто структурный, композиционный прием, задающий объем произведения. Это, по-видимому, тот фон, на котором единым голосом становится дикая заповедная природа и внутренний мир Мишки, готового вступить с реальностью в диалог, по крайней мере, попробовать установить контакт. Тунгус остается тунгусом и здесь: этот контакт удастся не сразу и не всегда. Мишка далеко ушел от прабабки Шемагирки, но отзвуки шаманского напева слышны все равно.

На протяжении всей книги меня не покидало ощущение дежавю. Один из «родственников» Олега Ермакова в литературной семье — Юрий Казаков (показательно,

что еще в 2009 году автор был удостоен премии имени Ю. Казакова за рассказ «Легкий поток»). Тут и красоты природы, и «простые» герои, и тончайше подмеченные детали любимого края России. Справедливости ради отметим, что для Юрия Казакова любимый край ограничен Русским Севером (еще точнее — Архангельской землей), а для Олега Ермакова он существенно шире.

Однако на монтажном столе «Песни тунгуса» что-то не склеивается, целые эпизоды из биографии Мишки теряются — но атмосфера остается. Трехчастный роман куда больше походит на затянувшуюся повесть. Плести словеса под звуки волшебного бубна, конечно, можно до бесконечности. Если в первой части накал страстей умеренно, но все же нарастает, на второй читатель может с облегчением выдохнуть — и поперхнуться: здесь сковывают тело мороз, ледяная гладь Байкала и белоснежная тайга. Тут бы появиться какому-нибудь тунгусскому божку — да завернуть фэнтезийный сюжет, но...

Да, как по камертону, должен был бы выстроиться этот заповедный лес. «Не кончается время тревог, но кончаются зимы»: в третьей части заповедник ждут перемены, «здесь замышляется байкальская революция». Менять, рушить, кончать с прошлым — значит построить «заповедник нового толка» в противовес идее заповедника «старого хозяйственно-научного толка». Казалось бы, вот оно, то, что наконец примирит тунгуса и остальной мир, но Мальчакитов в этом заповеднике будущего не нужен. Его тут вообще уже нет, побег. Революция никого не оставляет в стороне, но если знаешь нужные слова, — а они тут самые верные: «Сэвдеелэй-дэ гуделэй! <...> Весело же и красиво!» — сможешь вернуться: «Мишку забрали. Но он бежал...»

Последний вопрос — а что хотел сказать автор? — требует хоть какого-нибудь ответа. Напомнить об исчезающем народе, развлечь детективными хитросплетениями, блеснуть знанием природы Байкала? Отнюдь. Олег Ермаков создает текст, в котором эстетика «дикости» убедительно противостоит серой, бесхитростной цивилизации. Только в такой форме может сохраниться невероятная песнь тунгуса, наполняющая заповедную тайгу: «...тайга здесь была ближе, рядом — и густо уходила по долине, по горам расплескивалась, за собой звала — к далеким снежным горам на востоке, откуда солнце-то и вставало».

Максим ВОЛЬХИН

К ЮГУ ОТ МИФА

Лора Белован. Южнорусское Овчарово. М.: Лайвбук, 2017. 368 с.

Может, и мед снится нам в трехлитровой банке в шкафчике нашей кухни, и все остальное, включая Южнорусское Овчарово, нам тоже снится? Очень уж бывает похоже на сон. Однако сядешь в машину, заведешь, тронешься с места, а через полтора километра от дома — дорожный знак: «Южнорусское Овчарово». Его можно потрогать. Можно даже пнуть ногой. Он есть всегда — и днем, и ночью.

Даром что перечеркнутый с обеих сторон.

Рассказы о русской деревне Южнорусское Овчарово, находящейся черт знает где, или в 70 километрах от Владивостока, немного сбивают с толку незадачливого городского читателя. Все происходящее вроде как вполне укладывается в рамки нормального человеческого осмысления, а нет-нет да и сползет где-нибудь край крышки от пластмассового ведра, и из него вытечет чудная темная сгущенка или кальмаровый мед. Простые истории о хлебосольной старушке, успешном садовом или отключе-

нии электроэнергии, казавшиеся привычным пластмассовым ведром, при чтении постепенно открываются и являют бездну фантастического, еженощно снящуюся Гоголю в гробу.

Сама Лора Белоиван, появляясь на страницах своей книги, тоже оказывается не просто директором Центра реабилитации морских млекопитающих, художницей и финалистом двух литературных премий, а заложницей фитнес-браслета и спасительницей русалок. И хотя с появлением библейских мотивов и приближением финала книги, читатель ждет каких-то пояснений от выскочившего из-за угла автора, она лишь делится с нами еще одной историей жителя своей деревни Поспелова Сергея и отправляется кататься на роликах и встречать самолеты.

Пространство вычеркнутой из реального мира деревни поистине безгранично: она глубоко связана с Иерусалимом, в нее приносит подводные лодки и русалок, она сужается и расширяется то до одной улицы, то до неведомых пространств между соседней деревней и кладбищем. То же самое происходит с предметами, в ней находящимися. Чего стоит один магазин Антонии, который напоминает дыру между мирами из романов Макса Фрая, в нем появляется все, что нужно желающему. О времени мы просто не беремся говорить, потому что оно подчиняется каждому жителю Овчарова по-разному и совершенно очевидно, что ни в одном доме на часах вы не найдете схожих цифр. Осмелюсь даже отметить, что и темп чтения рассказов меняется в зависимости от отношений избранных персонажей со временем (о доме, в котором сиреневым цветом на стене нанесен знак бесконечности, мы все еще читаем, а вот о дошедшем до Овчарова за три часа суде можем перечитать снова, поскольку некоторые детали уже стираются из памяти).

Мифология овчаровского мира обладает удивительной способностью к органичному проникновению как в реальные сюжеты, так и в традиционные мифологические. Кладбищенский проводник Франциск Ассизский возникает в деревне так же естественно, как любой городской житель или проклято-вылеченные Дед Мороз со Снегурочкой, становясь частью обширной палитры овчаровской мифологии. И читатель даже почти не удивится, если окажется, что Ник (он же Николас) из последней главы окажется по паспорту Николасом Святым. Так же спокойно он воспринимает историю о тысяче папай, взошедших у удачливого садовода, и лишь когда в неотопливаемых теплицах зимой вырастает целый лес тропических деревьев, начинает что-то подозревать. Нельзя здесь не восхититься удивительной легкости, с которой Лора Белоиван помещает свою деревню в обширный контекст мировой культуры, наконец, отделяя, как ранее отмечалось рецензентами, тему русской провинции от «деревенской прозы» и подающая ее как пространство для фантастических превращений и оригинальных сюжетов. При этом основывая все это на глубоких русских фольклорных корнях: лечении с помощью еды и способности проклясть словами, заговаривании деревьев, отношении к городским в деревне, разговорах с умершими в доме, способности леса запутать человека, юродивых и русалках. С каждым рассказом она, если хотите, сгущает национальную идентичность, как дед Костик сгущает темноту для освещения деревни. Хотя он бы первый отозвался на эту фразу известным русским словом.

Отдельно стоит сказать о способности Лоры Белоиван создавать живых, объемных персонажей несколькими строчками. То портретным описанием: «У деда Наиля уши мягкие и удивительно длинные. <...> Длина их поразительна: еще чуть-чуть, и мочки лягут на дедовы плечи. Это оттого, что у деда Наиля короткая, почти совсем ушедшая в плечи шея. <...> В остальном он нормальный, обычный дед. Таких в Южно-русском Овчарове на каждой улице по семь пачек. Сутулый, среднего роста старик

с желтоватыми космами вокруг коричневой лысины. С чистыми, очень ясными глазами почти бирюзового цвета — немного неожиданными на смятом лице». То ярким поступком, как в случае с Леной и Мариной, когда первая сначала выбрала кататься по родной деревне, а не по границам, а потом не смогла перебороть страх перед котенком с болот, даже после того, как он был отделен от естественной среды и выращен до взрослой особи. То удивительным сочетанием имени и возраста — «Наташа — обыкновенная старуха, довольно слабосильная...» — с последующим описанием дома и поведения. Дом довольно часто становится помощником в создании образа, и в этом еще одна удачно отраженная в книге особенность русской деревни, где хозяин всегда тесно связан со своим жилищем и оно является неотделимой частью его личности.

Может показаться, что в книге нет никакой глубины, или мы сознательно избегаем в нее соваться, дабы не оказаться вместе с english teacher Mr. Mister на дне колодца. Но мы лишь следуем за автором, который следует за деревенской традицией относиться серьезно к весьма ограниченному кругу вещей. Например, к грибам и их росту. На самом деле, конечно, за легким тоном повествования Лоры Белоиван скрывается большой спектр серьезных тем, достойных томов философской лирики. Как сообщить близким людям, что в квартире нет никакого ремонта, и квартиры нет, да и их самих уже нет, потому что они умерли и пора заботиться о надгильном камне, а не об аккаунте в Инстаграме? Как правильно помочь мертвецам не рассыпаться в прах, и у кого спрашивать о таком совете? Что делать, если нечаянно услышал довольно точное предсказание своей смерти, и оно вдруг начало сбываться? Как правильно обрабатывать камень в горле, чтобы он не мешал летать со скалы? Как понять, кто именно сходит с ума, когда оба уверены, что с ними все нормально? Вопросы, не встающие перед жителями Овчарова, но невольно вырисовывающиеся в голове у читателя после прочтения книги, кажется уместным задать Безумному Шляпнику и Кролику за бесконечным чаепитием. Мы же просто посоветуем сесть в машину и, следуя по широкой федеральной трассе от Владивостока и руководствуясь прекрасными иллюстрациями из книги, достичь перечеркнутого указателя на деревню Южнорусское Овчарово.

Анастасия ПЕРНИКОВА

«РАСПИЛЫШ» ИЗ СИБИРИ, ИЛИ ИСТОРИЯ ЖЕНИ БАРКОВЦА

Тарковский М. Тойота-Креста. М.: Э, 2016. 416 с.

Горячее и холодное. Белое и черное. Светлое и темное. Родное и далекое. Восток и Запад. Плюс и минус. Мужчина и женщина. Женя и Маша. Эта история любви двух противоположностей, двух полюсов, двух совершенно разных миров. Мы знакомимся с Женей и Машей на страницах романа Михаила Тарковского «Тойота-Креста», который попал в длинный список номинантов на премию «Русский Букер» в 2016 году.

Михаил Тарковский родился и вырос в семье людей искусства. Внук поэта Арсения Тарковского, племянник режиссера Андрея Тарковского, сын кинорежиссера Александра Гордона, он всегда жил в атмосфере творчества, но уже в детстве Михаил Тарковский мечтал уехать в тайгу и жить вдаль от городской суеты. Окончив Московский государственный педагогический институт по специальности «География и биология», он отправляется работать на Енисейскую биостанцию в Красноярском

крае. С 1986 года Михаил Тарковский живет в селе Бахта, занимается охотой и пишет о природе Сибири и сибиряках. Тайга, Енисей, сибирский воздух — источники вдохновения писателя. В романе «Тойота-Креста» Сибирь — не часть России: это отдельный мир, страна внутри страны.

Роман состоит из трех частей. Первые две части («Кедр» и «Крест») были напечатаны в журнале «Октябрь» в 2007 и 2009 годах. Третья часть «Распильш», в которой завершается история Жени Барковца, стала связующим элементом книги и соединила разрозненные кусочки в цельный роман. Несмотря на то, что формально книга разделена на три части, в каждой из которых есть своя маленькая история, раскрывающая характер главного героя, она отчетливо делится на две большие смысловые части: история Маши и Жени и философия правого руля (как называет это Василий Авченко, написавший вступительную статью к роману).

— Вы много ссорились?

— Да, но это была одна и та же ссора.

И нет ничего в мире сложнее, чем любовь. И нет ничего в мире важнее любви. И никто не понимает это лучше, чем Женя Барковец.

История Маши и Жени занимает почти половину книги. Москвичка врывается в жизнь обычного сибиряка, как ураган. Женя пытается прикоснуться к ней, такой холодной и недоступной, как ребенок, который хочет узнать новое, изведать неизведанное. Маша обжигает ледяным взглядом, задевает остротами и колкостями, терзает своим равнодушием. Кажется, что для Жени Маша становится символом преодоления: завоевать ее — цель, необходимость, основная задача. Маша сдается, отдается во власть любви и нежности Жени.

Но! Как огонь и вода, как день и ночь, не могут ужиться герои. И больно становится, когда читаешь, как они ломают себя, как пытаются понять другого и как у них это не получается. Женя приезжает в Москву к любимой — идет на жертву ради нее. Герой бросает Енисейск, Сибирь, родные места и устремляется на машине к своей новой галактике, в новую вечность. И кажется, у них все получится, и веришь, и ждешь, но все медленно рушится. Машино нежелание идти на компромисс, понять тонкую душу простого таксиста из Енисейска разрушает любовь.

Женя уезжает. По-английски. Чтобы не было мучительно больно, чтобы не вернуться назад.

Недаром вторая часть книги, в которой описана жизнь Жени в Москве, называется «Крест». Герой несет свой крест: отказывается от себя и пытается стать тем, кем хочет видеть его Маша.

*Ты стоишь на краю Океана
И, наверное, сойдешь с ума.*

Вторая смысловая и идейная часть книги открывается описанием дороги домой. Женя возвращается к истокам, к родному Енисею, который утешит, даст совета и поймет.

Самым сильным, задевающим за живое эпизодом в романе является переживание Океана. Читатель сам меняется вместе с Женей. Ты чувствуешь, как твоя душа проникается теплом. Происходит воссоединение с мировой силой Океана, приобщение к Богу земли Русской.

Вторая часть романа связана с поиском себя и своего Бога. Мы больше узнаем о семье героя, его знакомых, попутчиках, друзьях, девушках. Он вспоминает разные

истории, которые случались с ним за всю жизнь: любовь к простой девушке Кате, которая научила его не идеализировать образ возлюбленной, смерть друга Вэди, которая как снег на голову свалилась на бедного Женю, уставшего от долгой дороги и поиска правды.

С самых первых страниц романа читатель понимает, что главной любовью Жени всегда была и будет романтика перегона, праворукие машины и их особенные имена. Женя меряет жизнь километрами, называет незнакомые вещи родными именами японских машин, почти каждая из которых занимает особое место в душе героя. Когда Женя решает расстаться со своей верной белой «Тойотой-Крестой» и покупает новую машину — «Тойоту-Марк II», — когда он чувствует, что пора оставить в прошлом старого себя и принять новую жизнь, мы грустим вместе с Женей. Не только герой меняется с покупкой новой машины, но и читатель начинает видеть мир по-другому. Новый путь, новый перегон, новая страница в жизни Жени.

Чем еще может удивить читателя роман Михаила Тарковского? Стихотворениями! Вторая часть романа заканчивается стихотворением «Я стою на краю Океана...», в котором описаны чувства лирического героя от переживания Океана. Первая глава второй части посвящена Е. М. Барковцу — Тарковский посвящает свои стихотворения главному герою книги — и включает в себя семь стихотворений. Но ближе к концу романа, когда Женя вспоминает о Кате, девушке, которую он встретил на Шукшинских чтениях, и о своих чувствах к ней, он говорит, что однажды отправил ей небольшое стихотворение. После этого читатель начинает видеть Женю с другой стороны: Женя — перегон, Женя — сибиряк, Женя — поэт. Становится очевидным, что стихотворения, которые даны в книге, написаны самим героем: он описывает пережитое, что его волнует и трогает. Так он становится еще ближе к читателю, открывается нам как человек с чуткой поэтической душой.

Среди всех женских персонажей книги наибольший интерес представляет образ Насти — почтового оператора. Настя влюблена в Женю какой-то детской любовью: следует повсюду за героем, смотрит на него влюбленными глазами. В начале книги Настя вызывает у читателя жалость, однако ближе к середине, когда мы читаем вместе с Женей ее письмо, мы смотрим на героиню по-другому. Настя страдает за ошибки других, она верит в человека и пойдет на все, лишь бы спасти любого, кто в этом нуждается. Она, как никто другой — особенно сам Женя, — понимает и чувствует все, что происходит в душе возлюбленного: «Я хочу, чтобы тебя хватило на ту жизнь, которую ты себе выбрал». Как Сонечка Мармеладова, спасает Настя душу Жени.

Безусловно, роман вдохновляет, радует, заставляет читателя задуматься. Но есть в книге один небольшой минус — разрозненность частей. Известно, что все три части выходили отдельно, книга впервые была напечатана вся целиком. Наверное, поэтому зачастую трудно воспринимать отдельные эпизоды. Две большие смысловые части, отмеченные выше, можно рассмотреть как выигрышный момент романа, но также можно посчитать основной трудностью в восприятии для читателей. Первая и вторая части мало связаны, поэтому роман выглядит как соединение двух отдельных книг, двух противоположных историй. Но также можно воспринять подобное соединение как скрытую метафору отношений Маши и Жени: два полюса, две судьбы, два характера.

Я думаю, что роман Михаила Тарковского никого не оставит равнодушным. Это книга, которую нужно читать медленно, вдумчиво, обращая внимание на каждую букву и запятую. Прочитав роман, мы поймем, как сильна и сложна любовь, как велика и безгранична наша Россия, как сложно бывает понять, кто ты, где ты. Вы увидите Сибирь по-новому: узнаете, как и о чем говорят сибиряки, познакомитесь с героями, которые научат вас смотреть по-особенному на мир вокруг нас. Я уверена, что

в главном герое романа Жене Барковце каждый из нас узнает себя: мы все «распи-лыши» — нас мучают наши страхи, проблемы, нас ломает неизвестность. Нам хочется жить и дышать, переживать Океан и видеть мир большим и целым.

Анна ЛУНИНА

ЗНАМЕНОСЦЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Брейнингер О. А. В Советском Союзе не было аддерола: [роман, рассказы]. — М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2017. 349, [3] с.

Большинство произведений, вошедших в лонг-листы литературных премий 2017 года, обращаются к прошлому. А Ольга Брейнингер в своем дебютном романе пытается показать человека, за которым будущее. Уже поэтому кажется, что эта книга — настоящее событие. К названию серии, в которой она вышла — «роман поколения», — можно добавить еще одно жанровое определение: «роман-манифест». «Мы — не прежние поколения, которые жаловались на все подряд и ничего не делали. Мы — это дети глобализации с острыми зубами. Вам есть чем ответить?»

Жизненный багаж героини Брейнингер оказывается ненужным — и остается позади. «Потому что нужно потерять абсолютно все и даже надежду на это, потому что нужно перестать испытывать привязанность, любовь, тоску или страх. Потому что тебя уже ничего не испугает. Потому что ты сама отказалась от того, что могло быть, — из страха, что и это не сможет тебя согреть и заставить почувствовать себя дома». Никто не скажет, что это благотворно для личности, но ей принадлежит будущее как более решительной и неуязвимой.

Действие романа происходит в последний день загадочного эксперимента (разрабатывается «программа нейроконфликтного программирования»), который должен выработать у подопытной сверхинтеллект, сведя к минимуму эмоциональную восприимчивость. Однако большую часть текста занимают экскурсы в прошлое. Здесь кроется парадокс, заставляющий пристальнее присмотреться к повествованию: девушка, которая утверждает за собой право решать судьбу мира, постоянно обращается к прошлому. Но вряд ли можно сказать, что она им живет. Дело в другом: ее воспоминания должны объяснить, как она стала тем, чем стала, «сплавом конфликтных жизненных экспериенсов», идеально подходящим для новой переплавки.

Названия трех частей романа отмечают флажками на карте мира страны, где героине довелось жить, а заодно задают модус восприятия: например, «Современные концентрационные лагеря для эмигрантов в Германии, или Как закалялась советская сталь в Оксфорде» — звучит весьма красноречиво. Это в каком-то смысле еще и роман воспитания: приходится учиться жить там, где всем чужая, учиться другому мышлению, учиться адаптироваться и быть самодостаточной.

В развитии сюжета самая слабая глава — та, где героиня не вышла замуж за прекрасного чеченского принца: слишком иллюстративно доказывает ее неспособность к счастью, хотя при этом содержит меткие наблюдения о жизни в традиционном обществе. Остальные фрагменты хороши сами по себе, вне конструктивной функции. Девочке из Караганды хочется знать, можно ли убиться машинкой для резки лапши? Девушка в шелковом платье учится сводить дорожки за диджейским пультом. Чистилище интеграционного лагеря в Германии позволит ей узнать, как чувствуют себя люди пятого сорта, выпросившие взаимы не свою жизнь. В Оксфорде она пытается снять творческий кризис виски, еще не зная про аддерол, и в первый раз в жиз-

ни пьет — «за маму, за папу и за диссертацию». В Чечне она готовится к собственной свадьбе (словно к чужой) и присматривается к чеченским девушкам, скованным бесчисленными «constraints»¹ и сохранившим нежность и трепетность, в то время как в «новом мире», которому принадлежит героиня, «прогресс поедал человеческое и живое».

Все эти истории объединяет назначение: они призваны обрисовать пустоту на месте дома, родины, семьи, увлечений, друзей и любви, которые у героини были, как у любого человека. Сейчас родительский дом в Караганде есть, но героиня туда никогда не вернется; родители живы, но далеки, а отношения в семье разладились еще в Германии; немецкие родственники остались чужими людьми; оксфордские друзья остаются друзьями — но за океаном. При ней остается лишь характер — «плохой, упрямый характер», однако его достаточно, чтобы остаться собой, утратив все остальное. Внешне же получается *сплав*, не имеющий в книге имени: «Молодая женщина (место рождения: Казахстан; национальность: немка; родной язык: русский; гражданство: Германия; место проживания: США, город Кембридж; род деятельности: докторант кафедры миросистемного анализа...)».

Столь же неоднородный язык романа точно отражает образ героини: скуповатый стиль, напоминающий скорее об американских авторах, чем об отечественной классике, переходы на «академическую» речь (с набором интернациональной лексики), как бы неосознанно проскальзывающие английские слова. Брейнингер естественно сочетает все это, и неудивительно: она совершенно свободно здесь ориентируется. В «Журнальном зале» можно найти ее научные публикации в «НЛО» вперемежку с рассказами. Ее докторская диссертация посвящена Северному Кавказу, магистерская, защищенная в Оксфорде, носила название «Deconstructing National Identity: a case study of the Russian diaspora in contemporary Germany».

В одном интервью Ольга Брейнингер утверждает: «Одна из категорий, которая, как мне кажется, должна уйти в числе первых, — это „географическое“ мышление. Литература на русском языке рождается в самых разных точках мира, и где бы она ни создавалась, она должна быть вписана одновременно и в глобальное культурное пространство, и в локальные культурные контексты». Эта идея и реализуется в романе.

Многое здесь завязано на столкновении культур. Семья героини — из поволжских немцев, переселенных в Казахстан. Когда родители принимают решение эмигрировать в Германию, оказывается, что вся их семья — ненастоящие немцы. И начало ее собственной драмы лежит в отказе немецкого общества признать право на национальную принадлежность, а значит, на родину, на корни, питающие человека.

Национальность — это, с одной стороны, принадлежность к системе веками сложившихся правил и представлений о том, как нужно жить. Ограничивая, они в то же время поддерживают. С другой стороны, национальность — это общность, связывающая большое количество людей, не связанных другими вещами, и в то же время отделяющая их от других наций. «Человек мира» приемлем для всех и всех принимает, но ни с кем не связан кровно, близко. Логично, что американский *melting pot*² становится в итоге пристанищем девушки без родины и национальности — «Америка, где я почти никому не чужая». Это, как ни странно, и оказывается тем, что объединяет Советский Союз времен застоя и Штаты, вовлеченные в процесс глобализации.

В наш класс перевели девочку из Москвы, которая странно разговаривала: она называла чье-то имя и сразу — национальность.

¹ Ограничения (англ.).

² Плавильный котел (англ.).

— Мой друг Руслан, чеченец... — говорила она. Или: — Та девушка, Катя, она еврейка... — Или: — Ну, у них такая, знаешь, обычная русская семья.

Героиня, выросшая в союзном государстве, так и не поняла, почему люди придают такое значение этой «фишке», которая «вроде как делала всех разными».

Мы все ходили в одни и те же школы, готовили дома одни и те же блюда, так же ездили в Москву, мечтали о Европе и говорили на одном языке. Это и есть та самая «дружба народов», о которой пишут в учебниках, догадалась я, и впервые в жизни задумалась о том, что кто-то ведь должен был ее придумать и построить... История города ответила на часть моих вопросов, но некоторые вещи я так и не смогла понять: например, почему у нас дружба народов была, а у Кати из Москвы ее не было.

СССР был куда более масштабным экспериментом, чем тот, в котором участвует героиня. Возможно, именно он заметно помог процессам глобализации — внедряя равенство полов, примат познания и все ту же дружбу народов, нивелируя гендер и нацию. И некоторые факторы, формирующие личность, здесь изначально не действовали: «Матеас, — сказала я, — ты не задеваешь мои национальные чувства, у меня их нет». Тогда, казалось бы, почему пережитые трудности оказали настолько разрушительное воздействие?

Роман едва ли не в первую очередь — о невозможности счастья для человека, привыкшего ничего не иметь, в том числе и ограничений. Советский Союз — «которого уже никогда не будет» — не случайно фигурирует в названии: для героини это мир детства, нормальности, где были счастливые люди, но все это осталось в прошлом, и туда не вернуться. Другие страны оказались на него не похожи, но и там точно так же нельзя вернуться к традиционным ценностям, быть счастливым подобно чеченским женщинам, отказавшись от собственной личности. «Самая прямая дорога к счастью — это незнание, и эта же дорога — самая щедрая и надежная: идущие по ней проходят путь вместе, ограждая друг друга от лишних мыслей, от сомнений и хаоса». Но это дорога назад, и новое поколение по ней не пойдет.

Для него есть только безграничная, невыносимая свобода, счастье непосильной ответственности, отказ от человеческих потребностей, бесконечная усталость. А цель всего этого? Не деньги, не положение в обществе, не слава: всему этому благополучию противостоит «мир фанатиков с безумными глазами, которых пугала мысль остановиться хоть на секунду и которые точно знали, что добьются всего, чего захотят». И аддерол здесь является символом слабости обычного тела и мозга, с которыми не считаются, от которых требуют больше, чем возможно получить. Они лишь средство, инструмент, который можно «разогнать», «апгрейдить» (разумеется, последствия не заставят себя ждать). «Человек, его физическая оболочка не имеют значения, они лишь носители идеи. И это — все, что имеет значение. Для поддержания тонуса и социально уместного внешнего вида есть лекарства, косметика, индустрия моды и отбеливание зубов».

У романа, несомненно, есть недостатки. Уже отмечена критиками некоторая его незавершенность, разрозненность. «Эксперимент века», о котором мы почти ничего конкретного не узнаем, воспринимается как предлог для рассказывания, и предлог довольно сомнительный. Героиня порой страдает излишне красиво, да и вообще ее настоящее кажется слишком значительным для того, чтобы быть правдоподобным, и в то же время каким-то призрачным (что она, впрочем, ощущает сама). Но это в большой степени компенсируется напряжением, пронизывающим текст, от-

сутствием мелочности, страстностью и убежденностью интонации. В общем, и не в правдоподобии дело, а в желании высказаться и быть услышанным.

Надпись на обложке кое-что преувеличивает: это роман не всего поколения, а его авангарда. Самых умных, целеустремленных, успешных и несчастных. У них не остается времени и сил на частную жизнь, зато для них привычно выступать на общественном, научном и политическом поприще. «...Пока вы ищете нового общего врага, чтобы центрировать свою геополитику, разрешите объяснить, что ваш новый враг — это я и ваше новое оружие массового поражения — это тоже я».

Этот роман — протест против тех, кто творит такое с нашими душами, лишая их всякого тепла, оставляя лишь способность к разрушению. Но, с другой стороны, прогресс не остановить, и его делают не отдельные люди. Зато полученная сила, может быть, поможет повернуть его в нужное русло и обрести способность к новому, зрячему счастью.

Анна РЯЗАНОВА

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Светлана Волкова. Джентльмены и снеговики. Рассказы. М.: Детская литература, 2017. — 353 с.: ил. — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова).

«Детство — самая важная вещь на земле», — считает автор книги Светлана Волкова. Это время, когда маленький человек познает мир, самое себя, строит отношения с родными, сверстниками, учится преодолевать свои страхи и делать непростой выбор. Герои рассказов, дети 8–13 лет, решают сложные вопросы, переживают драмы детские и недетские. Что делать, если в восемь лет ты случайно узнаешь, что человек, которого ты считал отцом, с которым связаны самые светлые мгновения, не родной отец? Перестать звать папой? Объявить, что твой настоящий отец Юрий Гагарин? А если объявился родной отец? Кого выбрать? («Мой папа — Гагарин»). Дети познают и муки любви. Маленький Дон Жуан Димка в первый раз влюбился в четыре года в шестилетнюю девочку, но ему нравились все девочки, его ничуть не смущало, что «они все дуры». А во втором классе забыл о девочках, полюбил молодую учительницу, начал писать стихи. «Любовь приносила страдания, но он понимал, что без этого нельзя — так у Пушкина, у Лермонтова, у Навои». «Роман», естественно, не состоялся («Золотой цыпленок»). Тринадцатилетняя Люська на уроке литературы совершила «вопиющее кощунство»: придала немножко красоты Добролюбову, чей портрет помещался в левом верхнем углу на обложке тетради — «побрила» с помощью лезвия бритвы. Недостойное поведение пионерки Митрофановой, «борца с режимом», обсуждалось на совете дружины, на родительском собрании. В перспективе маячило самое страшное наказание — отцовский ремень. Тетрадь, главная улика, претерпевала трансформации. Щеки Добролюбова покрывались мелкими точками, аккуратно поставленными черной ручкой. «Как это понимать, Митрофанова?! — громыхала Римма Альбертовна. — Так... Эо... Оброс он... Сами же видите, — писнула Люська». А потом портрет и вовсе приобрел свой первоначальный вид. Так спасал Люську влюбленный в нее Витька Курочкин («Побрить Добролюбова»). Маленькие герои рассказов С. Волковой учатся различать добро и зло, совершать значимые поступки. Девятилетний Алеша по просьбе соседки писал доносы на жиль-

цов их коммунальной квартиры и подозрительных субъектов под окнами их дома. Он был слишком правильным и безоговорочно верил тому, что говорили взрослые. «Ведь взрослые врать не станут». Но однажды взбунтовался. И очередное кляузное письмо, написанное и брошенное в почтовый ящик уже другим мальчишкой, сумел извлечь из ящика («Алешина комната»). Незлобивые, «бесхребетные» мальчишки у Волковой, преодолевая страх, обретают «хребет». Как восьмилетний мальчик, увидевший в критический момент улыбку в оскале своего врага, дворовой собаки («Враг мой»). В юном возрасте они берут на себя ответственность за семью, за близких. Как восьмилетний Ленка, вступивший, спасая старшую «занудливую» сестру, в борьбу с квартирным вором («Честное морское»). Или десятилетний Славка, несостоявшийся фарцовщик, сын матери-одиночки, для которого и жеваная жевательная резинка была роскошью, а квартира фарцовщиков по контрасту с незатейливым жилищем и убогой одеждой их с мамкой и младшей сестренкой показалась неведомым богатым королевством. И все-таки — отказ от мнимого «рая» фарцовщиков, взрослое решение семейных проблем («Фарцовщики»). Время действия девяти рассказов, объединенных в цикл, — несколько десятилетий, от середины 1940-х до начала 1980-х годов. Ушла советская эпоха, а дети все также радуются и расстраиваются: похожие страхи, преодоления, вопросы... Правда, у них нет гаджетов. Но зато они читают книги, ходят в кино, играют в футбол. И мечтают: поймать шпиона, полететь в космос, сразиться с пиратами. У них яркое воображение, как у десятилетней Тани, которая знает, что у каждого снеговика — своя индивидуальность, характер, имя и запоминающаяся фамилия, что есть снеговиковый рай и снеговиковый ад, а ее любимый неправильный снеговик Шанежкин, такой же джентльмен, как и двоюродный дед, учившийся в начале прошлого века в Англии («Джентльмены и снеговики»). У Волковой — замечательный язык, яркий и образный, добрый юмор. Великолепно прописаны реалии середины 1940—1980-х годов. Ташкент, где жил маленький Димка, алтын джужа (золотой цыпленок), как звала светловолосого мальчика бабушка Нилуфар, не говорящая по-русски. Ее бессчетные внуки и Димка в обнимку спали днем на вытертом узорчатом ковре. Узбеки, приютившие ленинградцев-блокадников, новорожденного младенца, чьи родители погибли, и его тетку, в 1949 году провожали своих жильцов в родной город пловом, сладостями, едой в дорогу. Невыдуманная дружба народов. Ленинград, его проспекты, набережные, улицы. И коммунальные квартиры, куда к жильцам стекались гости из разных уголков Советского Союза. Замечательные бабушки, одевающиеся так, что невольно воскликнешь: «Ну, бабулечка, ты и королева!» Замечательные диалоги. «Курочкин, ты про Ромео и Джульетту знаешь? — Ну. — Что — ну? — Ты знаешь, что Ромео ради Джульетты сделал? — На балкон залез. — И все?! — Люська вытаращила от возмущения глаза ... — Курочкин! — крикнула она ему вслед. — Чо? — Вообще-то Ромео ради Джульетты помер. — Да иди ты! — Чес-пионерское! — Митрофанова, я потом помру, ладно? Сегодня „Неуловимые“ по телику». Развязки трогательных, смешных и грустных, детских и немного недетских рассказов всегда жизнеутверждающие. А в конечном итоге эта книга и о том, с чего начинается Родина: с семьи, с дома, двора. История страны, увиденная глазами ребенка.

Двойное вероломство. Потерянная пьеса Уильяма Шекспира и Джона Флетчера под редакцией Льюиса Теобальда. Перевод и вступ. статья Андрея Корчевского; предисл. Брина Хэммонда; послесл. Дмитрия Иванова. М.: Центр книги Рудомино, 2016. — 224 с.: ил.

Странная, дразнящая воображение загадка: неужели действительно есть неизвестная широкой публике пьеса Шекспира? Можно ли считать творением Великого

Барда произведение с явными следами несхожих стилей, индивидуальных манер и даже разных эпох? Что это? Аутентичный текст XVII века, слегка приспособленный к условностям сцены XVIII столетия? Тонкая мистификация опытного фальсификатора? Результат ряда последовательных адаптаций, каждая из которых значительно меняла исходное состояние текста? Неизвестно даже первоначальное название пьесы: «Двойное вероломство», «История Карденъ»? Действительно ли она была создана в 1612–1613 годах У. Шекспиром в соавторстве с Д. Флетчером, а в ее основе — история Карденъ из «Дон Кихота» Сервантеса? Пьеса «Двойное вероломство» была представлена публике 13 декабря 1727 года на сцене Королевского театра «Друри-Лейн» английским писателем и драматургом Л. Теобальдом, он же опубликовал ее в 1728 году. Теобальд утверждал, что восстановил текст на основе трех рукописей некоей утерянной пьесы Шекспира. Таинственные шекспировские манускрипты никто не видел: Теобальд передал их в архив театра Ковент-Гарден, и они сгорели во время пожара 1808 года. Знаменитый поэт А. Поуп сразу же объявил «Двойное вероломство» фальсификацией. Мнение Поупа получило широкое распространение, с тех пор пьеса ставилась лишь однажды и не была включена в собрание сочинений Шекспира, изданное спустя несколько лет. Большинство шекспироведов считало пьесу фальшивкой. Но открывались неопровержимые факты: в Регистре Гильдии книгопечатников и издателей за 1653 год «История Карденио» числилась под авторством «господ Флетчера и Шекспира»; в 1789 году обнаружили подборку годовых счетов, подготовленных для казначея Королевской палаты в 1612 году, где значились выплаты актерам шекспировской труппы за пьесу «Карденно» или «Карденна». Сегодня к установлению истины были применены современные технологии. Ученые подвергли тексты 33 пьес Шекспира, 9 пьес его соавтора Флетчера и 12 самого Теобальда лингвистическому анализу с помощью специальной компьютерной программы и сравнили с «Двойным вероломством». Результаты однозначно указали, что к пьесе действительно причастен Шекспир. Брин Хэммонд, главный современный специалист по вопросу об авторстве этой пьесы, считает, что «Двойное вероломство» представляет собой палимпсест, в котором можно различить языковой слой, восходящий к 1611–1612 годам, слой, датируемый серединой 1660-х годов, и еще один, привнесенный во второй половине 1720-х. По его мнению, Шекспиру можно приписать авторство первого и второго актов, а также двух сцен третьего. Первая часть пьесы отличается изощренностью ритмики и метафоричностью, что характерно для произведений Шекспира. За его авторство говорит и то, что использованы редкие слова, любимые Шекспиром. Другое дело, что все слои так тесно переплелись друг с другом, что надежно оделить один от другого уже не представляется возможным. Разобраться, что в этой пьесе от Шекспира, что от Флетчера, может лишь читатель английского оригинала, для которого английский — родной язык: уловить ряд особенностей стилистического и метрического характера, обнаружить устаревшую уже во времена Теобальда орфографию, привычную для Шекспира, для Флетчера написание слов. Русскоязычному читателю дано судить о пьесе на уровне сюжета, композиции, отдельных мизансцен, образов и идей. И тут его ждет разочарование. В основе сюжета незамысловатая история частного характера, «жестоких битв меж долгом и желаньем». Типично шекспировских мотивов немало: любовная связь герцога с крестьянкой; женщина, переодетая в мужчину; перехваченные письма. Разнообразны коллизии: сцены сумасшествия, пасторальные картины, высокородный принц, насилующий неуступчивую подружку. И — заимствованное у Сервантеса предательство друга, на попечение которого была оставлена возлюбленная главного героя. Но нет конфликтов, так или иначе связанных с проблемой государственной власти. Автор послесловия, Д. Иванов, полагает, что первоначальная композиция была шире

и сложнее, неизвестно, насколько Теобальд переделал пьесу в угоду изменившимся вкусам зрителей. Нет загадки в том, что сюжет пьесы заимствован из «Дона Кихота» Сервантеса: английский перевод романа появился в 1612 году, а Флетчер, известный испанofil, свободно владел испанским. Английские драматурги того времени вообще чаще сочиняли совместно, чем поодиночке, за «Карденьо» в соавторстве Шекспира и Флетчера последовали «Генрих VIII» и «Два знатных родича». Пьеса «Двойное вероломство, или Влюбленные в беде» переводится на русский язык впервые, издание билингвальное, в него включен и английский текст, подготовленный в 1727 году Л. Теобальдом.

Василий Кандинский. Точка и линия на плоскости. Пер. с нем. Е. Козиной.

СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 240 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

Василий Васильевич Кандинский (1866—1944), русский художник, теоретик искусства и поэт, — ключевая фигура не только русского, но и мирового искусства, мирового авангарда. Полностью посвятить себя искусству он решил в возрасте тридцати лет. Позади была учеба в Московском университете, где он изучал экономику и право, в перспективе — научная карьера. Но в 1896 году он едет в Мюнхен, проходит обучение в художественных школах, занимается теорией искусства, органично вписывается в среду немецкой модернистской богемы, становится одним из организаторов художественных сообществ. Много путешествует и ищет свой стиль в живописи. В 1914-м после начала войны Кандинский возвращается на родину, активно включается в общественную деятельность, работает в различных организациях, преподает, но, раздраженный идеологическими склоками, в конце 1921 года покидает Россию. Он обосновался в Германии, после прихода к власти Гитлера в 1933 году уезжает во Францию. По-настоящему Кандинский возвращается на родину только теперь: выставками, книгами, альбомами, славой. С момента возникновения абстрактное искусство и его теория служили мишенью для критики. Теоретик беспредметной живописи Кандинский в Советской России, несмотря на мировую известность, значился как яркий пример одичания буржуазной культуры. Он совершил переворот в искусстве, создал совершенно новую форму — органический синтез движения, цвета и звука. В своих теоретических работах формулировал проблемы изобразительного языка, языка форм и красок (впервые целостно в 1911 году в книге «О духовном в искусстве»). Систематическим изложением результатов многолетней работы, теоретической и практической, стала книга «Точка и линия на плоскости» (Мюнхен, 1926), переведенная на русский язык только в XXI веке. «Ступени» (1918) — повествование автобиографическое. Первые цветовые восприятия трехлетнего ребенка: светло-сочно-зеленое, белое, красное кармина, черное и желтое охры на разных предметах. Акварельная картинка, которую раскрашивал маленький мальчик, — и поставленные им черной краской пятна на копытах лошадки, черные, чуждые бумаге. «Позже мне так понятен был страх импрессионистов перед черным, а еще позже мне пришлось серьезно бороться со своим внутренним страхом, прежде чем я решался положить на холст чистую черную краску». Ступени — это события, наложившие печать на всю жизнь. Французская выставка в Москве (1896), где Кандинский был потрясен картиной К. Моне «Сток сена». До того он был знаком только с реалистической живописью, и то почти исключительно русской. Постановка оперы Вагнера «Лоэнгрин» в Большом театре — «бешеные, почти безумные линии рисовались передо мной». Картины Рембрандта в петербургском Эрмитаже, открывшие сверх-

человеческую силу краски самой по себе. Поездка в составе этнографической экспедиции в Вологодскую губернию (1889). «В этих-то необыкновенных избах я и повстречался впервые с тем чудом, которое стало впоследствии одним из элементов моих работ. Тут я выучился не глядеть на картину со стороны, а самому вращаться в картине, в ней жить». И навсегда Москва как живописный камертон, ее симфония красок в предзакатный час: «Розовые, лиловые, белые, синие, голубые, фишашковые, пламенно-красные дома, церкви — всякая из них как отдельная песнь... Написать этот час казалось мне в юности самым невозможным и самым высоким счастьем художника». Одна из самых важных преград на пути к беспредметному искусству разрушилась благодаря чисто научному событию, разложению атома. «Очень много потребовалось времени, прежде чем я нашел верный ответ на вопрос: чем должен быть заменен предмет? Часто, оглядываясь на свое прошлое, я с отчаянием вижу длинный ряд лет, потребовавшихся на это решение. Тут я знаю только одно утешение: никогда я не был в силах применять формы, возникавшие во мне путем логического размышления, не путем чувства. Я не умел выдумывать форм, и видеть чисто головные формы мне мучительно». Позиция Кандинского лишена какого бы то ни было экстремизма, свойственного авангарду. Беспредметная живопись для него не вычеркивание всего прежнего искусства, а следствие логического и неизбежного роста искусства. Среди его творений — предметные картины, графика на темы древнерусские, рыцарские, восточные, пейзажи и — откровения абстракции, становящиеся импрессиями, импровизациями и композициями. «Что касается меня лично, то мне любя каждая форма, с необходимостью созданная духом. И ненавистна каждая форма, ему чуждая». Теоретическое исследование глубинных основ художественного языка, автобиографическое повествование, вошедшие в настоящую книгу, позволяют глубже и подробнее понять суть художественного творчества мастера, его эволюцию.

Оксана Булгакова. Судьба броненосца. Биография Сергея Эйзенштейна.

Пер. с англ. А. Скидана, под ред. Я. Левченко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 392 с.: ил. — (AVANT-GARDE: вып. 12).

И при жизни, и после смерти Сергей Эйзенштейн (1898—1948) оставался важнейшей фигурой советского кино, одним из самых известных во всем мире отечественных режиссеров. Всемирную славу он обрел в 27 лет и умер знаменитым в 50 лет. Классик мирового кинематографа, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат двух Сталинских премий первой степени. Однако при обилии зарубежных исследований отечественных книг о нем немного. Оксана Булгакова, киновед, профессор Университета Гутенберга в Майнце, сочетает серьезный анализ с занимательностью повествования. Она прослеживает, как шло творческое становление художника, которому, казалось, суждено было идти по стопам отца, ведущего архитектора Риги, действительного статского советника (что соответствовало генеральскому чину). Первые театральные опыты в годы Гражданской войны в агитпоездах и театральных коллективах Красной Армии. Театральная деятельность в Москве, увлечение монтажными возможностями кинематографом. В деталях — осуществленные и неосуществленные театральные и кинематографические проекты, эксперименты, триумфы и провалы, отзывы критиков и восприятие постановок и фильмов публикой. Подробно — обо всех фильмах мастера, отснятых и оставшихся на подготовительной стадии. «Стачка» (1925), фильм, не утративший свою выразительную мощь и сегодня. «Броненосец „Потемкин“» (1925), принесший международное признание автору. «Октябрь» (1928), где впервые в художественном кино предстал образ Ленина.

«Александр Невский» (1938), опера «Валькирия» в Большом театре (1939), «Иван Грозный» (1945). Были работы заказные, судьба их часто зависела от контекста текущей внешней и внутренней политики и от мнения Сталина. Для Эйзенштейна любая работа была в первую очередь возможностью осуществить свои художественные замыслы, проверить на практике свои теоретические изыскания, свою теорию «интеллектуального монтажа», над которой он работал всю сознательную творческую жизнь. Его жизнь была богата неожиданными поворотами и потрясениями, драматическими конфликтами, скандалами, разрывами. Разрывами с буржуазным домом, Пролеткультом, Мейерхольдом, под началом которого Эйзенштейн постигал тайны мастерства, с «ЛЕФом». Травматические отношения складывались с коллегами и с европейской богемой, трагические с властью и машиной Голливуда, куда был приглашен Эйзенштейн и где ему не удалось реализовать ни один из своих замыслов. Особенно драматична судьба фильма «Да здравствует Мексика!», финансировал который писатель Э. Синклер. Однако после того, как было отснято 75 тысяч метров, к монтажу приступить — по финансовым причинам — не удалось, и отснятые материалы попали в чужие руки. Отношения с Синклером обернулись кошмаром. Жизнь Эйзенштейна проходила в круговороте встреч со знаменитостями первой величины, отечественными и зарубежными. Несколько лет он провел за границей, в Европе и Америке, куда был направлен в творческую командировку — осваивать звуковое кино. У него были друзья, единомышленники, соперники, враги. И покровители: розенкрейцеры и франк-масоны (с ними начинающий режиссер сошелся в Минске, в годы Гражданской войны), которые обеспечили безвестному юноше быстрый доступ к московской театральной элите и стремительный старт карьеры; свой человек в Отделе агитации и пропаганды Центрального Комитета; в конце концов, сам Сталин, ценивший режиссера с мировым именем, который без содрогания мог показать насилие и впечатляющие сцены массовой гибели. Обо всем этом подробно и увлекательно пишет О. Булгакова. Дана широкая панорама театральной и кинематографической жизни СССР и зарубежья 20—40-х годов прошлого века, времени исканий и находок. И, конечно, реалии страшной жесткой эпохи: показательные политические процессы, травля художников, поэтов, писателей, музыкантов, людей, близких Эйзенштейну, и его врагов. Досье собиралось и на Эйзенштейна, обвинения появлялись в печати, сложные отношения складывались с руководством кинопромышленности, он был отчислен из ВГИКа, где преподавал, остался без средств к существованию. О. Булгакова пишет о том, как он выживал и почему выжил. Сквозная линия в книге — малоизвестные страницы о влиянии психоанализа Фрейда на жизнь и творчество Эйзенштейна. Интенсивный самоанализ он вел всю жизнь, встречался с ведущими зарубежными психоаналитиками, посещал сеансы психоанализа. Так он хотел найти объяснение своим темным переживаниям, собственным кризисам, преодолеть сложный травматический комплекс, возникший в детстве из-за развода родителей. Еще одна сквозная тема — скрытая гомосексуальность Эйзенштейна, которую он вынужден был подавлять. Тема эта, однако, воспринимается как дань современным западным тенденциям: без гомосексуализма как же? В итоге все же — впечатляющий портрет человека аполитичного, для которого самым важным оставалось творчество, поиск необычных визуальных, цветовых и звуковых решений, создание особого языка кино, своей теории монтажа.

Валерий Шамбаров. Иван Грозный против «пятой колонны». Иуды русского царства. М.: Алгоритм. 2016. — 336 с. — (Исторические открытия).

Предательство элит как постоянно действующий фактор внутренней и внешней российской политики от времен Ивана III до первой половины царствования Петра I.

Яркие фигуры, звучные фамилии: Шуйские, Воротынские, Бельские, Курбские... Священные родством, обласканные при дворе. Все при должностях. Что двигало ими, когда они затевали заговоры против верховной власти, саботировали ее начинания, выдавали военные секреты противнику? Перебегали в Литву, в Польшу, в Турцию, меняли подданство и веру? Неудовлетворенные амбиции, поиски выгоды, своих «тридцати сребреников»? Соблазняли «свободы» западных магнатов, диктовавших свою волю монархам? Или западные обычаи, столь милые, например, Василию Голицыну, фавориту Софьи? Или ими двигала одержимость глобальными проектами, как, например, канцлера и главы Посольского приказа времен Алексея Михайловича А. Ордин-Нащокина, мечтавшего объединить все славянские народы и ради этого готового отдать Польше Украину? Или непомерное честолюбие, как кавалера «ордена Иуды» Ивана Мазепы? История — это люди, у каждого «героя» этой книги была своя мотивация для вступления на путь предательства и свой богатый «послужной» список на этом пути. Валерий Шамбаров детально разбирает хитросплетения русской истории, ее узлы. Развеивает многие мифы. Например, о непримиримой вражде иосифлян под предводительством св. Иосифа Волоцкого и нестяжателей, возглавляемых св. преподобным Нилом Сорским, которой на самом деле не было. В. Шамбаров рассеивает многие инсинуации: например, о насильственном пострижении первой супруги Василия III Соломонии, о «прогрессивности» Избранной Рады и «зверствах» Ивана Грозного, о его причастности к смерти старшего сына и патриарха Филиппа. В. Шамбаров всегда точно указывает, кто автор этих инсинуаций и зачем они были нужны. Эпоха Ивана Грозного была особенно плодотворна заговорами. Причины весомые: «Под его властью территория Руси увеличилась вдвое, она стала одной из могущественных мировых держав, пробивала путь для равноправного участия в западной торговле. Такие достижения вздыблили против нашей страны всех ее недругов. Кроме того, по Европе в XVI веке бурно растекались реформаторские учения. Но и Рим активно развернул католическую экспансию, создал для этого весьма эффективную и разветвленную спецслужбу — орден иезуитов. А государь выступал главным защитником православия, мешал как католикам, так и сектантам. Наконец, Россия возвышалась через утверждение самодержавия, чему резко противились набравшие силу аристократы. А внешние враги неплохо находили общий язык с внутренними». Историю России нельзя постигать, опираясь на свидетельства «старца» Вассиана Косого, неудачливого папского «миротворца» Герберштейна, изменника Курбского, считает автор и обращается к фактам, документам, работам серьезных историков. И находит объяснения событиям, над которыми до сих пор ломают головы историки. Например: почему Иван Грозный неожиданно объявил великим князем всея Руси Симеона Бекбулатовича? Объяснение странного политического зигзага просто и логично: Грозный дал права на престол представителю царственного рода Чингизидов, через жену породненному с Рюриковичами и Гедиминовичами. После череды отравлений — матери, жены, своих детей — царь показывал потенциальным заговорщикам: даже если вы уничтожите мой род, царствовать станет мой претендент. А опричнина, по мысли автора, появилась как противовес боярскому засилью, сломленному благодаря бунтам московской черни в защиту царя: опасаясь народного гнева, бояре вынужденно потянулись за Иваном Грозным в Александровскую слободу. Много страниц посвящено событиям на «окраине», которую мы ныне знаем как Украину, — хорошо помогает понять события современные. Метания гетманов между Польшей, Турцией и Россией — где выгоднее. Переходы от одного подданства к другому, обманные посулы польских и турецких «союзников», покаянные визиты к русскому царю. И так почти весь XVI век. И очень мудрая политика Алексея Михайловича, принявшего Украину в свое подданство и предоставившего ей самоуправление:

когда после смерти Богдана Хмельницкого на Украине разгорелись свары между гетманами, атаманами, все спуталось в один клубок измен, государь принял решение: пускай Малороссия сама разбирается с изменниками, авось поумнеет. Россия не оставила своих сторонников: им посылали оружие, порох, пушки, небольшие отряды воинов. Но лучшей агитацией против гетманов стали бесчинства нахлынувших на Украину татар, поляков, гонения на православие. И общая линия — через всю книгу: столкновение цивилизаций, православной и алчной и агрессивной западной, католической. Не раз русских царей соблазняли: дружбой, союзами, Константинополем, польской короной, литовскими землями. Взамен требовалась лишь одна «мелочь»: соединить русскую церковь с католической. И всякий раз Москва такое «миротворчество» отвергала. И всюду след иезуитов: от эпохи Грозного до дней Петровых. Самый яркий — в дни великой Смуты. Показательны страницы, посвященные судьбам предателей. На Руси предателей не поддерживали даже приближенные, бунтовали, не шли за ними. Князя Курбского сторонились польская и литовская знать, его род обнищал и захирел. Гетман Выговский бежал в Польшу, затеял интриги, без всякого суда был казнен. Юрий Хмельницкий (украинцы презрительно прозвали его Юрась небожчик, то есть дурак) за бесчинства был приговорен турками к смерти, его удушили. Гетман Брюховецкий выдан сопернику, забит насмерть дубинами и брошен без погребения. А в общем-то, в своей богатой на факты книге В. Шамбаров попытался дать ответ на вопрос, почему измены в России и до сих пор остаются постоянно действующим фактором внутренней и внешней политики.

Императорское Красное Село от истока до зенита славы: сборник статей.

СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. — 520 с.: ил.

Юго-западное предместье Санкт-Петербурга Красное Село в XIX веке было не менее известно, чем Петергоф и Царское Село. В Красном Селе располагались летние военные лагеря элиты русской армии — императорской гвардии, проходили грандиозные маневры, которыми зачастую лично командовали императоры. Заинтересованными наблюдателями перебивали на маневрах правители европейских держав, дипломаты, не раз этот пригород Петербурга становился центром европейской и мировой политики. Значение Дудергофа (предшественника Красного Села), расположенного на древней дороге к западу от Петербурга, сразу оценил Петр I как удобный сухопутный путь в Европу. Елизавета выбрала село для увеселения иностранных дипломатов. Судьбоносное событие, предопределившее будущее Красного Села, произошло волею Екатерины II, когда в его окрестностях в 1765 году прошел масштабный смотр войск гвардии. Регулярные учения в 1819 году возобновил Александр I, Красное Село стало летней военной столицей. В обустройстве лагеря в бытовом и военно-хозяйственном отношении, в наведении дисциплины в обучении войск самое ревностное усердие проявил Николай I. Александр II и Николай II его труды продолжили. Равнодушным оставался только Александр III: он предоставил распоряжаться в Красном Селе своим родственникам — великим князьям. Уже в XIX веке вместо палаток возникли добротные деревянные казармы, офицерские собрания, кавалерские дома, караулки, уникальный театр для военных, ипподром, была проложена железная дорога до Петербурга, появились водопровод, зеленые насаждения. С 1890 года было возведено с десятков полковых лагерных церквей, часто при участии членов императорской семьи. Постройки образовывали единый художественно-архитектурный комплекс и, как правило, были деревянными. В том числе и небольшие и скромные дворцы самих императоров, отличавшиеся разве что изы-

сканностью деталей. Архитектура Красного Села представляла собой редкостный симбиоз деревянного и каменного, деревенского и узнаваемо петербургского. Дворцы, казармы, избы, церкви строились в русском стиле, каменные строения со шпильями — храм Пресвятой Троицы, вокзал, уездное правление — напоминали о родстве с Петербургом. Сегодня Красное Село стало неприметной окраиной мегаполиса. Социально-политическая катастрофа 1917 года стала самой разрушительной, многие строения погибли в Гражданскую войну и в Великую Отечественную — дерево так хорошо горит. Исчез ипподром: а именно в Красном Селе происходили офицерские скачки в романе Л. Толстого «Анна Каренина», завершившиеся падением Вронского. Нет Красносельского театра, где гастролировали лучшие артисты столицы и зарубежные знаменитости, выступали прекрасная дама А. Блока — Любовь Блок, исполнительница цыганских романсов Мария Пуаре. История театра охватывает более шестидесяти лет, с 1851-го по 1918 год, с ним связано немало романтических страниц. В театре начинался роман Николая II с Матильдой Кшесинской, и в Красном Селе роман получил развязку; здесь соединились будущий знаменитый реформатор балета М. Фокин и балерина В. Антонова, ставшая его женой и лучшей помощницей в творчестве. Совсем недавно сгорел считавшийся эталоном жилья для рабочих фабричный поселок с домовою церковью, училищем для бесплатного обучения детей, больницей, выстроенный владельцами бумажной фабрики Печаткиными. Ныне рушится и фабрика. Что же осталось? Общая планировка, выдающая стройность общего замысла, фундаменты, несколько церквей. А еще — навеянные гением этих мест литературные и живописные творения. «Ботаническое путешествие на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня» в прозе и стихах архитектора Н. Львова, в основе которой однодневная прогулка-экскурсия на место с уникальным микроклиматом и флорой. Некоторые из растений сегодня занесены в Красную книгу. На «летние квартиры» в Красное Село прибывал лейб-гвардии Гусарский полк, в котором в 1834—1837 годах служил М. Лермонтов, красносельские впечатления отражены в его поэзии (поэма «Монго») и в живописи (акварель «Бивуак лейб-гвардии Гусарского полка под Красным Селом»). На «летние квартиры» выезжал и Финляндский полк, где десять лет служил художник П. Федотов, красносельский лагерь запечатлен в его рисунках и акварелях. Здесь проходил службу рядовой Преображенского полка Г. Державин, бывали Пушкин, Фет, великий князь Константин Романов (поэт К. Р), французы О. де Бальзак и художник-баталист Э. Детайль. И конечно, остались фотографии и воспоминания о масштабных маневрах, торжественных воинских ритуалах, о жизни российской императорской гвардии и императоров в красносельском военном лагере. В работе над сборником принимали участие историки, специалисты технических наук и военного дела, архитекторы, литературоведы, искусствоведы. Картина прошлого стала многосторонней, стереоскопически объемной, и в ней есть надежда на возрождение облика и былой славы Красного Села.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ПАЛЕСТИНСКИЕ ОБИТЕЛИ И РОССИЯ

Часть 3

МОНАСТЫРЬ ПРЕПОДОБНОГО ГЕОРГИЯ ХОЗЕВИТА

Вправо от большой дороги из Иерихона в Иерусалим, среди гор лежит пустыня Хузив. Горный поток Хорафа когда-то прорыл в ней глубокое ущелье, называемое Кутиллийским, и в зимнее время с шумом и грохотом несет свои стремительные воды по оврагу. В эту дикую местность в библейские времена пришел скорбеть и молиться неутешный Иоаким, праведник из рода Давидова, которому священники в храме отказали в принятии жертвы — за бездетность. И поселился в пещере, где и пребывал в посте и молитве 40 дней и ночей. Здесь посетил его Ангел Господень, обещавший рождение от него Благословенной Дочери. Обрадованный праведник поспешил в дом свой в Иерусалим к супруге своей Анне, и вскоре совершилось сказанное Ангелом. (Такое предание подтверждается и тем, что в Богородичном приделе Хозевитского монастыря изображен праведный Иоаким¹.)

Предание говорит о том, что св. праведная Анна, отведа трехлетнюю дочь свою Марию в храм, удалилась с несколькими благочестивыми женами на место скорбной молитвы мужа в Кутиллийское ущелье и там жила отшельницей. Позднее здесь поселились монашествующие и почитали на этом месте след стопы св. праведной Анны. Эту стопу при нашествии мусульман иноки увезли с собой на Афон, положив и там начало обители Св. Анны, доньне существующей².

Пещерная обитель: страницы истории

Монастырь ютится на узком уступе, наподобие полки, выступающей в совершенно отвесной скале ущелья Вади Кельт, в пяти километрах к западу от Иерихона. Монастырские кельи и храм целиком высечены в скале, на высоте 25 м над ложем потока, теперь большую часть года безводного. Шум его можно слышать только самой ранней весной.

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 106.

² Святая Земля. Париж, 1961. С. 144–145.

В 80-х годах V века здесь была основана обитель, которая сегодня известна как монастырь Георгия Хозевита или Козиба. Арабы называют его Дейр мар Джирис или аль-Хадер, подразумевая под этим именем другого святого, св. Георгия Лиддского (Победоносца), или Дейр эль-Кельт, по названию ущелья. По свидетельствам монаха Антония, жившего в монастыре на рубеже VI—VIII веков, монастырь, как *киновия*, был основан между 480—520 годами Иоанном, родом из Египта, подвизавшимся прежде в Фиванской пустыне, а затем переселившимся в Палестину и прозванным впоследствии Иоанном из Козибы (Хозевитом). А до него в пещерах подвизались пять сирийских отшельников (их могила находится под церковью Свв. Иоанна Хозевита и Георгия Хозевита).

Преподобный Иоанн Хозевит родился в городе Верхнего Египта, Фивах. Омонашившись в молодых годах, он сначала подвизался под руководством своего деда в пустыне Фиваидской. Ему захотелось поклониться святым местам в Палестине. Побывав в Иерихоне и полюбив соседнее с ним пустынное место Хозевское, он поселился тут в готовой пещере. Скоро открылось, как близок был Богу этот святой пещерник. Недалеко от него подвизался великий постник Анания и был известен многим. Однажды некий богатый христианин привел к нему бесноватого сына своего и просил его молиться о нем, да исцелит его Бог. Анания, по смирению своему, не принял к себе этого недужного, но приведшим его людям велел отыскать пустынника Иоанна Египтянина. Они нашли его в Хозевитском ущелье и высказали свою просьбу. Смиранный отшельник сначала отказывался исполнить ее, но потом, видя их настоятельную мольбу, помолился Богу и, обратившись к нечистому духу, сказал: именем Иисуса Христа Иоанн повелевает тебе, нечистый дух, выйти из сего отрока. Сей дух тотчас вышел, а отрок стал здоров. Молва об этом чуде распространилась далеко и прославила хозевитского отшельника. В царствование Иустина I (518—526), когда освободилась кафедра Палестино-Кесарийской епископии, Иоанн был вызван из пустыни и против воли поставлен на эту кафедру. Он занимал ее недолго и при Иустине Благоверном и, любя безмолвие, оставил Кесарию и ушел в свою обитель Хозевитскую, где и скончался ранее 536 года³. Затем преемником Иоанна стал Георгий, в честь которого и назван монастырь⁴.

Монах Антоний составил жизнеописание Георгия Хозевита, написанное им в 631 году. Георгий родился на Кипре, в семье набожных родителей, его дядя был даже настоятелем монастыря. С юных лет Георгий мечтал об отшельнической жизни. После смерти родителей он отправился в Палестину на поклонение святым местам. Здесь он поступил в иноческую Хозевитскую общину, где сначала служил помощником садовника, намереваясь впоследствии уйти в пустыню, но так и остался здесь навсегда. Георгий Хозевит за свой кроткий нрав быстро снискал всеобщую любовь, он также прославился как чудотворец. Чтобы избежать низкопоклонства своих товарищей-монахов, он решил присоединиться к своему брату Ираклию, который еще раньше него отправился в Палестину и стал монахом в лавре Каламон (недалеко от монастыря Св. Герасима). Они провели вместе 20 лет, но затем, после смерти брата и по совету настоятеля монастыря, Георгий вернулся в Козибу.

Вскоре он стал духовным наставником общины; даже отшельники, приходившие в монастырь из отдаленных пещер, испрашивали у него благословения. И тем не менее официально он никогда не был настоятелем и не занимал никаких должностей. В 614 году он был взят в плен персами, но те не причинили ему вреда. По другой версии, Георгий укрылся в одной из пещер Вади Кельт и пересидел там персидское нашествие. Георгий умер в 625 году и был похоронен в монастыре⁵.

³ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 106—107.

⁴ <http://www.simvol-veri.ru/commodity/uslugi/raspis4.shtml>

⁵ Там же.

Незадолго до персидского нашествия в Хозевитской обители жил старец, отличавшийся особенно любовью к ближним. Когда он пребывал еще в своем селе, в котором родился, тогда если замечал, что у кого-либо из односельчан не было хлеба для посева, выходил со своими ослами и семенами на ниву бедного земледельца и без ведома его засеивал ниву его. А живя в Хозевитском монастыре, всячески старался помогать ближним. Запасшись хлебом и водой, он выходил на дорогу, ведущую от Иордана к Иерусалиму, и, если встречал путника, уставшего под тяжелой ношей или изнемогшего от голода, от жажды, давал ему хлеб и воду, снимал с него ношу, возложив на себя, шел с ним далее; так старец доходил до горы Елеонской и оттуда до Иордана. Иногда он носил детей на плечах своих; если встречал нагого, снимал с себя одежду и ему отдавал ее; когда на дороге находил мертвого, пел над ним псалмы, читал молитвы и, вырвав могилу, погребал его⁶.

В VI веке в этом монастыре жили пять тысяч монахов. Но с 614 года судьба этой знаменитой лавры изменилась. Персидский шах Хозрой разорил лавру, многих иноков зарезал, а иных взял в плен⁷. Долгие века после персидского разорения монастырь, процветавший некогда при преподобных Иоанне и Георгии Хозевитах («хозевит» — житель ущелья Хозева (Хузива) и монах одноименной лавры), лежал в развалинах и забвении. (В Хозевитской обители уцелели только следы стеной живописи⁸.)

Прошли столетия, и постепенно обитель начала оживать. В начале IX века в монастыре в Хозеве настоятельствовал авва Лет (Laetus⁹). В том же IX столетии монах Епифаний в своем описании Св. Земли упомянул только, что существует дом Иоакима — монастырь и что от него в четырех милях к востоку находится Иерихон¹⁰. Обитель была возрождена в эпоху крестоносцев; в 1106 году игумен Даниил свидетельствовал: «И есть от Иерусалима до Иордана 26 верст великих, 15 верст до Кузивы, идеже постился Иоаким неплодства ради своего; и есть место то в потоце глубоко у пути близ на левой руке тамо идуче. А от Кузивы до Иерихона 5 верст, а от Иерихона до Иордана 6 верст...»¹¹

Греческий писатель XII века Фока в своем «Сказании» сообщает: «За этим монастырем (св. Евфимия) есть пространство, примерно в двенадцать миль, и за ним находится большой овраг, а среди его (оврага) проходит поток, на противоположной стороне которого есть монастырь Хозива, нечто для рассказа невероятное, а для зренья удивительное. Ибо углубления в пещере служат кельями для монахов, и самый храм и усыпальница устроены в расселине скалы, и все это до такой степени накаляется лучами солнца, что огненные языки поднимаются от камней в виде пирамид. Вода же употребляемая для питья монахами такова, какой бывает в стоячем болоте, когда солнце среди лета стоит над болотом и своими огненными лучами нагревает воду до точки кипения. В этом монастыре мы видели разных освященных мужей, и между прочим одного из них знаменосного мужа и непосредственно беседующего с Богом. Лука имя этому старцу. С трудом мы вошли и вышли из монастыря по крутизне места и по чрезмерности солнечного зноя»¹².

⁶ Луг Духовный, гл. 24. Цит. по: Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 108.

⁷ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 72.

⁸ Соловьев М. П. По Святой Земле (1891 г.). СПб., 1897. С. 261.

⁹ Commemoratorium de casis Dei vel monasteriis. Tobler. Descriptions. P. 81. См. Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 108.

¹⁰ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 108.

¹¹ <http://www.simvol-veri.ru/commodity/uslugi/raspis4.shtm>

¹² Там же.

В 1187 году монастырь был разрушен солдатами Салах ад-Дина; разоренная мусульманами обитель была восстановлена в 1234 году¹³. С X века в монастыре проживало малое количество иночествующих, и те подвергались в разные времена нападениям от полудиких бедуинов¹⁴. Лавра преп. Хозевита в XVI столетии была временно восстановлена двумя отшельниками, но вскоре опять опустела.

Но в годы святительства Иерусалимского патриарха Паисия (1646—1661) афонские монахи (вероятно, из монастыря Св. Дионисия) поселились в этом монастыре, возобновив только малый придел главной, до основания разрушенной церкви, и восстановив четыре-пять келий на южной стороне обители с помощью благочестивых паломников, имена которых написаны там на стене у жертвенника¹⁵. Об этом пишет архимандрит Порфирий (Успенский), основываясь на следующих соображениях.

В помянутом приделе изображены на стенах святые Афанасий Афонский и Леонтий Афонит же. Кто распорядился изображением их, тот особенно чтит этих угодников Божиих. А кому же больше так почитать их, как не афонцам? Посему невольно думается, что именно они изобразили их, возобновив придел и четыре-пять келий хозевитских. А так как Леонтий Афонит, по заверению Никодима Святогорца, жил и скончался в афонском монастыре св. Дионисия за 230 лет от сего заверителя, писавшего краткие жития преподобных отцов афонских в конце XVIII века (1794—1800 г.), следовательно скончался в 1565 г., и так как не вскоре же по смерти его причислен был к лику святых, то и приходится полагать, что и часть Хозевитской обители обновлена была монахами из афонского монастыря св. Дионисия и что они изобразили преподобного Леонтия спустя лет 90 по смерти его (в 1655 г.) и зная дивно-богоугодное житие его, дар пророчества и миро, истекшее от мощей его.

В 1655 г. Иерусалимским патриархом был Паисий. Ему повадно было благословить дионисиаторов на возобновление Хозевитского монастыря, потому что сам он, до патриаршества, немалое время провел в окрестностях Иордана, как пустынный, как подвижник. Обновление же, о котором идет речь, произведено было иждивением паломников: Воислава, Стефанакия, Кирика, Патрикия, Люба и других, и двумя братьями каменщиками Ибрагимом и Епифанием, которые починили дверь, ведущую в монастырь. Долго ли жили тут афонцы, и когда опять разорена была обновленная ими часть обители, это неизвестно¹⁶.

Затем наступил период упадка, и лишь в середине XIX века православные подвижники вновь появились в ущелье, которое называлось теперь уже по-арабски Вади Кельт. Это были иноки-отшельники Варнава и Неофит, из монастыря Саввы Освященного. В 1859 году они обнаружили, почти случайно, древнее пещерное кладбище, а потом нашли и руины храма с древнейшими в Палестине образцами византийской живописи. В 1878 году по благословению патриарха Иерусалимского Иерофея здесь поселился игумен Калинин. Постепенно, с помощью Святогробского братства и благодаря щедрым пожертвованиям из России¹⁷, он отстроил кельи для монашествующих и «кафоликон» — соборный храм во имя Рождества Богородицы, с приделом Иоанна и Георгия Хозевитов и пещерным храмом пророка Божия Илии. Начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин

¹³ Святая Земля. Париж, 1961. С. 145.

¹⁴ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 72.

¹⁵ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 110.

¹⁶ Там же. С. 110—111.

¹⁷ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 184.

(Капустин) еще успел к началу работ по восстановлению храма, чтобы увидеть древние мозаики¹⁸.

В 1901 году монастырь был полностью отстроен, реставрированы церкви, кельи монахов, и в 1952 году ко всему этому комплексу, при содействии Иерусалимского патриарха Тимофея I, была пристроена колокольня, о чем свидетельствует надпись на ней¹⁹. В 1950-х годах по отвесным скалам ущелья жили затворники; там и тут можно было видеть протоптанные по кручам тропинки, деревянные дверцы пещер под крестом и веревочные лесенки.

Монастырские храмы

Через ущелье перекинут каменный мост, через который идет дорога в обитель. У моста живописная зелень окружает заброшенную водяную мельницу. Ущелье это чрезвычайно красиво в своей дикой природе и оживляется шумом бегущей воды, проведенной в открытом канале по краю оврага из горных источников в Иерусалим. Доступ в обитель возможен только пешком — или на ослике — по краю оврага, впрочем, тропой вполне проходимой²⁰.

В монастырь можно пройти минуя двое ворот — внешние, построенные в 1909 году, и внутренние. Один из монахов назначается привратником и живет постоянно в келье около ворот. Двойные ворота сделаны не только в целях безопасности — они как бы обеспечивали своего рода таможенный контроль. Между воротами находится небольшой дворик, здесь раньше посетители ожидали приема и проходили «селекционный досмотр» (пока не выяснят, кто ты такой). Женщины дальше вторых ворот не допускались (сегодня это правило отменено), здесь же арабы, поставщики продовольствия развѣивали своих ослов.

Поднявшись в монастырь, мы попадаем как бы в просторную приемную, где есть всегда вода для питья, стол и сиденья для отдыха. Южная часть этой приемной выходит на балкон, нависающий над бездонной пропастью и откуда открывается потрясающий вид. Насладившись видом, посетители могут пройти в северную часть, со стороны которой за небольшим притвором находятся церкви Св. Девы Марии и к востоку от нее — церковь Свв. Иоанна Хозевита и Георгия Хозевита²¹.

Подробное описание монастырских храмов составил архимандрит Порфирий (Успенский), посетивший эту обитель в 1853 году.

Главная, большая церковь находилась на северной стороне монастыря. Вся она, кроме одной стены и уголка жертвенника, разрушена. А примыкавший к ней придел, освященный во имя Богородицы, уцелел, кроме крыши. Хорошо сохранились три продольные стены его и алтарное углубление, над которым, однако, стена проломана. У сего пролома, налево, на стене была изображена Богородица, сидящая на византийском престоле и на подушке на нем, но хорошо видны только лицо Ее и ручка, поднятая вверх, а напротив Ее было изображение архангела Гавриила, но от него осталось лишь одно крыло. Думается, что этот придел был освящен в память Благовещения архангела Пресвятой Деве Марии. В алтарном углублении заметны кое-какие остатки мозаики из стеклышков: черных, зеленых, синих, коричневых и желтоватых, а под нею, в двух квадратах, слова, в первом — Иисус Христос, *Басилевс* — царь, *Кириос* — Господь; во втором — Иисус Христос, *Ристис* — Из-

¹⁸ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 260.

¹⁹ <http://www.simvol-veri.ru/commodity/uslugi/raspis4.shtm>

²⁰ Святая Земля. Париж, 1961. С. 147.

²¹ <http://www.simvol-veri.ru/commodity/uslugi/raspis4.shtm>

бавитель, *Кириос* — Господь. Знать, тут Он изображен был в царственном величии Его. Сквозь линию проглядывает слой стариннейшей штукатурки с бывшими на ней изображениями; но и сама мозаика была покрыта таким же слоем, который мало где осыпался. Не знаю, когда она произведена была тут, до завоевания ли Палестины арабами в 637 году или в царствование Мануила Комнина (1143—1180 г.), который украсил мозаическими изображениями всю церковь в Вифлееме. В малом углублении, где был жертвенник, читаются имена греков Антипы, Стефанаки, Кирика, Патрия, Лиуви, вероятно тех, которые обновили монастырь и расписали этот придел в нем. Супротив жертвенного углубления в нише южной стены, был изображен какой-то святитель, но от образа его уцелели только кусок омофора и хартия со словами неполными: «Иже с пастырями и патриархами совселившийся».

Подле жертвенника, на пилястре северной стены, написан св. Герасим Каламонский во весь рост. Тут читается имя его по-гречески. Супротив сего преподобного, на пилястре южной стены, изображен св. Афанасий Афонский во весь рост. Далее к западу, в углублении, между двумя пилястрами, виден святой Леонтий Афонский. А супротив него, в нише, изображение святого почти все изглажено. Еще далее, на пилястре северной стены, написан праведный Иоаким, отец Богородицы, а на пилястре южной стены — св. Иоанн Хозевит. Далее налево, — Богоматерь Знаменская; а супротив ее устроена дверь, ведущая в братскую трапезу. На западной стене придела, в верхнем поясе, исторированы *умование ног апостолам*, из которых над двумя читается слово: *ученики*, и умование ног Спасителя слезами грешницы, а в нижнем поясе — Успение Богоматери.

В этой стене есть дверь, через которую монахи входили в придел. Смежно с сим приделом, во всю длину его, устроена братская трапеза. Она узка. Стены ее были расписаны. Еще и теперь видны на них лики (группы) пророков, апостолов, святых мужей, и ангел, жезлом прикасающийся (быть может, к жертве Маноя), и вот эти очертания, кажется апокалипсические: 1. фиал; 2. Вседержитель Богочеловек, свивающий 3. небо со звездами его, как обветшавшую ризу.

На северной стороне монастыря, которая выше южной части его, была какая-то галерея. Из нее перешел я еще выше в горную пещеру, где подвизался Иоанн Хозевит. Она — природная, но несколько обделана человеком. Складенная из камней стенка разделяет ее на две половины, из которых в первой со входа находятся три *привыси*, как бы скамейки для сидения. Такое устройство в ней напомнило мне нижнюю пещеру в горе Кармилльской, ту, что у Средиземного моря. Здесь было прорицалище. Не было ли оно и в Хозевитской пещере? За ней высилась главная церковь; но она так разорена, что видны только основание алтаря и углубление для жертвенника²².

Все кельи, часовни и церкви обители расположены прямо на отвесной скале над глубоким ущельем. Весь комплекс монастыря построен как бы на трех уровнях: верхний — церковь-пещера Илии; средний — все главные строения, где также есть церкви Свв. Иоанна и Георгия Хозевитов и церковь Св. Девы Марии; нижний — складские помещения и древние захоронения²³. В память о том, как Иоаким и Анна вымолили себе у Бога дитя, соборный храм обители посвящен празднику Рождества Богородицы.

Соборный храм, освященный патриархом Герасимом 10 декабря 1893 года, представляет собой бесстолпную однокупольную церковь, стенные росписи и иконы в которой выполнены русскими мастерами. (Об этом свидетельствуют надписи на церковнославянском языке на сводах храма²⁴.) На северной стене видны остатки фресок, изображающих, главным образом, эпизоды из жития праведного Иоакима. У се-

²² Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 101—104.

²³ Там же.

²⁴ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 261.

верной стены, напротив входных дверей (вход в храм сделан из притвора, с южной стороны) стоят серебряные ковчеги с мощами (честными главами) основателей обители: свв. Иоанна, Георгия и Зенона. Отсюда через притвор можно пройти в малую тесную церковку в пещере, усыпальницу преп. Георгия. Его каменную гробницу указывают справа от скромного алтаря. Это, видимо, древнейшая часть лавры, так как на полу отлично сохранилась мозаика IV—VI веков²⁵.

Ежегодно 21 января в день памяти преп. Георгия Хозевита всенощная совершается здесь всю ночь. В этом приделе помещается также братская «костница» — хранилище честных глав прежде почивших братьев обители. В XX веке у монастыря появился новый святой покровитель. Одной из главных святынь стали хранящиеся здесь же, у северной стены придела, мощи преп. Иоанна Нового Хозевита (или, по этническому обозначению, Иоанна Румына)²⁶.

Над крышей храма, где высятся его голубой куполок и стройная вышка колокольни, показывают еще пещеру, обращенную в храм Св. пророка Илии. Здесь, по преданию, пророк жил, когда, при царе израильском Ахаве, ему было повелено покинуть Самарию и «скрыться у потока Хорафа, что против Иордана», и здесь его питал ворон по повелению Господню²⁷. «И пошел он, и сделал по слову Господню. И вороны приносили ему хлеб и мясо по утру, и хлеб и мясо по вечеру, а из потока он пил. По прошествии некоторого времени этот поток высох, ибо не было дождя на землю» (3 Цар. 17, 2—7).

Пещерная церковь Илии пророка состоит из двух частей: удлиненный широкий коридор и за ним, в глубине, крошечная церковь — с престолом, как положено, у восточной стены. Здесь всегда царит полумрак. Но в коридоре-притворе русские паломники без труда узнают большие иконы св. Илии Пророка и преп. Серафима Саровского, молящегося на камне. Бросается в глаза, как точно изображают иконописцы обстоятельства пустынного подвига великого Фесвитянина. На иконе — та самая пещера, в которой мы находимся, внизу под нею — неумолчно шумящий Хорафский поток, у плеча пророка — ворон с принесенной пищей²⁸. Вороны и поныне кружатся над ущельем и над вершинами гор.

Монастырь преп. Георгия Хозевита в записках русских паломников

Архимандрит Порфирий (Успенский) (апрель 1853 г.): «Сегодня я и спутники мои встали мы пораньше и, напившись чаю, настоянного на воде, исцеленной пророком Елисеем, отправились к развалинам древнейшего монастыря св. Иоанна Хозевита. Так как он стоит на левой окраине Кельтской глубочайшей юдоли, а наш путь пролегал по правой окраине ее, то нам пришлось остановиться на этой окраине у своей дороги. Остановились мы тут, развьючились, и налегке с бумагой и карандашами в руках переправились пешие на ту сторону монастырскую по каменной перемычке старинного водопровода, поставленного поперек юдоли. Остановился я у входа в монастырь, увидев над ним надписи греческую и арабскую; по-русски их можно передать следующими словами: „Это — дело раба божия Ибрагима и братьев... Моисея из дома... да помилует их Бог и да помилует... кто скажет аминь“.

²⁵ Святая Земля. Париж, 1961. С. 146.

²⁶ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 261.

²⁷ Святая Земля. Париж, 1961. С. 146.

²⁸ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 261.

Греческая надпись с плохим правописанием, немного испорченная в конце, гласит: „Возобновлена сия дверь рукою Ибрагима и брата его Епифания из дому Эйюба (Иова!)“. Оба эти брата, как видно из надписи, были каменщиками и своими руками возобновили входную дверь, но иждивением едва ли своим. Жаль, что не показан тут год труда их. А по очертанию греческих букв нельзя наметить даже приблизительного исчисления, потому что подобные буквы одинаково начертывались в разные столетия. Могу сказать только то, что возобновление входной двери было современно обновлению монастыря, не очень давнему. Крест при греческой надписи доказывает, что Ибрагим и брат его были христиане или иерихонские, или иерусалимские. Входная дверь, единая и единственная, устроена в восточной стене монастыря. Просунувшись через нее, видишь узковатую и длинную подклеть, вывершенную коробовым сводом. Она получает свет только через дверь и потому темновата. Из нее две каменные лестницы ведут путника наверх. По той, что у самой двери, я взшел туда, взглянул направо и налево, заметил такое же расположение келий и церквей, какое видел в монастыре Герасима Иорданского»²⁹.

Виктор Каминский (1857 г.): «От пещер мы отправились к опустелой обители св. Иоанна Хозевита, находящейся в горах, смежных с горой Искушения. Перейдя дорогу, по которой ездят к Иордану, мы вскоре очутились над пропастью, едва ли не самой дикой и глубокой, какая только есть в этой части горной Иудеи. На дне этой пропасти ревел быстрый поток, стремясь между скал, чтобы соединиться с водами пророка Елисея; по краям потока растут деревья и густой камыш. В эту бездну нам надо было спуститься, перейти вброд ручей и подняться на половину высоты противоположного берега, чтобы достигнуть обители св. Иоанна Хозевита. Перекрестясь, я начал спускаться, с одним бедуином и драгоманом, — то по острым камням, то между висящими скалами, то по сыпучей крутизне, — и чем ниже мы опускались, тем жарче становилось, несмотря на то, что день был прохладный и перепал дождь. Переправясь через поток, мы покарабкались по другому скалистому берегу. Восход этот был еще труднее, нежели спуск, но мы благополучно его совершили, и достигли стен горного иноческого гнезда, которое могло свить только крайнее усилие, множество рук и продолжительное время.

Прежде всего мы вошли в бывшую усыпальницу братии. Она состоит из двух подвалов, сделанных в одной скале. Своды подвалов испещрены красными крестами, а пол разделен на четвероугольные глубокие могилы, хранящие останки почивших здесь до радостного дня. В обоих подвалах слышалось благоухание, подобное меду, но не было видно ни пчел, ни гнезд пчелиных, и бедуин говорил, что никогда не видал здесь этих насекомых, зная место издавна. Поклонившись остаткам великих подвижников, мы пошли в главный корпус обители, который, снаружи, почти сохранился в целости, по несокрушимости природных твердынь, из которых он наиболее образован. Здание чрезвычайно сложное: много покоев на разных высотах, несколько малых церквей и один большой двухпрестольный храм. Все стены этого последнего украшены изображениями святых и происшествий из Священной Истории, а все алтарные изображения — мозаичные; те и другие много пострадали от времени, или от людей, и часть восточной стены большого храма выломана. Несмотря на безлюдие, на крайнее запустение и дикость места, душа располагалась к молитве, когда я ходил по этим храминам, и много рождалось дум о чудных делах древних подвижников. Помолвившись сколько было возможно, я возвратился тем же путем на гору, употребив на это странствие три часа времени»³⁰.

²⁹ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 97—99.

³⁰ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 515—517.

А. С. Норов (1861 г.): «Скоро мы достигли вершины горного хребта и приблизились к окраине обрывистой пропасти. На противоположной стороне пропасти устроен монастырь Хозива. Рассказу о нем трудно поверить; но, взглянув на это место, нельзя не быть поражену удивлением. Там, в глубинах пещер, иссеченных в скалах, вы увидите и кельи, и церковь, и кладбище монахов. Эти скалы раскаляются от палящего солнца до такой степени, что от них отражаются огненные пирамидальные лучи <...> По преданию, здесь постился св. Иоаким для прекращения своего бесплодия. Здесь впоследствии основана была лавра св. Иоанном Хозевитом. Поток, протекающий в этой пропасти, выходит в пустыню Иерихонскую, на расстоянии получаса от горы Сорокадневной, через вади ел-Каль, которая при своем начале соединяется с вади Фара и вади Тувар»³¹.

В. Н. Хитрово (1870-е гг.): «Перебрались мы вброд на левую сторону потока и пошли на восток. Как мы тут пробирались, одному Господу Богу известно: то цепляясь за камни, то пробираясь лежа, то идя в воде, то подымаясь на кручу, то спускаясь с нее. Пот лил с нас градом, когда мы наконец часа через три добрались до Лавры святого Иоанна Хозевита. Опять полезли мы на кручу и с середины ее, через небольшое отверстие в наружной стене, взошли в Лавру и попали прежде всего в две рядом расположенные усыпальницы, высеченные в скале; на полу лежат открытые четырехугольные могилы, и в них еще находятся несколько человеческих костей; по стенам в некоторых местах изображены красные кресты.

Помолившись святым угодникам, некогда здесь почившим, поднялись мы из этой пещеры выше, в двухпрестольный храм, от которого сохранились лишь одни стены и на них кое-где изображения святых. Кругом церкви еще много развалин и пещер. Здесь мы отдохнули и закусили взятым с собою, опять спустились к потоку и по малой стежке вдоль его пошли все-таки на восток; через полчаса на той же стороне потока увидели опять развалившееся здание и пещеры, это, как нам сказывал отец Паисий, был скит в. Григория Хозевита»³².

Архимандрит Павел (1881 г.): «Эта древняя святая обитель, бывшая в запустении, стала возобновляться. Теперь в ней около десяти человек братии. Мы помолились в обители, и потом повели нас в недавно обретенную монастырскую усыпальницу. Она недалеко от церкви, как четверть версты, на этой же стороне оврага, на которой и церковь. В скалах выбита просторная пещера; в ней выдолблены подобно сусекам (закромам), какие крестьяне делают в своих клетях, отдельные помещения для мелких и крупных человеческих костей, а кругом всей усыпальницы в природной скале вытесаны вроде лавок полки в несколько рядов, и на этих полках лежат головы усопших отцов в ряд и в два. Я начал было считать головы и от множества устал, оставил счет. Мы пели заукойные тропари, и я прочитал молитву: „Боже духов“ ... и сказал „вечную память“»³³.

А. В. Елисеев (1884 г.): «Обитель св. Иоанна Хозевита прячется в диком ущелье, в одной из самых поразительных по своему дикому величию местностей Палестины. Сюда богомольцы прибывают постепенно, но к вечеру собираются все и кое-как размещаются в обители, кто в кельях, кто на дворе, но все за монастырской оградой. Прием здесь богомольцы встречают самый ласковый; кипяток готов к услугам гостей в продолжение всей ночи, а бедных монахи угощают даже от себя чаем, сахаром и сухарями. Дикая романтическая прелесть расположения обители, только что пережитое и перечувствованное на Иордане, ласковая встреча со стороны монахов,

³¹ Норов А. С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1878. С. 32.

³² Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 147.

³³ Цит. по: Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 112.

их бедность и куча костей и голов замученных иноков, хранящихся в монастыре, — все это чрезвычайно умиляет душу паломника, и он чрезвычайно доволен монастырем.

Редкий паломник не отзовется восторженно о Хозевитской обители, редкий не пожертвует даже более, чем располагал ранее. Я видел одного мещанина, который даже хотел бы навеки остаться в этой тихой обители, так она ему нравилась; пожертвование сюда иконостаса стало его *idée fixe*, о которой он только и мечтал на обратном пути. С вечера в монастыре служится вечерня, потом утренняя и еще до свету обедня. После литургии в братской трапезе угощают паломников чаем и хлебом, после чего часов в 6—7 утра начинается путешествие каравана в Иерусалим»³⁴.

Евгений Марков (1885 г.): «Высоко над клокочущим потоком вдруг забелелся разом, на той стороне ущелья, и словно заиграл своими часоуенками, балкончиками, окошечками висящий в воздухе монастырь Гозувиты... Он прилеплен, как гнездо ласточки, к отвесному обрыву скалы; он проточил в толщах горы, будто муравей — свои подземные ходы, черные дверочки и окошечки своих тайных убежищ. Утлые лесенки и галерейки подвешены снаружи, будто нити паука, к этим жалким норкам червоточины, пробуравившей могучую грудь скалы, и при реве сердитого потока, кажется, дрожат и качаются, тоже как паутина... Висящий над бездной маленький монастырек кажется какой-то живописной игрушкой, легкомысленно прилепленной к груди черной громады рукой наивного ребенка... Монастырь-игрушка спрятан, будто с умыслом, в последнем и самом поразительном амфитеатре скал, словно вся романтическая декорация дикого ущелья, которая до сих пор развевывалась перед нами, — постепенно подготавливала нас к созерцанию его оригинальной красоты...

Мы перешли через дрожащий мост, перекинутый над бурным потоком у подножия водопада, и стали карабкаться на ту сторону по вырубленным в скале ступеням, по осыпям горы, по отвесным деревянным лесенкам, по каким лазают только на колокольни да в трюмы кораблей... Арабы наши потащили лошадей без всяких лестниц по таким откосам скалы, что я инстинктивно отвернул от них голову, начинавшую кружиться от одного воображения... Игумен Калинин встретил нас в простоте истинного монаха. Он был одет бедно, так что сразу трудно было признать в нем хозяина обители... На нем был старенький нанковый подрясник, а в руках — кривой нож, которым он только что вырезывал кипарисовую ложку. Но зато в этой смиренной фигуре работающего инока было столько спокойной приветливости, выражающейся в ласковом взгляде глаз, в тихой доброй улыбке, что мы как-то сразу прониклись невольной симпатией к встретившему нас милому старцу.

Пока один из братии, испачканный в известь и песок, среди которых он возился, готовил нам неизбежный русский самоварчик, завоевавший себе право гражданства даже в этих недоступных уголках Палестины — и нигде так, как здесь, не радующий сердца русского странника — игумен повел нас осмотреть скудные остатки своих древних святынь, только что начинающих возрождаться из праха...

В настоящую минуту монастыря почти нет еще. Прежняя площадка, вырубленная в отвесной стене скалы, почти вся занята низенькими жилищами горсти монахов и работников. Этот дворик, прикрытый сверху от солнца циновками и парусиной, обставленный кухоньками и кельями, вдвинут наполовину в толщу скалы и представляет из себя маленький рабочий улей... Беленькая комнатка игумена одна выступает вровень с лицом скалы, так что балкончик ее висит уже над бездной, и два окошечка глядят прямо в нее. Кругом дворика — хаос какой-то неубранной каменоломни. Вырубаются новые впадины в скале, раскапываются кучи накопившегося веками каменного мусора, пробиваются ходы сквозь скалу в спрятанные в ней старые пещеры, иссекаются ступени и лестницы вверх, на темя скалы. Работы — бесконечное

³⁴ Елисеев А. В. С русскими паломниками на Святой Земле весной 1884 года. СПб., 1885. С. 247.

множество, и так мало рук, и еще меньше средств! Монастырек кажется задавленным, засыпанным этими глыбами известняка, среди которых он неустанно работает, силясь вырваться из-под них и одолеть их каким-нибудь стройным порядком...

В древности тут был главный центр знаменитой лавры св. Евфимия, потому что на каждом шагу встречаются при раскопках следы многолюдного и богатого монастыря; прямо на сердце скалы видны еще в нескольких местах остатки штукатурки с фресками и щели, в которые вставлялись концы толстых балок. Очевидно, площадка была прежде гораздо шире, но потом, в течение веков, скала откололась и осыпалась, оторвав за собой в пропасть и утвержденные в ней постройки монастыря... Оттого-то оштукатуренные и гладко высеченные стены скалы, когда-то бывшие задними стенами прилегавшего к скале храма, теперь уже висят над обрывом ущелья. Из всего, некогда славного монастыря, сколько-нибудь уцелела только одна древняя церковь, вдвинутая довольно глубоко в толщу скалы, под навесом ее сводов...

По характеру постройки эта церковь — времен Юстиниана. Когда-то она была богато украшена, потому что на скале пола, давно обнаженной от одевавших ее прежде мраморов, заметны еще остатки дорогой мозаики... А на скале задней стены явственно видны яркие фрески с крупными фигурами святых... Свод храма совсем провалился, и жаркое солнце полдня свободно светит сверху в его разоренную внутренность... Монахи прикрыли пролом свода тростником и старенькой парусиной, чтобы, по крайней мере, оберечь от дождя и зноя свой маленький бедный алтарик. Там стоит посредине нищенски убранный престол, отделенный от остальной церкви полинялой занавеской... Но царских дверей — и помина не осталось... Впрочем, и самые стены пробиты во многих местах отверстиями и трещинами, как крепость после бомбардировки.

Эта церковка — пока единственный здесь храм для молитвы. По преданиям монастыря, церковь эта была устроена в пещере, где, еще до пришествия Христа, сорок лет спасался и молился Иоаким, отец Пресвятой Девы. Церковь до их пор посвящена Богоотцам Иоакиму и Анне, и их изображения угадывают в уцелевших фресках <...>

На месте бокового придела церкви св. Иоакима воздвигается теперь, по распоряжению патриарха Никодима, новый храм. В этом приделе тоже видны обрывки мозаики и фресок на полу и стенах, а при разрытии фундамента его откопали даже гроб с хорошо сохранившимся телом. Предполагают что это тело Георгия, бывшего игумена Гозувитского монастыря. Гозувитский монастырь устроен был на развалинах лавры Евфимия Великого Иоанном, архиепископом Гозувитским. Мы посетили его церковь в пещере, гораздо выше теперешнего монастыря. Множество келий, частью доступных, частью обрушенных или с заваленными входами, наполняют гору в этих верхних ярусах ее... Наверху же добывается и камень для постройки новой церкви, который приходится с большими усилиями и с большой потерей времени перетаскивать вниз по отвесным обрывам...

Вообще, в прежнее время не только внутренность горы, но и ее плоская макушка были, очевидно, заняты монастырскими поселениями. Везде еще видны следы лестниц и построек. На самом темени горы уцелела громадная древняя цистерна, снабжавшая водой нижний монастырь через особые, скрытые в скале, стоки. На днях удалось откопать из-под груды мусора, наравне с крышей Иоакимовой церкви, три совсем сохранившихся колодца, в которые проводили воду эти стоки.

Сколько нужно было положить поистине египетского труда, чтобы создать среди отвесных скал все эти капитальные сооружения древности! Но такой же, кажется, труд потребен и теперь для восстановления хотя некоторого подобия старого монастырского устройства. Работы, однако, начаты смело: выдалбливаются и строятся новые кельи, галереи, лестницы для сообщений, расчищается площадка, соору-

жается храм. Патриарх Никодим, энергичский восстановитель древнего Православия в Палестине, не жалеет для этого ни денег, ни трудов. Он приезжал верхом в Гозувиту, спускался пешком в ее провалы, карабкался по ее лесенкам и сделал необходимые распоряжения. Он постоянно снабжает Гозувиту мукой, бобами и всякими съестными припасами, без которых здешняя монашеская колония давно погибла бы с голоду. Он присылает сюда рабочих, материалы, деньги. Наш предприимчивый начальник палестинской миссии, архимандрит Антонин, тоже недавно посетил Гозувиту; он привозил с собой фотографа, который — вероятно, в первый раз за все время существования монастыря — снял его поразительные виды.

<...> Самая характерная и любопытная святыня Гозувиты — ее древняя усыпальница. Из монастыря нужно подняться немного направо по карнизу скалы, и вы увидите в стене этой скалы маленькую, окованную железом дверочку, всегда запертую на замок. Игумен отворил ее, и мы вошли с ним в довольно просторную темную пещеру с низкими сводами, на которых еще сохранилась расписанная фресками старинная штукатурка... Четырехугольная могила, в виде колодца, ископана посреди этой пещеры, вся наполненная, как погреб овощами, — высохшими кистями рук и ног... Узкие рвы, могилы, идут кругом этой центральной ямы, тоже наполненные человеческими костями и тлеющими остатками иноческих одежд. За ними, у подножия стен, разложены сплошной цепью, опоясывающей всю пещеру, будто отобранные впрок арбузы, — сотни желтеющих и белеющих черепов... На облупленной черной штукатурке стен, среди изможденных фигур подвижников с впалыми глазами, с бородами по колено, — множество арабских и греческих надписей, крестов, выведенных, Бог знает когда, неискусной рукой иноков, хотящих помянуть своих, сошедших в могилу, братьев. Простолюдины-богомольцы, посещающие Гозувиту, непременно приходят поклониться останкам этих бесчисленных неведомых отшельников, сложивших здесь свои кости, зажигают лампадки перед иконами, прилепляют к старым стенам свои грошвые свечки и поют панихиды по усопшим...

Усыпальниц таких — не одна, а несколько. В некоторые уже пройти нельзя, потому что всякие следы тропинок осыпались, ходы завалились; но в некоторые еще ходят... Почти все они соединялись когда-то друг с другом подземными переходами, и до сих пор из главной усыпальницы можно пробраться в целый лабиринт пещер. Но монахи нарочно заложили ходы в далекие пещеры, чтобы через них не забирались в монастырь лихие люди и хищные звери, любящие прятаться в прохладной безопасности этих подземных логовищ.

— А что, живет там кто-нибудь теперь, отец игумен? — Находятся охотники?

— Как вам сказать, не слышать что-то, отвечал в раздумье игумен. — Пржней любви к пустынножительству уже нет теперь в иноках... Случается, поселится кто-нибудь в какой-нибудь дальней пещерке... из чужестранных больше... Пойдет слух... Смотришь, месяца через 2, 3 — и опять нет никого. Не живут что-то долго, не одолевают истинного отшельничества. Вот ваша землячка только, мать Марина, так та года три тут около нас спасалась недалеко, версты две вниз, не больше... Да смелая! Мы такой и не видали никогда! — улыбнулся игумен. — Немало ей все удивлялись. Она к нам каждый праздник к обедне приходила. Другой араб здешний побоится на кручу лезть, куда она каждый день лазала. Ей — нипочем. Припрвила себе лесенку веревочную, поднимется по ней, ровно паук по паутине, в свою пещерку, и спустится куда нужно... а на ночь лесенку втянет к себе наверх, запрется на задвижку, вот ее и не достанет никто, ни сверху, ни снизу, потому что дорог к ней никаких, как гнездо птичье — над пропастью висит... Ну, и молится себе покойно, знать ничего не знает, в своей пещерке, как в крепости какой...

— Отчего же это она ушла от вас? — Мы видели Марину в Иерусалиме, она теперь в Силоаме живет, в гробницах Соломоновых... Она жаловалась, что ее выгнали отсюда.

Игумен не переставал улыбаться, покачивая головой.

— Знаю, знаю, сказал он тихо. — Женщина смелая, везде свое возьмет... Только мы ее не гнали отсюда... нам что! Живи себе, где угодно... Ущелье божие, а не наше. Патриарху не захотелось. Патриарх говорит: „не подобает женскому полу близко скита иноческого проживать“... вот и выдворили ее отсюда...»

«Мы здесь поминутно видим примеры самой курьезной смелости наших соотечественников, — писал архимандрит Антонин (Капустин) в январе 1876 года. — Уже есть месяцев 6 или 8, как одна поклонница наша поселилась в неисходимых дебрях пустыни Иорданской. Заговорили даже, что она, по подобию св. Марии Египетской, начала было ходить там без одежды. Вчера мне сказали, что уже другие две соотечественницы последовали примеру первой. Впрочем, болезнь выгнала первую (Марину — по имени) в город в патриаршую больницу, а оттуда консул наш переселил ее сегодня на наши постройки. Что она улизнет опять в пустыню, это почти несомненно. Смелости у нас хватает на многое. Такая неустрашимая скиталица не побоялась бы поселиться не только у Перивлепта, но и в самой Св. Софии...»³⁵ (Архимандрит Антонин говорит о русской отшельнице Марине, подвизавшейся в 1870—1880-х годах в Иудейской пустыне (Вади-Кельт), в Заиорданье, а с 1885 года поселившейся в так называемой Могиле дочери фараона, принадлежавшей Русской Духовной Миссии. В 1890-х годах она жила на территории русского Вознесенского монастыря на Елеоне).

«Мы стали осторожно спускаться к монастырю. Но, прежде чем поднялись на его лестнички, игумен вдруг остановился и сказал, указывая на тот берег ущелья:

— Вот вы ехали там, а, наверное, не заметили. Видите, арки каменные видны между скал, сложены-то как отлично! нашим теперешним мастерам никогда так не сложить!., тут ведь водопровод древний шел, еще от времен Ирода нечестивого... Весь Иерихон водой полон из нашего ущелья. Потому что против нашей воды во всей Палестине не найдешь...

Мы действительно рассмотрели между утесами противоположного обрыва уцелевшие остатки смелых арок из тесаных камней, белевшие в разных местах. Это дикое ущелье, очевидно, все насквозь пропитано историей...

Игумен Калинин свободно объясняется по-русски; он научился ему у богомольцев во время долгого пребывания своего монахом св. Гроба и теперь даже отлично пишет по-русски целые трогательные воззвания, образчик которого получили, конечно, и мы, для распространения среди своих земляков, по возвращении на родину...

— Сюда много ходит русских, но только все простые; рассказывал нам Калинин — господ вовсе не бывает; больше присылают из России письмами, по адресу, благодетели разные. Только и живи русскими. Греки редко здесь бывают. Да и бывать тут трудно, не всякий решается, дороги еще плохи, и от разбойников только недавно стало свободно. Двадцать лет тому назад никто не смел показаться в эти места, ни одного монаха тут не было. А теперь один ночью случается, идешь, ничего... Арабы, впрочем, боятся ночи, никогда ночью не грабят, все днем. Из-за Иордана бедуины больше разбойничают. Там в старину, при Константине-царе, все бедуины христиане были, и за Мертвым морем, и везде кругом. Даже теперь там, в горах, много развалин монастырей древних и церквей, а христиан уже почти нет. Туда опасно

³⁵ Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н. П. Игнатьевым 1865—1893. М., 2014. С. 275.

ходить, везде разбойники кочуют. А страна богатая, вся пшеница за горами; как навалится у них на горы снег, бедуины и спускаются сюда.

Прибыли новые рабочие-камнетесы, присланные патриархом, и игумен должен был покинуть нас сейчас же после нашей походной трапезы, чтобы заняться работами...

<...> Игумен уже с 12-ти часов ночи был на ногах. Здесь еще исполняются во всей буквальности строгие правила древнего монастырского чина, и утренняя служба сейчас после полуночи. Мы давно слышали сквозь сон унылые, медленно растекавшиеся по глухому ущелью, удары маленького церковного колокола, досадные как утренний звонок надзирателя для разоспавшегося школяра.

Самовар тоже раздували для нас давно, набив его, вместо угля, ветками кустарника; но он только чадил и ни за что не хотел закипать в такой неурочный ранний час, когда монахи еще молились Богу... Мы ограничились беглым глотком арабского кофе, всегда готового в одну минуту и всегда живительного и бодрящего. Игумен вышел нас проводить и поднес нам на память о своем монастыре деревянные ложки с надписью, вырезанные из пальмы его собственными труженическими руками. Сердечно распростились мы с добрым стариком и, не садясь на коней, пешком спустились к мостику. Ущелье еще было полно ночного тумана и тьмы, и не особенно было приятно мерить в такую минуту не совсем твердо, полусонной ногой его головоломные тропинки и крутизны.

Но когда мы были наверху ущелья, уже сидя на ослах, и оглянулись на далекое ласточкино гнездо Гозувитского монастыря, вдруг засверкавшее своими белыми стенами глубоко на дне пропасти, при первых лучах зари, то даже арабы наши невольно остановились, чтобы полюбоваться в последний раз этой, ни с чем несравнимой, картиной...»³⁶

Е. Э. Картавцов (1889 г.): «Мы сошли с лошадей, оставили их провожатым и пешком сходили в сторону, в ущелье, где расположен монастырь Георгия Хозевита. Монастырь еще только обстраивается; но это самое приятное из виденных нами в Палестине мест. В ущелье бежит поток, спускаясь небольшими водопадами все ниже и ниже; монахи воспользовались этим; во многих местах они перепрудили его камнями и провели воду оросительными канавами всюду, где только попадает на склоне горы малейшая площадка; орошенные пространства производят богатую и разнообразную тропическую растительность; среди голых скал расстилаются изумрудно-зеленые полосы, легкие мосты висят там и сям над потоком; отовсюду серебрятся и журчат веселые водяные струйки! Немного пройдет лет, и монастырь Георгия Хозевита приобретет, наверное, славу райского угла среди отталкивающей дичи Иудейских гор»³⁷.

М. П. Соловьев (1891 г.): «Мы проезжаем мимо прилепившейся к утесу, как ласточкино гнездо, обители преп. Иоанна Хозевита, недавно возобновленной после тысячелетнего запустения. Большая часть помещений выдолблена в недрах скалы. К монастырю ведет снизу извилистая тропинка, доступная только для пешеходов. Самый монастырь не представляет других достопримечательностей, кроме своих иноков, обрекших себя на жизнь среди самых тяжелых условий. Мы проезжаем посреди страны, бывшей свидетельницей непостижимых в наше время тяжких иноческих подвигов <...> На какой-нибудь сотне квадратных верст в горной пустыне Иудейской было до 27 больших и малых монастырей и множество одиночных пустынников в отдельных пещерах. Тысячи монахов населяли пустыню вплоть до монастырей Елеонской горы, Кедронской и Гинномовой долины. Идеалом подвижника было полное безмолвное уединение, но к знаменитому старцу собирались подражатели и ученики

³⁶ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 267—279.

³⁷ Картавцов Е. Э. По Египту и Палестине. СПб., 1892. С. 208.

и возникала группа, жившая вместе в отдельных пещерах или хижинах, подчинившаяся его управлению, — лавра. Для неопытных в иноческой жизни заводились кинории, — жилища, обнесенные общей стеной с церковью, в которую сходились по субботам окрестные аскеты, чтобы, причастившись Св. Таин, на рассвете в воскресенье расстаться снова на целую неделю»³⁸.

Протоиерей Владимир Гуляев (1892 г.): «От горы Соблазна я пошел к монастырю св. Георгия Хозевита, устроенному на месте явления Ангела Богоотцу Иоакиму. Тяжел был этот путь, долго он будет для меня памятен. Часа полтора, не меньше, мы шли между горами, по склону, дорога узкая, тропинка в аршин ширины не больше, над дорогой высокие скалы, часто отвесом, внизу пропасть; местами она лестницей, громадными и неправильными ступенями, то поднималась, то опускалась, так что приходилось часто не идти, а ползти на четвереньках. Жутко было проходить этим путем, но, слава Богу, все это пережилось; усталые, измокшие от пота до последней нитки, часов в 11 ночи добрались мы наконец до монастыря.

Монастырь этот — верх труда и подвижничества: площадь монастыря вырублена посредине скалы, вверх — скала отвесом, вниз — пропасть. Стены облицованы камнем, обыкновенной в Иерусалиме кладкой. В монастыре две церкви; над одной из них устроены из камня купол и колокольня, а над ними полукругом висит скала. В монастыре вместе с игуменом девять человек братии. Есть две комнаты патриаршие, и для помещения нас — 11-ти пришельцев, нашлось две комнаты. По рассказу игумена Калинника, монастырь основан 1300 тому назад; 700 лет тому назад он был разграблен и заброшен, а ныне с благословения патриарха Никодима на жертвы добрых людей, он снова устраивается. Радушно приняла нас братия; мы пили чай и ужинали. Хорош в особенности был арбуз из монастырского сада. Такого сладкого и сочного арбуза мне никогда есть не приходилось. Подкрепившись и отдохнув до 3-х часов утра, мы выехали из монастыря, на хорошую дорогу, и без всяких приключений в девять часов утра прибыли в Иерусалим»³⁹.

Архимандрит Мефодий (1892 г.): «От горы Искушения мы по невозможным тропинкам и карнизам отвесных скал пробирались в страшное «ущелье Хозева», из подземных тайников которого прорывается через пороги и утесы стремительными водопадами поток Хозева, отвесные же стены ущелья изрыты пещерами некогда процветавших здесь отшельнических обителей. В самом глухом углу этого ущелья, высоко над бездной клокочущего потока, висит, как гнездо ласточки, на отвесном обрыве монастырь святого Иоанна (Георгия. — *Авт.*) Хозевита, состоящий тоже из пещер, окаймленных церковью, часовенками, балкончиками, лесенками. В монастырь этот мы прибыли уже в послеобеденное время — истомленными, едва-едва передвигаясь; здесь были встречены трезвоном. Ласковый прием смиренного игумена и настоятеля монастыря скоро нас ободрил; мы были здесь вполне успокоены и остались на ночлег.

Тут мы служили сперва молебен в церкви, а потом панихиду в пещере, в которой сложены в ряды тысячи черепов, по всем направлениям; в середине (где кости), служили панихиду по всем покоящимся там и убиенным при нашествии Хозроя, царя персидского. Вечером, при восходе луны, открылась еще живописнее картина среди скалистых и неприступных гор и пропастей. На террасу вышли певчие из паломников и долго пели псалмы, составленные на прощание с Иерусалимом и Афоном: дивная восточная ночь, живописная местность, стройное пение, невольно все это вызывало слезы умиления, и мы долго наслаждались неземными радостями⁴⁰.

³⁸ Соловьев М. П. По Святой Земле (1891 г.). СПб., 1897. С. 258—260.

³⁹ Гуляев Владимир, прот. В Иерусалим и на Афон. СПб., 1892. С. 46.

⁴⁰ Мефодий, архим. Дневник палестинского паломника. СПб., 1893. С. 24—25.

Протоиерей Павел Бобров (начало 1890-х гг.): «Вечер настал приятный, но скоро стал претемный — за два шага не видели друг друга. В этой-то темноте, часов в 10 вечера, начали спускаться по тропе, сделанной в каменной горе слева — горы стеной над нами, справа — пропасть. Кавас впереди пеший только голосит: левой, держитесь левее! Мы, конечно, также пешие, за ним — один за другим, за нами арабы с ослами. Оклик и говор далеко раздается где-то. Сходили медленно. Вот и огоньки замелькали, и лай собаки слышен, а ничего не видно; только слышен был где-то водопад. Спустились в такую глубину, что и огоньков не стало видно. Затем начали подниматься и пришли в обитель. *Это и есть Хозевит.* — Иноки-греки и арабы, доставили нам покой с обычным радушием по-братски. Во всех таких обителях непременно есть говорящий по-русски.

Рано утром воспели мы здесь славу и благодаренье Богу и опять отправились на свою дорогу в гору. Теперь могли мы видеть, в каком глубочайшем овраге находится эта святая обитель. По обе стороны его превысокие отвесные стремнины, внизу по оврагу шумит поток, где прекрасная природа, а выше — в скалах — кельи, где в храме пение, вероятно, сливается с ревом потока. После отдыха приятная утренняя прохлада, необыкновенно величественный вид необыкновенной местности, давно неслыханные голоса певчих птиц в зелени, — все это совсем оживило нас.

Местность точно такая, какую описал богодухновенный царь, прославляя Творца мира: «Благослови душе моя, Господа. Господи Боже мой, возвеличился еси зело!.. посылая источники в дебрях, посреди гор пройдут воды... «на тех птицы небесные привитают, от среды камня дадут глас» (Пс. 103). Такая природа, в окрестностях Иерусалима, только вероятно и сохранились в своем виде в дебрях Хозевита»⁴¹.

Арсений (Изотов), епископ Сухумский (1894 г.): «Встречаем по правую сторону глубочайшую пропасть, по которой вьется тропинка, ведущая в обитель св. Иоанна Хозевита, которая скрывается здесь в диком ущелье, окруженном высокими горами и стремнинами. С дороги видны в обрывах над пропастью пещеры, служившие местом подвигов многочисленных отшельников бывшей здесь лавры св. Иоанна Хозевита; впрочем, и теперь, хотя редко, живут в них пустынники. Когда заходят русские поклонники в эту пустынную обитель на обратном пути с Иордана, то встречают здесь радушный приют»⁴².

Петр А-истов (начало 1890-х гг.): «Наша кавалькада остановилась у горы Хозевита. Здесь, в небольшом ущелье, мы сошли с лошадей и пешком отправились к монастырю Георгия Хозевита. Прекрасная и интересная местность с дивными видами на горы предстала перед нашими глазами. Тропинка, ведущая к монастырю, идет сначала по косогору, а затем, поворотив влево, по берегу реки. Горы и берега реки поражали своей картинностью. Мы шли, восхищаясь видом и благодаря в душе монахов, проложивших этот путь. На протяжении всего пути сложен забор — обочина из сборного камня. Вдали начал виднеться монастырь, приютившийся на отвесной горе и своей оригинальностью поражающий взор.

Дальше нам пришлось переходить через мост на речке Хозевита. Красно-ржавая железистая вода реки сильно и быстро бежит по камням и шум ее раздается в тиши высоких гор. Здесь нас заинтересовало, как монахи с высоты монастыря спускали на проволочном канате ведро, черпали им воду и затем поднимали вверх. Далее за мостом, дорога, изгибаясь, шла на крутизну. Мы пошли несколько тише. Монахи, увидав нас, приветствовали, как паломников, колокольным звоном. В обители нас

⁴¹ Бобров Павел, прот. Письма паломника о святой горе Афонской, о граде Иерусалиме и других местах Востока. М., 1894. С. 78–79.

⁴² Арсений (Изотов), епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 190.

монахи радушно встретили и повели осматривать их монастырь. Сначала показали нам два храма с их святынями, драгоценностями и всем, что только было в них примечательного. Затем мы стали ходить по пещерам, где нашли массу костей и черепов. На наши вопросы хозевиты объяснили, что это кости монахов, когда-либо живших в этих пещерах или служивших в монастыре. Оказалось, что, по уставу монастыря, кости монаха, через три года после его смерти, вырывались из земли и переносились в пещеры. На каждом черепе, как сказал монах, было написано имя и духовный сан покойного.

Окончив осмотр, мы снова вернулись в обитель. Позавтракав в монастырской столовой, мы распрощались с монахами и, в сопровождении настоятеля, начали спускаться с горы. За мостом он пригласил нас осмотреть его фруктовый сад. Сад этот, действительно, был великолепен. Повсюду виден был образцовый порядок. Немало заинтересовало нас искусственное орошение растений. Это искусственное орошение устроено по всему саду. По цементным желобкам, проложенным в несколько наклонном положении, вода течет из резервуара. Достигнув по одному желобу назначенного места, вода через открытый проход направляется по другому желобу, орошая по дороге то виноград, то пальму, то цветы. Погуляв достаточно по саду, мы стали прощаться с настоятелем и благодарить его за радушный прием⁴³.

Епископ Арсений (Стадницкий) (1900 г.): «Недалеко от Иерихона мы остановились, чтобы посмотреть на виднеющийся в горах монастырь св. Георгия Хозевита, приуроченный к тому месту, где, по преданию, скрывался пророк Илия от злочестивой Иезавели. Устроенный в V в., он впоследствии вместе с другими палестинскими обителями пришел в полное запустение; возобновлен лет 20 тому назад православными монахами на пожертвования преимущественно **русских паломников**. Эта обитель чрезвычайно живописна: уютится, подобно гнезду ласточки, в ущелье обрыва скалы, так что подняться к ней довольно трудно»⁴⁴.

Архимандрит Евгений (1900-е гг.): «Среди гор виднеется глубокое ущелье ел-Кельт, где, по преданию, жил пророк Илия, избегая гнева жестокой Иезавели. На дне его находится Хозевитский монастырь, основанный Георгием Хозевитом. Путь в эту обитель крайне труден и опасен; только пешком можно пробраться в нее, так как лишь узенькая тропинка, идущая к ней, извивается по ребрам гор над глубокими оврагами»⁴⁵.

Николай Брянчанинов (1906 г.): «После получасовой медленной езды мы вошли в суровое ущелье, в глубине которого бежал горный поток. По левую руку от нас над дорогой нависали темные камни и скала, а направо, далеко по ту сторону громадной расщелины, высилась громадная совершенно голая и совершенно черная стена. В одном месте наиболее суровом и, казалось, наименее приступном, виднелась какая-то белая точка. Я взял бинокль и увидел тогда, что точка эта была церковью, окруженной несколькими другими постройками, прицепившимися к почти отвесной скале, точно ястребиное гнездо. То был греческий монастырь св. Георгия. Маленькая тропинка, подобная белой нитке, то и дело терявшаяся среди камней и других неровностей почвы, вела к нему из глубины сурового ущелья. Теперь мы уже далеко от Иерусалима. Вокруг нас стали проноситься порывы горячего воздуха; небо очищалось и солнце входило в свои права. Наконец ущелье, по которому мы шли, расширилось и в конце его показалась зияющая пропасть»⁴⁶.

⁴³ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 125–126.

⁴⁴ Арсений (Стадницкий), епископ. В стране священных воспоминаний. М.;СПб., 2014. С. 246.

⁴⁵ Евгений, архим. Мое бытие. Воспоминания. СПб., 1911. С. 258.

⁴⁶ Брянчанинов Николай. Скитания. По Заиорданью. М., 1908. С. 122.

Иеромонах Серафим (1908 г.): «Мы, оставив своих коней на большой дороге, пошли по узкой тропинке к монастырю Хозевитскому. Как только увидели нас идущих, на монастырской колокольне вдруг зазвонили, встречая нас с колокольным звоном. Как приятно и отраднo было услышать тот чудный монотонный звон среди скалистой горной пустыни. На душе что-то было радостное, и восторженное чувство души переполнялось радостью о милости Божией, оказанной нам грешным. Когда перешли мы мост через овраг, по которому проходит водный поток, нас радушно встретил настоятель о. Калинник и показал все достопримечательности монастыря.

<...> Когда мы поклонились святыням и осмотрели обитель, нас угостили русским аем, который мы пили с чудным аппетитом, так как истомились от знойного жара жаждой. Потом мы посетили усыпальницу, в которой почивают кости многих отшельников и подвижников. Поблагодарив за радушный прием доброго старца настоятеля, мы оставили обитель и опять по узким тропинкам поплелись к своим ожидавшим нас лошадям, на которых благополучно к вечеру прибыли в Иерусалим»⁴⁷.

Путеводитель по святым местам града Иерусалима (1908 г.): «К обители св. Иоанна Хозевита паломник пробирается по невозможным узким горным тропинкам, карнизам отвесных скал и спускается в глухое ущелье, из подземных тайников которого прорывается через пороги и утесы стремительными водопадами поток Хозева, а отвесные стены этого ущелья изрыты пещерами некогда процветавших здесь отшельнических обителей. В самом глухом углу этого ущелья, высоко над бездной клокочущего потока висит, как гнездо ласточки, на отвесном горном обрыве монастырь св. Иоанна Хозевита, состоящий тоже из пещер, обставленных часовенками, балкончиками, лесенками. В бывшей некогда многолюдной лавре Иоанна Хозевита видны две расположенные рядом усыпальницы, иссеченные в скале; на полу лежат открытые могилы и в них еще и ныне видно несколько человеческих костей, по стенам изображены в некоторых местах красные кресты. От бывшего двухпрестольного храма остались только стены и на них кое-где изображения святых. По преданию, это была церковь во имя святых Богоотец Иоакима и Анны, устроенная над пещерой, в которой молился еще до пришествия Христова св. Иоаким и где он изливал перед Богом в молитве свою скорбь по поводу своего бездетства, из-за которого приходилось ему терпеть множество обид и оскорблений от окружающих. Здесь же праведный Иоаким получил от ангела радостное известие, что Господь снял с него поношение, и жена его Анна родит дочь, которая будет счастьем для всего человечества, ибо она делается Матерью Господа»⁴⁸.

Иеромонах Маркиан (Попов) (1911 г.): «Мы торопились на ночлег в монастырь преподобного Георгия Хозевита; спустившись с горы, сели на поджидавших нас под горой осликов и поехали уже при заходящем солнце к Хозевиту. Дорогой встречались с нами возвращающиеся на ночлег стада овец и коз, масса ребятишек бежали и просили у нас бакшиш, или поричку; наконец, стало совсем темно, дорога пошла между горами; я еще сидел на осле, а спутники мои давно уже сошли с них, боясь, оступившись, полететь в пропасть, и шли пешие. На меня дивился в особенности отец диакон, но я чувствовал, что ослик отлично знает дорогу и идет уверенно; наконец пошли крутые спуски и подъемы, и я в одном месте чуть не упал и поспешил слезть и пошел пешком. Вскоре мы увидели огоньки — это шли к нам навстречу монахи-проводники, и мы при освещении их фонарей благополучно добрались до обители, где отдохнули, подкрепились, кое-что осмотрели в обители и, ради позднего времени, отправились на покой.

⁴⁷ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 72–73.

⁴⁸ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 196–197.

Утром, отстояв обедню, пошли осматривать монастырь. Местность предивная — стоит монастырь на обрыве, внизу — глубокая пропасть и на дне страшно шумит и ревет быстрый поток; над монастырем еще гора; заходили в пещеру, где, по преданию, молился в скорби праведный Иоаким, когда его дары не приняли в храме и он, удалившись сюда, сетовал о своем бесчадии; и вот, явившийся ангел утешил его радостной вестью и послал его в Иерусалим. В пещере поставлены иконы, и она имеет вид как бы часовни; подкрепившись маслинами, поехали к Иерусалиму»⁴⁹.

Спутник паломника по святым местам (1984 г.): «В лавре преп. Хозевита усопших хоронят, как и везде в восточных монастырях, без гроба, неглубоко в земле или под полом, и потом вынимают кости через определенный срок. Кости и черепа складываются в особой усыпальнице. Такую усыпальницу можно видеть и здесь. Ни автобус, и автомобиль не доходят до горной обители: пешеходная дорога к ней вьется по живописным склонам гор; против монастыря через ложе потока, теперь сухое, перекинут мост. По отвесным скалам ущелья малые дверки и кресты над ними указывают на кельи отшельников, теперь еще обитаемые»⁵⁰.

Инокня Наталия, Горненская обитель (1980-е гг.) «1984 г. На третий день от Богоявления празднуется преподобный Георгий Хозевит. Его монастырь находится в Палестине, он подвизался на этой земле. Наша матушка игуменья благословила желающих сестер поехать на этот праздник. Поехали накануне днем, чтобы успеть к ночной службе в монастырь. После благодатного дождя на Крещение установилась хорошая погода и мягко светило солнышко, почти по-летнему. (У нас уже цветет миндаль и другие плодовые деревья).

Дорога наша идет к Иерихону, но делает большой зигзаг, объезжая горные массивы и поворачивая к самому Мертвому морю. Одна наша старейшая матушка пообещала нам показать ближайший путь через горы, и мы попросили остановить нашу машину напротив гор и дальше отправились пешком по горам, а большинство сестер поехало вокруг на машине. О, как давно я мечтала своими ногами походить по Палестине, какая это была духовная радость!

Как описать горы? Сказать, что они большие — да, но мягко и плавно поднимаются ввысь и также мягко и загадочно вырастают одна из другой и получается целый хоровод гор. Они поросли сухой травкой и издали от этого кажутся бархатными, скользящими. Мы шли по дороге, а внизу, будто мощной рукой, раздвинуты горы и огромные валуны промыла вода. Но много умудрил человека Господь. Недалеко от монастыря находится другой монастырь — преп. Харитона. Из пещеры преподобного бежит источник. Это высоко-высоко в горах. Умелые руки устроили такой канал, который сначала отвесно спадает с горы, а потом, придерживаемый бетонным барьером, направляется ниже и ниже по горам. Этот канал-поток бежит, петляя и спускаясь по горам, вниз в долину Иерихона и здесь наполняет землю и сады. Этот Иерихонский поток бежит как раз напротив монастыря, шумя и журча, беспрестанно и своим тихим водным разговором является как бы часами вечности, напоминающая нам о ней и располагая к молитве. От того, что постоянно бежит вода, здесь растет очень много зелени и деревьев, образуя оазис, а для души человеческой на удивление среди пустынных и серых гор — райский уголок, очень красивый и благодатный.

Сначала нам едва был виден монастырь, потом повороты гор пошли вниз, и мы стали спускаться (по сделанной дорожке) в ущелье. Чуть спустившись, мы увидели, что все отвесные скалы испещрены пещерами, где подвизались преподобные. То

⁴⁹ Святая Земля и Русская Духовная миссия в «дорожных записках» иеромонаха Маркиана (Попова) // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 224.

⁵⁰ Спутник паломника по святым местам. Париж, 1984. С. 59.

здесь, то там начертаны кресты — знак того, что подвижник здесь и умер. Зрелище это столь великое и величественное и расстояние и протяженность этих пещер так велика, что, наверное, здесь их почил не одна тысяча. Видно позднее была создана лавра-монастырь. Он прилепился на противоположных отвесных горах, к нему через поток сложен мост и ведет дорога. По дороге в монастырь я слзила в одну пещеру. Взобравшись в нее, я опять увидела внутри стену и наверху пещеру, над ней внутри скалы была еще одна пещера. Здесь подземные внутренние ходы между пещерами. Смотришь — над самым утесом пещерка и домик, а как туда попасть? Часть пути — стоит лесенка, еще часть висит веревка до нижней пещеры, а дальше подниматься надо подземными ходами.

Дошли до Иерихонского потока и умылись прохладной водой. Там даже рыбки плавают, и все вокруг цветет, благоухает и славит Господа. Мы пришли в монастырь и нас встречали здешние монахи. Среди греков есть несколько сербских монахов. Сербский язык очень похож на русский и поэтому мы легко понимали, что они нам говорят. Сначала нас повели в общую пещеру, где покоятся мощи (череп и кости) избиенных монахов. По окрестным местам было убито сарацинами (дикие племена) 1,5 тысячи монахов, по Афонскому уставу — лежат черепа и отдельно косточки. В этой пещере ими уложен весь пол. Мы молились и просили у святых мучеников помощи. В монастырском храме прикладывались к черепам преподобного Георгия Хозевита и святителя Иоанна. Так же в особых кивотах хранится много черепов из благоугодивших Богу братии, здесь подвизавшихся. Стоят целые ящики с костями убиенных от сарацин мучеников.

Но самое удивительное — это мощи о. Иоанна — угодника Божия наших дней. Когда я уезжала к Георгию Хозевиту, то одна старенькая матушка особо меня просила поклониться мощам о. Иоанна, потому что знала его еще живым и имела от него одно благодатное предсказание. По происхождению он румын и еще с двумя рабами Божиими из Румынии бежали от нового стиля. Это были убогие брат и сестра. Они поселились тоже где-то недалеко. Интересно, что о. Иоанн, узнав, что они бедствуют, оставил свою пещеру и затвор и возделал им сад и огород, чтобы было что им кушать, и снова ушел в пещеру. Бывал он и в монастыре, где его и видела старейшая наша матушка. Она о нем отзывается как о человеке редкого духа. «Это, — говорит, — был как Иоанн Креститель по жизни человек и необыкновенно скромный и кроткий. Непонятно, чем он жил и чем питался». Умер он в 1960-х годах. Через 27 лет еврейские солдаты (3 года назад) нашли его совершенно целым. Сохранились руки, лицо, борода, глаза, даже ресницы! Он лежал в той мантии, в которой подвизался и в тех же самых башмаках. Сейчас он лежит в церкви под стеклом, нам мощи открывали, я никогда ничего подобного не видела. Что называется: «изумевает ум», прямо столбенеешь перед такими чудесами Божиими. Я теперь часто вспоминаю об этой обители, и душа трепещет, радуется и желает монашеского жития. К сожалению, мы не успели сходить в пещеру о. Иоанна; может, Господь еще приведет там побывать.

Потом это то самое место, где над главной церковью находится пещера пророка Илии, где он скрывался и где его кормил ворон, принося хлеб. Потом это то самое место, куда в тоске и печали бежал богоотец Иоаким, когда был оскорблен в храме, и где он совершал пост и молился, и где ему явился ангел и сказал, чтобы он поспешил в Иерусалим к своей жене Анне. А в это время и она, утешенная ангелом, спешила навстречу мужу. Потом в этом самом Иерихонском потоке началась проповедь Иоанна Предтечи, и здесь он начал крестить в покаяние. Вот какое наслоение Ветхого и Нового Заветов хранит это место.

Мы молились по афонскому уставу всю ночь напролет без остановки. Такие службы, наверное, ушли в прошлое, но это такая радость молиться, исполняя пол-

ную службу. Даже синаксарий (житие) читали. (Лишний раз жалеешь, что не знаешь языка). Интересно, что после службы не хотелось спать, еще было темно, светили звезды и полная луна. Ум не вмещал, где я нахожусь. Во время службы в самые важные моменты зажигали большое паникадило со свечами и толкали, и оно во всю церковь начинало раскачиваться, так радостно. Это только в пустынных монастырях! Еще на «Хвалите» кадили особой кадильницей с колокольчиками (ручной) в такт мелодии, словом, было не до сна! Перед всенощной кормили на трапезе пустынно-нической едой — травой вареной, горькой, но очень вкусной, а после службы всем давали особые сладкие галушки из теста. Как жалко было уезжать оттуда, и как часто теперь мысленно туда возвращаешься⁵¹.

1985 г. Несколько лет назад (2 года) нашли мощи у обители преп. Георгия Хозевита, некоего отца Иоанна, румына по происхождению. Его живым помнит наша старейшая матушка. Он был принесен после 20-летнего лежания в пещере совершенно нетленным — руки, лицо, борода, Даже глаза открыты, в той же мантии, в тех же ботинках, что и ходил. Жил он в пещере и питался травой, много помогал людям и был великого кроткого духа человек. Мощи его лежат совершенно открытые под стеклом. И в самой обители есть ревностные и кроткие братья⁵².

<...> Мы задумали пройти по всему ущелью-потоку (от обители преп. Харитона) до монастыря преп. Георгия Хозевита, который находится над этим потоком. Нам представлялся путь недолгим, сначала мы часто отдыхали, но вот приблизился вечер, а монастырских крестов все еще не было видно. Ночевали мы у гостеприимной арабской семьи и лишь на следующее утро дошли до монастыря преп. Георгия. Что это был за путь!!! Невозможно описать строгой и величественной красоты тех мест. Как жалко, что в тот момент кончилась фото пленка.

Мы проходили дикими тропинками то по дну ущелья (источник течет так как ручей), то поднимаясь на горы, иногда шагали через пропасти, спускались по склонам с высокого места, но никто из нас за время пути (10 часов) ни уныл, ни показал усталый вид. Шли мы с такой радостью и бодростью, подшучивая над своими приключениями, что лишь потом удивились как смогли совершить такое путешествие, да еще с тяжелыми сумками (подарки в обитель и еда). Одна старенькая матушка сказала, что до полдороги нас провожал преп. Харитон, а с полдороги встречал преп. Георгий. Чувства подсказывали, что так это и было. Никто не споткнулся, не оступился в пути и все оказались терпеливыми и выносливыми. У преп. Георгия мы служили вечерню (батюшка серб о. Григорий) и наутро — утреню и литургию, и все причащались. Потом еще поднимались в пещеру, где подвизался преп. Иоанн Хозевит (епископ Кесарийский) и его последователи⁵³.

<...> На третий день от Крещения мы побывали в монастыре преп. Георгия Хозевита. Служба на этот раз еще более украсилась афонским звоном в ручное деревянное било. Дело в том, что в монастыре появился монах с Афона, и он сам устроил это било (выточил из доски) и троекратно звонил в него перед началом службы, обходя все этажи монастыря сверху донизу, пробуждая и призывая к молитве⁵⁴.

1987 г. Монастырь преп. Георгия Хозевита. Особенное чувство оставляют эти всенощные бдения, которые совершаются сейчас разве что на Афоне, да иногда вот в Палестине. Оставшееся монашество как дорогой жемчуг дарит их православному миру. В то время, когда весь мир погружен в сон, здесь идет тихое и радостное торже-

⁵¹ Наталия, инокиня. Русский Иерусалим. Письма русской инокини со Святой Земли (1983—1989 гг.). СПб., 1996. С. 76—79.

⁵² Там же. С. 111—112.

⁵³ Там же. С. 118.

⁵⁴ Там же. С. 125.

ство и моление. Оно не подобно древним молениям, есть лишь их слабый отголосок, но тем оно дороже нам — будто бы переносит нас в то далекое время к преподобным отцам. На этих службах чувствуется неперемнное присутствие преподобных, от того, видимо, эта радость на душе. Ничего так не люблю из празднеств, как эти пустынные всенощные бдения!⁵⁵

1988 г. Мы опять отправились через горы к пустынному монастырю преп. Георгия. Я всякий раз пишу, что жду этого праздника, как Пасху и Рождество, так люблю эту удивительную всенощную во всю ночь в пустынной обители. Очень радостно снова пережить эти впечатления древней пустынной службы с ручным биллом, чудным византийским пением и чтением, в особо торжественные моменты службы с раскачиванием паникадил и лампад, с каждением кадила и с торжественным колокольным звоном в диком ущелье под шум воды источника под звездным ночным небом, когда все люди спят, а здесь служба до самого утра! Очень трудно уходить из обители и прощаться с ней, много раз оглядываешься, пока горы совсем не скроют ее из вида и тогда далеко еще виден на вершине горы Крест, указывающий, что здесь монастырь⁵⁶.

1989 г. Мы посетили обитель преподобного Георгия Хозевита и молились за всенощным бдением. Со мной произошла удивительная и поучительная история. Когда начало темнеть, мы пошли вчетвером искупаться в источнике, что течет напротив монастыря на возвышенном месте самого преп. Харитона. Пока мы выбирали удобное укромное место и продвигались в какие-то кущи, я следовала за одной сестрой и уже решила спуститься с бортика источника на красивую зелень, опустила ногу..., сестра успела сказать: «Здесь...» и я полетела в какую-то бездну. Оказалось, что под кустами не было земли, а пропасть, конечно, не очень глубокая, но я несколько раз перекувырнулась то через голову, то через плечо, ударяясь то там, то там и, наконец, проехав по земле носом, остановилась. Встала — все цело, только на носу ссадина (это, чтобы его не задирать) — чудо! Так меня спас преп. Георгий Хозевит. Сестры все тоже удивились; чтобы слететь с такой кручи и ничего... Нос, правда, распух, но даже синяка не было, т. к. я прикладывала холодную медь⁵⁷.

Игумен Никон (Смирнов) (1994 г.): «Едем в монастырь преподобного Георгия Хозевита, который жил в VII веке. Первым известным святым там стал преподобный Иоанн Хозевит. В 614 году здесь проживало 14 тысяч монахов, персы их всех замучили. В Ветхом Завете сюда бежал пророк Илия. Сюда же ушел однажды для молитвы праведный Иоаким. Автобус кружится по горной дороге. Остановились у площадки, вышли из автобуса. Матушка Мария со смирением обычно просит у бабушек благословения. И сейчас, обращаясь ко мне, говорит: «Благословите нашу дорогу, чтобы ничего не случилось». После благословения идем минут 30. Потрясает природа. Это горы, горы, горы. Приближаемся к монастырю. Дорога извилистая. Монастырь выглядит как оазис среди безжизненных горных массивов. Внизу, под нами — высохшее русло, головокружительная высота.

Вошли внутрь обители. Прошли в пещеру, где спасался когда-то от нечестивых правителей пророк Илия. Здесь он пробыл три с половиной года, когда не было дождей, и наступил голод. Мы ставим свечи, поем тропарь пророку. В этой же пещере молился праведный Иоаким, терпевший поношения бесчадства «от соотечественников», и здесь ему явился, по преданию, Архангел Гавриил и известил о рождении Девы Марии. В пещере изображены св. пророк Илия и праведный Иоаким. Потом мы пошли в церковь Божией Матери. На своде над иконостасом написано крупны-

⁵⁵ Там же. С. 142.

⁵⁶ Там же. С. 173.

⁵⁷ Там же. С. 177.

ми славянскими буквами «Яко Бог наш», храм расписывали русские художники-монахи, которые паломниками приходили сюда и оставались в братии.

В храме имеются ковчеги со святыми мощами. Главы преподобных Иоанна Хозевита и Георгия Хозевита заключены в особом ковчеге, они очень чистые, светло-желтые, как свежий воск. Мы приложились к ним. Есть в чаше-мощевике частица от главы святого Иоанна Предтечи. Потом мы пошли в часовню, что рядом с храмом. Там усыпальница многих насельников монастыря, главы и косточки монахов, замученных персами в VII веке. Отдельно в гробнице из дерева под стеклом — мощи преподобного Иоанна-румына, который в 1930 году бежал из Румынии, когда там перешли на новый стиль. Здесь он подвизался отшельником и умер. Еврейские археологи обнаружили его останки в пещере, из которой шло благоухание. Сейчас его, облаченного в мантию, в епитрахили хорошо видно в гробнице лежащим. Два года назад Румынская Церковь его канонизировала.

В древности в монастырь вход для женщин был закрыт, но однажды женщина просила игумена пустить ее для исцеления от болезни. Игумен отказал. Тогда был глас Божией Матери к игумену пустить женщину, и она получила исцеление. С тех пор женщин стали пускать. Службы в монастыре идут с 8 вечера до 7 часов утра»⁵⁸.

Протоиерей Иоанн Грудницкий (1995 г.): «Идем пешком в ущелье, где расположен греческий монастырь преподобного Георгия Хозевита. Вокруг желтая мертвая пустыня и вдруг за одним из крутых поворотов все изменяется: мы видим ущелье, по дну которого течет небольшая речка Ель-Кельт, или Хорафа. На левой стороне ущелья, как ласточкино гнездо, расположен монастырь. В храме, помолившись и пропев тропарь и кондак преподобному Георгию Хозевиту, мы увидели и узнали много интересного. Трудные условия пустыни, удаленность от населенных пунктов — все это наложило отпечаток на уклад жизни в монастыре. Мы будто попали в VII век, когда здесь жил преподобный Георгий Хозевит. Здесь и теперь живут отшельники. Отшельники в конце XX века! В стенах ущелья находится много пещер, где они и подвизаются. Хлеб и воду им поднимают в плетеных корзинах (несколько корзин и сейчас висят на блоках). Если еда не берется в течение нескольких дней, пещеру закрывают камнем и начертывают крест. Сколько крестов видно на стенах ущелья!..

В одной из пещер этого монастыря жил пророк Илья, скрываясь от нечестивой Иезавели (3 Царств. XVII, 3). Нас провели в эту пещеру. Здесь же мы увидели и икону преподобного Серафима Саровского чудотворца, изображенного стоящим на камне. В Святой Земле преподобный Серафим очень почитаем. В другой пещере мы с благоговением касались мощей 40 тысяч мучеников, некогда пострадавших. А рядом мощи одного из неканонизированных монахов этого монастыря. Почти нашего современника, нетленные мощи!.. Потрясенные увиденным и пережитым, покидали мы уединенное ущелье, медленно поднимаясь в гору и возвращаясь снова в XX век...»⁵⁹

Начало 2000-х гг. Местный русский священник отец Димитрий поведал следующее:

— Недалеко от Иерусалима находится древнейший в мире действующий православный монастырь Георгия Хозевита, построенный в пятом веке. Он расположен в горах на старой дороге между Иерусалимом и Иерихоном. Наместником в нем был погибший иеромонах греческого происхождения Герман. Он был по натуре очень бодрым и деятельным человеком, много трудился для восстановления жизнедеятельности монастыря, будучи еще простым монахом. Ведь необходимо было добиться, чтобы в монастыре постоянно совершалась служба, приезжали, как когда-то, паломники.

⁵⁸ Никон (Смирнов), игумен. От Галилеи до Фиваиды. Изд-во «Паломник», 1995. С. 45—46.

⁵⁹ Грудницкий Иоанн, прот. Паломничество по Святой Земле в конце XX века. Брест, 1995. С. 100—101.

Прежде никто из священнослужителей долго не задерживался: условия жизни и службы были тяжелыми. Чего стоили только утомительные ежедневные поездки в монастырь! Дорога очень опасная, особенно в зимнее время, когда в Израиле идут дожди. Тогда даже опытные водители экскурсионных автобусов не решаются туда ездить, поэтому когда Германа рукоположили в иеромонахи, ни у кого не было возражений против назначения его наместником в этот монастырь.

Рассказывая об иеромонахе Германе, отец Димитрий много говорил о его личных качествах:

— Надо сказать, отец Герман был веселым человеком, точнее будет — человеком; преисполненным духовной радости и, несомненно, одним из самых лучших священников Иерусалимской патриархии. Господь забирает у нас лучших, — скорбно заметил священнослужитель. — Год назад умер от разрыва сердца архимандрит Анастасий — наместник Вифлеема. Ему было всего тридцать восемь лет. Он занимал видное положение в нашей церковной иерархии. По российскому светскому табелю о рангах оно, пожалуй, сопоставимо со званием полковника, находящегося на генеральской должности. А Герману — тридцать пять.

В те дни в русскоязычной газете «МИГ» появилось маленькое сообщение. В нем говорилось, что «по дороге из Иерусалима в Иерихон полицией была обнаружена поврежденная машина с израильскими номерами. Христианский священник, находившийся в ней, был забит насмерть камнями. Виновные не обнаружены, ведется расследование».

— Я не обладаю информацией, по какой дороге двигался Герман. Если он ехал к себе в монастырь из Иерусалима, — высказал свои предположения отец Димитрий, — а не из Иерихона, то там вдоль дороги находятся только еврейские поселения, там нет арабских деревень... Арабы — и христиане, и мусульмане — я это знаю и лично видел неоднократно во многих местах — постоянно приходят к христианским храмам и монастырям, продают немногочисленным сейчас туристам и паломникам различные церковные сувениры, изделия народного промысла, например хатум — платок такой, повязывается на голову, как у Ясира Арафата, — фрукты, воду.

— По опыту знаю, — продолжал отец Димитрий, — отец Герман наверняка поддерживал с местными жителями хорошие отношения. Он прекрасно говорил по-арабски, как и многие у нас в патриархии, я имею в виду греков. К тому же наши священнослужители зачастую живут среди арабского населения, поэтому просто невозможно представить, чтобы арабы убили православного пастыря. Здесь нет ни цели, ни смысла, ни логики. Зачем закидывать машину того, кто дает им возможность зарабатывать, кормит их семьи?

У нас на Святой Земле никто не помнит случая, чтобы арабы-мусульмане и тем более арабы-христиане убивали православного священника. У мусульман бывают другие искушения, но такого еще не было. Обижать священника здесь, на Святой Земле?! На протяжении веков мы всегда стремимся сохранять мир и добрососедские отношения с представителями других конфессий. Тем не менее я не могу делать выводы по данному случаю, пусть их делают следственная комиссия и соответствующие компетентные органы. Конечно, смерть православного священника для всех нас большая трагедия, но это еще и духовное утешение. Независимо от того, от чьей руки он погиб, несомненно, он принял мученическую кончину, когда выполнял свое служение. Ведь передвижение по дорогам — это необходимость. Значит, он погиб при исполнении своих обязанностей. Фактически является мучеником...⁶⁰

⁶⁰ Азаров Владимир. Прикосновение к святыням. Валаам. Палестина. М., 2004. С. 103–106.

Contents

Prose and Poetry

- Natalia Mikhailova.** It Burns. *Poem* • 3
Lev Naumov. Illusions. The Cart. The Restaurant. *Short stories* • 7
Bilan Dzugaev. Fiction. *Short story*. On the Shore. *Novella* • 22
Ivan Katkov. Summer Season. *Novella* • 42
Nikolay Vasilyev. Poems • 58
Vladislav Korneichuk. Childhood Bitters. Search Query „Pearl“. *Short stories* • 62
Pavel Kurmylev. One Fantasy. *Short story* • 102

Publicistic Writings

- Oleg Yermakov.** The Shore of the Dead – The Shore of the Living • 110
Alexander Rybin. Ninevite Christians • 121

Criticism and Essays

- Dmitry Kapustin.** Anton Chekhov: First Trip to Europe (*according to his own and his friends' testimonies*) • 158
Konstantin Frumkin. Plot and Fantasy: How the Soviet Science Fiction Story Was Arranged • 168

The Universe of Childhood

- Vera Kharchenko.** Stories about Words, or...? • 178

Petersburg Bookman

- Art of Reading.** *Oleg Alifanov.* More about the Riddles of „The Queen of Spades.“
New Impression. *Natalya Usanova.* Non-Formal Portraits. *Maria Skryagina.* Generation's Tags. **Reviews. The Faces and Voices of the Global World.** *Anastasia Rudavina.* The War Has No Nationality. *Anastasia Sopikova.* Gordian Knots. *Emilia Vasilyeva.* „The Golomyan Flame“: the Karelian Corner in Russian Literature. *Maxim Volkhin.* In the Wild Region of the Seaside. *Anastasia Pernikova.* To the South of the Myth. *Anna Lunina.* „Sawn Board“ from Siberia, or the Story of Zhenya Barkovets. *Anna Ryazanova.* Gonfaloniers of Globalization. **Book Island.** *Elena Zinovieva's Publication* • 187

Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** Palestinian Monasteries and Russia. *Part 3* • 231

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 26.12.2017. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 302
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии СтР
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28